В9(с)4
К89

КУЗНИЦА ПОБЕДЫ

Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны

Провепено 10 ГЕН 2004

1984

94г

КУЗНИЦА ПОБЕДЫ

ПОДВИГ ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

T

В9(с)4
К89

КУЗНИЦА ПОБЕДЫ

Очерки и воспоминания

Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны

Издательство
политической литературы
Москва
1974

9 (С) 27 279
К89

Кузница победы. Подвиг тыла в годы Великой Отеч. войны. Очерки и воспоминания. М., Политиздат, 1974.

К 89

431 с. с ил.

В этой книге читатель найдет правдивый рассказ о неповторимом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. О героических делах, самоотверженном труде людей, отдававших все свои силы и знания делу победы над немецко-фашистскими захватчиками, рассказывают участники и очевидцы тех исторических событий. Авторы книги — рабочие и инженеры, директора заводов и министры, Герои Социалистического Труда, секретари обкомов партии, депутаты Верховного Совета СССР, председатели колхозов, трактористки, конструкторы, летчики-испытатели, журналисты. Они живо доносят до читателя дыхание тех незабываемых лет.

Книга рассчитана на всех, кто интересуется героическим прошлым советского народа. Особенно полезной она будет для молодежи, воспитывающейся на лучших традициях старших поколений.

К $\frac{10604—115}{079(02)—74}$ 206—74

9(С)27 279

© ПОЛИТИЗДАТ, 1974 г.

**«Победа в войне —
это и победа тружеников
советского тыла...
Объединенные единой
волей, единым порывом,
рабочие, крестьяне
и интеллигенция,
мужчины и женщины,
коммунисты и комсомольцы,
воспитанные партией
и Советской властью,
оказались способными
совершить подвиг,
равного которому
еще не знала история».**

(50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС)

Составитель
И. М. ДАНИШЕВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние годы наша литература пополнилась значительным количеством книг о Великой Отечественной войне. Особенно много вышло книг, в которых отражены военные подвиги Советских Вооруженных Сил. Их авторы, прославленные полководцы Советской Армии, ярко, глубоко и убедительно рассказали о том, как в ходе войны наша страна и ее армия непрерывно наращивали военные усилия и в конце концов добились военного разгрома сильного и коварного врага.

В гораздо меньшей степени в литературе отражены героические дела советских людей в тылу, бесперебойно и во все возрастающих масштабах обеспечивавших фронт всем необходимым для победы над гитлеровской Германией и ее сателлитами. Однако составить себе полное и всестороннее представление о величии подвига, совершенного нашим народом в годы Великой Отечественной войны, невозможно, если упустить из виду то, что происходило в тылу — в цехах наших предприятий, на шахтах и рудниках, в научных институтах и на полях колхозов и совхозов, если не видеть живых людей того времени, отдававших свой самозабвенный труд, свое творчество, все свои силы, а нередко здоровье и саму жизнь за то, чтобы наша Родина выстояла в смертельном единоборстве с фашистскими

захватчиками. Советские люди в тылу сделали все, чтобы обеспечить Красную Армию всем необходимым для создания перелома в ходе войны, остановить вражеские полчища, затем изгнать их с залитой кровью, покрытой дымящимися развалинами нашей земли, принести освобождение от гитлеровской кабалы народам Европы. Военного поражения фашистских государств было бы невозможно достичь без самоотверженной работы тружеников городов и сел нашей страны, создававших оружие и снаряжение для воинов Красной Армии.

В какой-то мере опубликованные в этой книге очерки и воспоминания об организации усилий советского тыла в помощь фронту восполняют этот пробел. Не претендуя на показ всесторонней, полной и исчерпывающей картины того, как ковалась экономическая основа победы советского народа в годы Великой Отечественной войны, авторы воспоминаний рассказывают в ярких зарисовках о героических эпизодах из жизни и деятельности многих предприятий, отраслей народного хозяйства и отдельных лиц, массовом героизме советских людей.

Правдивый рассказ об этом неповторимом времени, о трудах и делах советских людей, о героическом подвиге народа ведут непосредственные участники событий тех лет. Рабочие и инженеры, директора заводов и министры, секретари обкомов партии и депутаты Верховного Совета СССР, председатели колхозов и трактористки, конструкторы и летчики-испытатели, профессора, журналисты и машинисты — люди разных профессий и из разных мест Советского Союза доносят до читателя яркий отблеск того необыкновенного времени.

Большая группа очерков освещает трудовые усилия работников нашей промышленности, изготовлявшей танки, самолеты, пушки, боеприпасы, производившей металл и топливо, машины и оборудование для выпуска военной продукции. Ряд статей рассказывает о тружениках сельского хозяйства, снабжавшего армию и население в тылу

продовольствием. В книге также помещены очерки, показывающие работу транспорта, сыгравшего большую роль в обеспечении фронта и тыла перевозками людей и грузов.

Одна только невиданная в истории эпопея перебазирования экономики из прифронтовых районов, когда за первые месяцы войны были подняты с места и перевезены далеко в тыл, на Восток страны, более 10 млн. советских людей и свыше 1,5 тыс. промышленных предприятий, проведенная при этом колоссальная организаторская работа партии по размаху и по своему значению для судеб нашей Родины, для итогов войны равны величайшим битвам второй мировой войны. Под дождем и ветром, в морозы и снежные бураны советские люди на новых местах устанавливали станки и оборудование и, не дожидаясь, пока будут возведены стены зданий, без промедления начинали трудиться. «Фронтовые бригады», «двухсотники», «тысячники», не зная отдыха, подчинялись лишь одному железному закону: «Все для фронта! Все для победы!» В очерках и воспоминаниях особенно тепло и выпукло обрисован вдохновенный и самоотверженный труд женщин и подростков, которые в сложных и тяжелых условиях военного времени не щадили ни сил, ни здоровья для своей Родины, заменив ушедших на фронт мужчин.

Мудростью Коммунистической партии, железной волей ее руководства огромная страна превратилась в единый, слаженный, действующий с максимальным напряжением и целеустремленностью организм. Партия мобилизовала все силы, все могущество страны для разгрома врага, для победы.

Воспоминания о героических делах времен Великой Отечественной войны, о самоотверженном труде, о подвигах советских людей, ковавших оружие победы, перекликаются с делами, творческими устремлениями советского человека наших дней. Они зовут на новые подвиги, на дерзновенное творчество, на смелое решение новых

хозяйственных и политических задач, какие ставит перед советским народом Коммунистическая партия, на борьбу за укрепление силы и могущества нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

Величие подвига народа, мудрость партии, неисчерпаемые возможности социалистического строя, обеспечившие историческую победу Советского Союза в Великой Отечественной войне, особо зримы становятся сейчас, спустя три десятилетия после победы.

* * *

Работа над этой книгой проходила при содействии Военно-научного общества ЦДСА им. М. В. Фрунзе, Военно-исторического общества Центрального музея Советских Вооруженных Сил, членов Историко-литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В подготовке настоящего издания принимали участие: Д. Г. Косов, Л. С. Дулькин, Н. П. Коробочкин, Р. А. Меньшиков, Г. М. Миронов, В. А. Мякушков, М. А. Урес.

И. Данишевский

Б. Н. Черноусов

ПОДВИГ МОСКВЫ

ЧЕРНОУСОВ Борис Николаевич. Родился в 1908 г. Член КПСС с 1929 г. Секретарь МК ВКП(б) (1938—1948 гг.), позднее Председатель Совета Министров РСФСР, член Оргбюро ЦК ВКП(б). Ныне советник представительства СССР в СЭВ.

Грянула война. Гитлеровские полчища рванулись на нашу землю, сея смерть и разрушение. Немецко-фашистские захватчики несли угрозу гибели всему, что завоевано, создано творческим трудом народов первого в мире социалистического государства. Страна перестроилась для отпора врагу. Основным в нашей жизни стал закон: «Все для фронта! Все для победы!» Для Родины наступили дни великого испытания. Народ поднялся на смертный бой.

Война не застала Москву врасплох. Еще задолго до ее начала заводы и фабрики Москвы осваивали выпуск многих видов вооружения и боеприпасов, имели свои мобилизационные и оборонные планы. Нам, партийным работникам, нередко приходилось вместе с военачальниками и руководителями наркоматов присутствовать на полигонах, где испытывалась новая боевая техника. Предприятия

вели усиленную подготовку своих цехов к выпуску оборонной продукции. По решению правительства был осуществлен переход на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю, запрещен самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Предвоенная обстановка продиктовала и необходимость создания системы трудовых резервов. За короткий срок в Москве и области было организовано и в 1940 г. уже функционировало 129 ремесленных училищ и 29 школ фабрично-заводского обучения, в которых обучалось 77 тыс. учащихся. Для предприятий автомобильной, авиационной, станкостроительной промышленности, оснащенных лучшим для того времени оборудованием, это был солидный отряд будущих квалифицированных рабочих.

Важным источником новых технических усовершенствований стали научно-исследовательские институты, опытно-конструкторские бюро Туполева, Ильюшина, Яковлева, Шпагина, Грабина, Микояна.

В этой обстановке предприятия Москвы в первые дни войны получили возможность быстро и оперативно перейти на выпуск вооружения и боеприпасов.

Уже к осени 1941 г. для нужд фронта работали около 2 тыс. московских предприятий. На них развернулось производство самолетов, танков, пулеметов, снарядов. В номенклатуре Московского автомобильного завода в сентябре, то есть через два месяца после начала войны, чисто военные виды продукции составили более 40%. Перестройка других крупных предприятий на производство вооружения заняла три-четыре недели. Разумеется, это потребовало огромного напряжения сил хозяйственных и партийных организаций.

В условиях, когда часть территории страны была оккупирована врагом или охвачена военными действиями, когда нарушились хозяйственные связи, требовалось осуществить сложнейшую организационно-техническую перестройку, установить новую кооперацию предприятий, целых отраслей промышленности. Возникло много чисто технических задач, по-новому встали вопросы снабжения заводов сырьем, топливом, электроэнергией. Обстановка заставила перевести ряд предприятий на работу в ночную смену.

В Московском областном и городском комитетах партии был установлен ежедневный контроль за продвижением

поездов с топливом для электростанций. В Москве не хватало рабочих рук. Рабочие после трудового дня шли на разгрузку эшелонов. Чтобы заменить ушедших на фронт мужчин, на предприятия приходили ремесленники, служащие, домашние хозяйки, студенты, учащиеся средних школ. За короткое время они осваивали профессии, включались в напряженную работу цехов.

Изменился характер работы и райкомов, первичных партийных организаций. Они превратились в боевые штабы прифронтового города. В партийных комитетах сосредоточивалась вся информация о выполнении заданий ГКО, принимались меры по обеспечению предприятий материалами, оборудованием, рабочей силой. В аппарате МК и МГК партии были разукрупнены отделы, созданы новые. На крупных предприятиях стали работать парторги ЦК, Московского областного и городского комитетов партии.

В связи с уходом на фронт на 70% изменился состав секретарей первичных партийных организаций. Помимо своих основных обязанностей они возглавили работу по обучению рабочих и служащих военным специальностям: овладению винтовкой, пистолетом, пулеметом, средствами ПВО.

Именно этим можно объяснить высокую организованность и эффективность действий при обезвреживании вражеских зажигательных бомб, тушении пожаров. Под руководством парткомов на многих предприятиях в нерабочее время организовывался ремонт выведенной из строя боевой техники. Такие заводы получали дополнительное оборудование, сырье, обеспечивались опытными рабочими и инженерами. Осуществлялась огромная работа по укреплению обороны Москвы.

Уже в июле МК и МГК партии мобилизовали 52 тыс. коммунистов и комсомольцев на строительство оборонительных рубежей в районах Смоленска, Вязьмы, Брянска. Все шире привлекалось население на борьбу с последствиями налетов вражеской авиации. Повысилась бдительность при охране заводов, военных объектов, домов.

Запомнился первый налет фашистских самолетов на Москву в июле 1941 г. Рабочие, служащие, домохозяйки сохраняли самообладание и стойкость при тушении пожаров, обезвреживании бомб.

В одну из ночей фашисты сбросили бомбы на крупные заводы, но ни один из них не вышел из строя. Попала «за-

жигалка» и на элеватор, где хранилось зерно. Люди тушили пожар под бомбежкой. От высокой температуры у многих загоралась одежда, и все-таки пожар был ликвидирован, а зерно спасено.

Наступили для столицы трудные дни. К тому времени парторганизация Москвы и области насчитывала чуть больше 96 тыс. человек. Коммунисты, все трудящиеся ответили на призыв ГКО, МК и МГК новым подъемом трудового героизма, решимостью во что бы то ни стало отстоять Москву. Рабочие и работницы, юноши и девушки совмещали труд на производстве с работой по укреплению обороны города.

Москва приняла суровый облик города-воина. 20 октября 1941 г. было введено осадное положение. На главных магистралях громоздились сваренные из железнодорожных рельсов противотанковые ежи, на перекрестках улиц строились бетонные доты. По ночам слышались сухие залпы установленных на крышах зениток, лучи прожекторов вспыхивали то тут, то там. Трудящиеся Москвы и области готовились грудью отстоять советскую столицу. Все было приведено в боевую готовность.

На какое-то время, особенно в период октября — ноября, когда наркоматы находились в других районах страны, Московский областной и городской комитеты партии взяли на себя функции хозяйственного управления заводами и фабриками.

Я помню, как в отраслевых отделах заведующие вместе с директорами, главными инженерами предприятий с чертежами, технологическими картами готовили расчеты производственных операций для возможно быстрого выпуска минометов, снарядов, авиационных бомб, стрелкового оружия и других видов вооружения. В тот напряженный период коллективы автомобильного завода и счетно-пишущих машин за предельно сжатые сроки освоили выпуск пистолетов-пулеметов (ППШ). Ровно месяц потребовался для производства их первой крупной партии, которая тут же была отправлена воинам Западного фронта. Насколько остро нуждались войска в этом оружии, свидетельствует такой факт.

Когда немецко-фашистские войска подошли к Кашире и возникла угроза захвата этого района, командующий войсками, оборонявшими Каширу, на вопрос И. В. Сталина, чем помочь, ответил:

— Пришлите хоть несколько десятков ППШ.

Пленум МК и МГК партии, состоявшийся в ноябре 1941 г., принял решение: организовать на московских заводах массовое производство этого вида оружия.

Решение это стало боевой программой для рабочих, инженерно-технических работников 106 предприятий Москвы и области. Хорошо продуманная кооперация, четкое техническое руководство, массовый трудовой героизм рабочих позволили увеличить выпуск ППШ с 400 штук в ноябре 1941 г. до 20 тыс. штук в декабре. Всего же за годы войны московская промышленность дала фронту более 3,5 млн. автоматов, 72 тыс. минометов, 4 тыс. реактивных установок, 34 млн. снарядов, бомб, мин и многое другое.

Осенью 1941 г. ГКО принял решение об эвакуации на Восток страны промышленных предприятий, учреждений и населения столицы. Московская партийная организация провела огромную организационную работу по осуществлению этой операции. Масштабы ее были беспрецедентны. Не более чем за 4 месяца в восточные районы удалось отправить почти 500 крупнейших предприятий. Вместе с ними уехало 28 тыс. коммунистов и несколько десятков тысяч беспартийных квалифицированных рабочих, инженеров, техников. Всего из столицы эвакуировалось свыше 1,5 млн. человек.

Огромная работа по эвакуации легла на плечи железнодорожников. Они почти ежесуточно отправляли до 80 поездов. За три месяца ушло на восток 215 тыс. вагонов с оборудованием.

В Нижнем Тагиле, Златоусте, Магнитогорске, Кировограде, Перми, Березниках, Челябинске, Томске, Новосибирске, Кемерово, Тюмени и других городах Сибири и Урала на базе эвакуированных из Москвы заводов в предельно короткие сроки налаживалось производство военной техники. Здесь получили развитие новые отрасли промышленности, укрепившие индустриальную базу страны.

В результате эвакуации предприятий в Москве и Подмосковье сократилась материально-техническая база военного производства. К тому же к ноябрю 1941 г. около 40% территории Московской области оказалось оккупированной противником. Но и в этих весьма трудных условиях снабжение фронта боеприпасами, снаряжением и продовольствием не уменьшилось. Были взяты на учет считавшиеся непригодными станки, инструменты. Таких станков

набралось не менее 25 тыс. После проведенного ремонта они все вступили в строй. С их помощью уже в ноябре предприятия стали производить минометы и другие новые типы оружия.

Коллектив завода «Компрессор» первым освоил производство реактивных установок «М-13», любовно названных «катюшами». Завод «Электросталь», возглавляемый талантливым организатором М. Корешковым, именем которого теперь названа одна из улиц города, систематически перевыполнял задания по выпуску необходимой для оружия высококачественной стали.

В историю Великой Отечественной войны вошли также имена директора завода «Серп и молот» Г. Ильина, талантливого руководителя автомобильного завода И. Лихачева, начальника Каширской ГРЭС М. Тараканова, директоров Орехово-Зуевского хлопчатобумажного комбината К. Молоткова, электролампового завода Г. Цветкова, завода им. Владимира Ильича В. Базарова, завода «Компрессор» И. Дороженкина. Это усилиями руководимых ими коллективов выпускались новые и ремонтировались поврежденные в сражениях танки, производились боеприпасы, пулеметы, минометы, обеспечивались обмундированием воины.

Только за первую половину декабря с их ремонтных баз вышло 1,5 тыс. танков и бронемашин. Рабочие и инженерно-технические работники создали и подвижные ремонтные мастерские во вторых эшелонах фронтов. В короткий срок силами Коломенского завода в депо на станции Голутвин был построен бронепоезд «Коломенский рабочий». Почин коломенцев был тут же подхвачен тружениками Московского железнодорожного узла: 24 бронепоезда, 6 поездов-бань, 2 вагона-пекарни, 38 санитарных поездов изготовили они и отправили на фронт.

Я вспоминаю поездку с И. Папаниным на Коломенский паровозостроительный завод, многотысячный митинг по случаю отправления в действующую часть первого бронепоезда, укомплектованного своими же рабочими. Таких фактов было много. Каждое предприятие считало своим святым долгом сделать для нужд фронта что-нибудь свое, сверх полученного задания. Трудовой накал не имел предела. Резервы открывались там, где, казалось, их не могло быть. Защита Отечества стала кровным делом каждого советского человека, каждого производственного кол-

лектива. Только при этом стало возможным за первый год войны отправить армиям, защищавшим столицу, тысячи самолетов, около десяти тысяч тягачей, миллионы автоматов и винтовок. Люди трудились самоотверженно, проявляя чудеса находчивости и смекалки. Они собирали металлолом, восстанавливали износившиеся инструменты, изготовляли новую оснастку, совершенствовали технологию, повышали боевые качества изделий. Но и этого было мало. Трудовая Москва готовилась к решающему штурму вражеских позиций. Москвичи учились бросать бутылки с горючей смесью, устраивали лесные завалы, осваивали боевое оружие. Родина высоко оценила их ратный подвиг. Сотни тружеников были тогда отмечены наградами.

Токарю завода «Красный пролетарий» С. Смирнову было присуждено звание лауреата Государственной премии, знатный сталевар Люблинского литейно-механического завода А. Звездин был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Велик вклад в оборону Москвы и ученых столицы. Уже на второй день войны на экстренном заседании президиума Академии наук СССР академики П. Капица, А. Колмогоров, Г. Кржижановский, В. Образцов и др. обратились с призывом к советским ученым максимально приблизить науку к нуждам обороны страны. На этот призыв горячо откликнулись ученые, конструкторы, преподаватели высших учебных заведений. Самые сложные задания по совершенствованию военной техники выполнялись ими быстро и эффективно. С их помощью проектировались специальные станки для обработки деталей самолетов, танков. Коллектив научных работников Московского государственного университета закончил, например, в первой половине 1943 г. 48 научных работ, связанных с производством вооружения и боеприпасов. Существенными были научные разработки институтов АН СССР.

Помню частые поездки на Подольский завод швейных машин, которому был поручен выпуск различной военной техники. Завод на ходу перестраивал свою технологию, осваивал новые операции. Благодаря техническому мастерству рабочих станки оснащались новыми приспособлениями. В одну из ночей завод подвергся жестокой бомбардировке гитлеровской авиацией.

Нельзя забыть то огромное напряжение и, я бы сказал, ожесточение, с каким рабочие восстанавливали разрушен-

ные цехи. Все жили одной мыслью, одной заботой: дать поскорее нужное войскам оружие и тем сдержать натиск врага.

Самоотверженность для тружеников Подмосковья стала нормой жизни и труда.

В конце ноября 1941 г., в самый критический период обороны Москвы, в подземном вестибюле станции метро «Маяковская» мы созвали руководителей районных комитетов партии и исполкомов области. Обсуждался один вопрос: создание в непосредственной близости от Москвы лесных завалов и минирование их.

Буквально через сутки на участках, занимавших свыше 38 тыс. *га*, развернулась трудовая вахта москвичей, главным образом женщин. Не хватало специальной одежды, пищи, нужных инструментов, но работа шла успешно. Завалы стали мощной преградой на пути гитлеровских полчищ. Не случайно на собраниях, где нам теперь приходится выступать с воспоминаниями о тех днях, неизменно вносятся предложения поставить на одной из площадей Москвы памятник советским женщинам.

К концу 1941 г. в Москве и области сложилось крайне тяжелое положение с топливом. Столица была полностью отрезана от Донбасса и Мосбасса. Запасы угля на электростанциях, железных дорогах и предприятиях резко сократились. Возникла угроза топливного голода. И тогда было принято решение о форсировании заготовки дров.

Десятки тысяч людей, главным образом женщины, отправились в районы Московской области. В лесах наряду с заготовкой топлива строились временные железнодорожные ветки. В плохой, продуваемой холодным ветром одежонке, без валенок, без достаточного питания, не приспособленные к валке леса, женщины не падали духом, превозмогая усталость, невзгоды быта, они из последних сил справлялись с заданиями. Более 40 млн. *куб. м* дров получила столица. Добыла их стотысячная армия москвичей и москвичек.

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой в декабре 1941 г. наступил новый этап в деятельности партийной организации столицы.

Встала задача в возможно короткие сроки реэвакуировать и восстановить крупнейшие предприятия и наладить на них выпуск военной техники. Решать эту задачу приходилось в труднейших условиях нехватки рабочей силы и

оборудования, металла и сырья, топлива и электроэнергии.

МК и МГК ВКП(б) разработали ряд мер по восстановлению промышленности и транспорта. Так как большая часть вывезенного при эвакуации оборудования оставалась на Востоке, Москве предстояло в значительной степени создавать заводы заново.

Выполнение этой задачи можно с полным правом считать одной из славных страниц героической деятельности коммунистов и всех тружеников Москвы и Подмосковья военных лет.

В апреле 1942 г., например, ГКО принял постановление о реэвакуации завода «Серп и молот», выпускавшего стальной прокат. Ровно через месяц этот завод уже дал первый металл, а к концу года почти достиг довоенной мощности. То же произошло с Московским автомобильным заводом. В июне 1942 г. с его конвейера сошли первые автомашины. И это в условиях, когда завод в четыре раза увеличил выпуск вооружения и боеприпасов. Весной того же года вошли в строй подшипниковый, инструментальный заводы, «Электросталь», им. Орджоникидзе и другие.

Автомобили, генераторы, станочные агрегаты, паровозы, запасные части к ним снова заняли свое место в номенклатуре выпускаемой в столице промышленной продукции.

Конечно, далось это невероятно трудно.

Глубоко врезалось в память начало 1942 г. Западные районы области были только что освобождены от гитлеровских войск. За какие-то 3—4 месяца оккупации фашисты уничтожили и разрушили более 2 тыс. сел и городов, сожгли 47 246 домов колхозников, свыше 12 тыс. городских зданий. Разрушенными оказались все промышленные предприятия, были выведены из строя шахты Подмосковного угольного бассейна. На плечи партийных и советских организаций легла чрезвычайно трудная задача в возможно короткий срок восстановить хозяйство, минимально наладить быт людей, использовать все оставшиеся ресурсы для помощи фронту.

Наступала весна. Не было семян, лошадей, тракторов. Колхозники решили в качестве тягловой силы использовать коров, семенной картофель заменить вырезанными из него глазками.

51171

На помощь селу пришли рабочие столицы. Был организован сбор одежды и обуви. 650 тыс. посильных вещей было отправлено в пострадавшие районы. Предприятия организовывали техническую помощь МТС по ремонту сельскохозяйственных машин. В то исключительно тяжелое время весенний сев был проведен успешно, а предприятия развертывали работу для нужд фронта.

Остались позади трудные месяцы. Москва после разгрома гитлеровцев в декабре 1941 г. набирала силы. Вся страна почувствовала это, почувствовала по той помощи, какую Москва стала оказывать другим городам и районам. Это была подлинно братская помощь москвичей. Ни одна просьба не оставалась без удовлетворения. Все знали, что Москва была и остается самым крупным индустриальным центром страны, что на ее предприятиях достигнута высокая производительность труда, что, располагая мощным станочным парком, она является самым значительным промышленным арсеналом фронта. Уже в мае 1942 г. в столице трудилось около 600 тыс. рабочих. Через два года ее промышленная продукция (включая объем военной техники) перешагнула уровень 1940 г.

Москвичи, достойно выполнив свой долг перед Родиной, доказали, что они являются хранителями и продолжателями великих революционных традиций советского народа, преданными сынами своего социалистического Отечества. Подвиг столицы Советского Союза увенчан высокой наградой Родины. Наша столица — город-герой.

П. Ф. Тараничев

РУБЕЖИ КРАСНОПРОЛЕТАРЦЕВ

ТАРАНИЧЕВ Петр Федорович. Родился в 1905 г. Член КПСС с 1930 г. Бывший директор завода «Красный пролетарий». Ныне член коллегии Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР.

В памятное воскресенье 22 июня 1941 г. я мчался на завод. Несколько минут назад раздался звонок секретаря райкома партии:

— Гитлер напал на нашу страну. Война.

Несмотря на выходной день, здесь уж начинали собираться рабочие. Вскоре двор завода заполнился людьми. Затаив дыхание, краснопролетарцы слушали радио.

Начался митинг. Гнев, решимость, не считаясь ни с чем, бороться до полной победы звучали в речах старых и молодых рабочих. В первые же дни войны ушли на фронт солдатами и командирами 846 работников предприятия. В начале июля началось формирование отрядов ополчения, в которые добровольно вступили 283 человека. Хотя число рабочих и специалистов значительно уменьшилось, коллектив делал все, чтобы не допустить невыполнения производ-

ственных планов. Не считаясь со временем, не щадя своих сил, краснопролетарцы старались заменить ушедших на фронт товарищей. Партийная, профсоюзная, комсомольская организации, администрация делали все, чтобы новое пополнение рабочих из числа пришедших на завод подростков и домохозяек как можно быстрее овладело необходимыми навыками.

И вот первый заказ для фронта. Это, помнится, были ручные гранаты, прозванные фронтовиками «карманной артиллерией». Для их массового производства нашим технологам пришлось как следует потрудиться. Через 8—10 дней технология их производства была разработана. Правда, она имела тот недостаток, что была рассчитана на штамповку деталей, а нужного оборудования на заводе не было. Выручила соседняя фабрика местной промышленности, которая поделилась с нами прессами. В скором времени несколько сот тысяч гранат было отправлено на фронт.

Не успели освоить гранаты, как пришло новое задание: «ровсы». Так мы называли реактивные снаряды со стабилизатором. Их мы тоже стали готовить на потоке. Технология была разработана в считанные дни. Все работы сосредоточились в восьмом цехе. Туда же я перевел свой кабинет. Тем самым я хотел подчеркнуть: в данный момент на заводе важнее цеха нет, и, значит, его заказы следует выполнять в первую очередь. Этот цех бесперебойно работал и после эвакуации предприятия на Урал.

На производстве «ровсов», как и гранат, были заняты в основном подростки и женщины. Их подвиг на трудовом фронте является и впрямь героическим. До сих пор не перестаю удивляться одаренности ребят и девушек, схватывавших на лету указания старших товарищей.

Но вот пришел заказ, который даже для такого зрелого коллектива, как наш, оказался «крепким орешком». Нам поручили изготовление направляющих для вскоре ставших знаменитыми «катюш». Это были двутавровые балки, которые надо было обрабатывать на продольно-строгальных станках. Их изготовление имело свои секреты и трудности. Главная из них — длина направляющих и необходимость по всей длине соблюдать исключительную точность обработки.

И снова на подлинно боевую вахту вступили конструкторы, технологи, руководители цехов, мастера, кадровые

рабочие. Потребовалось всего несколько дней, чтобы была разработана технология, изготовлена оснастка, установлены станки. И вот уже двинулись на фронт направляющие для «катюш». Если бы на каждом снаряде, несшем гибель врагам, можно было написать имена его творцов, то наряду с изобретателями «катюш» достойное место заняли бы краснопролетарцы: инженеры Щукарев, Ростовцев, Болотин, Мирский, Бомштейн, Белоусов, мастера Найденов, Уткин, Каюков, Соловьев, Щербаков, строгальщики Кочетков и Сычев, фрезеровщик Карпихин, слесарь Игнатьев, начальник цеха Губаренко.

Менялась продукция «Красного пролетария». Изменился и облик завода. Уже в первый день войны в Москве было введено затемнение. Стеклянные крыши-фонари замазали черной краской, на рабочих местах стало темней, в цехах душно. Готовились бомбоубежища, проводились усиленные занятия работников завода по противовоздушной обороне, заработали курсы медсестер и сандружинниц.

22 июля начались налеты вражеских самолетов на Москву, частыми стали воздушные тревоги. Вначале всех людей выводили в бомбоубежища, но вскоре рабочие отказались от этого и продолжали работать под вой сирен. Только дежурные МПВО круглые сутки, и особенно по ночам, зорко следили за небом, быстро расправлялись с «зажигалками», которые сбрасывали фашистские стервятники.

Вскоре стали приходить новые заказы: поврежденную боевую технику, сопровождаемую военными, требовалось как можно скорее привести в боевую готовность.

Еще в первые месяцы войны по решению ГКО многие предприятия из прифронтовых и угрожаемых районов были перебазированы на Восток. В тревожные октябрьские дни, когда враг рвался к Москве, настала очередь и «Красного пролетария». Заводу приказано было эвакуироваться, оставив на месте лишь освоенное производство военной продукции.

Эвакуация! Трудное это дело, и прежде всего в техническом отношении. Тяжело было и психологически. Десятки лет люди работали на заводе, создавали его, сжились, как с родным домом; с каждым станком и верстаком, словно с живыми существами, их связывали воспоминания, привычки... Рвать с этим сразу нелегко.

Мне думалось, что я должен остаться тут, на заводе, где развертывалось производство военной продукции, которое, несомненно, будет возрастать. Я обращался в соответствующие инстанции с просьбой оставить меня в Москве и всюду получал категорическое предписание выехать на Урал. Впрочем, это было правильно: руководитель предприятия должен быть там, где будет основной коллектив, где развернется основное производство.

Подготовка к эвакуации велась напряженно, но организованно. Демонтировалось и грузилось в вагоны оборудование, материалы, задел. Особенно бережно упаковывались наиболее ценные станки и «незавершенка» специальных станков. И эта мера была исключительно дальновидной. Ведь во время эвакуации не обойтись без разукомплектования оборонных заводов. Кто, как не мы, должен восполнить брешь?

В это время «Красному пролетарию» и его людям предстояло двинуться на восток. Было получено распоряжение выдать рабочим двухмесячную зарплату. К сожалению, мы не успели этого сделать. Поезд, который вез деньги в Москву (Гознак уже давно был эвакуирован), разбомбили по дороге. Выдача денег задерживалась. Этим и воспользовались провокаторы...

В мою конторку в восьмом цехе прибежал бледный как полотно человек.

— Там, на заставе, какие-то сволочи кричат: «Тарапичев всю нашу зарплату захватил и удрал...»

Через несколько минут я уже был на заставе. Я спокойно пояснил, почему задержана выдача зарплаты.

Кинулись искать провокаторов. Их, конечно, и след простыл. А через несколько дней их поймали за той же «работой» в другом месте Москвы. Военный трибунал воздал им по заслугам.

18 октября отправился первый эшелон, а к концу месяца — последний.

Обхожу опустевшие цехи. Первый механический, сборочный — гордость завода. Они выросли в недавние еще годы пятилеток — светлые красавцы-корпуса вместо низких, дымных и темных бромлеевских. Это здесь рождались знаменитые «ДИПы» и их еще более знаменитые и совершенные потомки. Как раз к началу 1941 г. завод сконструировал 31 новый станок, и среди них были те, которые заставили побывавших на «Красном пролетарии» немец-

ких промышленников разводить руками... Всегда полные жизни, движения, машинного гула, такого приятного слуху заводского человека, цехи теперь стояли пустынные, осиротевшие, молчаливые. Тяжело было на душе. И тут я почувствовал, что чья-то рука дружески легла на мое плечо. Я обернулся — отец! Погруженный в свои думы, я раньше его и не заметил. А он, кузнец завода им. Калинина, воспитавший большую рабочую семью, узнав об эвакуации, пришел, чтобы попрощаться.

— Что, Петр, тяжело? — спросил он.

— Нелегко, батя,— ответил я,— сам знаешь, полжизни тут прошло, каждый винтик родным кажется.

— Помяни мое слово, скоро вернешься,— сказал отец на прощание, обнимая меня.— В добрый путь!

Слова отца оказались пророческими. Завод действительно через несколько месяцев вернулся в Москву.

4 ноября я выехал в Челябинск.

Уральцы нас встретили тепло. Партийные и советские организации, дирекция Челябинского тракторного завода обеспечили нас жильем.

Оборудование было выгружено на территории Челябинского тракторного завода, который в те годы справедливо называли «Танкоградом». Корпус номер три, в котором нам предстояло расположить оборудование, а его было немало — тысяча единиц, еще не был готов. В те горячие дни решалась судьба «Красного пролетария» как самостоятельного предприятия. По правительственному решению краснопролетарцы должны были помочь челябинскому заводу в выпуске танков. Но помочь можно было по-разному: либо в качестве самостоятельного завода, либо в качестве придатка к большому предприятию. Кое-кто склонен был использовать наше оборудование для того, чтобы расширить «узкие места» челябинского завода. Но это означало бы потерю значительной части специальных станков и даже целых технологических линий.

Против этого пришлось крепко бороться. Помогло вмешательство тогдашнего секретаря Челябинского обкома партии (ныне министра внешней торговли СССР) Н. С. Патоличева. Сохранив самостоятельность завода, мы разместились в двух пролетах корпуса номер три и приступили к освоению важного узла будущего танка — коробки скоростей. Через месяц наши коробки стояли на танках. Это была настоящая победа.

Непросто за считанные недели на новом месте организовать производство довольно сложного и точного механизма, каким является коробка скоростей; находясь в неизмеримо лучших условиях, специализированные предприятия тратили на это куда больше времени. В этой связи я хочу, помимо наших инженеров и мастеров, о которых я уже говорил, назвать имена лучших токарей, таких, как Н. Смирнов, С. Павлов, В. Агафонов и многие другие. Люди показали, на что способны краснопролетарцы. Несмотря на то что и работать приходилось в промерзших помещениях, и одежда была не той, которая нужна для таких холодов, и паек скудноват, наши коробки шли бесперебойно в цех сборки.

Наряду со своей непосредственной работой краснопролетарцы по просьбе партийных организаций помогли местным предприятиям освоить производство деталей для «катюш». Эта работа была отмечена благодарностью командования Красной Армии.

В декабре 1941 г. радостная весть о разгроме немцев под Москвой облетела страну. И хотя впереди были еще годы тяжелейшей войны, в сердцах людей окончательно окрепла уверенность, что наглый враг будет разбит. С этих декабрьских дней Москва и родной завод стали ближе, будто их от нас уже не отделяли тысячи километров. Припоминается характерный случай. Как-то в нашем корпусе подходит ко мне старый строгальщик-краснопролетарец и, показывая на свой станок, с этакой лукавинкой говорит:

— Смотри, Петр Федорович, станок в Москву просится.

И верно. В целях скорейшего пуска оборудования и с учетом того, что краснопролетарцы размещены здесь временно, до готовности намеченного для них цеха, станки устанавливали без закрепления на специальном фундаменте, что в некоторых случаях применялось и в мирное время. И вот незакрепленный строгальный станок словно тронулся со своего места в сторону ворот: «проснулся в Москву».

Поворот в ходе войны для нас, эвакуированных, помимо всего прочего, выразился в начавшемся возвращении в Москву государственных предприятий и учреждений. Настал срок и «Красного пролетария». Правда, мы сразу не могли сняться с места. Налаженное нами производство должно было продолжаться. А для этого надо было подго-

товить несколько сот местных рабочих. Но тут выявились дополнительные трудности.

Руководствуясь решениями о реэвакуации «Красного пролетария», мы имели право вывезти в Москву оборудование, которое не нужно танкостроителям. Но известно, что в таких случаях очень трудно объективно определить, какой станок нужен и какой — нет. Одно могу сказать: мы, краснопролетарцы, добивались возвращения тех станков, которые не нужны были для производства танков. Для выпуска же станков они незаменимы. Конечно, не обошлось без горячей полемики с руководством челябинского завода. Все же нам удалось договориться на месте. Мы оставили токарные станки своего производства.

Началась подготовка рабочих. Это делалось силами наших высококвалифицированных работников, готовивших новых рабочих из числа питомцев челябинских ремесленных училищ. Немалую роль в успехе дела сыграло и то обстоятельство, что каждый краснопролетарец знал: уедет только тот, кто подготовит достойную замену.

В конце февраля 1942 г. первый эшелон с реэвакуированными краснопролетарцами двинулся в Москву, а их место у станков заняли 600 юных рабочих. Чтобы наш отъезд не сказался болезненно на делах производства, было решено еще на полгода оставить в Челябинске 50 высококвалифицированных краснопролетарцев.

Как при эвакуации, так и при возвращении завода последним уезжает руководитель. 23 марта я вышел из самолета на московском аэродроме и сразу же направился на завод.

Нужно ли говорить, как радовала встреча с родным, хоть и опустевшим, заводом, какой волнующей была встреча с теми, кто тут оставался. Оказывается, они не только выполняли заказы для фронта, освоенные еще перед эвакуацией, но и продолжали в какой-то мере выпуск станков. Остававшийся на заводе коллектив делал все, что мог, в этом направлении, но его возможности, конечно, были весьма невелики. Тем более что на его плечи легли и новые задачи: в цехах ремонтировали танки, продолжали выпускать «ровсы».

Сразу же после приезда включились в дело. Кое-что пришлось менять. Конечно, оставшимся не всегда на ходу удавалось налаживать производство по всем технологическим правилам: все делалось наскоро и, естественно,

носило отпечаток спешки. Так, например, тяжелые 16-килограммовые мины для оснастки их стабилизаторами таскали на второй этаж. Пришлось тут же перестроить технологический процесс. Сразу облегчился труд, резко возросла его производительность.

Началась установка оборудования. Все цехи уже в начале мая зажили полнокровной жизнью. Я почувствовал это утром, когда спустился в цех. Узнал по присущей только машиностроительному предприятию симфонии звуков, радостнее которой, по-моему, для металлиста быть не может. От волнения в эти минуты даже слезы затуманили глаза...

Вот уже включились и наши станкостроительные цехи — первый и второй механический. Они стали выпускать станки. Программа же была немаленькой. Станки нужны были для заводов, выпускающих оборонную продукцию. Предстояло доукомплектовать многие станкостроительные предприятия.

О темпах работы нашего завода могут дать представление такие цифры. В апреле 1942 г. мы выпустили 25 станков, а в июне того же года — уже 200.

Во втором же квартале завод получил задание выпускать ежемесячно 15 тыс. 120-*мм* мин. Наладили и это производство.

И вот в единственный за все эти месяцы выходной день мы решили собрать актив предприятия. Только уселись — звонок. Меня вызывают на заседание Государственного Комитета Обороны. Прихожу. Здесь уже собрались все директора предприятий, ковавших оружие. На повестке дня один вопрос:

— Сколько «изделий» выпускаете? — Услыхав ответ, председательствующий тут же называет другую, бо́льшую цифру или же спрашивает:

— Насколько можете увеличить план?

План нашего завода был 15 тыс. мин в месяц. Но когда технология уже была отработана, мы решили довести его до 25 тыс. мин. Кстати, на собрании мы должны были утвердить этот новый план. Цифру — 25 тыс. мин — я и назвал на заседании ГКО. Некоторые мои коллеги с удивлением на меня взглянули: не перехватил ли Тараничев? Но я был совершенно спокоен: краснопролетарцы еще никогда не роняли марки своего завода. Так оно оказалось и на сей раз. Кстати, за выполнение этого задания предприятию

присудили знамя ГКО, которое мы затем получали 32 раза, так никому его и не отдав.

В связи с выпуском реактивных снарядов «М-120» вспоминается такой эпизод. При организации нового производства наиболее сложной операцией оказалась резка труб, из которых изготовлялись камеры. Наши новаторы перепробовали много пил, но трубы были настолько твердыми, что ни одна их не брала. Тогда остановились на одной, которая была без зубьев. Резала же она за счет исключительно высокого числа оборотов. С делом она справлялась отлично, но и визжала так, что ее слышно было в дальнем конце Малой Калужской. И вот звонит мне один мой приятель, проживавший неподалеку от завода.

– Уйми ты свою пилу,— говорит он с обидой,— спать не дает.

— К сожалению,— отвечаю,— при всем желании сделать ничего не могу. Я, например, те несколько часов в сутки только и сплю, когда она, голубушка, работает. Вот когда она молчит, я уже не сплю. Вскакиваю и бегу на завод выяснять, почему она стоит.

После этого разговора мой приятель больше не жаловался. Видимо, и он привык к «голосу» нашей пилы.

А впереди были новые заказы фронта. Реактивный снаряд «14-130» для еще более грозного брата «катюши» — «андрюши». Теперь, когда костяк квалифицированных рабочих и специалистов был на месте, технология производства была поставлена на прочную основу довольно быстро, кроме одной операции. Я имею в виду так называемую глубокую высадку из листа 8—10 *мм*. Вначале было много брака, деталь выглядела гофрированной.

Поиски велись вовсю. Сутками люди не выходили из кузницы. Нужно было из-под пресса получить яйцевидную форму снаряда. Долгое время такая форма никак не получалась. А без нее нет снаряда. Ведь именно к этому «яйцу» приваривается трубка, и все это вместе образует тот самый снаряд «андрюшу», который и приводил врагов в трепет. Побывав на полигонных испытаниях «андрюши», я убедился в этом воочию. В отличие от «катюши», «андрюша» оглушал еще и своим исключительным громобойным басом.

Проблему формы удалось решить трем нашим замечательным новаторам. Главный инженер Г. Е. Ганиченко,

конструктор Б. А. Щукарев и начальник кузнечного цеха А. П. Александров нашли весьма остроумный выход, позволявший из двух половинок путем сварки получить нужную форму. Когда технология была отработана, организовали цех, обучили людей и принялись за выполнение заказа.

Нужно было внедрить много сварочных работ. На этой операции особенно отличалась сварщица Анна Алик. Она показала такой темп сварки корпуса снаряда, за которым трудно было угнаться мужчинам-сварщикам. Алик была награждена орденом Ленина.

Выпуск непосредственно военной продукции был для краснопролетарцев задачей номер один. Но и от выпуска станков нас никто не освобождал. Возобновился выпуск нашего когда-то прославленного, а теперь, правда, несколько устаревшего «ДИПа». Конструкторам виделись уже другие, более совершенные станки, и они работали над их созданием. Впоследствии их идеи будут воплощены в жизнь, а пока — «ДИП», который еще может служить предприятиям. Конечно, и тут не все давалось легко. Часть оборудования осталась на Урале, восполнить его надо было собственными силами.

Как-то раздался звонок. Звонит руководитель танковой промышленности. Полгода назад он возглавлял челябинский завод.

— Это Тараничев? У меня к тебе большая просьба,— и он изложил ее.

На подведомственном ему новом предприятии пускают цех коленчатых валов.

— До зарезу нужны станки для их обработки. Штук пятнадцать. Выручай!

Станки для коленчатых валов мы изготовили в течение полутора месяцев. Скоро на одном из восточных заводов они уже работали. И помогли не только вывезенные нами станки, но и «незавершенка»: возили мы ее, оказывается, на Урал и обратно не зря.

Красная Армия научилась бить гитлеровцев и держала немцев на почтительном расстоянии от столицы. Шло накопление сил и оружия всех видов, чтобы вышвырнуть захватчиков со священной советской земли.

И снова вызов в ГКО. Фронт требует мин. Нужно утроить производство и через три месяца вместо 25 тыс. выпускать 75 тыс. мин.

Говорить о том, что мы работаем на пределе, что все площади на заводе заняты, понятно, бесполезно. Шла подготовка к решающим боям на Волге.

Когда я вернулся на завод и вызвал к себе руководителей цехов, на мне, говорили они после, лица не было. Я рассказал о новом задании. Предложил к следующему дню подготовить конкретные предложения. Сам же начал обход производства.

Не очень радостная картина представилась глазам. Условия работы продолжали оставаться нелегкими. Угля не хватало, в котельной пытались использовать всякие отходы. Это была иллюзия отопления, температура в цехах все равно была ниже нуля. Время от времени рабочие подбегали к большим железным печам, которые они сами сделали и установили, обогревались немного — и обратно на рабочее место.

И все же, несмотря на эти условия, рабочие проявляли трудовой порыв, упорство, горение. Это и вселяло уверенность, что коллектив справится и с утроенным заданием.

Чтобы утроить выпуск 120-*мм* мин, нужно было значительно увеличить производство. Иными словами, увеличить в три раза количество оборудования и число людей. Но завод не имел свободных площадей. Не было оборудования. Непросто было и с рабочей силой. Чем больше думалось о препятствиях на пути к решению задачи, тем яснее становилось, что только арифметикой ее не решишь. Требовалось что-то другое. Но что именно? Решение нашел талантливый технолог Б. А. Щукарев. Человек широкого кругозора, постоянно ищущий и с воодушевлением встречавший каждую новую прогрессивную идею в технологии, хорошо знакомый с принципами массового производства в автомобилестроении, он предложил применить этот принцип и в данном случае. Словом, нужно было перевести производство мин на поток. Идея потока, которую коллектив подхватил с воодушевлением, стала быстро претворяться в жизнь. Все скрупулезно рассчитывалось, готовилась оснастка технологического оборудования, разрабатывалась пооперационность процессов. Под руководством Б. А. Щукарева была создана бригада лучших технологов, конструкторов и мастеров. Они разработали новую планировку цеха с использованием рольгангов и специальных лотков, в которых размещалось шесть мин. Эти лотки двигались по рольгангу от одной операции к другой.

Когда главные трудности были преодолены, оставалась еще одна: выбор срока остановки цеха на реконструкцию. Ведь нужна была неделя. А цех, выпускавший мины, не мог простаивать ни одного часа. Однако так уж случилось, что ввиду отсутствия вагонов наши склады оказались забитыми продукцией. Вот тогда-то, стремясь использовать каждую секунду, мы остановили цех на неделю. За каждым начальником цеха, мастером было закреплено несколько единиц оборудования, которые лично он с несколькими рабочими должен был установить и отладить. Другая группа занималась установкой и пуском рольганга. Каждый день выполненные работы сдавались мне.

И вот миномётный цех разделен на небольшие участки. Каждый из них возглавляет опытный командир. Эти маленькие коллективы имели четкий план действий: отремонтировать, расставить столько-то станков, пустить их, готовить транспортные средства...

Не прошло и семи дней, а намеченная работа уже близилась к концу. Было ясно, что перестройка удалась. Не последнюю роль в этом сыграло то, что на заводе еще в предвоенные годы стало законом все виды ремонта проводить на месте. Конечно, для этого требовались мастера высокого класса, и они были воспитаны заводом.

Поточная линия готова, отлажена, опробована. Назначен и день пуска минного потока — так прозвали мы его.

С утра спешу в цех. Первая смена должна открывать конвейер. Подхожу и слышу грохот работающего конвейера. Вроде, думаю, рановато. Открываю дверь и что же вижу: юные рабочие цеха решили прокатиться на рольгангах. Как ни сурово время, а юность берет свое. Увидев меня, они растерялись, соскочили на пол и, скрывая смущение, хором проговорили:

— Это, товарищ директор, мы проверяли, хорошо ли работает конвейер. Он не подведет, и мы тоже не подведем.

Слова ребят не разошлись с делом. В тот же день конвейер заработал. Сначала робко, но с каждым часом все уверенней действовали его хозяева — юноши, девушки, бывшие домохозяйки.

Каждое прогрессивное новшество, как правило, влечет за собой изменения и в организации дела. Так было и с нашим потоком. Работал он неплохо, но что-то в нем не было завершено. Каждый час с него сходило неодинаковое количество изделий — то больше, то меньше. Приглядев-

шись, плановик цеха Мария Федоровна Кольцова уловила, в чем тут дело: нужно сменный график разбить на часовой. Это позволит не в конце смены, а ежечасно выравнивать отклонения от графика, если они будут. Просто поразительно, какой эффект дал часовой график, правда, в сочетании с еще одним мероприятием.

Когда рабочие на конвейере стали перевыполнять задание еще до конца рабочего дня, родилась резонная мысль: стоит ли их держать в цехе до окончания трудового дня? Не лучше ли их отпустить домой. Для молодежи высвобождались часы для учебы, для домохозяек — для домашних дел, работы на огородах. Мы начали обсуждать вопрос о том, чтобы для тех, кто перевыполнил норму, предоставить право такого сокращенного рабочего дня. Были у нас и противники такого начинания. Они не хотели понять, что от досрочного выполнения задания выигрывает завод, фронт, сами рабочие. Ведь хорошо отдохнув, коллектив конвейера на следующий день показывал вновь высокую производительность.

И все же победила прогрессивная точка зрения. Ее активным пропагандистом стал секретарь партийной организации завода Александр Иванович Елкин, бывший термист, человек тихий, мудрый и твердый там, где этого требуют интересы дела.

Результаты нашей перестройки не замедлили сказаться. Еще в марте — первом месяце перехода на новый, повышенный план — 75 тыс. мин были отправлены на фронт.

Как-то после районного партийного актива нам был показан небольшой кинофильм «Производство мин на потоке». В нем демонстрировались наши достижения. Зрители были удивлены темпами работ на потоке, кое-кто не верил этому. Я предложил им посетить наш завод и лично убедиться в том, что такие темпы уже не предел.

Еще одна грань часового графика — его наглядность. Каждый рабочий знает, чего он достиг в продолжение часа. Однажды в три часа ночи прихожу в цех номер девять. Станки стоят, тихо. Ребята почему-то не работают. А дежурный инженер с криком носится по цеху. В чем дело? Оказывается, он знал только одно средство воздействия на молодежь — крик. Я предложил отметить на табличках итоги выполнения часового графика. Обошел станки и без слов показал каждому на его табличку. Задал при этом только один вопрос: «Так ли выполняют фронтовой заказ?»

Утром начальник цеха позвонил: «Ребята выполнили свои задания».

Одно время нас лимитировало литье. Помогал нам «выколачивать» его секретарь Московской партийной организации Г. М. Попов. Он, между прочим, и первым обратил внимание на наши разительные успехи. А узнав о наших новшествах, крепко пожурил за «скрытность». Мне было предложено сделать доклад о поточной линии и часовом графике на бюро МГК.

После этого многие московские предприятия перевели производство разных видов военной продукции на поток.

Став в какой-то мере застрельщиками передовых методов среди московских предприятий, краснопролетарцы не могли допустить у себя ни малейшего перебоя. Но однажды, не по нашей вине, а все из-за того же литья, такая угроза нависла над одним из цехов. Прихожу туда. Подозвал ребят, спрашиваю:

— Кто из вас, ребята, хорошо пишет?

— Виктор, Виктор,— раздались голоса, но, чувствую, ребята недоумевают.

— Ну садись, Виктор, будем составлять вместе письмо. Пиши: «Бойцам Сталинградского фронта! Мы, рабочие завода «Красный пролетарий», сообщаем вам, что не успеем к сроку выполнить заказ фронта...»

Гляжу, ребята нахмурились, молчат.

— Что же не подписываетесь под письмом? — говорю им.

— Нет, этого подписывать не будем.

— А что же будем делать?

И тут все сгрудились вокруг Виктора и, подсказывая, споря, сочинили другое письмо:

«Товарищи бойцы Сталинградского фронта! Несмотря на то что литье нам задержали, мы программу завершим вовремя. Смелее бейте фашистов».

В конце месяца эти же ребята пришли ко мне радостные, воодушевленные, и тот же Виктор от имени молодежи цеха отрапортовал:

— Товарищ директор! Задание правительства выполнено.

Не менее обрадованный, чем они, я горячо поздравил и поблагодарил ребят за поистине доблестный труд.

Прошли десятилетия с тех пор, а картины жизни завода в эти незабываемые годы не меркнут в памяти.

В моей памяти живут имена целой плеяды юных рабочих и работниц, истинных патриотов своей страны. Это и Вера Михлина, и Маша Янкина, и Клава Кургина, и Валя Зубаренкова, и Валя Каулина, и Юра Морозов, и Витя Веденеев.

О Викторе Веденееве, 16-летнем токаре из восьмого цеха, так и хочется сказать словами поговорки: «Мал золотник, да дорог». Из-за небольшого роста работать ему приходилось, стоя на подставке. Это не мешало, однако, опережать в труде более взрослых ребят.

Отлично работал и Виктор Ермилов, ставший известным всей стране слесарем-виртуозом, Героем Социалистического Труда.

Здесь названа лишь небольшая часть замечательных молодых рабочих, выпестованных коллективом завода «Красный пролетарий», его партийной организацией, комсомолом.

В самых тяжелых условиях прославленный коллектив ни на один час не забывал о своем долге станкостроителей. На протяжении всей войны завод перевыполнял планы по станкостроению. И более того, продолжал совершенствовать производство. Знаменательным событием в истории завода стал перевод производства станков на поточный метод. Это произошло в 1944 г. К этому времени на смену станку «ДИП-200» пришел модернизированный «ДИП-200М». Его создателями были тогдашний главный инженер завода Г. Ганиченко, конструкторы Э. Аненберг, В. Левшунов, А. Федоровский и уже известные читателю технологи Б. Щукарев, А. Болотин.

Сущность самого потока в станкостроении заключалась в создании групповых и индивидуальных поточных линий. Для этого потребовалась реконструкция самых крупных наших цехов — первого механического и первого сборочного. Реконструкция велась, понятно, на ходу, без снижения выпуска станков. Эта многоплановая работа, включавшая в себя изготовление и внедрение новой оснастки и установку оборудования по-новому, была выполнена силами рабочих завода.

Нельзя в связи с этим не вспомнить добрым словом наших соседей — коллектив завода им. Орджоникидзе, который помог нам агрегатными станками, и автомобилестроителей, возглавляемых И. А. Лихачевым, поставлявших нам литье для конвейеров.

Как я уже говорил, краснопролетарцам за годы войны 32 раза присуждалось знамя Государственного Комитета Обороны. На знамени из красного шелка, обрамленном золотистой бахромой, под изображением Государственного герба СССР начертано: «Победителю во Всесоюзном социалистическом соревновании — станкостроительному заводу».

Знамя оставлено на заводе на вечное хранение. Это высокая оценка труда героического коллектива, который всегда в строю, готовый выполнить любое задание Коммунистической партии и Советского правительства.

В военные годы и в период послевоенного восстановления завода большую помощь оказывали нам Московский городской и районный комитеты партии.

★

Прошло много лет. Но нельзя забыть День Победы. После часу ночи раздался телефонный звонок. Звонил секретарь Московского горкома партии Г. М. Попов и поздравил коллектив и меня с победой. Потом позвонил нарком станкостроения А. И. Ефремов и сказал:

— Собирай митинг. Мы с секретарем горкома приедем к вам на завод.

Ровно через 30 минут после звонка они были на митинге, посвященном победе советского народа над фашистской Германией.

Сколько было радости, счастья! Этого нельзя забыть.

А. А. Громов

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ «ГПЗ-1»

ГРОМОВ Анатолий Александрович. Родился в 1907 г. Член КПСС с 1943 г. Директор Первого Государственного ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции подшипникового завода. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской и Государственной премий.

Суровые годы Великой Отечественной войны оставили в моей памяти, как и у каждого советского человека, неизгладимый след.

В канун тех грозных событий Первому подшипниковому заводу пошел десятый год. Он только что вошел в полную силу, освоил проектную мощность и по праву занял одно из ведущих мест в ряду крупнейших подшипниковых предприятий мира. Никто не знал тогда, что подшипниковцам придется пережить немало бед, что годы войны нанесут заводу немало ран, что ему, по существу, придется пережить свое второе рождение.

В предвоенном 1940 г. я работал начальником инструментального цеха. В его коллективе прошла лучшая пора моей молодости; здесь в 1931 г. начал работать токарем, повстречал людей, дружбой с которыми горжусь и сейчас.

Буквально накануне войны нам в кооперации с другими предприятиями поручили срочное правительственное задание по производству мотоциклов военного типа. Инструментальщики обязаны были изготовить оснастку и штампы для чулков, седла и багажника. Жесткие сроки выполнения заказа продиктовали особый режим на ряде участков цеха.

К 21 июня 1941 г., задолго до установленного срока, задание было выполнено. Последними изготовлялись штампы для багажника. Из-за своих габаритов они не могли быть опробованы на заводе. В конце первой смены 21 июня пришлось перенести испытание на завод им. КИМа (МЗМА). Оно затянулось до глубокой ночи. Только в два часа было поставлено клеймо качества. Усталость, перенапряжение сказались. У нас не хватило сил добраться даже до дома. Но при всем этом испытывали удовлетворение от успешно законченного дела. Отдыхали в заводской конторе.

22 июня мы узнали о вероломном нападении на нашу страну гитлеровских захватчиков.

В июле отдельные вражеские бомбардировщики, прорвавшиеся через воздушную оборону Москвы, сбросили на завод первые бомбы. Расчет фашистов нетрудно было разгадать: выводом из строя завода нанести существенный урон оборонной мощи страны. Ведь в то время, кроме «ГПЗ-1» и еще небольшого однотипного производства «ГПЗ-2», страна не имела подшипниковых предприятий.

Вот тут-то сказалась работа, которая проводилась в мирное время по противовоздушной обороне завода.

Организованно, со знанием дела подшипниковцы защищали свое детище. Отработав у станков смену, они поднимались на крышу, дежурили возле бочек с водой, ящиков с песком, рыли траншеи-щели и бомбоубежища, зорко следили за небом, гасили очаги возникавших пожаров, ликвидировали следы разрушений.

В тяжелые для Родины августовские дни 1941 г. я стал кандидатом в члены партии, а с августа 1943 г.— членом ВКП(б). Много времени ушло с тех пор, но дни, когда я связал свою судьбу с ленинской партией, остались в моей памяти на всю жизнь.

По совместительству мне тогда пришлось исполнять обязанности и начальника противовоздушной обороны своего объекта. Особенно запомнилась ночь с 22 на 23 июля

1941 г. Первая зажигательная бомба со свистом угодила в дощатый сарай в конце заводского двора. Сухой тес вспыхнул. Минуту спустя взрывы раздались у главного корпуса. Опасность была велика: крыша-то была деревянная. Тем не менее люди не растерялись, мужественно сбрасывали «зажигалки» с крыши наземь, в песок. В ту ночь шлифовщик инструментального цеха В. Папкевич обезвредил добрый десяток бомб. Ни одна из них не причинила существенного вреда.

В другой раз «зажигалка» пробила крышу над отделением приспособлений инструментального цеха и упала на шины высокого напряжения. Произошло замыкание электрической сети. В темноте работники цеха ликвидировали повреждение и тем предотвратили аварию и пожар.

Гитлеровцы не отступались от завода. В одну из последних июльских ночей вражеские самолеты сбросили на завод тяжелые фугасные бомбы. Одна из них упала где-то вблизи главного корпуса. Последовал оглушительный взрыв, и все кругом окуталось едким дымом. Взрывной волной разрушило одну из стен. Из разорванных водонапорных труб хлынула упругая струя воды. Мы устремились к месту взрыва. Под ногами хрустели осколки стекол, а на них бездыханно лежала женщина. Это была первая жертва фашистской бомбежки.

В те дни все мы стали солдатами одного фронта. Мы ощущали дыхание войны, оно приблизилось к нам вплотную, и мы почувствовали его всем существом.

Помню, была лунная ноябрьская ночь. Стрелка часов переместилась далеко за 12. Только затихли воющие сирены. Прозвучал сигнал отбоя. С секретарем партийной организации инструментального цеха М. Усачевым спускались с крыши в цех. Светила ярко луна. Вдруг позади послышался рев самолета. Не успел я сказать Усачеву, что, кажется, наш «ястребок» возвращается с задания, как над нами с шипящим свистом пролетела бомба. Взрывной волной нас опрокинуло. Когда очнулись, увидели в 40 *м* от нас зияющую воронку, вокруг все было переломано и изуродовано.

Ночные налеты на завод продолжались. Стало известно, что за «ГПЗ-1» гитлеровцы «закрепили» соединение вражеской авиации. Методически, ежесуточно, с 10 часов вечера до 2—3 часов ночи, фашисты совершали налеты. Но порядок на заводе не нарушался. С наступлением ночи все

на заводе настороженно ждали сигнала воздушной тревоги. По первым тревожным звукам сирены бойцы местной противовоздушной обороны занимали свои места и зорко следили за вражескими стервятниками. Мы скоро научились по рокоту двигателей на слух определять модель вражеского самолета и принимать необходимые меры по отражению воздушных налетов противника.

Завод наш усиленно охранялся. На каждом углу и вышках размещались скорострельные зенитные орудия. И когда приближались вражеские бомбардировщики, рабочие в одном строю с воинами, охранявшими завод, самоотверженно защищали «ГПЗ-1». Стойкая оборона завода убедительно подчеркивала единство армии и народа, тыла и фронта, непреодолимую волю разгромить фашистских захватчиков.

Сутками рабочие и инженеры не покидали цехов. Для короткого отдыха тут же были оборудованы топчаны. Люди жили одной мыслью, одной заботой: отстоять завод, сделать все возможное для защиты Отечества.

В короткие перерывы в партком приходили коммунисты, комсомольцы, беспартийные с одной просьбой: зачислить добровольцами в ополчение. Но они были нужны заводу, продукция которого имела первостепенное значение для оборонной промышленности.

Вскоре подшипниковцы узнали о решении перебазировать завод на восток. С печалью люди покидали свои родные места, выстроенные ими цехи. За несколько дней было демонтировано и погружено в десятки эшелонов оборудование. Оно уходило на Волгу и далее на Восток.

Все понимали суровую необходимость такой меры. И тем не менее горько было сознавать, что через несколько дней не станет родного детища, одного из первенцев первой пятилетки. В эти тяжелые дни каждый проходил суровое испытание. Не все его выдерживали. Находились и неустойчивые, были и такие, кто ставил личное выше своих патриотических обязанностей.

Как близких и родных, провожали мы своих товарищей, с кем поднимали завод, выводили его на широкий путь.

За короткий срок эвакуированные работники «ГПЗ-1» на базе вывезенного оборудования, с помощью местных организаций создали новые заводы (в Саратове, Куйбышеве, Свердловске, Томске и др.). Это позволило удовлетворить потребность в подшипниках, в которых тыл и фронт тогда

испытывали острую нужду. С созданием этих заводов начался массовый выпуск чрезвычайно важных для машиностроения подшипников качения.

Эвакуируя завод, подшипниковцы проявили организованность, дисциплину и самоотверженность. Демонтаж и погрузку оборудования закончили в считанные дни.

Стояли морозные дни. Над корпусами завода висели аэростаты заграждения, улицы ощетинились противотанковыми ежами, надолбами, заграждениями. Огромные корпуса завода опустели. В пролетах цехов стало холодно, темно и неуютно.

В один из этих дней бывший тогда директором завода Я. Юсим сообщил, что Государственный Комитет Обороны поручил «ГПЗ-1» организовать производство оборонных изделий и что мне как инструментальщику придется этим заняться. Время давалось минимальное. Вместе с небольшой группой не успевших эвакуироваться работников я занялся порученным делом.

Война внесла в систему управления и хозяйственную деятельность предприятий, оказавшихся в прифронтовой полосе, существенные перемены. Здесь особо повысились ответственность, организованность людей. Предприятия, помимо эвакуировавшихся в тыл наркомата и главка, получали непосредственно от органов ГКО задания на выпуск оружия и боеприпасов. Директора предприятий обязывались лично обеспечить весь объем работ, начиная с проектно-конструкторских разработок, получения необходимого оборудования и изготовления инструмента и оснастки и кончая выпуском изделий. На все давались жесткие сроки, они были строго рассчитаны, и делалось все, чтобы задания ГКО выполнялись точно в указанные сроки.

Вскоре меня вызвали в Московский комитет партии. Секретарь МК и уполномоченный ГКО Г. М. Попов, уточнив задание, обязал меня остаться в Москве, считать себя мобилизованным МК и немедленно, на базе оставшегося оборудования и силами не успевших эвакуироваться работников, организовать выпуск нужных фронту изделий.

Информация о том, что, по существу, завода нет, что осталось всего лишь несколько единиц вспомогательного оборудования и лишь 350—500 работников, была оставлена без внимания. Георгий Михайлович спокойно, но решительно сказал:

— И тем не менее выпускать оружие надо.

Я понимал, какая задача на меня возлагалась. В те минуты, словно в калейдоскопе, промелькнули прожитые на заводе годы. Были в них трудные дни, не хватало тогда опыта, знаний. Теперь все это накопилось, но как все-таки справиться с поставленной задачей? Колебания исключались.

— Задание принимаю к исполнению,— сказал я.

— Как с людьми? — спросил Г. М. Попов.

— Кое-кого придется мобилизовать, но на первом этапе обойдемся оставшимися на заводе. Значительно важнее для нас оборудование, оснастка, инструмент, материалы, организация производства.

— Металл дадут. Остальное мобилизуйте. Вам дается полная свобода действий. Используйте все, что осталось в Москве, соберите людей, технику. Но производство изделий должно быть налажено в срок.

Возвращался почью на завод пешком (накануне эвакуировал свою семью на восток и перебрался на постоянное жительство на завод). Город был погружен во мрак. Слышались сирены воздушной тревоги. Но в те минуты я мог думать только о новом задании.

Задача казалась исключительно сложной. Ведь требовалось разработать не только технологию, но и отыскать разнообразное оборудование, обучить людей.

Добрался до своего родного инструментального цеха. В сумраке различил знакомые силуэты линий, кое-где оставшиеся станки. Поглядел на них, стало немного легче. Будто нашел какую-то поддержку. Вернувшись в контору, собрал дежуривших людей. И как-то неожиданно для каждого нашлось срочное дело. Одни занялись прикидкой технологии, другие составлением перечня необходимого оборудования, оснастки и инструмента, третьи набрасывали планировку участков и цехов. Тут же был составлен список необходимых специалистов. Напрягая память, вспоминали, на каких из эвакуированных предприятий могли остаться нужные станки. Подсчиталг потребное количество металла, транспортных средств. Постепенно вырисовывалась реальная картина — что есть и чего нет и что еще нужно достать.

На следующий день в одной из комнат опустевшего заводоуправления состоялась необычная летучка. В ней приняли участие работники Московского комитета партии.

Разложив на столе исписанные ночью листки, доложил о результатах ночных поисков, называл станки и предприятия, на которых их можно раздобыть. Секретарь МК — уполномоченный ГКО, тут же по телефону давал распоряжение о беспрепятственной их выдаче.

В тот же день была создана оперативная бригада, в которую вошли лучшие знатоки оборудования и монтажного дела Д. Михайлов, С. Михеев, И. Чичило. Мы посетили больше сотни предприятий, нашли необходимые нам станки, приборы, инструмент, оснастку. Тут же грузили их на машины, доставляли на завод и монтировали по оперативным схемам. Производство было налажено в считанные дни.

Помню такой эпизод. Было получено задание изготовить детали к ручному автомату. Для них на заводе не хватало мелких фрезерных станков. «Разведка» донесла, что в ремесленном училище на улице им. Осипенко, которое готовило фрезеровщиков, осталось оборудование, комплекс которого обеспечивал производство указанных деталей. С М. Овчинниковым и А. Ларионовым я в тот же час был там. А еще через несколько часов на найденных станках было начато освоение первых образцов. Параллельно шла энергичная работа по созданию на заводе специального цеха для массового выпуска этих деталей.

Трудились самозабвенно. Было какое-то злое упрямство. Без сна и отдыха, в условиях постоянных воздушных тревог люди налаживали станки, ликвидировали последствия бомбежек.

Уже в канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции были изготовлены первые образцы деталей для автомата и выдана партия деталей к реактивным снарядам.

На заводе уже работал многотысячный коллектив, в основном женщины, подростки, впервые пришедшие на производство. Их объединял и воодушевлял патриотический порыв — все отдать для защиты Родины, для разгрома врага. Свершилось, казалось бы, невозможное: около трехсот оставшихся на заводе кадровых работников, многие из которых еще несколько лет назад сами только начинали приобретать квалификацию, в короткие сроки обучили сотни новых рабочих. Подготовка рабочих стала патриотическим делом каждого кадрового работника завода.

Недостаток квалифицированных рабочих особенно остро ощущался в инструментальном цехе. Каждый специалист здесь взялся обучить двух-трех учеников. Обязательства эти стали главными в соревновании. Высококвалифицированный шлифовщик П. Жучков за полтора месяца обучил профессии шлифовщика А. Киселева, П. Краснову и других. Раньше лекальщиков готовили не менее чем за один-два года. Лекальщик А. Шмельков сократил этот срок до нескольких месяцев. Война предъявляла высокие требования во всем.

Ускоренная подготовка новых рабочих позволила вновь созданному цеху специальной продукции за короткое время утроить свою программу, резко сократить трудоемкость изделий. Правительство высоко оценило тогда работу патриотов специального цеха. 18 его работников были награждены орденами и медалями Союза ССР. Орден Ленина по праву украсил грудь старейшего из них — Ильи Дмитриевича Мишина.

В годовщину Великого Октября коллектив завода отметил свое второе рождение обращением к трудящимся Москвы развернуть соревнование за перевыполнение заданий фронта. Старый коммунист слесарь П. Мишин, рабочие и работницы Е. Деревчук, Т. Гиталова, Р. Барковская и др. выступили с призывом — с меньшим количеством рабочих давать больше продукции, каждому работать за двоих.

Выполнение обязательств давалось нелегко. Ощущался острый недостаток рабочих нужных квалификаций. Запомнился такой случай. На тяжелой ковочной машине только освоили штамповку специальных деталей. Вдруг лопнул коленчатый вал машины. Оставался один выход — изготовить своими силами новый вал. К счастью, на заводе нашлась одна заготовка коленчатого вала весом 13 *т*. Механики завода П. Рякин и М. Шер вторые сутки не отходили от станка, на котором производилась токарная обработка заготовки. То ли от усталости, то ли по непредвиденной случайности, но произошла беда. Когда снималась последняя чистовая стружка с шеек вала, скололся центр, и из него вырвался один конец почти законченного вала. У людей опустились руки. Печально глядели они на запоротый вал.

Я тут же узнал об этом. Рассуждать было некогда. Потеряно двое суток, в течение которых не поставлялись за-

готовки деталей для «катюш». Пришлось вспомнить свою старую специальность токаря. Поддомкратил вал, заварил образовавшиеся на нем глубокие борозды и восстановил центровое отверстие. Через несколько часов тяжелая ковочная машина вступила в строй.

Помню, подумал тогда, как важно для руководителей всех рангов уметь не только правильно и вовремя распорядиться, но, если нужно, и, засучив рукава, самому стать к станку.

В эти тяжелые дни я стал главным инженером, а фактически — руководителем завода. Трудно было тогда. Требовались ясное понимание обстановки, самостоятельность и высокая личная ответственность, максимальная оперативность и маневренность, умение организовать людей.

Приходит на память один из эпизодов. В один из дней, когда налаживалось производство специальной продукции, мне позвонил по телефону народный комиссар вооружения СССР Д. Устинов. Услышав о трудностях в выполнении полученных заданий, Д. Устинов тем не менее попросил изготовить несколько десятков крайне нужных подшипников. Это было почти нереальное дело. Ведь подшипниковое производство на заводе перестало существовать. Оставалась надежда на высокое мастерство специалистов инструментального цеха. Не стану описывать в деталях, как технически была решена труднейшая по тому времени задача. Инструментальщики, применив весьма сложную обходную технологию, изготовили в очень короткий срок нужные подшипники.

С удовлетворением доложил об этом Д. Устинову. Поблагодарив, он спросил, в чем нуждается завод. Я попросил помочь ликвидировать последствия вражеской бомбежки, прислать несколько ящиков стекла. Нарком не только удовлетворил эту просьбу, но дал указание своим заместителям и впредь изыскивать для завода необходимые материалы в максимальной мере.

За всю свою трудовую жизнь я не помню дней, когда бы чувство взаимопомощи, братской поддержки людей было столь велико, как в те тяжелые дни. Все отдавали себя без остатка порученному делу.

Мы тогда мало отдыхали. После 12—17-часовой напряженной работы, бледные от усталости и недоедания, собирались инженеры, техники, мастера для подведения итогов дня. В редкие часы, когда подходил к койке и собирался

прилечь, вдруг звонили то из военного ведомства, то из Московского комитета партии, а то прибегали из цехов по случаю какой-нибудь застопорки. И так почти ежедневно в течение долгих месяцев войны. Но в каждом из нас чувствовалась комсомольская закалка. Каждый считал себя мобилизованным на святое дело защиты социалистической Родины.

В начале 1942 г. правительство приняло решение о частичном восстановлении производства подшипников. Кое-какое оборудование возвращалось с Востока, часть же завод создавал своими силами и средствами.

В годы Великой Отечественной войны коллектив завода, преодолевая трудности, успешно выполнял производственные планы. Социалистическое соревнование, с небывалой силой развернувшееся на заводе, стало могучим средством сплочения коллектива, роста мастерства и производительности труда каждого работника. Лозунг «Чем ты сегодня помог фронту?» стал главным для каждого производственника.

В годы войны коллектив завода 28 раз одерживал победу во Всесоюзном социалистическом соревновании, дважды ему присуждалось знамя Государственного Комитета Обороны.

Война принесла нам ни с чем не сравнимые потери и разрушения. Но ничто не могло сломить волю советских людей отстоять свое социалистическое государство.

В героических буднях оставшегося на заводе коллектива, как в капле воды, нашли отражение трудовой подвиг советского народа, высокая сознательность, стремление достойно выполнить свой долг перед Родиной.

На нашем заводе вскоре после разгрома гитлеровцев под Москвой успешно были осуществлены работы по восстановлению подшипникового производства.

Таким было второе рождение завода.

Л. Лезина

СНАРЯДЫ ИЛЬИЧЕВЦЕВ

ЛЕЗИНА Александра Александровна. Родилась в 1918 г. С 1939 г. работает на заводе им. Владимира Ильича. Герой Социалистического Труда.

Более трех десятилетий прошло с того дня, как под сводами цеха пронеслось страшное слово «война». И с первой минуты оно родило ярость против начавших ее фашистов. Я помню, что в раннем детстве такое чувство испытывала я, когда в рязанских лесах, окружавших нашу деревеньку, натыкалась на змею.

О войне я имела до той поры весьма отдаленное представление. За всю свою жизнь я не слыхала ружейного выстрела, если не считать в заводском тире. А тут — война!

К тому дню я уже два года работала на токарном станке. Об этом я написала десяток писем всем своим родным в деревне. Во всех подробностях рассказала о заводе, как работаю, что делаю. Все мне, крестьянской девушке, было внове — заводские порядки, машина, на которой приходилось работать, механический цех, его гигантские пролеты,

ряды станков. В моей голове как-то не укладывалось, что вот я работаю на том самом заводе, где бывал В. И. Ленин, где за рабочее дело пролилась его кровь, на заводе, который носит его имя. «Я теперь ильичевка» — это вселяло чувство гордости и сознание ответственности. Не раз ловила я себя на том, что пыталась взглянуть на себя со стороны: все ли я делаю так, чтобы быть достойной гордого звания ильичевки.

Заводская жизнь вихрем закружила меня. Тут и соревнование, и кружки, и экскурсии, и коллективные культпоходы. Вся жизнь — радость. Веселая, счастливая, радовавшаяся каждому утру, как героиня знаменитого в довоенные годы кинофильма «Встречный»... И вдруг это воскресное утро. Еще вчера многие, предварительно разбившись на группы, уехали за город. Родители провожали детей в пионерлагерь...

В этот день в соответствии с графиком я работала. И вдруг в привычный гул цеха ворвалось страшное слово «война». На митинг собрались неподалеку от проходной. Суровые лица. Звучат клятвы разгромить врага, победить.

В считанные дни все стало неузнаваемым. В полупустом цехе появились женщины. Мать и дочь Требухины пришли на работу взамен ушедших на фронт отца и сына. Стала станочницей-пооперационницей жена Коновалова. Уже 24 июня выступили с призывом освоить мужские профессии женщины-ильичевки: Л. Рубинова, И. Кузьмина, Т. Белова, Л. Гришина, Л. Позднякова.

Война властно продолжала все красить в свои суровые тона. Светлый, огромный новый цех менялся. Заклеивались бумагой широкие окна. Не успели оглянуться, как на крышу втащили зенитки. И вот уже в одну из ночных смен они заухали прямо над головой.

Другими становились люди, менялась и я. Появилась какая-то напряженность от сознания того, что все мои прежние темпы, скоростное резание уже не годятся. Хотелось вырваться из этих «мирных» темпов и скоростей. Я стала испытывать такое чувство, словно все происходило в детском сне. Хочешь бежать от чего-то страшного, а ноги приросли. С первых дней войны это сравнение часто стало приходить мне на ум. И не мне одной. Все время хотелось вырваться из казавшихся недостаточными скоростей, сбросить все помехи. Это чувство крепло в каждом ильичевце. Зорче становился глаз, крепче и уверенней рука, прибавля-

лись силы. Появилось в моем отношении к делу и нечто новое: сознание несоразмерности своих успехов задачам, которые стояли перед страной, народом, перед тобой. Любой успех казался мне весьма скромным. И это чувство не покидало меня, моих товарищей всю войну. Казалось, что все наши усилия недостаточны в сравнении с той великой жертвой, которую приносит на фронте Красная Армия. И всегда, всю войну и я, и мои товарищи по заводу оценивали свой труд именно этой фронтовой меркой. Мы здесь, в тылу, должны работать по-фронтовому.

Я написала «в тылу» и подумала, что не успели мы перестроиться на военный лад, как фронт пришел к нам. К Москве, к крыше над головой, над цехом, где гремели зенитки. Пришла война и в самый цех в виде фронтовых командиров, которые совсем по-будничному, словно речь шла о чем-то совсем мирном, просили нас: «Поднажмите, девочки, вот та́к нужно!» Речь шла о снарядах, которые мы точили.

И эти просьбы рождали новые силы, которые держали тебя на ногах и две, и три смены подряд. Все это под аккомпанемент зениток над головой, грохот близких разрывов, звон разбиваемых воздушной волной стекол. А ты стоишь, словно на боевом посту. Да это, собственно, и был боевой пост.

Вот нарушилось светозатемнение, которое мы называли в шутку светопредставлением. Разъяренные вбегают с криком дежурные. Гаснет свет в цехе, а мы работаем. Не хотим терять время, пока будет восстановлена маскировка на окнах. Работаем на ощупь. Мы в это лето натренировались многое делать на ощупь. Правда, все делалось медленнее, но мы не стояли. В бомбоубежище ходили редко. Помнится, один или два раза. Да и то нас загнали туда чуть ли не силой, в самые страшные первые ночи. И не только потому мы его невзлюбили, что уж очень оно было неказистым. Даже если бы оно напоминало гостиницу «Москва» (лучшую в ту пору), ни один ильичевец не променял бы свое рабочее место на бомбоубежище. Мы чувствовали себя на боевом посту. Как же можно бежать в убежище, когда фронтовики торопят: «Девочки, поднажмите, вот та́к нужно!»

Цех, в котором я проработала 33 года, в ту пору готовил снаряды. Назывались они, как правило, всегда «изделие»: изделие «БП», «М-13». Даже самая маленькая опера-

ция возлагала на каждого из нас большую ответственность. Если вообще брак недопустим, а бракодел всегда подвергается справедливому осуждению, то брак в военное время — это, по существу, пособничество врагу. Не будучи специалистами в области баллистики, мы, ильичевцы, знали, что малейшая неточность в обработке «изделий» — это не только прямая потеря труда, средств, дорогостоящих материалов, но при некоторых обстоятельствах удар по своим.

Многие токарные работы, такие, как расточка канавок, усиков, исключительно ответственны. От того, насколько точно они выполнены, в конечном счете зависит успех артиллерийской стрельбы. Бракованная «канавка», в которую под прессом вдавливается медный поясок, так же как и «усик», могут до неузнаваемости изменить траекторию полета снаряда. Не раз военные знакомили нас с последствиями брака. Помнится, как эти рассказы воспринимали наши новые рабочие-подростки. Они взрослели на глазах. А ведь к осени, когда многие кадровые рабочие ушли на фронт, подростки стали основной рабочей силой на заводе.

К началу войны стаж моей работы на заводе был невелик. У моих наставников и учителей, таких, как Пискарев, Панов, Леонов, он исчислялся десятилетиями. Станок под их руками, как говорится, играл. Они знали все секреты заточки резцов, расчета шестерен, наладки станка. Но теперь наставников нет. Теперь многое приходилось делать самой. Я уже считалась опытной, знающей. Меня поставили на самые ответственные операции. И все это — в потоке.

Несколько слов о нем. Сегодня слово это звучит привычно, будничпо. Где только нынче нет потока! Даже в различных мастерских бытового обслуживания. Но тогда он был новинкой, хотя и не представлял собой потока в сегодняшнем смысле. Изделие еще не подавалось тебе прямо в руки. Люлька, в которой лежала тяжелая болванка, проходила хоть и близко, но все же на некотором расстоянии. Повторяю, поток той поры был колоссальным достижением, но он сохранял очень много ручных операций. Снаряд нужно было вынуть из люльки, поднести к станку, закрепить, обработать и снова уложить в проплывающую мимо люльку.

Тогда никто из нас не подсчитывал, сколько штук за смену ты перетащишь этих снарядов. Знали одно — ну-

жно как можно больше. И потому работали, сколько сил хватало, и даже больше. Но к концу смены, а порой и задолго до этого «поток» давал себя знать болью в ногах и руках, ломотой в пояснице, смертельной усталостью.

Уже после войны, на одном из юбилейных собраний, делясь своими воспоминаниями, один из руководителей цеха сказал:

— Трудно поверить, что девчонки, основные работницы завода той военной поры, перебрасывали на своих руках тонны металла в смену. Причем каждую смену, а иногда и две смены подряд.

Так вот этот поток в одно утро был объявлен подлежащим демонтажу. Станки предстояло эвакуировать на Урал. Снова начал пустеть цех. Враг — у ворот Москвы. За несколько дней завод отправил на Восток три четверти своего станочного оборудования. Эта задача ставилась как самая неотложная. Ее надо было выполнять прежде всего. И попутно выполнялась вторая задача, тоже очень важная: установка нового оборудования, собранного с разных полупустых предприятий. Взамен полностью вывезенных из цехов станков начинали работать новые. В нашем цехе появились учебные станки из ремесленных училищ. Заняты мы были и другим первоочередным делом: готовились с оружием в руках защищать Москву. В этот период, когда одновременно решались задачи одна неотложней и важней другой, была у коллектива еще цель: все разномастные, разнокалиберные станки свести в одну поточную линию, дать им тот необходимый темп военного времени, какой успела взять поточная линия, которая увозилась на Восток. И такая линия, и не только в нашем цехе, была установлена. Все это в невероятно короткие сроки, в неслыханно тяжелых условиях. И на этих линиях, не всегда обеспеченных опытными кадрами, нужно было выполнять свои фронтовые обязательства. Они излагались коротко, предельно ясно, как боевой приказ.

Вот, например, каким было решение партийного собрания завода от 17 ноября 1941 г.:

«1. Перевыполнить производственную программу ноября.

2. Максимально использовать имеющуюся мощность завода.

3. Провести подготовку и пуск производства по зенитному снаряду 85-*мм* в цехе № 22 к 15 декабря сего года

и обеспечить выполнение задания декабря месяца по этому изделию.

4. Произвести подготовку и пуск производства литых снарядов в цехе № 7 к 1 декабря сего года.

5. Поддержать инициативу коллектива цеха № 20, организовавшего у себя производство мин и деталей к минометам на свободной мощности, и оказать ему конкретную помощь в перевыполнении задания.

6. Предложить цеховым парторганизациям изыскать возможности для производства новых видов вооружения, боеприпасов для фронта».

Документ этот принят коммунистами завода, но он был обращен ко всем ильичевцам. И все на заводе отнеслись к этому документу как к боевому призыву. Нужно ли говорить, что, несмотря на сжатость сроков, все пункты решения были выполнены. Даже перекрыты. К январю 1942 г. ильичевцы достойно справились с планом декабря. Выпуск военной продукции на заводе за несколько месяцев войны возрос в 13 раз.

А ведь по-настоящему объективных причин и непреодолимых препятствий было хоть отбавляй. Начать с того, что предстояло добиться четкой организации производства. При сбоях, нарушенном ритме нельзя обеспечить выполнение напряженных планов. К этому надо прибавить трудности с материально-техническим снабжением. Если сейчас перебои лихорадят производство, как же они отражались на нем тогда, когда сплошь и рядом работа шла, как говорят, с колес! Выручала исключительная смекалка того костяка мастеров и специалистов, которые оставались на заводе. Выручали и молодые рабочие-подростки, с жадностью впитывавшие опыт старших.

Еще до того дня, который был назван в решении партийного собрания, весь станочный парк цеха заработал. А ведь это 300 станков. И заработал несколькими потоками. В тот день меня, как наиболее опытную, поставили наладчиком оборудования.

Коллектив цеха к началу 1942 г. был почти сплошь женским. В нем работало только трое мужчин. Два мастера — Никонов и Неструев и токарь Кабанов.

Неструев и Никонов были замечательными мастерами. Работу под их руководством я считаю большой своей удачей. Не могу не рассказать и о токаре Василии Кабанове. Он — инвалид. У него необратимо потеряны речь и слух.

Вместе с группой таких же инвалидов, до войны работавших в артелях столицы, он пришел на завод в первый же день войны и остался на нем до наших дней. Василий Иванович работал не только точно и высокопроизводительно, но и красиво. Многие, кто по тем или иным делам бывал на заводе, любовались его мастерством.

Посетивший в те дни наш завод представитель президента США Уилки, не отрывая глаз, в течение 15 минут любовался Кабановым. А уходя, сказал переводчику:

— Если в Советском Союзе есть такие рабочие,— он непобедим.

Токарь Кабанов не только перевыполнял норму. Он всегда был рад помочь тому, у кого не ладилось. Он был каким-то вездесущим, этот человек с большим, добрым сердцем. Мы диву давались, как он, полностью лишенный слуха, оказывался всегда там, где он больше всего был нужен. Одних зорких глаз было бы недостаточно для такой сверхоперативности. Тут все дело в его чуткости.

Во время войны большинство станков не имело индивидуального привода. Необходимость заставила пользоваться ременными передачами. Это допотопное хозяйство обслуживал шорник, пожилой и не очень крепкий человек. Когда что-нибудь случалось, нелегко ему было со шкива снять оборванный привод и натянуть отремонтированный ремень. Всегда в таких случаях, словно из-под земли, вырастал Кабанов. В эти тяжелые годы он был нашим добрым волшебником.

За доблестный труд во время войны В. И. Кабанов был награжден орденом Ленина. Станок, на котором он точил снаряды, выставлен как боевая реликвия в Центральном музее Советских Вооруженных Сил.

Теперь часто слышишь ученое слово «эталон». Тогда для меня образцом, к которому я стремилась изо всех сил, была работа В. И. Кабанова. Я старалась подражать этому исключительно талантливому человеку. Когда я говорю о том, что он красиво работал, то под этим следует понимать еще неторопливость и будто бы даже внешнюю его медлительность. На самом деле он никогда, ни при каких обстоятельствах не суетился. Движения его были исключительно рациональны, экономны. Тогда еще не очень популярно было слово «НОТ» — научная организация труда. Все это пришло к нам, рабочим, уже после войны. У Кабанова, мне кажется, была врожденная способность

трудиться по-научному. Считаю, что ему я обязана тем, что сравнительно скоро освоила все процессы токарной обработки снарядов. Каждая операция требовала исключительной точности, проверялась и перепроверялась калибрами и так называемыми пробками.

Прошло уже немало лет с той поры, но и сегодня не перестаешь удивляться, как такие точности давались уж не говорю мне, но подросткам, вчерашним школьникам. Сегодня при неизмеримо изменившихся условиях, успехах технического прогресса, наличии совершенных методов контроля молодые станочники, имеющие довольно солидную профессиональную подготовку, не сразу приходят к работе с микронными допусками. Их выдерживают порой довольно долго на разных менее сложных работах. И это, повторяю, несмотря на то, что они неплохо читают чертежи, отлично знают оборудование, имеют прекрасных наставников.

Тогда все было по-другому. Нужны были снаряды — и этим сказано все. Казалось, что можно требовать, когда подросток без подставки и резца-то как следует не видит. Так поначалу думалось. А на деле все выглядело иначе. Мне на всю жизнь запомнились эти смышленые глаза на худеньких лицах, глаза, от которых ничто не скроется в этом громадном цехе. Глаза, пытающиеся проникнуть в самую суть вещей, не умеющие плакать и тогда, когда в семью приходила похоронка, и источавшие слезы, когда «запарывалась» деталь. Вот эти-то ребята в сказочно короткие сроки проходили нелегкий путь к микронным допускам. Одни — чуть быстрей, другие — несколько медленней, но в общем все работали без брака, по нужному классу точности.

Не забыть мне никогда этих бледных от усталости и несытой кормежки ребят. И сейчас вижу, как мастер Павел Гаврилович Леонов толкует им что-то. А у ребят глаза смыкаются.

— Ты, Шура,— шепнет он мне,— поглядывай за ними. Как бы чего не стряслось.

Это он не к тому, чтобы не напороли, а чтоб какой-нибудь полусонный в беду не угодил, не покалечился бы...

Процент брака был ничтожно мал благодаря целой системе остроумных приспособлений, разработанных нашими рационализаторами. И все же главное, что способствовало

хорошей работе,— это стремление каждого молодого рабочего сдать изделие на «отлично». Если же брак случался, пролет, а то и цех узнавал о нем по надрывному плачу, который вдруг оглашал своды цеха. С мольбой, бывало, кинется ко мне какая-нибудь виновница брака:

— Нельзя ли что-нибудь сделать, как-нибудь исправить, чтобы спасти изделие? Уж больно обидно. Так старалась, так выводила, не углядела...

Помозгуем с мастером и, если удастся, непременно выручим девчонку. Я говорю о девчонках потому, что ребята тоже остро переживали свои неудачи, но старались не плакать.

В первую зиму меня назначили наладчиком группы станков пролета финишной операции. От нас изделия шли на термическую обработку, в термический цех. В этом соседстве есть своя хорошая и плохая стороны. Правда, и в любом месте работа в потоке не дает, как говорят, прохлаждаться. Всегда кто-нибудь тебе наступает на пятки, кто-то подхлестывает. Но когда рядом тебя подгоняет целый цех, работать чисто, точно, ритмично особенно трудно. Тут на финишном пролете я с особой силой ощутила всю тяжесть ответственности. Мне всегда казалось, что малейшая заминка, случившаяся на пролете, непременно произошла по моей вине. Раздастся, бывало, среди ночи крик «термичка простаивает», и у тебя сердце обрывается. Ни одна бомбежка меня так не пугала, как эти два слова. Постепенно я сумела крепко обуздать свои нервы. Поняла, что лучший способ помочь «термичке» — это продолжать спокойно делать свое дело.

Уже в послевоенные годы увидела я в печати слово «микроклимат». Был тогда в нашем цехе, как, вероятно, и в других, свой микроклимат: мы жили, строго говоря, одной семьей. В ту зиму цех порой напоминал общежитие. В особенности ночью. Многие, кто жил далеко, ночевали тут же. Прикорнет человек около бытовок или в свободной части прохода, да так и переспит до утра.

Подойдешь налаживать станок. Пока меняешь и затачиваешь резцы, ставишь их, проверяешь работу станка, проходит минут десять. Смотришь, работник уже прикорнул, прямо на решетке уснул с куском хлеба во рту. Как его будить? Пустишь станок и поработаешь за него, пока не позовут налаживать станок где-нибудь в другом месте на потоке.

Оставались в цехе и те, кому добраться до дому мешала бомбежка. Приспособились стирать белье прямо в умывальниках.

Жили как одна семья. Знали о гибели близких, утешали получавших похоронки. Помогали больным, ослабевшим.

Была у меня подруга Оля Гусева. Жила она неподалеку от завода, в Стремянном переулке, у больной тети, получавшей иждивенческую карточку. Конечно, туго ей приходилось. Как помочь подруге? Работала она неплохо, но, чтобы заработать стахановский талон, нужно перевыполнять норму. А стахановский талон — это дополнительные к пайку 100 *г* хлеба и второе блюдо в буфете. Уставала Оля быстро. Я же крепкой была. Сказывалась деревенская закваска. Когда на моем участке все шло нормально, станки работали ровно, подойдешь к Ольге и предложишь немного отдохнуть. Немного, казалось бы, а отдых помогал Ольге приняться за дело с новыми силами. Так она частенько приносила домой дополнительный хлеб и второе буфетное блюдо. С Ольгой Гусевой, ныне врачом, мы частенько вспоминаем военные годы и нашу большую дружную семью фронтового потока.

Случались и такие «ЧП», как потеря продовольственных карточек. Не было случая, чтобы человек остался без поддержки. Из своего пайка отрывали по 100 *г* хлеба, немного жиров, сахару...

Так было всюду, во всех цехах, на всем заводе. И эта сплоченность, дружба, взаимовыручка помогали решать задачи, которые и сейчас показались бы непростыми и нелегкими. Без остановки производства продолжали реконструкцию цехов. Отсталая техника была до предела загружена. А ведь это не сказывалось на качестве военной продукции. На устаревшем оборудовании скорости обработки не только не снизились, но и возрастали. Может быть, отсюда, с нашего пролета, и началась новая волна патриотического движения, которое было названо движением скоростников.

Помнится, в одном из цехов токарь С. С. Семиков показал невиданную для той поры скорость обработки деталей. Это известие быстро облетело завод. Заинтересовался и наш скоростник Василий Иванович Кабанов. И сравнительно быстро его станок стал работать на новых скоростях.

Вспоминаю сейчас, за счет чего так резко поднялась скорость обработки. Главное, конечно, в новом режущем инструменте, в новых углах заточки резцов, словом, в технической стороне дела. Но не только в ней. Для победы нужны были высокие скорости, и они появились. Уже через месяц по методу Семикова стали успешно работать В. Борисов, К. Дерюгина, Л. Евсеева, они подняли скорость подачи в два-три раза.

Я все время называю свой поток фронтовым. А ведь это звание официально присваивалось бригадам, участкам, пролетам, цехам. На нашем фронтовом потоке часто возникали почины, которые потом подхватывались не только всем цехом, заводом, но и всей промышленностью страны. Именно тогда у нас родилась и широко распространилась идея часового графика. Стоит вдуматься в смысл этого понятия, вспомнить тогдашнюю обстановку, чтобы оценить новаторский порыв ильичевцев.

Внедрение часового графика является и сейчас, спустя три десятилетия, в неизмеримо более благоприятных условиях, делом далеко не простым. Нелегко начиналось оно и тогда. И все же борьба за часовой график развернулась по всему заводу с невиданным размахом.

Часовой график чем-то перекликался с военной наукой. К той поре мы уже знали, как готовятся большие военные мероприятия. С точностью до секунды согласовываются действия военных соединений. Все рассчитывается, вплоть до поведения каждого отдельного бойца. И если уж нам присвоено звание фронтовой бригады, мы обязаны также по-военному уважать минуты и даже секунды. Не допускать никакого отклонения от графика. Ведь каждая заминка становилась причиной срыва графика — железного расписания военного времени.

С введением часового графика я, как наладчица станков, оказалась на передовой линии огня. И до этого я не чувствовала себя в тылу. Но теперь...

Мой участок был довольно разношерстным по оборудованию. А станки эти, как уже сказано, в основном обслуживались подростками. Часовой график обострил все существовавшие здесь проблемы: и станки разные, и ребята разные, только минуты нашего военного времени одинаковые. Что же делать?

Нужно во что бы то ни стало создать какой-то задел инструментов: резцов, сверл, фрез. Используя малейшее

«окно», любое затишье, я стала готовить этот «фонд» часового графика. Приходилось оставаться и после работы. И не потому, что ехать далеко. Я жила тогда рядом с заводом. Когда этот «фонд» был создан, работать стало спокойней. Можно было помочь моим ребятам держаться в графике.

График приучил нас уважать минуту. Наступившая вдруг тишина действовала на нервы больше, чем, бывало, грохот канонады, бомбежки. Правда, это случалось редко. Так редко, что дни эти запомнились навсегда.

Стал конвейер. Вышло из строя несколько станков на промежуточной операции. Это угрожало срывом не только часового, но и суточного графика. И тогда группа рабочих под руководством мастера С. М. Разуваева на своих станках начала выполнять ряд промежуточных операций. Мастер и его группа перестроили станки, наскоро организовали поток и принялись за дело. Нужно было видеть, как мелькали рукоятки суппортов. Но вот остановившаяся часть потока была пущена, и оказалось, что остановка прошла вообще безболезненно. И тем не менее коммунисты цеха требовали, чтобы такие случаи не повторялись. Мастерство и еще раз мастерство, постоянное совершенствование производства, учеба — вот какие требования выдвигались передовиками завода. И эти призывы подхватывались всем коллективом предприятия.

16-летняя девушка пришла на завод в первые дни войны. Ее поставили сверлить отверстия. Показали, как надо обращаться со сверлильным станком, как пользоваться кондуктором. Девушка быстро освоилась с делом, стала выполнять, а там и перевыполнять норму.

Рядом работала на обработке донышка снаряда подруга. У нее на токарном дело не ладилось. Первая стала помогать подруге. Незаметно освоила и профессию токаря. Когда чей-либо токарный оставался без хозяина, начинала обслуживать два станка: свой сверлильный и соседний, токарный. Так бывало и на других участках. В первую военную зиму многие подростки, вчерашние школьницы, домохозяйки стали владеть двумя, а то и тремя профессиями. Это очень пригодилось. Когда, достигнув призывного возраста, молодые ребята ушли в Красную Армию, за их станки встали те, кто владел несколькими профессиями. В свою очередь, они начали обучать новое пополнение рабочим профессиям.

В разгар битвы на Волге завод получил ответственное задание — изготовить боеприпасы для нового оружия. В это время освободилось место за бесцентровочно-шлифовальным станком.

Что, подумала я, если и мне освоить еще одну профессию? Многие мои подопечные к тому времени сами научились налаживать свои станки, затачивать резцы. А если, думала я, потребуется моя помощь, так ведь я рядом. Всегда помогу. Конечно, будет нелегко, но мы не гнались за легкой жизнью.

Я с жадностью принялась осваивать этот довольно сложный станок. Помимо того, что работать приходилось по локоть в содовом растворе, мучила постоянная нехватка кругов, которыми обрабатывалось изделие. Уж что мы только не придумывали! Сработанные круги научились выравнивать. Научились использовать для этого алмазные карандаши. Это пустотелые, залитые медью и алмазными крупицами стержни.

Но выдался такой день, когда в цехе не оказалось ни одной крупинки алмаза. Кончились и карандаши. Хоть останавливай станки. Что делать? Тогда и произошел случай, надолго запомнившийся нам. Старый рабочий цеха сходил на квартиру и еще до конца обеденного перерыва вернулся и — прямо в инструменталку. Здесь он показал инструментальщику кольцо с алмазом: этот чудом уцелевший свадебный подарок он просил использовать. Через час свадебный алмаз отлично использовался для правки абразивных кругов, которыми шлифовались боеприпасы для нового оружия. Не помню точно, сколько он служил, но простоев на шлифовке не было. В это время откуда-то самолетом доставляли на завод алмазные карандаши и абразивные круги.

За этим станком прошли два военных года. А над пролетом, где шла самая ответственная, финишная обработка изделий, висели самые почетные в ту пору вымпелы фронтовых бригад. Это ко многому обязывало. Вдуматься только! До этой операции — шлифовки центрирующих утолщений — изделие длиной более трети метра проходило длительную обработку. Сотни людей участвовали в его изготовлении. И нигде, на всей технологической цепочке не было более жестких допусков, чем на шлифовальных станках. Я с гордостью могу сказать: мы их выдерживали.

Вспоминаю и еще одну особенность той поры: характер наших собраний. Ничего похожего на собрания мирного времени с большой, «мировой» повесткой, метровым списком ораторов тогда, понятно, не было. Все по-быстрому: митинги, летучки. Вот как они тогда проходили.

Цеховое собрание молодежи открыла комсорг. Кратко и ярко она рассказала о положении дел на фронте, где наша Красная Армия развернула наступление.

— Мы,— сказала комсорг,— должны перейти в наступление на нашем участке фронта. Наш участок фронта, каждый понимает,— это наш цех. Какие будут предложения? — спросила комсорг.

— Даю ежесменно по две нормы,— поднял руку один подросток. Его поддержали другие участники собрания.

Никаких резолюций не принимали. Только назавтра пришли к своим станкам на час раньше: рассчитали, что ночная смена к этому времени уже не даст фронтовой производительности. Ей нужно помочь.

Однажды на одном молодежном собрании поделился своими воспоминаниями ветеран труда мастер цеха Г. Г. Буданов. Его звали запросто — дядей Егорычем. Он рассказывал о приезде Ленина на завод, о встречах с рабочими в годы гражданской войны. Мы, молодые, ловили каждое слово дяди Егорыча. Ведь этот человек видел живого Ленина. Несмотря на усталость, не хотелось уходить. Все, кто работал в дневной, кто уже отстоял нелегкую смену, кинулись искать свободный станок. Кому удавалось найти свободное оборудование, вызывали зависть других. Уговаривались: поделить за станком смену — фронтовую вахту. Так нередко заканчивались тогда собрания.

Совсем недавно я побывала в нашем заводском музее. С большим волнением я рассматривала фотографии тех лет, листала подшивки, Книгу вкладов в особый фонд Главного командования Красной Армии. Об этом экспонате нашего музея хочется рассказать подробнее.

Книга появилась на нашем заводе по решению рабочих собраний. В книгу вносились записи о победителях социалистического соревнования, давших своим патриотическим трудом сверхплановую продукцию фронту.

В те дни все наши помыслы были об одном — о победе. О том, чтобы своим трудом приблизить ее час. Никто, понятно, тогда не задумывался об истории. Сегодня же строки записей, лаконичные, скупые, где, собственно, кроме

имен, фамилий и внесенного ими вклада,— ни одного лишнего слова, звучат как сама поступь истории. Вот один из документов, с которого начинается книга.

«1. С начала 1943 г. произвести следующие записи в Книге вкладов передовых коллективов завода в особый фонд Главного командования Красной Армии.

Цех № 11 — начальник цеха т. Якимчук, секретарь парторганизации т. Копейко, председатель цехкома т. Бровкин.

Все кадровые рабочие перевыполнили в январе — марте установленные нормы выработки, 50% рабочих выполняли норму от 150 до 300%.

2. Выдать грамоты об участии в образовании особого фонда Главного командования Красной Армии коллективам рабочих, ИТР и служащих цехов № 22, 16, 20, 11, 10, 8, 21».

Я на мгновение задерживаюсь на цифре 22 — номере нашего цеха. Невольно закрываю глаза и вижу наш цех в те дни.

Репродукторы под всеобщее ликование разносят сводки о победах Советской Армии на Курской дуге. Нам слышатся громовые раскаты грозного «бога войны», залпы «катюш». И в улыбках, которыми озарены наши лица,— счастье своей сопричастности к этим героическим делам. Не подвели сработанные нашими руками «изделия».

Война все дальше откатывалась на запад. Доблестная Советская Армия двигалась добивать врага в его логове. Тогда-то мне впервые попалось слово «посевная». Я прочитала его на ящиках, сложенных неподалеку от нашего цеха. Поначалу подумалось, что «посевная» — это шифр какого-нибудь нового «изделия». Может, и этот «посев» обернется для врага смертельным урожаем, подумала я и тут же забыла.

Но не прошло и часа, как все с «посевной» выяснилось. Война еще шла, а мы узнали, что в ящиках действительно были посевные грузы: блоки цилиндров тракторных двигателей. Значит, победа не за горами, решили мы. Нам в порядке боевого задания теперь поручалось подготовить к посевной тысячи тракторных двигателей.

Мне досталась ответственная операция — шлифовка блока, где микронные допуски. За этой, уже мирной, работой я и услыхала сообщение о победе над гитлеровской Германией.

Ф. А. Присяжнюк

НА ЗАВОДЕ «ДИНАМО»

ПРИСЯЖНЮК Фекла Андриановна. Родилась в 1893 г. Член КПСС с 1917 г. Ветеран завода «Динамо». Персональный пенсионер.

И вот — война. Первое военное партийное поручение. Но, как это часто бывает, оно запечатлелось в памяти.

Мы, коммунисты «Динамо», собрались в помещении парткабинета, которым я тогда заведовала. После короткого митинга мне сказали:

— Пойдешь выступать на призывной пункт, в помещение школы.

Знакомое здание. Здесь в агитпункте столько раз приходилось выступать, проводить встречи. Но то было в мирные дни. А сейчас прямо отсюда люди уходили на войну, а может, на смерть. Тут жены прощались с мужьями, дети с отцами, сестры с братьями. Все изменилось. Сразу появилась какая-то другая мера вещей. И еще по дороге сюда думалось о том, что сейчас нужны какие-то совсем другие

слова. И сама я должна уже стать какой-то совсем другой. Какой?

Я чувствовала, как подкатывавший к горлу ком мешает произнести первое слово «товарищи». На выручку пришла память о моей нелегкой юности. Мне вспомнились далекие годы, когда ко мне, узнице царской тюрьмы, пришла горестная весть о гибели старшей сестры Матрены. Приговоренная царским судом за революционную деятельность к повешению, она, чтобы не доставить радости палачам, отравилась. И вот тогда-то старшие товарищи учили меня быть мужественной. «Нам не к лицу распускаться»,— говорили они. Сказанные более 30 лет назад снова зазвучали эти слова. Прибавилось силы. Как бы со стороны я вижу, как растет вокруг меня толпа. Я слышу свою речь, в которой звучит твердая, непоколебимая вера в нашу победу, в правоту нашего великого дела.

За годы войны, как и почти за два десятилетия до этого, я была на разных работах на заводе. Работала изолировщицей, обмотчицей, электромонтером. Не раз избиралась в партком, секретарем цеховых парторганизаций. Партийную работу всегда считала своим призванием, любила ее. Партийное слово — это начало начал любого дела. Уметь донести его до человеческого сердца — великий дар. Учиться этому я стремилась всю свою жизнь. И оно, правдивое партийное слово, подкрепленное личным примером, вело вперед и в трудные военные годы.

С первых дней войны парткабинет стал центром политической информации. Сюда приходили, ища ответа на самые злободневные вопросы, не только коммунисты, но и беспартийные. Но вскоре начались бомбежки. Завод «Динамо» был закамуфлирован под деревню. И все же на завод падали и зажигательные, и фугасные бомбы. Попали они и в парткабинет. И нужно было видеть, как спасали рабочие имущество парткабинета, как собирали разрозненные странички ленинских книг, подбирали страничку к страничке, сушили на солнце.

Мне кажется, что главное, чему мы тогда учились и чему учили других,— это как можно скорее перестроиться на военный лад: жить и работать по-военному, целиком и полностью отдать все свои силы и способности на разгром коварного врага, на достижение победы.

Я задумываюсь над тем, как одно и то же слово может иметь разную нагрузку. Вот оно это слово: «трудности».

И до войны их приходилось преодолевать, бороться с препятствиями на каждом шагу. И были они, конечно, немалыми. И все же они не шли ни в какое сравнение с трудностями военного времени. И эту разницу прежде всего ощутили мы, коммунисты. И вот что характерно. Во время войны слово «трудно», можно сказать, почти начисто исчезло из оборота. С трудностями мы боролись, но меньше всего о них говорили.

В первые же дни войны больше половины членов партийной организации «Динамо» ушло на фронт. Уходили добровольцами в составе 5-й Коммунистической бригады, в народное ополчение. Сотнями уходили добровольцами и беспартийные.

Главная задача завода тех дней — заменить ушедших на фронт мужчин женщинами, подростками. И осуществить эту замену как можно быстрее и безболезненнее. Уже в первый день войны женщины завода взяли обязательство освоить вторую, непременно «мужскую», профессию. Если ты работала токарем — стань слесарем. И наоборот. И слово это у динамовок не разошлось с делом. Слесарь Ася Павлова вскоре изучила токарное дело. А токарь Е. Акимова, впоследствии освоившая не одну «мужскую» профессию, выполняла нормы на 260%. Все эти и многие другие патриотические начинания и подсказали нам, пропагандистам, тематику наших выступлений: как можно ярче, доходчивее распространить опыт патриоток, сделать его достоянием всего коллектива предприятия. Если учесть, что уже в первые дни войны на заводе оставалось около 300 коммунистов, станет ясна роль каждого из них.

Чтобы пульс завода бился ровно, чтобы нескончаемым потоком шли на фронт составы с вооружением, возвращались в строй отремонтированные танки, приходилось крепко трудиться. И здесь большую роль играло настроение людей. А оно в немалой мере зависело и от того, как мы, коммунисты, способствовали этому.

С началом бомбежек потребовалась эвакуация детей в восточные районы страны. По заданию Пролетарского райкома партии мне пришлось вместе с одним работником автозавода им. Лихачева организовать эвакуацию полутора тысяч детей и матерей в Горьковскую область. Почему выбор пал на меня — не знаю. Да никто тогда и не расспрашивал о таких вещах. Сказали — выполняй! Должна заметить, что до этого задания и после не было такого, которое

бы потребовало стольких сил, напряжения. Я почти физически ощущала тяжесть взвалившейся на меня ответственности. Чем только не приходилось заниматься во время этой нелегкой поездки! Даже повивальной бабкой была — в поезде принимала новорожденного. Организовывала питание ребят, умоляла чуть ли не на коленях начальников станций пропускать поезд. Когда первоначально намеченный город Урень не смог нас принять, детей пришлось перевозить на подводах по бездорожью за многие десятки километров в другой город.

Самым трудным делом, как ни странно, оказалась организация учета детей. Сверяли по книгам и составляли точный список ребят, прибывших в конечный пункт — Ветлугу. Ведь ничего не стоило в суматохе тех дней запутаться. Книги составлялись, к сожалению, наспех. Когда в самый последний момент кто-то отказывался от эвакуации, то в списках продолжал значиться. И наоборот. Наш «отчет», я с гордостью вспоминаю об этом, был в полном ажуре. И нужно было видеть радостные лица работниц завода, когда мы, вернувшись в Москву, рассказали о том, как устроены эвакуированные. Мне кажется, что этот «отчет» самым лучшим образом работал на оборону.

И снова цех, заказы, которые надо выполнять с военной точностью, военными темпами. Все участки стали ответственными, трудными. Но были среди них и исключительно трудные. Так вот туда-то и пошли наиболее стойкие коммунисты. Таким с первых дней войны стал литейный цех. Здесь предстояло освоить производство военной продукции. И все это при острой нехватке людей — формовщиков, литейщиков, пескоструйщиков, сталеваров. Дело для динамовцев было новым еще и потому, что до войны завод получал заготовки с других, южных заводов. Теперь эти предприятия были на колесах — эвакуировались на Восток страны.

Коммунисты литейного цеха сумели сравнительно быстро освоить новую технологию литья. Отливка в «землю», как тогда она называлась, была заменена отливкой в металлические формы. Внедрение новшества прошло довольно быстро, почти без особых, понятных в таких случаях трудностей.

Новая технология обеспечила рост производительности труда в литейном производстве вдвое, экономию электроэнергии, стали, растительного масла, кварцевого песка,

транспортных средств. Как важна такая экономия в условиях военного времени, говорить не приходится. Восемь раз во время войны литейщики завоевывали Красное знамя победителей социалистического соревнования. Мне особенно приятно назвать в числе победителей женщин, освоивших эту «мужскую» профессию, таких, как старший мастер коммунистка Л. К. Игнатова, стерженщица комсомолка Д. Ш. Михейчева.

В литейке в те дни и ночи, как и на всем заводе, совершались подлинные подвиги. При той нехватке людей, которая мучила в особенности в первые месяцы войны, работать приходилось по две смены кряду. В одну из таких смен, которая выпала на долю заливщика Г. Л. Фокина, бывшего конармейца, участника гражданской войны, произошло «ЧП»: прогорел свод плавильного агрегата. Около печи не то что работать — стоять невыносимо. Но одна мысль о том, что пропадает металл, из которого готовится вооружение, что его ждут бойцы, придавала людям новые силы. Нечеловеческое усилие воли — и к печи вилотную подошел Фокин, подставил свой ковш. Его примеру последовали остальные рабочие смены. Ни один грамм металла не пропал.

Горестным был вид пустеющих цехов: по ночам, скрытно осуществлялась эвакуация родного предприятия на Урал. Люди грузились на подмосковной станции Лизино. Уезжали в Пермь, Свердловск, Челябинск. Связь с нашими земляками не терялась ни на один день. Из их писем мы узнавали, что динамовцы нигде и ни при каких условиях не уронят чести завода.

Меньше 100 коммунистов-динамовцев эвакуировалось на Урал. Совсем немного в свете тех задач, которые им пришлось решать. Но что эти стойкие коммунисты и руководимые ими беспартийные свершили в нелегких условиях войны! Одно перечисление заняло бы слишком много места. Назову лишь основные пункты «послужного списка» этих героев тыла. Небольшая группа динамовцев наладила в челябинском «Танкограде» производство электрооборудования для танков. А в Миассе в самых, можно сказать, неблагоприятных условиях бывшую мельницу превратила в завод, впоследствии ставший могучим «Миассэлектротяжмашем».

С особой силой чувствовали мы, что завод стал для всех нас родным домом. Мы писали друзьям на Урал, рассказы-

На артиллерийском заводе.
Приемка орудий военпредом.

Авиабомбы фронту сверх плана.
В цехе сибирского завода.
1942 г.

На авиационном заводе. 1941 г. Директор завода А. Ш. Третьяков, главный конструктор А. И. Микоян и главный инженер В. Литвинов рассматривают чертежи нового боевого самолета.

На самолетном заводе. Слесари винтомоторной группы.

Самолеты «ЯК» готовы к выходу из сборочного цеха завода.

Сборка противотанковых орудий
на одном из подмосковных заводов.
1942 г.

вали о наших успехах, достижениях. Уральцы информировали нас о своих делах. И те, и другие держали крепкую связь с динамовцами-фронтовиками. И в это многотрудное время нам удавалось выкраивать минуты на «час письма». Тут же на летучем собрании составлялись ответы нашим землякам. И это вселяло в каждого из нас новые силы, было источником новых свершений.

Уже в первые месяцы войны коллектив завода стал по преимуществу женским. Работницы трудились не только в традиционно женских цехах, таких, как обмоточный, изоляционный.

Нам, ветеранам завода, коммунистам в первую очередь, пришлось возглавлять производственную учебу пополнения работников. Учить приходилось не только производственным навыкам, но и дисциплине труда, рабочей этике. Для нашего нового контингента это было особенно важно. Подростки, школьницы, вчерашние домашние хозяйки, они еще не успели выработать в себе свойственных кадровым рабочим коллективистских черт. Требовался с нашей стороны очень тактичный и гибкий подход к каждому подопечному. Приходилось действовать методом показа и рассказа. Врожденными, отличными педагогами показали себя многие женщины. Хочется вспомнить добрым словом обмотчиц З. Пронину, А. Логунову. За военные годы эти подлинные виртуозы подготовили целую плеяду отличников производства, таких, как Е. Денисова, Е. Кузнецова, А. Никульшина, Л. Кашина и др.

Вполне успешно и в небывало короткие сроки освоили женщины традиционно «мужские» профессии. На таких участках, как заготовка, формовка стержней, А. Оленева, К. Ершова, А. Кузьмина, Д. Елина сумели перекрыть показатели ранее работавших здесь мужчин. А ведь и заготовка, и формовка стержней в ту пору считались одними из наиболее тяжелых операций.

В литейном цехе профессией сталевара одной из первых овладела Надежда Муханова, хорошим машинистом молота стала Вера Евсеева. Каждый день перевыполняли норму женщины, ставшие прессовщицами, молотобойцами.

Одной из главных причин успешной учебы, как, впрочем, и других успехов, является быстрая перестройка партийной организации в соответствии с требованиями военного времени. Руководство партработой было предельно приближено к производственным участкам. В шести

основных цехах было создано 14 партийных групп. Партийная группа, находившаяся на переднем крае битвы за план, естественно, всегда была в курсе всех дел, возглавляла борьбу за успешное выполнение заданий. Здесь, в цеховой партийной организации, как правило, рождались все патриотические начинания, подхватывались новые интересные идеи, возникавшие в рабочей среде.

Новое чаще всего зарождалось во время товарищеских бесед, на встречах. Помнится, во время одной из таких бесед комсомолка Д. Михейчева предложила начать соревнование стерженщиц. Это было как нельзя кстати. Именно из-за этого участка отставал тогда весь цех. Во время беседы с пропагандистами и были выработаны условия соревнования. Партком, общественные организации, администрация поддержали это предложение. На вызов Михейчевой откликнулись все рабочие цеха. И в эту же военную зиму цех занял одно из первых мест по всем показателям.

В партгруппе же возникла и еще одна идея. Инициатором нового начинания выступила тогда мастер цеха А. Ф. Еремеева. Я сменила ее на посту секретаря парторганизации цеха. Еремеева предложила развернуть поход за использование резервов производства. Я не уверена, что в то время это так называлось. Думается, что как-то скромнее. Но результат этого почина был довольно большим.

Что тогда понималось под поиском резервов? Прежде всего поиск дефицитных материалов, и особенно миканита. Без этого изоляционного материала выпуск оборонной продукции ставился под удар.

— Но в цехе есть миканит,— уверяла Еремеева.— Он, правда, неразмерный. И все же это миканит. Пришла пора использовать его. Не такие времена, чтобы им пренебрегать.

Партгруппа миканитовой мастерской, коммунисты цеха поддержали предложение Еремеевой. Инженеры, мастера продумали систему использования «безразмерки». Цех успешно справился с заданием.

«Узким местом» был и участок бакелитовой мастерской. Здесь также партгруппа решила наладить экономное использование материалов. Инициатор похода — стахановка участка горячей штамповки слюды З. Удалова сумела в своей бригаде внедрить новые методы полного использования дефицитного материала. Вскоре с участков более равномерно пошли в соседние цехи детали — валы, конуса, рейки.

Тогда же разработали способы утилизации отходов, использования безразмерных дефицитных материалов. Так, можно сказать, с отдельных эпизодов и начался поход за экономию, подхваченный затем не только коллективом завода, но, по нашему примеру, всей промышленностью. И инициатором этого патриотического начинания была партийная группа производственного участка.

На производственном совещании, рабочем собрании, митинге, летучке, беседе пропагандиста всегда чувствовался пульс общественной жизни и разговор тут шел о самом главном — о том, как приблизить час победы над врагом. Говорили и о том, что мешает этому. Тут же вносились предложения. Не всегда и не для всех эти разговоры были приятными. Особенно, когда речь шла о непорядках в цехе, в столовой, в магазинах ОРСа.

Помню, выслушав ряд жалоб, я пригласила на одну такую беседу председателя цехового комитета.

— Нужно рассказать, кому и как в цехе даются дополнительные (стахановские) талоны на питание. Народ не зря обижается.

Вопрос, как видим, был немаловажный. Предцехкома признал, что в учете показателей выработки допускались ошибки. Теперь все исправлено. Заявление предцехкома приняли к сведению, назначили дотошных контролеров и поручили предцехкома отчитываться по этому вопросу регулярно. В дальнейшем никаких жалоб по этому вопросу не было.

На наших беседах «потребительские» вопросы обсуждались очень редко. Больше было таких, где проявлялась забота людей о судьбах Родины. На встречах вносились предложения о сборе теплых вещей для Красной Армии, о сборе средств на танковую колонну «Москва».

Готовность пожертвовать всем была подлинно всеобщей. Каждой семье далеко не лишними были средства, которые она отчисляла. Люди, прямо скажем, отрывали от себя. Уже успели пообноситься, частенько недоедали. Но никого это не останавливало. Любое патриотическое начинание подхватывалось, ширилось, становилось достоянием всего коллектива, выходило за пределы завода и часто поддерживалось коллективами других предприятий.

Так, по инициативе партгруппы якорного цеха начался тогда поход за экономию рабочего времени. Это было связано с механизацией большого количества трудоемких

операций. На помощь пришли рационализаторы. Сравнительно несложные приспособления помогли облегчить труд, сберечь рабочее время.

Тогда же впервые, может быть, на предприятии коммунисту В. Головичеву было выдано личное клеймо. Это означало, что мастеру высокого класса доверено сдавать продукцию помимо ОТК. По достоинству оценив эффективность этого почина, коммунисты предприятия развернули борьбу за высшее качество продукции. В скором времени 70 последователей Головичева получили право пользоваться личным клеймом. Непросто было добиться такого права. И сегодня мастер, пользующийся индивидуальным клеймом, гордость любого предприятия, встречается нечасто.

И еще о многих начинаниях, которыми люди опережали свое время, хотелось бы рассказать.

Весной 1942 г. заговорили о «тысячниках». О них, этих посланцах партии в деревню, мы знали еще в 20-х годах. Теперь в это слово вкладывался другой, не менее гордый смысл. «Тысячники» — это рабочие фронтовых бригад, стахановцы, которые выполняли по тысяче процентов(!) дневной нормы. Иными словами, 10 дневных заданий. Были среди них и такие, как фрезеровщик И. Лавренев, который в дни предмайской фронтовой вахты дал 33 дневные нормы!

И сегодня, спустя десятилетия, нас поражает та оперативность, с какой распространялся опыт этих энтузиастов, новаторов. В связи с этим вспоминается еще одна особенность той поры: было мало писанины. Многое делалось без всякой записи. Вот в одном из цехов во время обычной пропагандистской беседы обратили внимание на захламленность. Никому и в голову не пришло принимать какие-то решения, вести протокол. Просто остались мы в цехе на несколько часов вместе, конечно, с его начальником и навели порядок.

И еще один пример оперативности, даже в таком, казалось бы, сложном деле, как внедрение технических новинок.

Весной 1942 г. сварщик второго механического цеха «Динамо» В. Н. Суслов, успешно овладевший способом бензосварки, добился выдающихся результатов. В условиях военного времени особенно важно было экономить кислород и ацетилен, которые тогда были остродефицитными. Бензосварка крепко выручала предприятие в те годы.

Во время войны во всех газетах было опубликовано обращение ко всем трудящимся Советского Союза передовиков завода «Динамо». Там были такие слова, ставшие затем нарицательными: «Пока война продолжается — жить только войной». Среди подписавших это обращение есть и фамилия бензосварщика Суслова.

В эти трудные годы непрерывно росла партийная организация завода. В партию шли передовики соревнования, новаторы производства, тысячники. Среди тех, кто тогда вступил в партию по моей рекомендации, была технолог Е. Андрианова, чей доблестный труд был затем отмечен орденом Ленина. В те годы формировался характер этой замечательной общественницы, будущего члена Комитета советских женщин. «Фронтовым поручением» тогда являлась вахта по две и более смен кряду в цехе. Но были и такие поручения, которые прямого отношения к технологии не имели, но которые, несомненно, также работали на оборону: это, например, посещение квартир семей фронтовиков, забота об их детях, посещение госпиталей и многое другое. С помощью таких, как Андрианова, велась переписка с фронтовиками-динамовцами. Кстати, вот одно из тысяч таких писем. Адресовано оно красноармейцу К. Трухину. «Сообщаем тебе, что твоя семья находится под постоянной заботой. Будь спокоен: малыши твои здоровы и растут, полные сил». Чтобы создать в семье красноармейца-фронтовика эти условия, требовались усилия общественниц.

Одной из самых действенных форм пропаганды в ту пору были беседы в цехе. Для этого использовались перерывы, пересменки. Готовиться нам, пропагандистам, к ним приходилось со всей серьезностью. Ведь, обращаясь к нам, рабочие говорили:

— Вы — коммунисты, и от вас мы ждем разъяснения: почему не выполнено то или иное решение, что мешает нам?

Готовиться, повторяю, приходилось со всей серьезностью и являться на беседу во всеоружии. Бывало так, что на самой беседе я не могла ответить на какой-нибудь вопрос. Но на следующий раз я на него обязательно отвечала.

Задали мне как-то вопрос, связанный с введением новых воинских знаков различия. И вот мне, сугубо гражданскому работнику, пришлось прочитать все, что к тому

времени было опубликовано о погонах, о чести мундира советского воина, о роли командного состава. Моя беседа, как о ней потом отзывались рабочие, превратилась в квалифицированную лекцию о воинском долге, о дисциплине. Да и я видела, что слушают меня с большим интересом. Самый же важный результат — заметное повышение трудовой дисциплины среди подростков. Видимо, удачно был проложен пропагандистский «мостик» от военных дел к своим, производственным.

Нам, динамовцам, дорог был свой завод, дорог, как родной дом, как родная семья. Но никогда ни один из нас не страдал тем, что называют местничеством. Мы всегда жили интересами всего народа, всей страны.

Так уж случилось, что заводу после многократных присуждений пришлось уступить Красное знамя ГКО другому предприятию. Правда, затем знамя было возвращено и осталось навечно на заводе. Но вернуть знамя было нелегко. Коммунисты и беспартийные рабочие делали все, чтобы «вытянуть» программу. По нескольку смен подряд люди не выходили из цехов, отделов. И когда прорыв был ликвидирован и нужно было закрепить успех, от завода потребовали оказать помощь сельскому хозяйству. Это прежде всего значило послать в подшефные колхозы людей. Людей, которых всегда заводу не хватало. И все же никто и словом не обмолвился. Во главе одной из больших групп я выехала в Бронницкий район Московской области.

Ряд месяцев, с мая по сентябрь, мы работали там. Провели посевную, прополку, уборку. Десятилетия пропали с тех пор как приходилось шагать девчонкой за плугом, полоть, косить. Но, как и положено коммунисту, я всегда бывала первой на полоске. Нелегко это давалось. Ведь и годы сказывались, и долгий перерыв. Но сознание того, что по мне равняются мои вовсе не привычные к сельскому труду подружки, вселяло в меня силы. И еще помнила я кем-то брошенную накануне реплику:

— Говоришь ты, Андриановна, хорошо. Теперь посмотрим, какова ты в поле.

Сказано, конечно, не для обиды, по-доброму. А все-таки сказано. Значит, кто-то смотрит, как мы работаем, и мы показали, что можем не только хорошо говорить.

Наша группа помогла подшефному колхозу в селе Ульянино и взяла сверх плана на буксир другие колхозы района. Этот случай лишний раз подтвердил правоту партий-

ного метода пропаганды: пропагандист должен убеждать личным примером.

Шел третий год Великой Отечественной войны. Победы Красной Армии вдохновляли советских людей на новые трудовые подвиги. Но все же жилось нам трудно. И вот тогда-то как предвестник того, что победа уже не за горами, пришло сообщение, всколыхнувшее весь коллектив. Принес его один из руководителей Московского комитета партии. Заводу «Динамо» поручили восстановить выпуск моторов для рудничных электровозов. Это еще, конечно, не моторы для троллейбусов — продукции счастливых мирных лет. Но все же. Ведь моторы нужны шахтам районов, где еще недавно хозяйничали фашисты.

Нужно было видеть, с каким ликованием узнали мы об этих мирных заказах, как строгие серьезные люди смахивали слезу, приступая к выполнению этих заказов. Вскоре пошли и новые заказы: восстановить выпуск электрооборудования для кранового хозяйства. Ведь до войны завод «Динамо» являлся «монополистом» в этом деле.

Выполнение этих заказов было взято под особый общественный контроль. Хотя, быть может, в этом большой нужды не было. Мы все понимали, что эта мирная продукция так же нужна для нашей победы, как и то вооружение, что выпускалось заводом.

Доля мирной продукции возрастала, но война все еще чувствовалась. Во всем. Даже в обстановке, в какой проходили наши собрания, беседы, летучки: все на лету, по-бивуачному.

В одну из таких бесед как-то вспомнилось о красных уголках. В первые военные месяцы они стали использоваться для других целей, не для отдыха. Вскоре мне удалось добиться открытия красного уголка в цехе. Казалось бы, ничего особенного. Обыкновенная, просторная комната, книги, портреты, репродуктор, стол, стулья. Но, видимо, подлинную цену вещам мы познаем, когда их теряем. С какой радостью прибегали в уголок люди не только нашего цеха, но и всего завода. Многие не верили своим глазам, оглаживали стены, включали зачем-то свет.

Работницы расспрашивали меня:

— И все теперь будет, как раньше, как до войны, как было?

— Да, родные мои, как было,— отвечала я уверенно.— И много лучше, чем было. Поднатужимся, и все это будет!

А вслед за нашим почином и в других цехах нашлись возможности открыть красные уголки. И в них радио сообщало о победах на фронтах Великой Отечественной войны.

В нашем уголке услыхали мы впервые о великой победе. Здесь же узнали мы о награждениях. Мой скромный труд в годы войны был отмечен орденом Красной Звезды.

★

Многое с тех пор изменилось на заводе «Динамо». Выросли новые корпуса, преобразились старые цехи. Но когда я бываю на заводе, где и сейчас выполняю партийные задания, я стараюсь пройти на то место, где был красный уголок и где когда-то говорила взволнованным людям:

— Будет, дорогие, как было. Будет еще лучше, чем было...

Л. С. Ганичев

ЧУДО НА НЕВЕ

ГАНИЧЕВ Лев Семенович. Родился в 1899 г. Член КПСС с 1938 г. Журналист. Ныне персональный пенсионер.

БОЕВОЙ АРСЕНАЛ ЛЕНИНГРАДА

Август 1941 г. Позади только два месяца войны, а бои идут уже на ближних подступах к Ленинграду. Не считаясь с потерями в живой силе и технике, гитлеровские орды рвутся вперед. Линия фронта стремительно приближается. 8 сентября вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады. До переднего края теперь рукой подать.

Жизнь Ленинграда, оказавшегося во вражеском кольце, полностью переключена на военный лад. На снабжение извне рассчитывать не приходится. Все потребности огромного города, нужды защищающих его армий и флота надо удовлетворять своими силами и средствами, в первую очередь обеспечить фронт оружием и боеприпасами. К этому

делу привлечены и те предприятия, которые ранее производили продукцию только для мирных потребностей страны. И вот 116 ленинградских заводов и фабрик переключены на выпуск снарядов и мин, 60 предприятий изготовляют детали и узлы полковых орудий, на 15 заводах размещено производство минометов. Бронеплатформы с батареями морской дальней артиллерии, знаменитые «катюши» и реактивные снаряды к ним дает фронту промышленность осажденного Ленинграда.

Там, где совсем недавно производились электрические машины и приборы, стали изготовлять пушки, танки и другие виды вооружения. Предприятия химической и резиновой промышленности освоили производство взрывчатого вещества «АК», противотанковых гранат, гаубичного и пушечного пороха, зарядов для реактивных установок. Не остались в стороне текстильная, швейная и пищевая отрасли. И тут наладили в механических цехах производство боеприпасов и вооружения. Пивоваренный завод «Красная Бавария» производил снаряды и зажигательные бомбы, парфюмерная фабрика — гильзы для минных зарядов, фабрика музыкальных инструментов им. Луначарского — гранаты. 56 предприятий местной промышленности, выпускавшие ранее предметы домашнего обихода, дали фронту только за первый месяц войны 710 855 противотанковых мин.

Не хватало сырья и материалов. Ученые Ленинграда в своих лабораториях создают и находят полноценные заменители. Взамен тротила в кратчайший срок организовано производство нового взрывчатого вещества — синала из смеси селитры и древесных опилок. Для изготовления мин и снарядов применяется сталистый чугун, вместо высоколегированных сталей — углеродистые.

Огромная организаторская работа партийной организации Ленинграда, самоотверженный труд ленинградцев принесли свои плоды. Во втором полугодии 1941 г. предприятия города-бойца выпустили 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, свыше 3 тыс. полковых и противотанковых пушек, 10 тыс. минометов, около 4 млн. корпусов снарядов и мин, более 80 тыс. реактивных снарядов и авиабомб. За тот же период было достроено 84 боевых корабля и переоборудовано 186.

Не только защитникам родного города, но и воинам других фронтов помогали ленинградцы. Лишь в последнем

квартале 1941 г. из осажденного Ленинграда войскам, защищавшим Москву, было отправлено воздушным путем более тысячи артиллерийских орудий и минометов.

«Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровожадными гитлеровцами»,— телеграфировал 28 ноября 1941 г. А. А. Жданову командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков.

В ОСАДЕ

Вся ленинградская промышленность в целом стала грандиозным комбинатом взаимосвязанных и кооперированных производств. В этот военно-производственный конвейер включился и старейший медико-инструментальный завод «Красногвардеец», ровесник города на Неве. Его история — это сколок героической летописи рабочего класса Ленинграда. В самом имени завода-ветерана отражена революционная доблесть питерских рабочих в незабываемом семнадцатом году. Свое мужество, несгибаемую стойкость красногвардейцы вновь показали в условиях неслыханных трудностей почти 900-дневной блокады. В течение двух с лишним столетий завод выпускал самую гуманную продукцию — медицинские аппараты и инструменты. А когда над городом нависла грозная опасность, красногвардейцы перековали «орала на мечи». В трудовой доблести коллектива завода запечатлен немеркнущий подвиг ленинградцев в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны.

Нежданная весть о разбойничьем нападении врага на Советский Союз настигла завод в разгаре рабочего дня (коллектив «Красногвардейца» отдыхал в то лето по вторникам). Уже в воскресенье, 22 июня, цехи и мастерские завода заметно обезлюдели. Никто не ждал вызова в военкомат. Приписанные к воинским частям спешили на сборные пункты, другие вступали в Красную Армию добровольцами. Первыми на защиту Родины ушли коммунисты и комсомольцы. Из 300 членов ВЛКСМ вначале на заводе оставалось только 70, а потом и вся молодежь старше 18 лет влилась в ряды Красной Армии. Рвались на фронт и девчата. Отпускали их неохотно. Они нужны были не только на производстве, но и в отрядах самозащиты МПВО, и в кружках сандружинниц.

Прощаясь с товарищами, люди были немногословны:

— Трудитесь по-фронтовому! — говорили уходящие.

— Бейтесь по-красногвардейски! — провожали их остающиеся.

Много умелых и отважных воинов дал Красной Армии коллектив завода. 540 его тружеников стали впоследствии кавалерами орденов и медалей Советского Союза.

Чем труднее становились условия работы на заводе, тем больше возрастала роль и ответственность партийной организации. Ушел на фронт и отдал жизнь за Родину партийный вожак коллектива Федор Веселов. Его заменила старейшая работница завода Анна Огурцова. На ее плечи легла вся тяжесть руководства партийной организацией в самые трудные дни блокады. Партийное бюро «Красногвардейца» напоминало тогда военный штаб. Сюда приходили за советом коммунисты и беспартийные, старые производственники и молодежь. Здесь совместно с администрацией оперативно решались вопросы перестройки работы завода на военный лад, выполнения заданий фронта.

Шла война... Таяли ряды кадровых тружеников завода. Но темпы производства не ослабевали. Ушедших на фронт заменяли матери, жены, сестры. Только за первые два военных месяца поредевший заводской коллектив пополнили 350 членов семей фронтовиков.

В числе других с начала войны ушел в армию и Павел Брагин — потомственный рабочий «Красногвардейца». Вернувшись после тяжелого ранения на завод, он застал на своем рабочем месте мать и сестру.

Новых работниц обучали старые производственники. Женщины осваивали и такие специальности, которые издавна считались мужскими. Работницы Блялина и Соболева стали кочегарами, Концова и Капитонова — машинистами парового молота. Многих выдвинули в бригадиры и мастера.

И все же людей на заводе не хватало. Добрый пример показал контрольный мастер Степан Зотиков, который одновременно с основной работой взялся обслуживать фрезерный полуавтомат. Подобно ему, каждый стремился овладеть еще несколькими, более сложными редкими специальностями, брался за любую работу, нужную производству.

Так было и на других заводах и фабриках фронтового Ленинграда.

В сентябре 1941 г. на «Красногвардеец» поступили первые военные заказы. Новые незнакомые изделия — радиаторы для моторов и детали пулемета-пистолета Дегтярева (ППД) — требовалось освоить в течение нескольких дней. Между тем количество рабочих на заводе уменьшилось на несколько сот человек. К тому же шестая часть рабочих и работниц была постоянно занята на оборонительных сооружениях, в группах местной противовоздушной обороны, на санитарной службе.

Задача, поставленная Ленинградским горкомом партии, казалась невыполнимой. Но враг был у ворот, и те, кто трудился на заводе, помнили наказ фронтовиков. Каждый работал за двоих. Штамповщики Ефремов и Чернов, слесари Елесин, Кузнецов, Серов, Лорер, Мельников, полировщики Анисимов, Шапов и другие, бригада кузнеца Егора Иванова давали за смену, как правило, по 2—3 нормы. Важнейший цех — кузнечный — в 2,5 раза увеличил выработку. В результате первую партию радиаторов завод выпустил в рекордно короткий срок — в 3 недели, а первые детали для пулемета-пистолета были освоены за 10 дней.

Тем временем на фронте под Ленинградом сложилась грозная обстановка: зажав город в кольцо, враг готовился штурмом захватить его.

«Никогда не бывать этому! Встанем как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы!» — этот пламенный призыв командования фронта, Ленинградского горкома партии и Ленинградского Совета был в сердцах всех ленинградцев.

Тысячи работниц под огнем вражеской авиации трудились на строительстве оборонительных рубежей. Формировались новые полки и дивизии народного ополчения, истребительные отряды забрасывались в тыл врага. Каждый завод стал крепостью обороны.

На «Красногвардейце», как и на других предприятиях, рабочие после трудового дня обучались стрельбе, штыковому бою, метанию гранат. Бойцы МПВО несли круглосуточную вахту. Заводской медпункт стал подразделением военно-санитарной службы. Все здания и территория «Красногвардейца» были подготовлены к уличным боям на случай, если врагу удастся прорваться в город.

Единому помыслу — отстоять родной город — была подчинена тогда вся жизнь ленинградцев. В те невероятно тяжелые дни их согревало теплое дыхание Родины, отеческая забота Коммунистической партии и всего советского народа.

Фашистская авиация круглые сутки висела над подступами к Ленинграду. Но каждый день советские самолеты, перелетая линию фронта, прорывались сквозь вражеский воздушный кордон, чтобы доставить в осажденный город самое нужное, самое необходимое, и в том числе матрицы газеты «Правда».

900 долгих мучительных дней жили ленинградцы под обстрелом и бомбежками, на голодном пайке, почти без топлива и без света. Бывало, суровой зимой 1941/42 г. останавливались хлебозаводы, прекращалась работа предприятий, выполнявших заказы фронта. Но и тогда по указанию Ленинградского горкома партии типография «Правды» получала нужное ей, минимальное количество электроэнергии.

Иссякли запасы газетной бумаги. Для печатания «Правды» в Ленинграде были выделены остатки бумаги, предназначенной для Ленинских сборников. А с июня 1942 г. тяжелые газетные роли стали привозить через Ладогу наряду с другими ценнейшими грузами для Ленинграда. И нередко при заправке этих ролей в ротационную машину печатники извлекали из них осколки бомб и снарядов.

В памяти знакомые картины тех дней...

В здании ленинградской типографии «Правды» нет подвалов, и роль бомбоубежища в нем весьма условно выполняли несколько комнат первого этажа, подпертых деревянными балками. Легко представить себе, во что превратилось бы подобное «укрытие» при прямом попадании бомбы или снаряда!

Но люди, работавшие в типографии, об этом не думали. Погасив попавшие на крышу «зажигалки», они торопились на свои рабочие места — к отливным станкам, к ротационной машине, к газетному конвейеру, чтобы вовремя дать ленинградцам сегодняшний номер «Правды». С декабря 1941 г. в типографии полностью прекратили топить, и исто-

щенные от голода рабочие и работницы трудились при температуре минус десять градусов.

Не было бензина, автомашины простаивали. Рабочие впрягались в салазки, чтобы привезти матрицы с аэродрома и доставить отпечатанную «Правду» в почтовые узлы. В те суровые блокадные дни правдинская типография печатала для ленинградцев также «Известия», «Комсомольскую правду», «Красную звезду», «Красный флот» и значительную часть тиража «Ленинградской правды».

В маленьком коллективе, выполнявшем эту огромную работу, было лишь 60 работников. Десять из них погибли. Но ни бомбежки, ни артиллерийские обстрелы, ни холод, ни голод не могли помешать директору типографии Николаю Куликову, старому мастеру-печатнику Михаилу Костину и другим оставшимся работникам выполнять возложенное на них дело.

Регулярное появление центрального органа партии в Ленинграде означало, что связь осажденного города со страной все так же крепка и неразрывна.

Выступая 18 июня 1942 г. на сессии Верховного Совета СССР, А. А. Жданов говорил:

«Как ни пытался враг оборвать связи Ленинграда со страной, ему этого сделать не удалось. Ни на минуту Ленинград не чувствовал себя оторванным от своей Родины. Вся страна любовно заботилась и заботится о Ленинграде. Со всех концов нашей великой Родины, из всех союзных республик, краев и областей нашей страны шла и непрерывно идет братская помощь Ленинграду. Она не прерывалась в самые трудные дни».

Помощь и подарки городу-герою шли из всех советских республик. Трудящиеся Казахстана в короткий срок собрали и направили в Ленинград 130 вагонов с хлебом, крупой, мясом, маслом и другими продуктами. Делегация Киргизии доставила 16 вагонов мяса и овощей, 15 вагонов муки, 12 вагонов с фруктами и орехами, 7 вагонов риса, табака и других продуктов. Рыболовецкие колхозы Каспийского и Аральского морей передали в фонд помощи Ленинграду 82 *т* рыбы. Москва и Поволжье, Сибирь и Дальний Восток оказывали братскую помощь ленинградцам.

Сквозь линию фронта из партизанского края пробирались в голодающий город обозы с продовольствием. Рискуя жизнью, колхозники на 223 подводах доставили в Ленинград по льду Ладоги 380 *ц* хлеба, крупы и 120 *ц* жиров.

Трудящиеся Карелии помимо мяса, рыбы и других продуктов пригнали в Ленинград сотню живых оленей.

В первые месяцы блокады единственным средством связи с Большой землей был воздушный транспорт и водный путь под огнем врага через Ладожское озеро. С огромными трудностями и в ничтожном в сравнении с потребностями количестве доставлялись таким образом в блокированный город продовольственные и другие особо важные грузы. Небольшие запасы топлива, материалов, имевшиеся на складах и предприятиях Ленинграда, были взяты на строгий учет, расходовались с величайшей бережливостью.

Пять раз с начала блокады снижались нормы выдачи продуктов населению, и к концу 1941 г. рабочие получали по карточкам только 250 *г*, а служащие, дети и иждивенцы — 125 *г* хлеба в день. При этом в выпеченном хлебе было лишь 63% ржаной муки, остальную его часть составляли отруби, жмыхи, овсяная, солодовая, соевая мука, а также мука из затхлого зерна.

ТРАДИЦИЯМ ВЕРНЫ

Труженики «Красногвардейца», как и все ленинградцы, мужественно и стойко переносили тяготы блокады.

Уже в октябре 1941 г. в номенклатуре производимой заводом продукции были оставлены лишь те хирургические инструменты, в которых остро нуждались ленинградские госпитали. Половину его продукции составляли теперь названные выше боевые заказы фронта. К ним прибавились кинжалы для партизан. Материалы для этих изделий поставлялись с других предприятий.

Дольше других цехов поддерживалась работа в кузнице, нужная для военных заказов. Когда не стало жидкого топлива, ее отжигательные печи перевели на дрова.

Много своих товарищей, павших на трудовом посту, потерял тогда заводской коллектив. В январе 1942 г. умер от истощения директор «Красногвардейца», рабочий-выдвиженец Михаил Васильевич Снежков. Ни днем, ни ночью он не покидал завода, жил там и, лишь утратив последние силы, лег на больничную койку.

Вражеские бомбы и снаряды рвались на территории завода. Осколками снаряда были убиты на рабочих местах

Снаряды фронту!
На заводе им. Владимира Ильича.
Москва. 1944 г.

Токарь завода им. С. Орджоникидзе Иван Гудов (ныне Герой Социалистического Труда) обучает девушку токарному делу. 1941 г.

Энергичная, полная энтузиазма молодежь быстро становилась в ряды передовиков производства.

Женщины, молодые девушки вели опасную работу по изготовлению боеприпасов.

Женщины Кемеровской области
изготовляли снарядные гильзы,
выполняя по две нормы в смену.

слесари Земляков и Дубровский. У ворот завода при артиллерийском обстреле погиб работник охраны Ефимов. Другой снаряд разорвался в цехе полировки, ранил рабочих.

За первое полугодие 1942 г. уже поредевший заводской коллектив потерял еще 236 своих товарищей. От голода и истощения умерла большая часть слесарей и инструментальщиков, а из восьми кузнецов остался в живых только один.

Похлебка из воды и так называемой «хряпы» была единственным блюдом заводской столовой. Чтобы улучшить питание, в ход пустили все — и техническое сало, и желатин, и другие «продукты» из скудных запасов предприятия. Голодные рабочие падали в изнеможении у кузнечных печей, у станков и верстаков и снова подымались. Неимоверным усилием воли продолжали они опухшими от недоедания и холода руками ковать, вытачивать и собирать оружие для фронта. Но даже в самые мрачные минуты не покидала ленинградцев уверенность, что фашистам в городе Ленина не бывать. Жадно ловили они вести о том, что с востока на выручку осажденному Ленинграду пробиваются крупные силы Красной Армии.

В декабре 1941 г. редакция «Правды» посылает меня в район боев. По неокрепшему еще льду Ладоги, будущей «дороги жизни», перебираюсь из осажденного города на волховские рубежи, где бьются армии генералов Федюнинского и Мерецкова. Спустя месяц мне довелось вернуться в Ленинград, но как неузнаваем стал он за такой малый срок!

В прозрачном небе над заснеженным городом ни единого дымка...

На пустынных улицах и проспектах застыли утонувшие в снегу трамваи и троллейбусы...

Шарахнувшись от фронтовой полуторки, вынырнувшей из-за угла, стоит у опрокинутых салазок исхудалый, укутанный в бабий платок старый человек. Руки его дрожат, с бессильным отчаянием смотрит он на труп ребенка, откатившийся к сугробу...

Лишь мерное тиканье метронома, разносимое уличными репродукторами, нарушает мертвящую тишину словно бы застывшего города.

Зима 1941/42 г. была на редкость суровой. Жестокие морозы перемежались обильными снегопадами. Снег

убирать было некому, и заваленные сугробами улицы Ленинграда местами стали едва проходимы. Трамваи, троллейбусы, автобусы появлялись все реже, и вскоре движение городского транспорта прекратилось полностью.

На смену ему пришел иной, блокадный транспорт. Впрягаясь в самодельные салазки или детские санки, истощенные люди с трудом волокли за собой свои убогие пожитки, ведра с водой, набранной в прорубях Невы, Фонтанки или Мойки, обломки деревянной тары или доски от разобранного дома. А еще чаще на таких салазках лежал укутанный в дерюгу труп близкого человека.

В декабре 1941 г. от дистрофии погибло около 53 тыс. ленинградцев, а в январе и феврале еще больше. Казалось, вся жизнь Ленинграда вот-вот замрет. Заводы останавливались, производство боеприпасов зимой 1941/42 г. резко упало. Войска Ленинградского фронта стали ощущать в них острую нужду. Но даже в труднейших условиях первой блокадной зимы в Ленинграде (с 15 декабря 1941 г. по 15 марта 1942 г.) было изготовлено 95 тыс. корпусов снарядов и мин, 380 тыс. гранат, 435 тыс. взрывателей. Осажденный город, погруженный в тьму, голод, холод, подвергаемый непрестанным бомбежкам и артобстрелам, жил, работал, боролся.

Не замерла жизнь и на «Красногвардейце». Старые производственники С. Маркелов, В. Минаев, Н. Липовка, А. Ушакова, как и многие другие, не прерывали ни на один день работы на заводе и пережили в его стенах всю блокаду. Комсомолка Аня Мефодьева жила вдали от завода на другом конце города и, чтобы поспеть на работу, выходила ежедневно из дому в половине пятого утра.

— Трудно сказать, что вело нас на завод,— вспоминает старейшая работница, коммунистка ленинского призыва Александра Ушакова.— Вера ли в то, что без нашего труда невозможна победа, или сознание того, что, если перестанешь двигаться, долго не проживешь? Тянуло на люди. Шли с трудом, иногда добираясь до работы лишь часам к девяти-десяти. С работы уходить не спешили. Людей было мало, и где в данный момент нужна была рабочая сила, туда и шли. И не роптали. Люди были сплоченными, и эта сплоченность помогала жить... Тяготы блокады в лютую зиму 1941/42 г. делили со старыми производственниками подростки, пришедшие на завод.

Совсем юные девушки Валентина Русакова и Ольга Демичева в войну стали мастерами полировочного участка. Они же были и бойцами противовоздушной обороны и несли службу в медико-санитарных командах. Часто по сигналам воздушной тревоги комсомолки поднимали своих подружек-дружинниц, перевязывали раненых во время обстрела и бомбежек, оказывали им срочную помощь.

Ослабевших и обессиленных в беде не оставляли. Бойцы комсомольской бытовой бригады и страхделегатки ходили по домам, оказывали помощь семьям фронтовиков и одиноким больным, ухаживали за ними, устраивали их в больницы. На улицах и в пустых холодных квартирах девушки подбирали осиротевших ребят, относили их в детские дома.

Немало жизней было спасено в лечебно-санаторном стационаре, организованном силами завода в помещениях красного уголка и технической библиотеки. Сюда привозили или приносили наиболее истощенных работниц и рабочих, уже не способных ходить. Здесь, окруженные заботливым уходом, они постепенно, в течение 10—40 дней набирали силы, возвращались в строй.

Родина гордилась стойкостью и мужеством ленинградцев. Уже в первую блокадную зиму многие из тружеников «Красногвардейца» были отмечены правительственными наградами. Орденами Трудового Красного Знамени были награждены тогда директор завода М. В. Снежков и старейший мастер-инструментальщик Н. В. Грачев; орденами «Знак Почета» — кузнец Е. Б. Иванов и секретарь заводской партийной организации работница А. А. Огурцова; медалями «За трудовое отличие» — слесари В. И. Кравченко и И. И. Медков.

ТАК КОВАЛАСЬ ПОБЕДА

В течение первых четырех месяцев 1942 г. «Красногвардеец», как и большинство предприятий осажденного Ленинграда, не получал ни электроэнергии, ни топлива. Производственная жизнь его едва теплилась, затухала. Воздушные налеты и артиллерийские обстрелы следовали один за другим. С апреля по июнь было только 18 дней, когда вражеская артиллерия не вела огонь по городу.

Но тщетно злобствовал враг, пытаясь сломить стойкость и сопротивление осажденных. К весне в связи с непрерывной работой Ладожской ледовой трассы снабжение Ленинграда несколько улучшилось. Заметно была увеличена регулярная выдача хлеба населению, в магазинах по карточкам стали отпускать крупу, мясо, сливочное масло и некоторые другие продукты. И хотя смертность от голода все еще была велика, но ленинградцы чувствовали, что самые страшные дни остались позади.

В июне 1942 г. вступил в строй нефтепровод, проложенный в труднейших условиях по дну Ладожского озера. Неуязвимый для вражеской авиации и артиллерии, он давал Ленинграду 300—350 *т* горючего в сутки, полностью удовлетворяя нужды города в жидком топливе. К осени под водой Ладоги был уложен кабель, соединивший электросеть Ленинграда с Волховской гидростанцией. Это обеспечило передачу в зиму 1942/43 г. 110 млн. *квт-ч* электроэнергии, позволило пустить вновь ряд заводов, усилить трамвайное движение, включить свет в квартирах ленинградцев.

Отпуск «Красногвардейцу» электроэнергии возобновился еще в апреле, хотя и в весьма ограниченном размере. Некоторые цехи завода вновь приступили к выполнению заказов фронта, изготовляя детали для пулеметов, газофильтры для катеров, штыки и кинжалы.

17 июня 1942 г. стало известно решение Советского правительства эвакуировать «Красногвардеец» на Восток. Страна остро нуждалась в его довоенной продукции. Все лето ушло на демонтаж, упаковку и вывоз оборудования. Эвакуированный на Урал завод стал базой для создания в Свердловске и Нижнем Тагиле новых предприятий, снабжавших хирургическим инструментарием Красную Армию. Они и поныне оснащают медицинской техникой здравоохранение СССР.

Однако и после эвакуации людей, оборудования и полуфабрикатов завод «Красногвардеец» не прекратил своего существования в Ленинграде. Уже в сентябре 1942 г. Военный совет фронта и городской комитет партии приняли решение в кратчайший срок возобновить его работу.

Как осуществить это задание? Ведь на заводе после эвакуации осталось немногим более 300 рабочих и работниц, в основном малоквалифицированных и еще не оправившихся после лишений первой блокадной зимы. Лишь

около полусотни различных станков сохранилось в цехах, но все они были в нерабочем состоянии: частично демонтированы, с заржавленными деталями, загрязненные. Запасных частей не имелось, из материальных кладовых все было вывезено.

Тяжелый урон «Красногвардейцу», как и большинству предприятий фронтового Ленинграда, нанесли в первый год блокады ожесточенные вражеские бомбежки и артиллерийские налеты. Выбыл из строя водопровод, были искорчены паро- и трубопроводы, нарушена электросеть. Пустые глазницы выбитых воздушной волной окон, развороченные крыши, груды лома в разрушенных цехах, бессильно повисшие провода, следы пожарищ во дворах — так выглядел завод после эвакуации осенью 1942 г.

Горстке людей, оставшихся на «Красногвардейце», надо было в кратчайший срок восстановить его замершие цехи, вдохнуть в них жизнь, заново наладить там производство.

Воду для бытовых нужд и для производства приходилось бидонами и ведрами таскать из замерзающей реки.

«Сегодня три раза ходила на Неву за водой,— записала 13 декабря 1942 г. в своем блокадном дневнике Люба Панкова.— Один раз поставила бидон на санки, только отъехала, а санки с ледяной горы — обратно, и все разлила. Второй раз у самого цеха санки перевернулись, а третий — везла осторожно и довезла...»

К зиме отеплили трубы и остеклили окна. Чтобы бережно расходовать скудные запасы топлива, уплотнились. Не вывезенное и разбросанное по цехам и на заводском дворе оборудование перетащили в трехэтажный корпус, где разместился заново созданный объединенный цех. К нему подвели силовую линию, паро- и трубопроводы.

Завод оживал. Но для восстановления производства не хватало станков и машин, множества деталей и узлов оборудования. Все это выискивали в опустевших цехах других эвакуированных заводов, на погрузочных площадках и в пакгаузах железных дорог среди законсервированного или бесхозного имущества.

— А как доставляли найденное оборудование? — вспоминает старейший работник «Красногвардейца» Павел Трофимов.— Наиболее крепкие впрягались, подобно бурлакам, в лямки и волокли его за собой по улицам и заводским дворам. Тяжелые гильотинные ножницы, фрикционные и эксцентриковые прессы пришлось таким образом в

течение целой недели тащить канатами с завода «Электрик» на возрождаемый «Красногвардеец».

Любая операция, связанная с затратой мускульной энергии, требовала огромного напряжения воли истощенных блокадой людей.

Сначала пустили в ход аппаратный цех. Затем были восстановлены слесарно-механические цехи, изготовлявшие радиаторы и газофильтры для катеров. Вновь заработала кузница, которая вскоре стала обслуживать нужды и других ленинградских предприятий, выпускавших оружие и боеприпасы. В частности, «Красногвардеец» поставлял им поковки для пулеметов.

Все производство приходилось ставить заново, начиная с разработки технологии, составления чертежей, подготовки инструмента и штампов и кончая организацией цехов. Но небольшой коллектив завода работал фронтовыми темпами, не покладая рук. Женщины — матери, сестры, жены фронтовиков — составляли тогда большинство немногочисленного заводского коллектива. На их плечи легла вся тяжесть труда по восстановлению производства и выполнению фронтовых заказов.

По утрам перед началом работы мастера и бригадиры зачитывали две сводки: боевую сводку Совинформбюро и итоги работы цеха и бригады за вчерашний день. И люди, еще не оправившиеся после голодной зимы, становились к своим станкам, находили в себе силы для замечательных трудовых дел.

Работавшие в кузнечном цехе штамповщицы на молотах Андреева, Камнева, Юхнова, обрезчицы на прессах Брагина, Лунина, Увина выполняли нормы на 200% и более. Передовая бригада кузнеца Егора Иванова стала своего рода школой для новичков. Работницы этой бригады Николаева и Трофимова в 2—2,5 раза перевыполняли нормы и вскоре сами стали кузнецами-бригадирами.

Квалифицированной работницей, несмотря на свою молодость, была уже тогда Маша Эртова. Специальность слесаря-инструментальщика она освоила еще в ФЗУ и с юных лет связала свою жизнь с заводом «Красногвардеец». Здесь она вступила в комсомол, была в числе первых ударниц и вместе со всем коллективом переживала невзгоды и испытания военных лет. Вместе с подругами много километров пропагала она под бомбежками и обстрелом, строя оборонительные рубежи на подступах к Ленинграду.

Мария Эртова не уехала из Ленинграда при эвакуации завода на Восток и, когда цех вновь приступил к выполнению фронтовых заказов, возглавила бригаду, которой поручили изготовить для разведчиков и партизан нужное им холодное оружие — кинжалы-кортики. Это задание было выполнено досрочно. По Эртовой равнялись ее подруги по цеху — слесарь-сборщик Колесова, полировщицы Герасимова и Травникова, сварщица Чувашева и др.

Каждый на заводе работал за двоих, и все же самой большой помехой его возрождению был острейший недостаток квалифицированных рабочих. Только женщины и подростки пополняли в то время кадры завода. Индивидуально обучали их на рабочих местах опытные производственники. Много отличных молодых станочников вырастил в те дни замечательный токарь-новатор Кирилл Лакур, не один десяток квалифицированных слесарей подготовил лучший слесарь-инструментальщик завода Владимир Кравченко.

Суровую школу жизни и труда проходили в блокаду ленинградские подростки. В числе других подростков пришел на «Красногвардеец» в 1942 г. и 14-летний паренек Валя Кухнов. Ребят жалели, берегли их силы, но они не отставали от взрослых, работали часто по 12—14 часов. Кухнов схватывал на лету указания старших и, подучившись, встал вскоре у токарного станка, а затем овладел профессиями фрезеровщика и слесаря. 200—250% нормы выполнял тогда юный комсомолец-бригадир, впоследствии завоевавший звание «Лучший токарь Ленинграда».

Осенью 1942 г. стали работать в инструментальном цехе 14-летние подростки Ваня Киселев и Миша Бакеркин.

— Помню, какие они были бледные, щупленькие, истощенные недоеданием,— вспоминает их учитель и наставник коммунист Владимир Кравченко.— Впрочем, и я выглядел не лучше: тяжелая зима 1941/42 г. довела меня до цинги, и я едва держался на ногах. Но работать, кроме нас, было некому. Рассказал я ребятам обстановку, объяснил, что наш заказ нужен для фронта, что, выполняя его, мы поможем Красной Армии скорее разбить врага. Ваня и Миша принялись за учебу с большим рвением, с душой, интересовались каждой мелочью, обо всем меня подробно расспрашивали. Пришлось поставить для них два ящика — иначе они не доставали до верстака. Уже через месяц оба мальчугана стали моими хорошими помощниками, а спустя четыре месяца сдали пробу на слесарей 3-го разряда.

А потом на их место явились три девушки — Женя Беляева, Валя Добрякова и Надя Смирнова. Я принял их без всяких колебаний и не ошибся. Мои ученицы делали большие успехи и после пяти месяцев обучения уже умело изготовляли штампы для ряда изделий. В течение двух лет комсомольская бригада девушек вполне справлялась с программой, давая от 125 до 150% нормы... Методом индивидуального ученичества мы постепенно обеспечили свой участок рабочей силой.

За октябрь — декабрь 1942 г. таким путем на «Красногвардейце» было подготовлено около сотни слесарей, полировщиков, фрезеровщиков, токарей, электромонтеров и рабочих других специальностей.

В самые трудные дни не замирала на заводе рационализаторская мысль. Нехватка людей, оборудования, инструментов толкала на поиски более производительных методов работы. Изготовлением деталей для пулеметов «Максим» были заняты на паровом молоте свыше десятка рабочих — кузнецы, машинисты, подсобники. Начальник кузницы А. Ф. Марков предложил заготовку перенести на рейдер (ковочный многопозиционный пресс для горячей штамповки деталей). Это втрое уменьшило расход металла и вдесятеро сократило потребность в рабочих.

По предложению кузнеца Е. Иванова на рейдер перенесли заготовку еще одной детали, что помимо экономии топлива и пара вчетверо повысило производительность труда. Рационализаторы посоветовали изменить габариты и сечения заготовок для других деталей пулемета. Это экономило десятки тонн металла в месяц.

Требовалось срочно выполнить боевой заказ на донышки для артиллерийских снарядов. Упорные поиски помогли усовершенствовать конструкцию штампа: раньше с него снимали только до 100 донышек, после усовершенствования стали снимать в среднем до 3 тыс. штук.

Усилия коллектива увенчались успехом, фронтовые заказы были освоены. Завод с каждым днем набирал темпы.

Настала вторая блокадная зима. Но теперь благодаря самоотверженному труду ленинградцев и помощи, оказываемой с Большой земли, осажденный город имел надежные запасы горючего, боеприпасов, продовольствия. С начала войны по 15 августа 1942 г. было эвакуировано из Ленинграда свыше 1,5 млн. человек. Оставшемуся работоспособ-

ному населению обеспечивалась ограниченная, но регулярная выдача продуктов.

Промышленность Ленинграда стала оживать. В 1942 г. она дала продукции уже на 1400 млн. руб., главным образом для нужд армии и флота. За год было изготовлено свыше 8 млн. артиллерийских снарядов, мин и авиационных бомб.

Осажденный город, который гитлеровские стратеги стремились обречь на капитуляцию и уничтожение, не только сам оборонялся, но и помогал советским людям в борьбе на других фронтах Великой Отечественной войны. Так, с июня по сентябрь 1942 г. в Главное артиллерийское управление и на его заводы в глубь страны было отправлено более 100 млн. капсюлей-воспламенителей и детонаторов, 5 млн. электродетонаторов, 500 тыс. капсюльных втулок в снаряженном виде и много другой продукции, произведенной ленинградской промышленностью.

За 9 месяцев 1942 г. Ленинград дал своим защитникам 1935 минометов, 1975 станковых пулеметов, около 22 тыс. автоматов и много другого вооружения.

БЛОКАДА ПРОРВАНА

Полностью обеспеченные боеприпасами части Ленинградского фронта стали с ноября 1942 г. готовиться к прорыву блокады. Напряженная подготовка к решающей битве за Ленинград шла и на Большой земле в дивизиях Волховского фронта.

И вот однажды ранним январским утром я и командир полка Овчинников были подняты телефонным звонком командира 281-й дивизии.

— Хороша музыка! Послушай! — сказал он.— Начался большой сабантуй...

Выскочив из землянки, мы услышали раздававшиеся с запада громовые раскаты мощного артиллерийского наступления. Войска двух фронтов — Ленинградского и Волховского — двинулись навстречу, на соединение друг с другом.

Семь дней продолжались ожесточенные бои южнее Ладожского озера. 18 января 1943 г. они завершились соединением частей двух фронтов, прорывом вражеской блокады Ленинграда.

Хотелось как можно скорей осуществить долгожданную мечту — поехать в родной Ленинград по освобожденной от врага земле.

Узкий, отвоеванный нами коридор вдоль берега Ладожского озера, который вел на Шлиссельбург и далее на Ленинград, противник держал еще под обстрелом. Из окна «эмки» была видна знакомая картина: иссеченные и расщепленные осколками деревья, изрытые воронками и траншеями поля, оплетенные колючей проволокой колья, выжженные дотла поселки...

Уже смеркалось, когда мы подъехали к Неве. Еще вчера здесь, на невских берегах, был передний край обороны гитлеровцев, обращенный к Ленинградскому фронту. Сейчас здесь царила тишина, прерываемая далекими раскатами орудий. Вокруг первозданный хаос — глыбы цемента и груды бревен развороченных фашистских дотов и дзотов, гигантские воронки, трупы фашистов, застывшие в причудливых позах.

Оставив «эмку» и взвалив на плечи вещевой мешок, шагаю по тропке вдоль берега Невы к Шлиссельбургу. Слабое зарево над городом указывает мне путь. Мороз крепчает. Становится тоскливо, хочется отдохнуть, обогреться.

И вдруг за поворотом тропинки над уцелевшим немецким блиндажом вьется дымок. На дверях землянки надпись: «Добро пожаловать!» Спускаюсь и не верю глазам своим: чистенько прибранная комнатушка; на столике, покрытом простыней,— обломок зеркала. Накаленная добела печурка пышет жаром. На ней сердито пыхтит видавший виды фронтовой чайник.

Кто же хозяин этого земного рая?

Из-за плащ-палатки, разгораживающей комнатку, одна за другой выходят три девушки. Они в полувоенной одежде, без погон. Что-то в их облике напоминает мне блокадный Ленинград, его славных женщин-героинь. Я называю себя, рассказываю о своем маршруте. Слово «Правда» производит магическое впечатление. Девушки буквально стаскивают с меня полушубок, усаживают, наперебой угощают круто заваренным чаем. Все они — работницы ленинградских предприятий. Анна Завьялова — печатница типографии «Ленинградской правды», Полина Шурина — швейница, а самая молодая — Лена Колесникова — светлановка. Ее мать, орденоносца, знаменитую стахановку с за-

вода «Светлана», Надежду Колесникову я отлично знаю. На этом заводе почти 20 лет работал мастером мой старший брат, погибший в заводском отряде народного ополчения в первые дни войны.

Едва узнав о прорыве блокады, девушки вызвались выехать на фронт, чтобы оказать посильную помощь бойцам — защитникам Ленинграда. Им поручили организовать обогревательный пункт в этом пустынном месте на будущей трассе, которая свяжет Ленинград со страной. Я — первый человек с Большой земли, к тому же ленинградец, да еще правдист. Градом сыплются вопросы. Мы жадно расспрашиваем друг друга.

Отдохнув и обогревшись, продолжаю свой путь к Ленинграду через Шлиссельбург. Там я был гостем маленького героического гарнизона петровской крепости «Орешек». В развалинах ее старинных казематов, находясь 500 дней в осаде, жила и сражалась горсточка храбрецов, преградившая в сентябре 1941 г. путь гитлеровцам к Ленинграду и Карельскому перешейку. Свыше 100 тыс. вражеских снарядов, мин и авиабомб легло на этот клочок земли. Рушились крепостные стены, но крепче камня и бетона были советские люди, стоявшие насмерть...

Радостную картину увидел я в освобожденном Ленинграде. Город ликовал, славил своих освободителей — воинов двух фронтов.

Прорыв блокады Ленинграда совпал с коренным переломом в ходе Великой Отечественной войны, когда вслед за разгромом под Сталинградом немецко-фашистских войск началось освобождение советской земли от захватчиков. Предприятия Ленинграда, как и промышленность всей страны, должны были теперь не только удовлетворять растущие нужды фронта, но и во все большей мере помогать восстановлению народного хозяйства освобожденных областей.

Ленинградцы с воодушевлением включились в это патриотическое дело. Так, завод «Электросила», находившийся лишь в нескольких километрах от линии фронта, по постановлению Государственного Комитета Обороны стал вновь изготовлять крупные электрические машины для энергетики страны.

Промышленность Ленинграда набирала силы, возрождалась, хотя по-прежнему испытывала недостаток топлива, электроэнергии и материалов. К тому же вражеская

артиллерия держала под огнем почти все ее предприятия. Та же «Электросила», например, 7 ноября 1943 г. подверглась пятичасовому артиллерийскому обстрелу. В этот день на заводе разорвалось 211 тяжелых фугасных снарядов и до 400 осколочных, шрапнельных и зажигательных. И все же ленинградская промышленность за год почти вдвое увеличила объем производства и довела валовой выпуск продукции до 2,5 млрд. руб., а в 1944 г.— до 3,6 млрд. руб.

ЗАВОД РОЖДАЕТСЯ ВНОВЬ

Фронтовые заказы составляли теперь почти девять десятых производственной загрузки «Красногвардейца». Завод изготовлял детали для пулеметов и артиллерийских снарядов, авиационные радиаторы и газофильтры для торпедных катеров, холодное оружие. Особенно важным было боевое задание Военного совета фронта — организовать массовое производство солдатских штыков. Только ценой огромного напряжения и путем технического перевооружения можно было выполнить этот срочный заказ.

В кратчайший срок на заводе сконструировали новый образец штыка, который полностью отвечал всем требованиям фронта и в то же время соответствовал производственным возможностям «Красногвардейца». Организация поточного производства позволила использовать малоквалифицированных рабочих и то относительно слабое станочное оборудование, которым располагал завод.

Штыки «Красногвардейца» пользовались на фронте доброй славой. Потребность в них была велика, и в мае 1943 г. заводу предложили десятикратно увеличить их производство. Были мобилизованы все людские силы, все технические ресурсы. Изо дня в день наращивая темпы, коллектив достиг большой победы, довел ежемесячный выпуск до 20 тыс. штук. Годовое задание было превзойдено вдвое.

Мастеров «Красногвардейца» ценили и военные моряки Краснознаменной Балтики, грозным оружием которой были быстроходные торпедные катера. Изготовление газофильтров для них было сопряжено с большими техническими трудностями. Упорные поиски и тут обеспечили успех. Вместо обычного материала, требующего станочной обработки, использовали в качестве полуфабрикатов отхо-

ды производства некоторых заводов. Затем была создана новая, более рациональная конструкция газофильтра, удовлетворявшая как требованиям флота, так и производственным условиям. В результате годовое задание по газофильтрам было выполнено уже в первом полугодии, а за весь 1943 г. перекрыто почти в полтора раза.

С честью справился коллектив «Красногвардейца» и с другими фронтовыми заказами. Завод-ветеран, который в течение 220 лет давал мирную продукцию, стал одним из арсеналов Ленинградского фронта и города-бойца.

Но и в ту тяжелую пору, когда враг стоял у ворот Ленинграда, люди видели завтрашний день своего завода. Они уже тогда думали о послевоенном «Красногвардейце» как о ведущем предприятии советской индустрии здоровья и исподволь готовились к тому.

Сначала был создан участок ремонта медицинских инструментов и аппаратов, где немногие оставшиеся на заводе мастера-специалисты обучали новичков. Затем из разрозненных частей и полуфабрикатов, сохранившихся после эвакуации, стали изготовлять новые хирургические инструменты.

Во втором квартале 1943 г. Наркомат здравоохранения СССР решил восстановить на «Красногвардейце» производство основного хирургического инструментария и других предметов медицинской техники. Эта радостная весть не застала коллектив врасплох. В том же квартале было изготовлено 17 000 медицинских изделий, а к концу года план их выпуска был перевыполнен почти вдвое.

Так началось «второе рождение» завода. Трудно было в условиях блокады, нехватки людей и оборудования осуществить такой серьезный поворот. В заводском коллективе насчитывалось тогда впятеро меньше рабочих и служащих, чем до войны. Своими силами удалось подготовить около 200 хирургистов — слесарей, токарей, полировщиков.

Несгибаемая большевистская воля и патриотизм трудового коллектива были той силой, которая возродила завод. В 1943 г. удвоилось, утроилось число передовиков-новаторов и многостаночников. Каждый стремился внести свой вклад в общенародное дело. Вести о победах Красной Армии на фронтах придавали новые силы труженикам завода. В течение года среднемесячная выработка на одного рабочего возросла примерно в 4 раза.

В январе 1944 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов в тесном взаимодействии прорвали и разгромили мощную сеть вражеских укреплений, которую фашисты создавали под Ленинградом в течение двух с лишним лет. Город Ленина был полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов.

«Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! — говорилось в обращении Военного совета Ленинградского фронта от 27 января 1944 г.— Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы».

Вскоре Государственный Комитет Обороны вынес важное решение о восстановлении промышленности и хозяйства Ленинграда, как одного из крупнейших индустриальных и культурных центров нашей страны. По-новому, в иных масштабах и темпах предстояло теперь решить задачи восстановления и коллективу «Красногвардейца».

Славные победы Красной Армии в 1944 г. еще выше подняли в заводском коллективе волну социалистического соревнования. Люди с воодушевлением, не покладая рук боролись за создание нового предприятия — арсенала советской медицины. Не хватало рабочих инструментов и смазочных масел. Заводская лаборатория разработала и внедрила методы регенерации масел и восстановления напильников химическим путем. Новая прогрессивная технология осваивалась на важнейших участках восстанавливаемого производства.

Дружный самоотверженный труд заводского коллектива увенчался успехом. Завод сумел дать в 1944 г. свыше 200 тыс. разнообразных хирургических инструментов, освоил производство сложных диагностических и лечебных аппаратов, вновь вышел в первые ряды ленинградских предприятий. Годовая программа была им значительно перевыполнена. По сравнению с предыдущим годом выпуск продукции на «Красногвардейце» увеличился более чем на одну треть, а себестоимость снизилась вдвое.

Большой вклад внес сплоченный коллектив завода и в восстановление родного города. «Сделаем наш Ленинград еще краше»,— говорили ленинградцы. Сотни и тысячи жи-

телей города стали овладевать второй профессией, становились каменщиками, штукатурами, малярами, водопроводчиками, плотниками, электромонтерами.

Таким пафосом восстановления был охвачен и коллектив «Красногвардейца». Первыми вышли на восстановительные работы руководители завода, командиры производства, коммунисты и комсомольцы. Между цехами развернулось социалистическое соревнование. Сначала взялись за самую черную работу — за уборку мусора, щебня, лома, подготовляли площадки для ремонтных работ. А затем превращались в маляров, печников и плотников, кровельщиков и стекольщиков. Этими строительными специальностями овладели около трехсот работников завода.

Работы, развернувшиеся с начала лета 1944 г., закончились глубокой осенью. Шесть жилых домов, две школы, загородный пионерлагерь, парки и сады района вновь вступили в строй благодаря самоотверженному труду добровольцев-строителей «Красногвардейца». Восстановление каждого объекта отмечалось как радостная трудовая победа. За активное участие в восстановлении Ленинграда и за отличное качество выполненных работ «Красногвардеец» по решению исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся был первым занесен на общегородскую Доску почета.

Немалую помощь оказал заводской коллектив и разоренному войной сельскому хозяйству Ленинградской области. Кузница завода снабжала строителей инструментами, дала колхозам, совхозам и МТС тысячи различных изделий, в том числе детали для тракторов.

Труден был переход к мирному производству после четырех изнурительных лет войны. И все же коллектив «Красногвардейца» в 1945 г. значительно перевыполнил и удвоенное задание по капитальным работам, и увеличенную на 25% производственную программу.

Вместе со всеми ленинградцами прошли сквозь горнило тягчайших испытаний к дням победы и мирного труда труженики «Красногвардейца». Высшей наградой — орденом Ленина отметила Родина в 1946 г. боевые революционные и трудовые традиции заводского коллектива, умноженные в суровых испытаниях Великой Отечественной войны. А спустя четверть века, в 1971 г., завод-ветеран в дни своего 250-летия был награжден орденом Октябрьской Революции.

Ныне дважды орденоносный завод «Красногвардеец» — головное предприятие первого в стране производственного объединения медицинской техники. На долю его приходится пятая часть всех приборов и аппаратов, выпускаемых в СССР для народного здравоохранения.

★

Далеко позади те легендарные годы, когда мирный завод стал одним из арсеналов города-фронта, города-героя. Но есть в музее революционной и трудовой славы «Красногвардейца» особо почетное место, где свято хранят бесценные реликвии суровых военных лет — осколок вражеского снаряда, разорвавшегося на территории завода, солдатский штык и партизанский кинжал. Здесь, возле алого стяга, украшенного орденами Ленина и Октябрьской Революции, и знамен, завоеванных в социалистическом соревновании, ветераны заводского коллектива посвящают в рабочий класс молодежь, вступающую в его ряды.

— Мы с «Красногвардейца»!..— эти слова часто слышишь здесь из уст его молодых рабочих. В них звучит законная гордость за свой родной завод, за бессмертный трудовой подвиг ленинградцев в Великой Отечественной войне.

Г. Д. Гогиберидзе

ЭШЕЛОНЫ ИДУТ НА ВОСТОК

ГОГИБЕРИДЗЕ Григорий Давыдович. Родился в 1907 г. Член КПСС с 1932 г. Директор завода «Красный Профинтерн» (1940—1941 гг.). Главный инженер завода «Сибтяжмаш» (1941—1951 гг.). С 1951 г.— директор Людиновского тепловозостроительного завода.

Паровозы «Красного Профинтерна», как и коломенские, харьковские или ворошиловградские, встретишь теперь разве лишь на второстепенных магистралях или на маневровой работе. В нашей стране давно уже прекратилось производство паровозов, их заменили тепловозы и электровозы. Но в годы первой пятилетки вместе с другими отраслями тяжелой промышленности бурно развивалось и советское паровозостроение. Именно тогда, в 1929 г., после окончания Тбилисского индустриального техникума я получил назначение на завод «Красный Профинтерн» в Бежицу Брянской области. Сначала работал в конструкторском бюро, потом — помощником мастера на сборке паровозов.

Я вошел в захватывающий мир новой для меня техники и в еще более волнующий круг русских рабочих. Я еще

плохо знал русский язык, но на каждом шагу ощущал сердечную теплоту окружающих меня людей. Они во всем мне помогали — и в работе, и в освоении языка. И тем, что я стал инженером, окончив открывшийся при заводе институт, я тоже обязан коллективу.

Из года в год предприятие росло, расширялось, поставляло народному хозяйству в возрастающих количествах паровозы и вагоны, краны и оборонную продукцию. Когда на ваших глазах из грубых чушек чугуна и железного лома рождается сталь, из нее — прокат, из проката — детали, а из них — могучая, стремительная в движении и имеющая даже свой собственный голос машина, вы уже пленены профессией локомотивостроителя на всю жизнь. Такие чувства владели не только мной. Так думал и чувствовал весь многотысячный коллектив «Красного Профинтерна».

И вот летом 1941 г. исполнялось 75-летие завода. Юбилейные торжества не состоялись... Война! Одни из профинтерновцев — на фронтах, другие — в народном ополчении. Каждый из оставшихся работает за двоих и троих. Потерян счет часам, забыта усталость. К станкам и верстакам стали жены и сестры ушедших, старики и подростки. А враг все ближе. Фашистские бомбы все чаще рвутся над городом.

Немецкое командование стремилось захватить завод на ходу. Однако гитлеровцы просчитались. В своем высокомерии фашисты не хотели и не сумели понять, что не видать им наших предприятий, как своих ушей, не заставить советских людей работать на своих врагов. Мудрое и смелое решение партии и правительства о перебазировании промышленных предприятий из угрожаемых районов и создании на Востоке страны мощного военно-промышленного потенциала на базе заложенного там в первые пятилетки фундамента индустриализации явилось крупнейшей стратегической победой Советского государства, а эвакуацию и пуск каждого предприятия на новом месте можно было приравнять к выигранному сражению. Доставалось оно нелегко.

3 июля был получен приказ наркома тяжелого машиностроения Н. С. Казакова, в котором на основании указаний Государственного Комитета Обороны «Красный Профинтерн» предлагалось эвакуировать в Красноярск. В тот же день, вернее в 3 часа ночи, состоялось чрезвычайное

заседание бюро горкома партии. Я присутствовал на нем как член горкома и представитель администрации завода. Завод создавался три четверти века, а теперь нужно было в немногие дни разобрать его, что называется, до винтика и погрузить в вагоны. Каждому было понятно, какая предстояла колоссальная работа. С чего начать, что, как, когда и кому делать — вот это и решало бюро горкома.

Утром того же дня начался демонтаж оборудования. Стрелки часов словно завертелись в обратную сторону. Вчера трудовая доблесть измерялась количеством изготовленных деталей локомотива, степенью готовности очередного паровоза; сегодня — числом разобранных станков...

Наша задача облегчалась тем, что были свои вагоны и паровозы. Составы загонялись прямо в цехи, и благодаря этому погрузка значительно ускорялась. А главное — люди работали с огромным напряжением: три человека нагружали вагон менее чем за час.

К вечеру 6 июля первый эшелон был готов к отправке: 34 вагона с оборудованием и 334 человека. Меня назначили начальником первого эшелона, обязав встречать в Красноярске все последующие эшелоны, организовать разгрузку оборудования и материалов, размещение людей.

Состав двинулся к проходным воротам. Из предосторожности мы покидали территорию завода в поздний час. Несмотря на это, проводить эшелон собрались тысячи рабочих с семьями. Волнующие минуты прощания, добрые напутствия — и поезд в темноте июльской ночи тронулся в далекий путь.

Миновали ночь, день, навстречу нам все чаще мчались эшелоны с войсками, военной техникой. Под брезентами угадывались пушки, танки, части самолетов. А впереди и позади нашего состава шли эшелоны с заводским оборудованием, державшие путь на восток. Если бы не драматизм событий, можно было бы залюбоваться этим обилием и многообразием промышленной техники, а ведь тут только небольшая часть его, созданная за годы индустриализации страны. Для таких эмоций тогда не было места. Волновало другое — довезти все это богатство в полной сохранности до места назначения. Немало станков находилось на открытых платформах. Следовавшие в эшелоне мастера и рабочие на долгих остановках выходили к станкам, проверяли, не расшаталось ли крепление, смазывали рабочие части, чтобы они не заржавели, тщательно укрывали их.

Еще больше было заботы о том, как прокормить людей. Кое-какие продукты везли с собой, покупали на привокзальных базарах, на крупных станциях удавалось порой и пообедать.

Дорога длинная и долгая. Едем уже третью неделю. Жизнь на колесах идет своим чередом. В одном из эшелонов в дороге родились четверо, умерли двое.

Как начальник эшелона, на каждой остановке в любое время дня и ночи обхожу весь состав. Однажды в одной из теплушек обнаружил разложенный прямо на полу костер. Конечно, ночи прохладные, но люди не подумали о последствиях.

Наш эшелон прибыл в Красноярск 5 августа. Мы должны развернуть производство на базе Сибтяжмаша. А что он представляет собой? Директор Касаткин и главный инженер Макаров знакомят нас с территорией на правом берегу Енисея. Пустырь. Конопляное поле. Склады «Заготзерно». Четыре барака. Здесь должен в кратчайший срок вырасти завод-гигант.

Первая забота — о людях. Их удается разместить в Кировском районе Красноярска в свободных пока школах, клубах. Люди потеснились — где комнату высвободили, где угол. В тесноте, как говорится, да не в обиде. Бывали и обиды.

Редко, но попадались и черствые сердца, закосневшие в собственническом эгоизме мещане. Иные за меру картошки требовали костюм. Ничтожно малое число таких еще больше подчеркивало высокую гражданскую сознательность подавляющего большинства остальных, с кем пришлось встречаться в это время.

Эшелоны с людьми и оборудованием продолжали прибывать, и в них все больше семей профинтерновцев и все меньше глав семей — они заняты на оборонительных работах или ушли в партизанские отряды и истребительные батальоны. Последний эшелон был отправлен из Бежицы 8 октября, завершив эпопею перебазировки. Всего было отправлено 7550 вагонов. Часть в Горький, Свердловск, Нижний Тагил, но основная масса — свыше 6 тыс. вагонов — в Красноярск. Погрузили не только свое оборудование, но и рельсы. Чьи-то заботливые руки упаковали в ящики бронзовую стружку. С последними эшелонами прибыли заводская библиотека, имущество Дома культуры и т. д.

Перебазирование одного только «Красного Профинтерна» обошлось государству более чем в 53 млн. руб., а общий ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками заводу, превыспл 118 млн. руб. (в ценах 1926—1927 гг.).

Профинтерновцев на новое место прибыло более 15 тыс. человек. Целый город! Исчерпав все местные ресурсы жилья, стали расселять людей в близлежащих деревнях, поселках — Базанхе, Клюквине и даже Канске. Жили и под открытым небом, пока не наступили холода, в вагонах, палатках. Но уже строилось жилье. К концу года было возведено 20 бараков, а потом вырос большой поселок профинтерновцев.

Если люди, хоть в тесноте, были размещены, то с оборудованием дело обстояло, пожалуй, сложней. В районе будущего Спбтяжмаша — небольшая станция Злобино, предназначавшаяся главным образом для погрузки зерна. Когда стало известно об эвакуации «Красного Профинтерна», красноярцы энергично принялись за подготовительные работы. Началось строительство ветки железной дороги, навесов и стеллажей. Но много ли можно было сделать за один месяц? А ведь предстояло разгрузить несколько тысяч вагонов, и груз все тяжелый, громоздкий. Такая работа в условиях крупной, соответственно оборудованной станции была бы нелегкой. Здесь же при недостаточности железнодорожных путей, отсутствии подъемных средств, недостатке автотранспорта, в условиях уже наступившей суровой зимы от людей требовалось напряжение всех сил. Работа велась круглосуточно, в иные дни на разгрузке работало свыше 3 тыс. человек, и разгружалось по 300 и более вагонов. Вспоминаешь и диву даешься: как, действуя одними ломами да тросами, люди, отнюдь не профессиональные такелажники, ухитрялись сгружать многотонные махины, которые медленно сползали по бревнам-слегам с платформ на одну из площадок. Таких площадок было 6 на расстоянии 2—12 *км* от будущей заводской территории. Потом в дело пускались железные листы, на них устанавливались станки, которые тащили тракторы или автомашины, и опять слеги, веревки. Сноровка, хватка выручали в самые трудные минуты.

Первым нашим временным цехом стала бывшая конюшня совхоза «Удачный» (кстати сказать, впоследствии совхоз был передан заводу для улучшения питания коллекти-

ва), первой продукцией — 50-*мм* ротные минометы. На левом берегу Енисея, в мастерской ремесленного училища, обосновался наш второй цех. Тут стали выпускать гранаты.

Передо мной фотография того времени. За станками с трансмиссионными передачами подростки лет по четырнадцать-пятнадцать. Это на них легло фронтовое задание — ежедневно давать по 12 минометов. Задание казалось нереальным. Ведь до сих пор на изготовление одного миномета уходило 15 часов. А тут 12 штук, в сущности, за то же время. Конечно, на помощь комсомольско-молодежной бригаде пришли технологи, процесс изготовления деталей и сборки минометов был усовершенствован, но все же 2 и 12! Какую же энергию надо было проявить, дисциплинированность, сознание долга, чтобы выполнить задание в срок! Предельно уставшие после 12-часовой напряженнейшей работы, но бесконечно счастливые молодые рабочие торжествовали победу. Особенно отличился А. С. Володкевич, изготовивший детали для 13 минометов.

Психологический барьер был преодолен, и уже в последующие дни, недели, месяцы и годы задания фронта по этому и другим видам вооружения и боеприпасов систематически перевыполнялись. «Все для фронта! Все для победы!» В этих подхваченных народом призывах партии заключалась огромная мобилизующая сила, порождавшая массовый трудовой героизм.

Скромной работницей приехала из Бежицы Мария Иосифовна Дорофеева. Она становится к шлифовальному станку. Работает отлично, перевыполняет норму. До нее словно доносятся голоса с фронта, требующие больше и больше оружия. У Марии семья, но на производстве не хватает сверловщиков, и она овладевает и этой профессией. Потом и специальностью строгальщика.

Многостаночники! Какой это драгоценный вклад в производство, когда не хватает квалифицированных кадров рабочих! Леонид Мохов, молодой рабочий, тоже работает на трех станках, выполняет по пять норм в смену.

Самозабвенный труд таких патриотов, как Дорофеева, Мохов, находит горячий отклик во многих сердцах. И вот уже разносится слава о бригаде токарей Дмитрия Серикова. Качество обрабатываемых ею деталей так высоко, что отпадает необходимость пропускать их через технический контроль.

Пока строились цехи основного производства, профинтерновцы не сидели сложа руки.

По прибытии вагоностроителей из Бежицы на ветке Красноярского вагоноремонтного завода был организован монтаж фронтовой походной артиллерийской мастерской (ПАМ) в составе 12 большегрузных вагонов с собственной электростанцией, которая прибыла на площадку в незавершенном виде. Монтаж походной мастерской, как и выпуск вооружения и боеприпасов, стал ударным участком непосредственной помощи фронту. В 1942 г. мастерская была закончена и отправлена на фронт.

Все больше входили в строй и расширялись существующие машиностроительные и металлургические заводы, и все больше росла нужда в мостовых кранах. Нашему заводу поручено было в кратчайший срок организовать их производство. Краны были не в новинку краснопрофинтерновцам, немало их они построили в довоенные годы. Теперь возрождалось еще одно звено «Красного Профинтерна», и профинтерновцы с великим рвением взялись за дело. И уже в 1942 г. металлурги получили 7 мостовых электрических разливочных кранов. В последующие годы их выпуск значительно возрос, и до конца войны было поставлено потребителям 60 кранов грузоподъемностью до 75 *т*.

В конце 1942 г. завод получил особое задание — организовать производство головок для снарядов «катюш». Чертежи были доставлены знаменитым летчиком Героем Советского Союза М. М. Громовым. Коллектив завода воспринял это поручение как оказание ему особой чести и выделил на изготовление этого изделия лучшие силы.

Самым трудным в технологии изготовления головок на первых порах было освоение автоматической сварки. Хотя у профинтерновцев был большой опыт сварочных работ — сварка цистерн,— но в данном случае требовалась особенно чистая, притом не ручная, а автоматическая сварка: ведь счет снарядам велся на тысячи. Задача успешно была решена группой специалистов под руководством инженера-сварщика Георгия Степановича Яковчука. Ему же была поручена организация поточной линии для производства головок, идея которой зародилась в коллективе. Когда такая линия была создана, трудоемкость изделия резко снизилась, уменьшилась потребность в подсобных рабочих, намного возросла, разумеется, производительность труда и главное — во много раз увеличился выпуск головок.

Но тут возникли новые препятствия — нехватка листового проката нужной толщины. Будучи начальником производства завода, я выехал на Кузнецкий металлургический комбинат, встретился с директором комбината Р. В. Беланом, рассказал ему о затруднениях с производством такого важного изделия для фронта и просил помочь. Белана не надо было долго уговаривать, он понимал, что помощь необходимо оказать, изыскав для этого какие-то дополнительные резервы. И Белан нашел возможность помочь «Красному Профинтерну» не в ущерб, нужно полагать, другим потребителям. Через два дня в адрес завода было отгружено 800 *т* 4-*мм* листа. Теперь производство головок снарядов для «катюш» пошло полным ходом. Что и говорить, этому в немалой степени способствовал ореол всесокрушающей силы гвардейских минометов — оружия, одно упоминание которого нагоняло на фашистов панический страх. Изготовители снарядов вкладывали в свой труд всю страсть своей души, неистребимую ненависть к врагу. Ни на одном участке, пожалуй, производительность труда не была так высока, как там, где рождались головки снарядов «катюш».

Тем временем развернулось строительство основных цехов. Нам повезло. Из Харькова прибыла особая строительно-монтажная часть (ОСМЧ), та, что строила еще Харьковский тракторный завод, с богатой строительной техникой, но без рабочих-строителей. Возглавлял этот строительный отряд опытный строитель Алексеев. Рабочими стали профинтерновцы. Все, без различия званий и должностей — инженеры, техники, служащие, рабочие, члены семей,— стали каменщиками, плотниками, бетонщиками, штукатурами, столярами. Сутками не покидали профинтерновцы стройки на сибирской земле.

32 года проработал в Бежице на своем фрезерном станке Иван Степанович Максименков. Он так хорошо знал свой станок, что казалось, тот послушен не только рукам мастера, но и его помыслам. Максименков сам демонтировал его, не спускал с него глаз в дороге, наведывался на разгрузочную площадку. Пришлось Ивану Степановичу на время расстаться со станком. Старый фрезеровщик — мастер на все руки и берется за то дело, в котором больше всего нужда в данный момент. Когда прибывали эшелон за эшелоном и все усилия коллектива были направлены на то, чтобы поскорей разгрузить вагоны, Иван Степанович

становится грузчиком. Строили цехи — он плотник, а стали устанавливать оборудование — слесарь, кузнец. Позже, когда уже установили станки, я, войдя однажды в цех, увидел Максименкова в окружении нескольких станков.

— Четыре моих сына на фронте,— сказал Максименков, уловив мой молчаливый вопрос,— вот я и работаю на четырех станках, за них и за себя.

Лучший сварщик «Красного Профинтерна» Банщиков вел сварку металлоконструкций под открытым небом при 40° мороза. Это нарушает правила техники безопасности. Но что поделаешь, нельзя терять ни дня, ни часа (в послевоенные годы сварка при низких температурах стала обычным явлением, перед войной же этого избегали). Душой строителей паровозосборочного цеха был кадровый рабочий Борис Степанович Киреев. Можно понять его, не знающего усталости в труде: хотелось как можно скорее взяться за любимое дело — сборку локомотивов, в которых так нуждалась Родина.

Рабочие, мастера, инженеры — весь коллектив был творчески исключительно активен, иначе как можно было в кратчайшие сроки развернуть производство, во многих случаях в походных условиях, на станках, прикрытых лишь навесом. Пример инициативы явили прокатчики.

По проекту Гипротяжмаша прокатный цех на новой площадке не был предусмотрен. А нужда в прокате была чрезвычайно велика, и, главное, в наличии — прокатное оборудование, привезенное из Бежицы. Наши прокатчики Белов, Жуковский, Марченко и др. решают действовать на свой риск. Свободная площадка под цех имеется. Нужны лишь фундаменты под тяжелое прокатное оборудование, а уж смонтировать его они сумеют сами.

Прокатчики посвящают в свой план начальника ремонтно-строительного цеха Борисенко. Он зажигается их идеей, и ему прокат позарез нужен. Цех Борисенко берет на себя второй «негласный» план — уложить фундаменты. Работы ведутся в неурочное да и во всякое свободное время. Конечно, нам, руководителям завода, затея прокатчиков стала известна, и мы им не препятствовали.

Доложили наркому Н. С. Казакову о строительстве цеха проката как о свершившемся факте. Он одобрил патриотический почин прокатчиков и дал указание спроектировать цех, который и был построен. И снова мы увидели профинтерновских прокатчиков за их нелегкой, но любимой

работой и старейшего среди них — П. А. Жуковского. 40 лет он проработал в Бежице на обработке валков и теперь обучал своему искусству красноярскую молодежь. Работали пока на привозных слитках. Позже была сооружена своя, первая в крае 30-тонная мартеновская печь.

Так шаг за шагом правый пустынный берег Енисея обрастал производственными корпусами. Чтобы выиграть время, вместо кирпичных возводились деревянные здания. Среди первой продукции, выпущенной «Красным Профинтерном» на новом месте, был паровоз, собранный из бежицкого задела. Теперь же предстояло заново создать здесь завод по производству мощных магистральных паровозов. Решение об этом было принято в мае 1942 г., и реализовать его надо было в кратчайший срок. В мирное время период от реконструирования паровоза до его выпуска составлял обычно три года. Теперь же, в условиях военного времени, о таких сроках и думать нечего было. Ведь почти все паровозостроительные заводы, расположенные в центральных районах, были эвакуированы, и страна очень нуждалась в восстановлении паровозного парка.

Надо было искать во много раз более короткие пути, и они были найдены. Большой выигрыш во времени дал скоростной метод изготовления паровозов, заключавшийся в том, что все циклы сборки стали осуществляться не последовательно, а параллельно. Одно это сократило время сборки машин и дало годовую экономию в полмиллиона рублей. Инженер Т. А. Сорока предложил увеличить число осей паровоза, чтобы уменьшить давление на рельсы каждой пары колес. Предложение было изучено в Москве, одобрено и осуществлено красноярскими паровозостроителями. Большую помощь в выпуске первых в военное время паровозов оказал нам коллектив красноярского паровозоремонтного завода.

Наряду с решением конструкторских и технологических задач не менее важной была задача подготовки рабочих кадров и для паровозостроения, и по всем другим специальностям. Уже из Красноярска ушел на фронт большой отряд работников завода во главе с парторгом ЦК партии Виктором Федоровичем Банкировым. Поредели ряды квалифицированных рабочих. Их место занимали женщины, молодежь допризывного возраста. Велика была их преданность делу, но нельзя было полагаться только на энтузиазм. Нужно было систематическое, упорное обучение но-

вых кадров рабочих. И тут большую помощь оказывают кадровики «Красного Профинтерна». Те же И. С. Максименков, П. А. Жуковский, ветераны В. Л. Касаткин, М. Д. Баталев берутся каждый обучить по 10 человек, передать им свой опыт и мастерство и подготовить из них квалифицированных рабочих, выполняя при этом свои собственные задания на 200%.

Призыв кадровых рабочих, прозвучавший со страниц «Красноярского рабочего», нашел живой отклик. Шлифовщик П. И. Аникин, клепальщик Т. М. Никитин, нагревальщик В. И. Орехов, расточник М. И. Зеваков и многие другие становятся учителями и воспитателями молодежи, готовят из нее квалифицированных работников. Токарь И. А. Вдовенко за год обучил 15 молодых рабочих, выполняя при этом свою норму на 250%. Всего в 1943 г. бригадно-индивидуальным методом было подготовлено до 1500 рабочих. Тем временем возникают стахановские школы, организуются курсы технического обучения, и в следующем году завод получает из этих источников еще тысячу рабочих, овладевших передовыми методами работы.

Так закладывались основы мастерства, которое шлифовалось, совершенствовалось в процессе работы, питалось горячим чувством патриотизма, стремлением отдать все силы на помощь фронту. Партийная организация, комсомол, профсоюз руководили этой работой, изыскивали новые организационные формы.

Возникают фронтовые бригады. С фронтовыми бригадами связана целая полоса в развитии социалистического соревнования. Программа у всех одна — неустанно повышать производительность и качество труда, чтобы из месяца в месяц давать больше отличной продукции. В каждом цехе, на участке выделялись свои конкретные задачи. На «Красном Профинтерне» звание фронтовой одной из первых было присвоено бригаде молодых слесарей Виктора Шевелева на сборке минометов. Бригада прошла хорошую школу у своего первого руководителя С. Родионова, а когда он ушел на фронт, бригаду возглавил комсомолец В. Шевелев. Темп работы оставался таким же высоким, но возрастал объем работы цеха, и от каждого требовалось сегодня сделать больше, чем вчера. Шевелев находит путь к этому.

— Если каждому из нас специализироваться на какой-либо одной операции,— советуется он с членами бригады,— тогда, думается, мы сумеем обработать больше деталей.

Все согласились, что так, пожалуй, будет лучше. Расставили людей по-новому, и первый же день, когда неожиданно поступило деталей больше обычного, показал, какие резервы вскрылись благодаря новому методу организации труда. Сменное задание было выполнено на 250%. Вскоре бригада Шевелева сделала еще один шаг вперед — взяла на себя обязанности и второй смены, высвободив бригаду-сменщицу для других надобностей.

В других фронтовых бригадах решались другие конкретные задачи. А все такие бригады, числом более полусотни, высоко подняли уровень социалистического соревнования.

В мае 1943 г., ровно через год после решения о создании паровозостроительного завода в Красноярске, над великой рекой раздался зычный голос магистрального паровоза «СО» (Серго Орджоникидзе), только что рожденного на сибирской земле. Радостным эхом отозвался этот голос сибирского первенца в сердцах советских людей и разочарованием в капиталистическом мире, рассчитывавшем продавать свои паровозы Советскому Союзу на международном рынке, поскольку, считали они, советское паровозостроение подорвано эвакуацией паровозостроительных заводов из временно захваченных гитлеровцами районов. Но и на этот раз просчитались господа капиталисты.

Локомотивный парк страны стал регулярно пополняться красноярскими паровозами. Всего с мая 1943 г. по 1945 г. было выпущено 40 паровозов. У каждого из них своя «биография», своя «судьба». Об одной из них, особенно врезавшейся в память, хотелось бы рассказать подробнее.

Осенью 1943 г. завод получил специальное правительственное задание: построить локомотив для 7-й колонны паровозов особого резерва. Стало известно, что паровоз строится на собственные средства железнодорожников колонны. Больше мы ничего не знали о наших заказчиках, но их патриотический шаг нашел горячий отклик в сердцах локомотивостроителей. Паровозу «СО 17-1613» (такой номер был ему присвоен) с самой колыбели дали «зеленую улицу», и машина была изготовлена в кратчайший срок на высоком качественном уровне. В декабре того же 1943 г. на завод для приемки паровоза прибыла бригада в составе машиниста Героя Советского Союза Алексея Григорьевича Смирнова, помощника машиниста Семена Липского и ко-

чёгара Арама Аверьяна. От Смирнова мы узнали предысторию паровоза.

Перенесемся на несколько тысяч километров на запад от Красноярска. Осень 1943 г. Идут жестокие бои за освобождение Украины от фашистских захватчиков. Однажды в поздний октябрьский вечер штаб 7-й колонны паровозов получил приказ из штаба 3-го Украинского фронта о немедленной отправке со станции Чаплино нефтепродуктов и боеприпасов. В колонне тогда оказались исправными два паровоза — машинистов Смирнова и Иванченко. Они только что вернулись с фронта, но тут поступил приказ, и машинисты вновь повели эшелоны к берегам Днепра. Для Смирнова это был пятый ночной рейс подряд. У станции Раздоры состав подвергся яростному обстрелу неприятеля. Был поврежден тендер, посыпались стекла в будке машиниста, но эшелон проскочил опасный участок. Фронт вовремя получил драгоценный груз.

Попал под бомбежку и эшелон Иванченко. Погиб машинист и половина его экипажа. В те дни колонна лишилась почти половины локомотивов. Между тем наступление советских войск успешно продолжалось, и нужда в подвозе воинам всего необходимого все возрастала. Тогда-то железнодорожники решили прийти на помощь фронту не только своим самоотверженным трудом, но и своими сбережениями: построить паровоз на собственные средства. Первый взнос в 3 тыс. руб. сделал машинист Тимофей Плосконос, а уже через два дня вся нужная сумма была собрана.

И вот Алексей Григорьевич Смирнов, которому была оказана эта честь, выводит из сборочного цеха красавец паровоз. На табличке, прибитой к будке паровоза, все прочитали: «Паровоз построен на средства командиров и бойцов колонны № 7».

Паровоз умчался на запад, имея задание по дороге взять груз — танки для войск генерала Черняховского, а мы, провожавшие свое детище в далекий путь, вернулись к своим делам.

Много лет спустя стала известна дальнейшая судьба локомотива «СО 17-1613». «Сибирячок» — так прозвали паровоз на фронте — обладал истинно сибирским «здоровьем». В каких только переделках он не побывал! Его не раз, и даже «смертельно», ранили, но, отремонтированный, он вновь появлялся на фронтовых дорогах.

На переднем листе дымовой трубы локомотива блестела боевая надпись «Вперед, на Запад!», сделанная машинистами из отстрелянных снарядных гильз. Вслед за передовыми частями Красной Армии паровоз одним из первых «вступил» в Восточную Пруссию, его видели на путях Силезского вокзала уже через несколько дней после взятия Берлина. Потом на локомотив легла почетная миссия: проложить путь поезду особого назначения, в котором ехала на Потсдамскую конференцию советская правительственная делегация во главе с Верховным Главнокомандующим.

Наступили мирные времена. Локомотив водил пассажирские поезда на Московской и Прибалтийской железных дорогах. А когда наступила эра электровозов и тепловозов, локомотив «СО 17-1613» был снят с эксплуатации. Но ветеран не забыт. Железнодорожники Прибалтийской дороги, на одной из станций которой находится знаменитый паровоз, решили отремонтировать локомотив, придать ему прежний вид и поставить на вечную стоянку как один из мемориалов Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления.

Но вернемся на Красноярский завод. Как сказано, он выпустил 40 паровозов, что было большим вкладом в развитие железнодорожного транспорта страны в самую трудную для нее пору.

Настало время эвакуированным предприятиям возвращаться домой. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» из Красноярска в Бежицу двинулись эшелоны с оборудованием. «Красный Профинтерн» возвращался на старое место, оставив на берегах Енисея свой двойник — мощный завод Сибтяжмаш.

За годы войны на пустом, в сущности, месте, на правом берегу Енисея, родился, можно сказать, второй «Красный Профинтерн». За это время было построено и введено в эксплуатацию 15 цехов общей площадью 72 тыс. $м^2$, выпущено 5700 $т$ различного оборудования, в том числе сотни сложных машин и механизмов. Новый центр машиностроения на Востоке страны стал поставщиком оборудования для предприятий тяжелой промышленности. Среди них Магнитогорский металлургический комбинат, Новокраматорский и Подольский машиностроительные заводы, Коломенский паровозостроительный, Уральский турбинный и

многие другие. Оборудование из Красноярска шло в адрес строившегося металлургического завода в Узбекистане и восстанавливаемых предприятий Донбасса.

По окончании строительства первой очереди завода коллектив 16 февраля 1945 г. рапортовал Государственному Комитету Обороны: «На берегу Енисея создана крупная база машиностроения — завод по выпуску мощных магистральных паровозов, металлургических кранов и других машин для промышленности».

Государственный Комитет Обороны поздравил коллектив с одержанной победой. В телеграмме говорилось: «Родина не забудет ваш самоотверженный труд по созданию в военное время новой крупной базы тяжелого машиностроения в Сибири, имеющей большое значение для восстановления и развития железнодорожного транспорта и всего народного хозяйства».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 июля 1945 г. Сибирский машиностроительный завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени. 162 наиболее отличившихся рабочих, инженеров, техников, служащих завода были награждены орденами и медалями.

★

В 1966 г. в День машиностроителя Сибтяжмаш праздновал свое 25-летие. Мне довелось быть на этом торжестве. Какое волнующее зрелище открылось перед глазами! Многочисленные производственные корпуса, сложнейшие сооружения, лес труб — крупнейший машиностроительный, металлургический, химический центр — вот что представлял собой правый пустынный, каким я его увидел в 1941 г., берег Енисея. Теперь его не окинуть взглядом, не скоро объехать на машине. Это также крупный современный многоэтажный, благоустроенный город. И от сознания того, что в годы войны первопроходцами индустриализации этого чудесного уголка Сибири были краснопрофинтерновцы, что здесь, как в десятках других впервые возникших промышленных узлах, ковалось оружие для победы над германским фашизмом, от всего увиденного и услышанного тут сердце преисполнилось радости и гордости за Отчизну, за советский народ, под руководством ленинской партии одержавший величайшую победу в войне и достигший великих успехов в строительстве коммунизма в послевоенные годы.

М. А. Водолагин

СТАЛИНГРАДСКИЙ АРСЕНАЛ

ВОДОЛАГИН Михаил Александрович. Родился в 1903 г. Член КПСС с 1930 г. Секретарь Сталинградского обкома КПСС (1939—1949 гг.). Ныне доктор исторических наук, профессор Московского литературного института им. А. М. Горького.

Индустриальное сердце Поволжья — так называли довоенный Сталинград. Его промышленность еще в годы гражданской войны служила арсеналом вооружения Красной Армии. Потому-то и бои за Царицын (Сталинград) тогда носили упорный и ожесточенный характер. Белогвардейцы, стремясь захватить город, рассчитывали заполучить, по словам атамана войска Донского генерала Краснова, «пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякого войскового имущества».

Довоенные пятилетки до неузнаваемости преобразили Сталинград. За небывало короткие сроки были построены мощная районная электростанция — Сталгрэс, самый крупный в Европе тракторный завод им. Ф. Э. Дзержинского, судостроительный, метизный, нефтеоборудования и другие заводы, оснащенные новейшей техникой. Была создана и

самая мощная в Поволжье промышленность строительных материалов.

Подверглись полной реконструкции все старые предприятия. Так, заново переоборудованный и расширенный металлургический завод «Красный Октябрь» (бывший ДЮМО) превратился в основную базу производства специальных легированных и углеродистых сталей для всей автотракторной промышленности СССР. Заводом крупного машиностроения стали «Баррикады», бывший орудийный завод. В два раза выросла мощность реконструированных лесопильных заводов — по объему выпускаемой продукции они занимали второе место в СССР (после архангельских заводов). Подвергся реконструкции водный транспорт и железнодорожный узел.

150-тысячный коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих промышленности города трудился самоотверженно. Впереди открывались новые горизонты: проектировалось сооружение Волго-Донского канала, Волжской ГЭС, химических и других предприятий.

И вдруг — война! И хотя мы готовились к ней, ворвалась она в нашу жизнь внезапно. Первым порывом было — скорее на фронт, на встречу с вероломно напавшими фашистами. Внутренне к этому мы были готовы давно. Но фронту требовалось вооружение, боеприпасы, продовольствие — одним словом, ему нужен был мощный, организованный, активно действующий тыл, без которого в современной войне фронт бессилен.

Партия потребовала быстрой перестройки всего народного хозяйства на военный лад, подчинения всей экономики правому делу разгрома врага. Все стало круто изменяться. Учащенное забилася пульс общественно-политической жизни. Началось огромное передвижение людей. Одни уходили в военкоматы, другие уже грузились в воинские эшелоны, следовали на фронт. Заменяя ушедших, на предприятия вливалась новая рабочая сила. К станкам и агрегатам становились женщины, подростки. Всех советских людей — и тех, кто надел военную форму, и тех, кто остался на производстве,— объединяла одна общая цель: отбить нападение гитлеровской Германии, разгромить врага, отстоять честь и независимость нашей Родины.

Предприятия организованно переводились на выпуск военной продукции, максимально уплотнялся рабочий день, повышалась загрузка заводского оборудования. Ста-

линград снова превращался в арсенал вооружения Красной Армии, но теперь уже неизмеримо большей мощности.

Быстрой организации военного производства способствовала проделанная еще до войны, особенно с 1939 г., работа по укреплению обороноспособности страны.

Теперь, спустя три десятка лет, вспоминая и анализируя прошлое, снова и снова приходишь к непоколебимому выводу — без той предварительно проделанной Коммунистической партией, советским народом работы вряд ли бы нам удалось сравнительно быстро перестроить экономику страны на военный лад и добиться победы над врагом. Очень своевременным был переход в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. на 8-часовой рабочий день и 7-дневную неделю. Сталинградский тракторный завод, например, в 3-м квартале того года только за счет перехода на 8-часовой рабочий день и удлиненную неделю увеличил выпуск продукции на 44 млн. руб. Такая же картина наблюдалась и на других предприятиях.

Другим важнейшим мероприятием явилось создание в октябре 1940 г. системы государственных трудовых резервов на основе массовой подготовки рабочей силы для народного хозяйства в ремесленных училищах и в школах ФЗО. Так, в 1941 г. сталинградская промышленность получила из школ ФЗО 14 тыс. квалифицированных рабочих, а в 1942 г. с учетом выпуска из ремесленных училищ — еще 18 тыс. Это пополнение, в основном из подростков, составило треть работающих на предприятиях Сталинграда.

Нельзя не вспомнить и о регулярно проводимой военной переподготовке кадров запаса. Ведь почти ежегодно, проходя учебные сборы, мы сменяли гражданскую одежду на военную. Последний двухмесячный сбор я проходил вместе с секретарем Сталинградского горкома партии И. А. Никеиным, секретарем Еланского райкома партии И. Л. Гореловым и другими товарищами летом 1940 г. Сбор проводился по решению Политбюро ЦК ВКП(б). На него были вызваны партийные работники — командиры и политработники, состоящие в запасе. На сборе мы познакомились с новым автоматическим оружием («ППД»), с выводами из опыта финской войны. Тактические и строевые занятия были максимально приближены к военным условиям. Все это нам очень пригодилось, когда началась

война. Я был назначен военным комиссаром Сталинградского корпуса народного ополчения, части которого принимали непосредственное участие в обороне Сталинграда.

И еще одно важное мероприятие, но уже организационно-партийного характера. В обкомах и в крупных горкомах партии были созданы отраслевые промышленные отделы. После XVIII Всесоюзной партийной конференции были учреждены должности секретарей обкома (горкома) партии по отдельным отраслям промышленности. В Сталинградском обкоме партии вначале имелось 6 отраслевых отделов во главе с секретарями обкома. Потом их стало 8.

Помню, некоторые скептически относились к этому нововведению.

— Это же раздувание аппарата,— говорил кое-кто из них.

Однако война показала, насколько удачной, приспособленной к военным условиям оказалась отраслевая система партийного руководства промышленностью. В самом деле, военная обстановка продиктовала необходимость строгой централизации, сосредоточения решения военно-экономических вопросов в партийных органах — обкоме, горкомах и райкомах партии. В отраслевых отделах и стало сосредоточиваться решение вопросов размещения военных заказов, распределения между предприятиями материалов, топлива и электроэнергии, необходимых для выполнения заказов в сжатые сроки. Созданный институт отраслевых секретарей обкома и горкома партии придал отраслевым отделам большую самостоятельность, повысил их ответственность за порученное дело. Оперативное решение ими многих вопросов разгрузило работу бюро обкома партии, придало партийному аппарату в целом большую организационную гибкость и оперативность.

В то время я работал секретарем Сталинградского обкома партии, ведая вопросами идеологии. Всеми отраслевыми промышленными отделами руководил секретарь обкома И. И. Бондарь, кадрами занимался секретарь обкома Ф. В. Ляпин. Первый секретарь обкома партии А. С. Чуянов и второй секретарь В. Т. Прохватилов ведали общими вопросами. В. Т. Прохватилов непосредственно занимался и вопросами сельского хозяйства. А. С. Чуянов возглавлял Сталинградский городской комитет обороны.

Директива ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. о военной перестройке требовала от всех нас «умения быстро

организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом» [1].

Конечно, каждый из пяти секретарей — членов бюро обкома партии ведал порученным ему конкретным участком работы. Но главное внимание мы все уделяли мобилизации людских и материальных ресурсов, организации быстрого выполнения решений и заданий Центрального Комитета ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны. Этому подчинялась вся организаторская и идейно-политическая работа обкома, горкомов и райкомов партии.

Деятельность партийных комитетов приобрела необычайно разносторонний, универсальный характер. В партийные органы поступали разнообразные решения, предложения, письма, изобретения, направленные к достижению одной цели — помочь Красной Армии отстоять Родину, разгромить врага.

Вопросы изобретательства, рационализаторских предложений сосредоточивались у секретаря обкома партии И. И. Бондаря. Как-то он позвонил:

— Есть новинка системы Иночкина, может быть, подойдет для ополчения.

Иван Петрович Иночкин — изобретатель первой в нашей стране автоматической линии из агрегатных станков и полуавтоматов, вступившей в строй в 1939 г. на Сталинградском тракторном заводе. Как изобретатель, он по-своему откликнулся на призыв оказать помощь фронту: изготовил «бутылкометатель» — приспособление для метания противотанковых бутылок с зажигательной смесью «КС». Образец этой новинки он и доставил в обком.

Проблема борьбы с танками противника была самой острой. Враг использовал танки для прорыва нашего фронта, сеял «танкобоязнь». В Сталинграде, как и в других городах, проводились краткосрочные курсы по подготовке истребителей танков. На курсы отбиралась молодежь смелая, готовая на самопожертвование, физически крепкая. Противотанковых ружей и артиллерии было еще мало. Поэтому противотанковым оружием служила бутылка «КС», бросить которую прицельно можно было на 25—30 *м*. Боец-истребитель должен был находиться лицом к лицу с гро-

---

[1] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов 1917—1958». М., Госполитиздат, 1958, стр. 356.

зной машиной. Бутылкометатель Иночкина имел расчет действия на 75—100 *м*. Однако проблема не была решена и продолжала волновать. Так, в дни осады Сталинграда командующий 57-й армией генерал-майор Ф. И. Толбухин обратился к руководству завода, выпускающего смесь «КС», с такой просьбой-заказом:

— Можете ли вы выработать как можно больше самовоспламеняющейся смеси «КС», дымообразующих средств и сделать опытную партию фугасных минометов (ФОГ)?

Завод взялся за выполнение фронтового заказа. Какие только не поступали тогда предложения! Краснооктябрьцы представили свою новинку — современную «кольчугу», предохраняющую от пуль. Это был жилет с набором плотно нашизанных продольных стальных пластинок, прикрывающих грудь бойца. Помню и такой образец: лопата-миномет. Поступали особой конструкции мины, пулеметы. Временами кабинет секретаря обкома партии был похож на «оружейную палату».

Родники творческой инициативы возникали на всех предприятиях. Там вынашивались идеи изобретений, рационализаторских предложений, и полезные из них внедрялись в производство, сокращали затраты труда на выпуск продукции.

Мне, в прошлом тракторозаводцу, наиболее знакомым и близким был тракторный завод, который с первых дней войны выпускал танки. Он выпускал средние танки «Т-34» конструкции А. А. Морозова, М. И. Кошкина и Н. А. Кучеренко. Советский танк «Т-34» считался лучшей боевой машиной периода второй мировой войны. Он гармонично сочетал огневую мощь, надежность броневой защиты и высокую скорость, имел цельнометаллическую башню с 76-*мм*, а позднее — 85-*мм* пушкой, обтекаемую коническую форму корпуса, считавшуюся идеальной. Снаряд его пушки пробивал броню немецкого танка с расстояния 1,5—2 тыс. *м*, тогда как пушки немецких танков «Т-III» и «Т-IV» могли поражать цель на расстоянии не более 500 *м*, пробивая лишь бортовую часть.

Танковому производству придавалось первостепенное значение. Уже на четвертый день войны, 25 июня, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о расширении производства танков. 11 сентября 1941 г. танковая промышленность выделилась из наркомата машиностроения в самостоятельный наркомат.

В связи с эвакуацией Харьковского тракторного завода основная тяжесть по выпуску танков «Т-34» легла на Сталинградский тракторный завод (СТЗ). По характеру своего производства СТЗ был связан со 182 заводами-смежниками, из них две трети находились за пределами Сталинградской области. С перебазированием заводов из прифронтовой зоны на Восток прекратилось поступление на СТЗ топливной аппаратуры, электрооборудования, многих изделий, получаемых со 122 заводов-смежников. Встала сложнейшая задача — наладить их производство на самом тракторном и на других заводах Сталинграда. Вот когда и тракторозаводцам, и всем нам, особенно И. И. Бондарю, работникам промышленного и машиностроительного отделов обкома партии, работникам горкома партии, пришлось много поработать, чтобы не допустить ни перебоев, ни снижения выпуска танков.

Задача эта была решена по-военному. За короткий срок на СТЗ были созданы новые цехи: электрооборудования (выпускавший генераторы, стартеры, реле и др.), топливной аппаратуры, четыре цеха (почти завод) по выпуску дизель-моторов. Теперь в порядке кооперирования у СТЗ осталось лишь 30 предприятий-смежников, находящихся в Сталинграде. Так, например, кожзавод изготовлял 34 наименования, швейные фабрики — 6, типографии — 5, промартели — 50 наименований изделий. Броневую сталь для танков варил завод «Красный Октябрь», корпуса изготовляла судостроительная верфь, много изделий поставлял метизный завод. За пределами области осталось лишь несколько заводов-поставщиков. Так, до января 1942 г. СТЗ получал поковки коленчатого вала от заводов Челябинска и Златоуста. А с января он их стал изготовлять сам в кооперации с двумя заводами Сталинграда.

Таким образом, в силу прифронтовых условий СТЗ превратился в универсальнейший завод с массово-поточным производством. Это обстоятельство имело важнейшее значение — оно позволило заводу выпускать танки и в дни осады Сталинграда, когда город оказался во вражеском полуокружении, отрезанным от Большой земли.

Трудно переоценить вклад тракторного завода в дело победы. В течение всего первого периода войны, точнее вплоть до сентября 1942 г., СТЗ оставался головным предприятием танковой промышленности СССР, выпуская до 40% средних танков «Т-34» от общего их производства.

8 февраля 1942 г. за образцовое выполнение заданий правительства по производству танков и танковых моторов ордена Ленина тракторный завод им. Ф. Э. Дзержинского был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Орденами и медалями были награждены 248 работников СТЗ и предприятий-смежников.

Люди трудились с полной отдачей сил, отрабатывая порой по две смены подряд, отдавая сну 2—4 часа в сутки. Многие мастера по нескольку дней не покидали цехов. Некоторые начальники цехов поставили в своих конторках кровати, переселились туда:

— Наш дом теперь здесь. Отдохнем потом, когда покончим с Гитлером.

«Красный Октябрь» осенью 1941 г. остался единственным металлургическим заводом, обслуживающим Юго-Восток и Кавказ. Выплавляемая им сталь составляла 9—10% к общему производству в стране вместо 4% в начале войны. К этому следует добавить, что краснооктябрьский металл весь был специального качества. Это означало, что вплоть до середины 1942 г., когда в больших масштабах была организована выплавка легированного и качественного углеродистого металла на заводах Урала, выпускавших до войны рядовой металл, «Красный Октябрь» оставался основным поставщиком качественного металла не только для танковой, но и для авиационной и шарикоподшипниковой промышленности страны.

Высокий класс технической выучки показали краснооктябрьцы. Они наладили прокат броневого листа на имевшемся оборудовании (вопреки утверждениям скептиков о невозможности этого), разработали технологию производства сталей вместо латуни для снарядных и патронных гильз, усовершенствовали технологию выпуска стальных шлемов для бойцов. Начали изготовлять броневые башни для танков и броневые колпаки для огневых точек, саперный инструмент, стальные ежи и многое другое для оборонительных рубежей. Наладили они изготовление лакоткани для изолировки и облицовки высоковольтных и низковольтных моторов и кабеля, которую раньше завозили в Сталинград из Харькова и Ленинграда.

В годы войны широчайшую популярность получили установки «М-13» инженера А. Г. Костикова, любовно прозванные бойцами «катюшами». Их производство началось уже в ходе войны — в Воронеже на заводе им. Коминтерна

и в Москве на заводе «Компрессор». Но эвакуация коснулась и этих заводов. На «Красном Октябре» о «катюшах» тоже были наслышаны. Но чтобы их выпускать — никому и в голову не приходило. И вот, такое задание пришло. Восприняли его металлурги как высокую честь. Производство «М-13» (по заводской номенклатуре «РС-13») было поручено транспортному цеху, с чем он отлично справился. Забегая вперед, скажу, что нам довелось увидеть «свои катюши» в действии в начале сентября 1942 г., когда бои завязались в самом Сталинграде.

В войну необычные задания становились повседневностью. «Красному Октябрю» поручили налаживание мартеновской плавки стали для шарикоподшипниковой промышленности. Сталь эта обычно выплавлялась в электропечах, например на заводе «Электросталь» в Московской области. Но чтобы ее варить в основных мартенах, такого опыта не было. Правда, краснооктябрьцы такую пробу начали делать еще до войны, лабораторно. Теперь же они смело пошли на производственный эксперимент, удача сулила большие выгоды. Мартеновские печи по своему объему во много раз превосходили электропечи. Освоив плавку мартеновским способом, «Красный Октябрь» смог бы покрыть образовавшийся дефицит в шарикоподшипниковой стали. Начальник центральной заводской лаборатории М. И. Колосов рассказывает:

— Как-то в конце 1941 г. приехали к нам ответственные работники из «Главспецстали» и намекнули, что кое-кто из работников завода может лишиться головы за своеволие. На каком, мол, основании мы взялись производить такую ответственную сталь в основных мартеновских печах?

Краснооктябрьцы резонно ответили:

— А что делать? Или воевать с применением нашей стали, которая, кстати, прошла проверку в боевых условиях и показала себя с хорошей стороны, или, прекратив выпуск ее, затормозить выпуск танков и авиационных моторов.

Заказов на металл и прокат «Красный Октябрь» получал так много, что они значительно превышали его производственную мощность. В обком партии больше всего поступало телеграмм и раздавалось телефонных звонков с просьбой отгрузить металл с завода «Красный Октябрь». Краснооктябрьцы настойчиво искали пути и средства по-

вышения выпуска стали. Главным из них было увеличение скоростных плавок. Вскоре одна треть плавок стала осуществляться скоростными методами. Это позволило к концу года выдать сверх плана более 2 тыс. *т* металла.

Военная техника совершенствовалась. Броня танков утолщалась. Потребовался прокат большего сечения. Чтобы его получить, нужно было новое оборудование или реконструкция имеющегося. Но ни той, ни другой возможности у завода не было. Где же выход из положения? Краснооктябрьцы пошли на риск — они стали выпускать прокат увеличенного профиля на имеющемся оборудовании.

Чем ближе придвигался фронт к Сталинграду, тем все больше осложнялось положение его заводов. Так, резко ухудшилось снабжение «Красного Октября» уральским чугуном, особенно после закрытия навигации на Волге. Заводу пришлось пойти на некоторые технологические изменения. Чтобы экономнее расходовать дефицитный чугун, стали частично заменять его коксом для науглероживания жидкого металла, переведя мартеновские печи на полукарбюраторный процесс. А потом, когда совсем плохо стало с чугуном, мартеновские печи полностью перешли на карбюраторный процесс с заменой всего требуемого чугуна коксом. Это вынужденное нововведение сильно усложняло и удлиняло процесс плавки, но благодаря ему завод бесперебойно продолжал выпускать металл.

Сокращалось поступление на завод металлолома, истощались запасы никеля и молибдена. Все труднее становилось проводить не только скоростные, но и обычные плавки. Надо отдать должное руководству завода — директору П. В. Матвееву, главному инженеру П. А. Матевосяну и парторгу ЦК ВКП(б) И. И. Михееву, они с честью выходили из труднейшего положения, завод темпов не сдавал. Опыт «Красного Октября» был рекомендован наркоматом для внедрения на заводах Урала и Сибири.

Третий гигант сталинградской промышленности — завод «Баррикады» — получил в августе 1941 г. срочное задание на выпуск дивизионной 76-*мм* пушки. На подготовку отводился предельно короткий срок — два месяца. Производство этой пушки имеет свою историю. По боевым и эксплуатационным качествам 76-*мм* пушка считалась классической для того времени. Но накануне войны по настоянию Г. И. Кулика — руководителя Главного артиллерийского управления — эта пушка была снята с производства

по мотивам необходимости замены ее 107-*мм* пушкой. Первые дни войны показали ошибочность такого решения.

Баррикадцы энергично взялись за выполнение особого правительственного задания. Досрочно, 20 сентября 1941 г., они собрали первые пять пушек, отстреляли их на полигоне и сдали военпреду на оценку «отлично». Завод начал их серийный выпуск. Стрельба на полигоне не умолкала целыми днями. Одновременно было организовано производство и 120-*мм* минометов. Немецко-фашистская армия минометов такого калибра не имела.

Для организации поточного производства пушек большие усилия приложили главный инженер завода К. И. Третько, главный технолог Е. М. Левертовский, начальник конструкторского бюро С. М. Колесников. Много труда вложил главный металлург профессор М. М. Струсельба, чтобы увеличить выпуск легированных сталей в основных мартеновских печах.

В кабинете директора завода Л. Р. Гонора часто раздавались телефонные звонки из наркомата:

— Как обстоит дело с отгрузкой вооружения? — спрашивали то нарком, то один из его заместителей.

— Все отгружено,— всякий раз следовал ответ.

— Нельзя ли ускорить отгрузку орудий сверх плана?

— Трудно.

— Примите меры. Это очень нужно.

И меры принимались. В январе 1942 г. завод «Баррикады» за успешное выполнение правительственного задания был награжден орденом Ленина. Получили ордена и медали 76 работников завода, а директору Л. Р. Гонору присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Партийная организация завода, парторг ЦК ВКП(б) П. А. Ломакин проявили себя умелыми организаторами массового социалистического соревнования. Благодаря этому перевыполнялись повышенные обязательства. А перевыполнение только месячного задания обеспечивало вооружением одного типа две дивизии, другого типа — пять стрелковых полков.

Заводу приходилось выполнять и очень сложные задания.

— Много сил отдали мы,— вспоминает Л. Р. Гонор,— изготовлению новой артустановки. Это была очень сложная конструкция. Детали машины достигали по габариту нескольких метров и весили много тонн.

Сталинградская судоверфь уже в условиях войны заканчивала хозяйственным способом коренную реконструкцию. В сжатый срок цехи были подготовлены к выпуску бронекорпусов для танков и самолетов «Ил-2», к сборке танковых башен. Судостроители построили два бронепоезда, поставляли для судов Волжской военной флотилии броневые щиты и бронебашни, ремонтировали бронекатера.

Пожалуй, не осталось ни одного предприятия в Сталинграде да и в области, которое не было привлечено к выполнению военных заказов. Так, для производства гранаты «ВПГС-41» было кооперировано 29 предприятий города. Заводы, которые до войны выпускали бытовые приборы, мебель, стиральные машины, консервы и другую мирную продукцию, стали производить минометы. авиационные изделия, гранаты. Силикатные заводы наладили выработку взрывчатки — динамон «О». Бекетовские лесопильные заводы начали изготовлять аэросани «НКЛ-16», использование которых в военных целях было новым делом.

Коллектив «Сталгрэс» делал все, чтобы предприятия города бесперебойно получали электроэнергию. Главный инженер станции К. В. Зубанов говорил:

— Война резко изменила нашу технологию. Когда немцы захватили Донбасс, мы оказались без угля. Нужно было переходить на другие виды топлива, например мазут. Мы осуществили переход с угля на мазут в очень короткий срок. Город не чувствовал этого перехода, и наша станция работала на новом виде топлива безаварийно и без ограничения обеспечивала электроэнергией потребителей.

Промышленность Сталинграда помимо плановых заданий ГКО выполняла заказы местных организаций и поступающие непосредственно от военных ведомств. В сентябре 1941 г. в обком партии обратился с просьбой главнокомандующий Юго-Западного направления Маршал Советского Союза С. М. Буденный:

— Товарищи! Очень нужны седла для конных формирований. Выручайте. Вы же казачья область.

Вот тут-то и пригодилась инициатива казаков-ополченцев, которые сами изготовили для нашей Донской кавалерийской дивизии народного ополчения около 2 тыс. седел.

Вспоминаю доклад об этом комиссара дивизии А. Ф. Кичапова:

— Докладываю. Дивизия в основном укомплектована. Колхозы выделили 1700 коней, изготовлено 2 тыс. седел...

— Товарищ Кичапов, где и кто изготовлял седла?

— Трудно сказать, откуда пошла инициатива. Получилось так, что, когда формировались сотни казаков-добровольцев, тут же началось изготовление для них седел. Старики мастера сами объявились. Одним словом — народная инициатива.

Заказ С. М. Буденного разверстали по промартелям донских районов, снабдили их кожей. И вскоре Юго-Западный фронт получил 30 тыс. седел.

Часто обращалось в обком партии командование Сталинградского военного округа, созданного осенью 1941 г.

— Получено задание на срочное развертывание новых резервов. Крайне необходимо и в большом количестве снаряжение. Взять его полностью неоткуда. Нужна помощь области.

Заказ принимался, предприятия получали новые дополнительные задания на изготовление обозного имущества, передвижных ремонтных автомастерских, шанцевого инструмента, обмундирования и т. д. Размещением военных заказов, контролем за их выполнением энергично занимался Сталинградский городской комитет обороны.

Война наложила отпечаток и на быт. Дни были уплотнены до предела. Жили событиями на фронтах. Время суток отмеряли сообщениями Совинформбюро, утренними и вечерними. А в сообщениях пока преобладали вести об ухудшении положения на фронтах, об оставленных городах. Работали и ждали перелома, ждали, тревожась, но веря, что он придет, должен прийти.

Упорные бои шли по всему советско-германскому фронту, но в конце сентября — начале октября 1941 г. особенно напряженно было на центральном направлении. Продвигаясь, враг стал угрожать Москве. Всех охватила тревога за столицу. На страницах газет появились призывы: «Враг угрожает Москве — великой столице Советского Союза», «Все силы на отпор врагу! Все на защиту Москвы!»

Под Москву спешно уходили эшелоны с бойцами. В Москву отгружались танки, пушки, снаряды. Из Москвы в города Поволжья, в том числе и в Сталинград, были эвакуированы центральные учреждения. Численность населения Сталинграда удвоилась — перевалила за 800 тыс. человек. Скученность в городе превзошла все допустимые и недопустимые пределы.

Правительственные учреждения, дипломатический корпус, коллективы редакции «Правды», Всесоюзного радиовещания разместились в городе Куйбышеве. Находившийся там заместитель председателя Совнаркома Н. А. Вознесенский представлял правительство СССР. В городе Куйбышеве находился с частью аппарата ЦК ВКП(б) секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев. Они руководили деятельностью эвакуированных на Восток наркоматов и промышленных предприятий.

В Сталинградскую область было эвакуировано 32 предприятия. Часть эвакуированного оборудования, например Харьковского тракторного, Мариупольского металлургического, Николаевского судостроительного заводов, использовалась на предприятиях Сталинграда.

Тревожной осенью 1941 г. всех волновал вопрос: как Москва? С огромной радостью мы слушали по радио 6 ноября торжественное заседание Моссовета, посвященное 24-й годовщине Октябрьской социалистической революции. Состоялся 7 ноября и традиционный парад войск на Красной площади. В докладе и в речи И. В. Сталина на параде говорилось о задачах фронта и тыла в борьбе с фашистскими захватчиками. Важнейшей из них являлось всемерное увеличение производства танков и авиации, которых у противника тогда было больше.

22 ноября состоялся объединенный пленум Сталинградского обкома и горкома партии для обсуждения мероприятий по выполнению поставленных партией задач. И, конечно, главное внимание было уделено вопросам изыскания возможностей для увеличения массового производства вооружения, особенно танков и изделий для авиации. Ведь именно в октябре — ноябре 1941 г. из-за эвакуации заводов в глубь страны произошел наибольший спад в промышленности. Так, производство самолетов уменьшилось более чем в три раза. План выпуска танков выполнялся только наполовину. Это обстоятельство налагало особую ответственность на сталинградскую промышленность, выпускавшую танки.

Во время работы пленума стало известно, что 21 ноября гитлеровцы ворвались в Ростов-на-Дону. Правда, 29 ноября наши войска освободили Ростов, но события под Ростовом говорили нам о надвинувшейся опасности с юга. Поэтому вопросы укрепления обороны Сталинграда приобрели конкретное практическое значение. Требовалось

ускорить работы по сооружению на подступах к Сталинграду оборонительных рубежей, строительство новых железных дорог, аэродромов. Надо было усилить военную подготовку населения, повысить боеспособность народного ополчения.

Решения пленума нацелили Сталинградскую партийную организацию на всемерное повышение военного производства, на борьбу за жесткую экономию цветных металлов, топлива и электроэнергии. Выступающие на пленуме представители заводов Сталинграда и Астрахани сообщали о взятых обязательствах по дополнительному производству вооружения.

Пленум принял решение о создании в составе Сталинградского корпуса народного ополчения танковой бригады и артиллерийского полка и их вооружении. Как бывший военный комиссар корпуса, должен выразить свою глубокую признательность сталинградцам и астраханцам за исключительно заботливое отношение к ополчению. Руководители предприятий, партийные организации города и области немедленно откликались на все нужды и запросы ополчения. Так, части корпуса получили минометы, автоматы «ППШ», комплекты летнего и зимнего обмундирования, стальные шлемы. И все это было сделано сверх плана, в дополнительное рабочее время. На текущем счету корпуса имелось 1,5 млн. руб., поступивших от трудящихся области.

Имели мы и свои учебные танки. Их сделали на паритетных началах два завода: тракторный завод выделил пять артиллерийских тягачей, «Красный Октябрь» сделал для них танковые бронекорпуса. В ноябре 1941 г. начальник штаба танковой бригады ополчения капитан А. В. Степанов позвонил:

— Приезжайте, будем обкатывать свои танки.

А через три месяца капитан А. В. Степанов докладывал в штабе корпуса:

— Весь личный состав бригады прошел практическое обучение вождению машин. Бригада готова к выполнению боевых заданий.

Колоссальную нагрузку несла Сталинградская железная дорога. Дело в том, что осенью 1941 г. выбыла из строя железнодорожная линия Москва — Курск — Харьков — Ростов — лучшая двухпутная магистраль Советского Союза, оснащенная новейшими средствами связи и автоблоки-

ровкой. Ее по праву называли «главным ходом» страны. Теперь эту роль пришлось выполнять Юго-Восточной и Сталинградской железным дорогам, которые в техническом отношении уступали главной магистрали. К тому же Сталинградская дорога была однопутной. Чтобы увеличить ее пропускную способность, пришлось срочно построить дополнительные разъезды, пункты удлинения пути, уложить новые пути и т. д. Из-за недостатка угля зимой 1941/42 г. весь паровозный парк дороги был переведен на жидкое топливо. Железнодорожники справились со всеми этими задачами, показали высокую организованность и дисциплину.

В октябре 1941 г. началось строительство железнодорожной линии Сталинград — Владимировка протяженностью 180 *км* с паромной переправой через Волгу. В декабре первая очередь работ в основном закончилась. И хотя на линии еще не было сквозной связи и балласта, не было станционных построек, поезда были пущены — так нужна была эта ветка.

В январе 1942 г. началось строительство железной дороги Сталинград — Саратов — Сызрань — Ульяновск. Головной участок дороги Иловля — Камышин (144,5 *км*) проходил по территории Сталинградской области. Здесь раньше всех начались работы. В августе 1942 г., когда противник вышел к Дону в десяти километрах от ветки, на ней началось движение, хотя она тоже имела только полотно с уложенными рельсами на балласте и линии разъездов со стрелками. Никаких станционных сооружений не было. На юге области срочно строилась железнодорожная линия Астрахань — Кизляр (348 *км*). Действовать она стала с 4 августа 1942 г.

С огромной нагрузкой работал Волжский речной флот. В июне 1942 г. производился усиленный вывоз нефтепродуктов из Баку на север — создавались запасы горючего. Форсировалась вывозка хлеба из глубинных пунктов. Пассажирские пароходы ходили перегруженными, а людские потоки на пристанях не уменьшались.

Осенью 1941 г. в Сталинграде, как и в 1918 г., была создана Волжская военная флотилия. Одевали в броню ее корабли, изготовляли для них орудийные башни заводы «Красный Октябрь» и судостроительный. Сооружались и бронепоезда. Один из них — «Волжский богатырь» был укомплектован ополченцами Сталинграда. Кажется, в мае

1942 г. с председателем облисполкома И. Ф. Зименковым (командиром корпуса народного ополчения) мы провожали «Волжский богатырь» на фронт. Короткий митинг, рукопожатия, прощальный гудок...

И вспомнилось время гражданской войны. Память воскресила картины обороны Царицына в 1918—1919 гг. Мы, царицынцы, восторгались тогда грозной силой бронепоездов, бесстрашием их экипажей. В критические дни осады Царицына белыми 15 бронепоездов курсировали по круговой железной дороге, сметая шквалом орудийного и пулеметного огня атакующие цепи беляков. Огонь бронепоездов поддерживали корабельные орудия Волжской флотилии.

И вот теперь, спустя два с лишним десятка лет, снова война, снова бронепоезда, Волжская флотилия... О многом думалось. Но о том, что бронепоезда снова будут вести огонь по противнику здесь, на волжском берегу, признаться, об этом и мысли не было.

Сталинград трудился напряженно. На предприятиях широкое распространение получили многостаночное обслуживание и совмещение профессий, организация фронтовых, комсомольско-молодежных бригад. 5—6 февраля 1942 г. состоялся очередной пленум Сталинградского обкома партии. На нем подводились итоги проделанной работы. Секретарь Тракторозаводского райкома партии Д. В. Приходько сказал:

— Тракторный завод удвоил выпуск танков. Производительность труда на заводе повысилась на 206%.

— Завод «Баррикады» увеличил выпуск продукции на 190%,— доложили пленуму баррикадцы. Итоги говорили. что сталинградская промышленность стала могучим арсеналом.

Гитлеровцы знали о тракторном заводе в Сталинграде и готовились вывести его из строя. Попытка эта была сделана при налете авиации на Сталинград в ночь с 22 на 23 апреля 1942 г. Это был первый массированный налет на город, продолжавшийся 3 часа 23 минуты. Не спал весь город. Напряженно работала связь. Непрерывно звонили телефоны — о сильной бомбежке Сталинграда слух распространился по области молниеносно. Из районов с тревогой спрашивали: как Сталинград?

Из Астрахани позвонил секретарь окружкома партии В. А. Голышев:

— Не нужна ли в чем помощь? У нас пока спокойно.
— Следите за воздухом.

Из Москвы спрашивали:

— Как заводы? Имеются ли разрушения, жертвы?

В обком партии непрерывно поступали донесения из штабов МПВО. Держал нас в курсе событий командир Сталинградского корпуса ПВО полковник Е. А. Райнин. Зенитчики успешно отбивали налет. В сплошной гул артиллерийской канонады изредка вплетались мощные взрывы авиабомб. Прорвавшиеся одиночные самолеты сбросили на город 18 фугасных бомб. Военные объекты не пострадали. Большинство бомб упало на ложные очаги, заранее подготовленные вне города. Однако фашистская пропаганда, ничуть не смущаясь, протрубила на весь мир:

— Сталинградский танковый завод стерт с лица земли.

А тракторный и все остальные заводы Сталинграда продолжали набирать темпы, все больше выпускали вооружения и боеприпасов.

Кратковременное весеннее затишье на фронте сменилось боями, особенно сильными в районе Харькова. И вот война быстро стала приближаться к Волге. 12 июля 1942 г. образовался Сталинградский фронт, развернулись бои в большой излучине Дона — на дальних подступах к Сталинграду.

Сразу же, 13 июля, Сталинградский обком партии принял решение об эвакуации населения и материальных ценностей из 15 районов по правому берегу Хопра и Дона. 14—18 июля производилась эвакуация детских учреждений, эвакогоспиталей, семей командно-политического состава Красной Армии из левобережных районов. Из Сталинграда были эвакуированы 23 госпиталя, детские дома, учреждения культуры.

Но всех нас волновал главный вопрос: как поступить с промышленностью Сталинграда? Эвакуировать ее заблаговременно или оставить на месте, используя до последней возможности? Мнения по этому вопросу были разные, спорные. Обком партии сам, без указаний свыше решить этих вопросов не мог. Но он обстоятельно проинформировал Центральный Комитет партии. А в город уже прибыли уполномоченные наркоматов с заданиями подготовить заводы к эвакуации.

Указание ЦК ВКП(б) по эвакуации последовало в ночь с 19 на 20 июля 1942 г. Оно было передано по телефону

в разговоре И. В. Сталина с первым секретарем обкома партии А. С. Чуяновым.

— Город решили сдать врагу? — гневно произнес Сталин.— Почему переводите военный округ в Астрахань? Кто вам позволил? Отвечайте!

А. С. Чуянов доложил о полученной шифрованной телеграмме заместителя верховного главнокомандующего.

— Мы тут разберемся и накажем виновных,— сказал Сталин.

Затем последовали указания о необходимости покончить с эвакуационными настроениями, о принятии мер к повышению темпов военного производства. Обращалось особое внимание на укрепление противовоздушной обороны города и на борьбу с трусами и паникерами.

— Сталинград не будет сдан! — так заканчивалось указание ЦК партии.

В этот же день об этом было доложено партийному активу города. Актив, объявив себя мобилизованным, принял решение поднять на защиту города все население под лозунгом «Отстоим Сталинград!».

22 июля состоялся внеочередной пленум Сталинградского горкома партии, обсудивший задачи городской партийной организации, вытекающие из директивы ЦК.

Указания ЦК партии надо было довести до каждого трудящегося города и области, от этого во многом зависел успех их выполнения. Обком партии принял 23 июля специальное постановление «Об усилении агитационно-пропагандистской работы в области», в котором главной задачей ставилось укрепление дисциплины и организованности масс, мобилизация их на охрану государственной и общественной собственности. Обком партии потребовал повышения бдительности, проведения беспощадной борьбы с распространителями слухов, паникерами и трусами. Обращалось внимание на усиление борьбы с вражеской агентурой, с диверсантами и шпионами, с парашютистами, заброска которых противником усилилась. В правобережные районы области был послан партийно-советский актив для оказания на местах практической помощи и со специальным заданием по выполнению решения Государственного Комитета Обороны по вывозу запасов хлеба.

Центральный Комитет партии оказывал постоянную помощь сталинградской партийной организации, неослабно следил за ходом событий под Сталинградом. В Сталинград

для непосредственного руководства промышленностью, транспортом и связью были направлены нарком речного транспорта РСФСР З. А. Шашков и его заместитель П. В. Харитонов, заместители союзных наркомов: путей сообщения С. П. Богаев, оборонной промышленности В. Г. Костыгов, танковой промышленности А. А. Горегляд, черной металлургии А. Г. Шереметьев, начальник главка Наркомата связи П. В. Клоков. В Астрахани находился в качестве уполномоченного ГКО нарком морского флота СССР П. П. Ширшов. По распоряжению ГКО Сталинграду были выделены дополнительные средства противовоздушной обороны. Под особый контроль взято продвижение грузов для заводов Сталинграда, следующих водным и железнодорожным транспортом.

В Сталинград 12 августа прибыли уполномоченный Государственного Комитета Обороны, член ГКО, секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, представитель Ставки — начальник Генерального штаба Красной Армии генерал-полковник А. М. Василевский, представитель Наркомата обороны — начальник бронетанкового управления генерал-полковник Я. Н. Федоренко. Тракторному заводу было передано задание ГКО — в оставшиеся до конца августа дни снять с конвейера удвоенное количество танков. Руководство завода разработало максимально уплотненный график выпуска боевых машин. Для его обеспечения оно просило оказать помощь — дать разрешение на использование некоторой части корпусов и моторов подбитых танков из ремонтного фонда военного ведомства. Разрешение было дано. График был утвержден и взят под контроль обкома партии и Военного совета фронта.

За выполнение особого задания ГКО тракторозаводцы принялись с невиданным рвением, темпы сборки танков были значительно повышены. И задание, вначале казавшееся непосильным, было выполнено с превышением. Люди трудились, не жалея сил, движимые одной целью — дать фронту как можно быстрее и больше танков, чтобы остановить фашистских захватчиков, неистово рвущихся к Волге, к Сталинграду. Действенную помощь заводам Сталинграда оказывал заместитель председателя Совнаркома СССР и нарком танковой промышленности В. А. Малышев, прибывший в город 19 августа.

В войсках Сталинградского и Юго-Восточного фронтов периодически находились представители Ставки Верхов-

ного Главнокомандования: генерал-полковник А. М. Василевский, заместитель верховного главнокомандующего генерал армии Г. К. Жуков, генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов. Войска фронта непрестанно получали подкрепление.

Дни июля — августа 1942 г., переполненные тревогами, переживаниями, забыть нельзя. События развертывались, как в калейдоскопе. Районы области, которые вчера были тылом, сегодня становились передним краем битвы. Фронт всей своей тяжестью придвигался к Сталинграду. Из 15 районов Дона к волжским переправам направлялся скот, двигались колонны совхозной и колхозной техники, имущества, обозы с эвакуированным населением. Всю эту громадину надо было ввести в организованное русло, распределить по пунктам переправ, не допустить заторов, паники. На это были брошены силы партийно-советского актива. Мы допоздна засиживались в обкоме, спешили с заданиями в районы или на заводы, находились на речных пристанях и железнодорожных станциях, организуя продвижение грузов и людей, выступали с политическими докладами, разъясняя обстановку.

А битва на донских и приволжских просторах разгоралась все сильнее и ближе. Вражеский натиск усиливался, становился все более ощутимым. Непрестанно бомбилась линия железной дороги Сталинград — Поворино. Только за 10 дней, с 22 по 31 июля, на участке Качалино — Филоново было произведено 80 групповых налетов вражеской авиации с участием 570 самолетов, сброшено 2800 авиабомб, погибли сотни людей. Линии железной дороги на Тихорецкую и Лихую совсем вышли из строя. Фашистская авиация минировала Волгу, бомбила суда.

Положение Сталинграда изо дня в день осложнялось. Резко сократилось поступление грузов для заводов. Если до этого «Красный Октябрь» ежедневно получал 300—350 вагонов материалов и других грузов, то теперь стал получать едва 50—100 вагонов, а в иные дни — ни одного вагона. Приходилось перетряхивать неприкосновенные запасы, обшаривать склады, станции, забитые вагонами с эвакуированными материалами, отыскивать залежавшееся и пускать в ход.

И в этих, казалось бы, невозможных условиях промышленность города продолжала действовать, став базой непосредственного снабжения фронта вооружением и бое-

припасами. Июльскую программу тракторный завод перевыполнил, за что ему было присуждено переходящее знамя Государственного Комитета Обороны. Досрочно он выполнил и особое повышенное задание в августе — дал фронту 390 танков. Надо было видеть, с каким нетерпением принимали новые машины экипажи танкистов! Доносившаяся канонада звала их туда, где кипел бой, где так требовалось подкрепление. На Сталинград с юга наступала 4-я танковая армия генерала Гота. Фашистские «панцирь-части» накатывались волнами, остервенело штурмовали нашу оборону, рвались в город.

«Горяченькими», только что выпедшими из цеха сборки принимали артиллеристы на заводе «Баррикады» пушки. И тут же грузились на площадки и тоже спешили туда, в гул сражений. На завод как-то прибыл заместитель командующего фронтом. Прошел по безлюдному заводскому двору и говорит сопровождавшему его главному металлургу М. М. Струсельбе:

— Да, у вас тут, как на курорте. Знаете ли вы, что вражеские танки уже рвутся в город и мы с трудом сдерживаем наступление?

Но, пройдя по цехам, генерал изменил свое мнение. Он увидел, как напряженно, неотрывно работали люди, и понял, отчего тишина на заводском дворе.

Из 200 дней Сталинградской битвы для города Сталинграда самым трагическим было 23 августа 1942 г. День этот был знойным с утра, как это бывает в августе на Нижней Волге. Все было обычным. Правда, настораживали слишком частые воздушные тревоги — они следовали одна за другой. Пароходы, отвалив от пристаней на середину Волги, не успевали снова пристать, все время держались на плаву и зорко следили за воздухом. Истошно ревели гудки. Зенитные пушки били почти непрестанно, небо над городом было усеяно облачками разрывов, словно белыми барашками.

Но в полдень положение круто изменилось. Прорвавшиеся с Дона 200 танков противника вышли к Волге у поселка Рынок — в 2—3 *км* от тракторного завода. В 16 часов 18 минут гитлеровцы начали штурм Сталинграда. На город волнами пошли бомбардировщики. Прорвав зенитную защиту, обрушили они на жилые кварталы, на волжские переправы, вокзалы, заводы фугасные и зажигательные бомбы. Город стал гореть, остановился транспорт,

выбыл из строя водопровод. Население, спасаясь, укрывалось в щелях-убежищах, в подвалах. Зенитный огонь был такой плотности, что осколки снарядов дробно стучали по крышам.

25 августа в Сталинграде было введено осадное положение. В осажденном городе жизнь, однако, не замерла. Продолжали действовать заводы.

— За 23 и 24 августа,— сообщал обкому партии секретарь Кировского РК ВКП(б) С. Д. Бабкин,— судостроительный завод дал самое рекордное количество бронекорпусов танка «Т-34», хотя накануне им была отправлена тысяча рабочих и служащих на строительство баррикад.

В донесении с завода «Баррикады» сообщалось:

— Группа рабочих цеха № 4 во главе с начальником цеха т. Замирякиным и секретарем партбюро т. Мартыновым, получив 23 августа специальное задание, покинула цех лишь вечером 25 августа, то есть после того как были собраны, отстреляны и сданы 50 систем и отремонтирована одна 45-*мм* пушка.

Продолжалась сборка танков и артиллерийских тягачей на тракторном. Завод стал основной ремонтной базой танков, доставлявшихся прямо с поля боя. Искалеченный танк сразу же обступали рабочие, производили демонтаж, исправляли повреждения, и машина вновь отправлялась на фронт, а фронт теперь находился за заводскими воротами. 42 дня работал тракторный завод под бомбежкой и артиллерийско-минометным обстрелом противника, пока враг не захватил 18 октября заводскую территорию. Под огнем врага тракторозаводцам удалось вывести людей в Заволжье и эвакуировать оборудование моторного производства в Сибирь.

Подступы к заводу защищали вместе с частями Красной Армии танковая бригада народного ополчения под командованием инженера СТЗ И. Вычугова и истребительный батальон под командованием К. Костюченко. Командир взвода истребительного батальона И. Ветров впоследствии рассказывал:

— В первые часы обороны не верилось, что мы не у знакомых тисков, что в руках — боевое оружие. Но заводская привычка пригодилась и здесь. Раз дано дело, надо выполнять его во что бы то ни стало.

В условиях осады продолжалась работа и на заводе «Баррикады», хотя бомбежка вывела 24 августа из строя

силовую станцию. В течение трех дней, пока ее не восстановили, люди работали вручную и выдавали продукцию. Восстановленная электростанция действовала до 27 сентября, когда прямым попаданием авиабомбы на полном ходу был выведен из строя последний турбогенератор. За это время завод обеспечил пушками несколько артполков. Подступы к заводу защищал артиллерийский дивизион ополчения под командованием П. А. Тяличева.

Цитаделью обороны стал завод «Красный Октябрь». Краснооктябрьцы, как только 23 августа были потушены из-за бомбежки мартеновские печи, взялись за оружие. «Поработаем и на войне»,— сказали они. Свой истребительный батальон они послали на помощь тракторозаводцам, а части народного ополчения выставили на охрану завода и поселка. Когда враг вторгся на заводскую территорию, рабочие отряды вступили в бой и стали действовать вместе с частями фронта.

— Наш рабочий батальон,— рассказывает ополченец Е. Т. Сисеров,— расположился под мартеновскими печами, в пасадках и дымоходах. Печи еще не успели остыть, и люди обливались потом. При бомбежке печи тряслись, из стен вылетали кирпичи.

Краснооктябрьцы потеряли в боях командира истребительного батальона Г. П. Позднышева, сталеваров-ополченцев А. П. Кузьмина, И. М. Орлова. Пала в бою и сталевар Ольга Ковалева — одна из первых в стране женщин, овладевшая мужской профессией сталевара.

Рабочие «Красного Октября» сумели переправить под обстрелом противника через Волгу: 3 маршрута заводского оборудования, 28 вагонов ферросплавов, 4 вагона цветных металлов и 8 вагонов вспомогательных материалов. Это была боевая операция. 4 тыс. рабочих и инженерно-технических работников завода было отправлено в Челябинск на пуск нового металлургического завода.

Ремонтной базой бронекатеров, танков и орудий стала судоверфь. Рабочие судоверфи крепко дружили с моряками Волжской флотилии. Однажды они заметили, что корабли флотилии почти перестали вести огонь. Стали интересоваться почему. Оказалось, что у моряков вышел из строя провод, проложенный по дну Волги для связи с корректировщиками.

Осмотрев свои запасы, судостроители нашли кабель, пригласили моряков:

— Это как раз то, что нам нужно,— сказали военморы.

И вновь заговорили корабельные орудия.

Предприятия города получали ток от Сталгрэса. Противник особенно настойчиво бомбил и обстреливал станцию, здание которой было замаскировано.

— Труднее всего было привыкнуть,— говорили дежурные электрики,— к сознанию того, что под главным щитом управления лежало полтонны взрывчатки. Стоило только одному снаряду попасть в нее, и все мы взлетели бы на воздух.

Работающая станция олицетворяла собой несгибаемую волю и стойкость города-солдата. Оглядываясь на нее, защитники Сталинграда говорили:

— Посмотришь, а Сталгрэс дымит, и на сердце становится как-то веселее.

Станция работала вплоть до 4 ноября 1942 г. и была остановлена по приказу командования фронта. Противнику так и не удалось вывести ее из строя.

Многое не удалось гитлеровцам под Сталинградом. До конца битвы работали предприятия Кировского района города. Пулеметчик Герой Советского Союза А. Ермаков потом вспоминал:

— Дрался я за Сталинград в Кировском районе. Оберпусь назад, вижу дым, огонь. Слева — Волга, справа — степь. И не тот огонь был мне страшен, что гитлеровец в меня посылал, а тот огонь, что за спиной моей горел и уничтожал огромный и красивый город.

Героически несли свою боевую вахту железнодорожники. Они выходили из положения в самых трудных условиях — практиковали одностороннее движение, живую сигнализацию. Совершали дерзкие рейсы бронелетучками (3—5 вагонов и паровоз), прорываясь сквозь огонь противника к линии фронта, чтобы вовремя доставить боеприпасы или вырвать из-под носа врага застрявший на путях эшелон.

Передовым рубежом стала Волга. Действовали на ней речники по-фронтовому. Буксирные, пассажирские пароходы, баркасы и баржи стали заправскими военными кораблями — с пулеметными установками, камуфляжем, а некоторые даже с «забронированными» капитанскими рубками. Разное приходилось видеть волгарям, но то, что про-

изошло 27 июля,— впервые. Севернее Сталинграда, у села Пролейки, фашистская авиация подожгла караван барж с керосином, произошел чудовищный взрыв. Разлившийся по течению керосин горел на протяжении более 10 *км*, горела сплошным полымем Волга. Потом не раз еще горела Волга у Сталинграда, словно преграждая путь врагу.

Боевой задачей было проведение эвакуации населения Сталинграда после 23 августа. На ее выполнение был брошен партийный актив. Через Волгу действовало 28 переправ. Довольно быстро удалось переправить за Волгу организованное население — рабочих, служащих и их семьи из заводских районов. Сложнее было с неорганизованным населением центральной, зацарицынской и заполотновской частей города. Чтобы попасть на берег к переправам, людям надо было пробираться огненными коридорами, преодолевать завалы разрушений, ежеминутно подвергаясь опасности быть сраженными осколками бомб или похороненными под обломками рушившихся зданий.

Люди отсиживались в подвалах, землянках. Их надо было отыскать и многих из них уговаривать оставить город. Именно уговаривать. Людей пугала переправа под бомбежкой. Да и жизнь в эвакуации не манила. Но и оставаться тоже было страшно. Многие колебались. Некоторые же, особенно обремененные детьми, стариками, решительно отказывались. Велся длинный диалог:

— Товарищи, надо эвакуироваться, фашисты под городом.

— А что, Сталинград будет сдан?

— Нет, Сталинграда мы не отдадим.

— А раз так, то зачем же нам уходить?

— Но город без воды, без жилья, без продовольствия.

— Мы ничего не просим...

Хотя эвакуация производилась уже несколько дней, но и в первых числах сентября при каждом новом обходе районов города мы обнаруживали в подвалах-убежищах, в дворовых щелях-укрытиях большое скопление людей. В подвале дома на углу Московской и Советской улиц находилось до 500 человек. Свечка могла гореть только при входе в подвал — дальше она гасла от спертого воздуха. В бомбоубежище под Драматическим театром им. Горького находилось до 400 человек. В убежище дома № 69 по Республиканской улице — до тысячи человек. Освещалось убежище лучиной. В каждом переполненном убежище

почти половину его населения составляли дети. Нужда была острая. Воду можно было достать только с Волги, которая все время подвергалась бомбежкам. В некоторых убежищах выдавалась мука, зерно по 200—250 *г* на человека. Хлеб стал уже редкостью.

Как ни было трудно и сложно, эвакуация, а вернее сказать, операция по спасению населения из горящего города во фронтовых условиях была выполнена. За Волгу было переправлено около 300 тыс. человек. Были и потери. А на сохранившихся заводах в условиях осады продолжалась работа. Она прекращалась лишь тогда, когда противник вплотную подходил к заводским корпусам.

Насколько существенной была помощь заводов Сталинграда фронту именно в это тяжелое время, говорят цифры. Только за июль — август заводы дали 4800 танков, орудий и крупных минометов. В сентябре, когда начались бои на улицах города, было передано еще 200 танков и несколько сот орудий. Вся эта мощная техника тут же вводилась в бой. В отдельные дни, когда казалось, что фашистские танки вот-вот ворвутся в город, наше командование перегруппировывало силы, подкрепляло их танками и пушками, полученными с заводов Сталинграда, и наносило контрудары по врагу.

И вот теперь, когда давно отгремели бои и в городе-герое работают десятки восстановленных и вновь построенных заводов, хочется еще раз сказать, каким дальновидным было указание ЦК партии об оставлении на месте заводов Сталинграда. Без их непосредственной помощи фронту в критические дни битвы под Сталинградом события могли бы развиться и по-другому.

В городе, в его центральной части, бои развернулись с 14 сентября. Промышленность Сталинграда, за исключением Кировского района, в октябре выбыла из строя, заводы стали узлами обороны. Главное внимание мы переключили на промышленность области. Ныне цифры о Сталинградской битве опубликованы, и потому можно полнее и конкретнее сказать о проделанной тогда работе. Объем ее поистине гигантский, обусловленный грандиозными масштабами самой Сталинградской битвы.

Вот несколько цифр. Численность войск трех фронтов под Сталинградом — Юго-Западного, Донского и Сталинградского — достигала накануне контрнаступления более миллиона человек. Войска имели 13 541 орудие и миномет,

свыше 1 тыс. зенитных орудий, 1400 реактивных установок («катюш»), около 900 танков, 1414 самолетов, 41 413 автомашин, 2657 тракторов и т. д. Миллионную армию надо было накормить, а военную технику обслужить. Войска имели еще 169 тыс. лошадей и даже верблюжью роту. Для них требовался фураж.

Конечно, основная тяжесть организации подвоза грузов и людей к фронту лежала на службе тыла фронтов. О размерах воинских перевозок в районе Сталинграда говорит заместитель командующего Сталинградским фронтом по тылу генерал Н. И. Анисимов:

— С июля по ноябрь 1942 г. для Сталинградского и Юго-Восточного фронтов железнодорожным транспортом было подвезено около 100 тыс. вагонов грузов и людей. При подготовке контрнаступления в ноябре 1942 г. на фронтовые участки Юго-Восточной и Рязано-Уральской железных дорог в сутки поступало свыше 30 поездов под выгрузку, что в 10 раз превышало предвоенный уровень работы этих дорог.

С таким объемом перевозок интендантство без помощи местных партийно-советских организаций не справилось бы. Вопросы тылового обеспечения войск стояли в центре внимания областной партийной организации. Для подвоза к фронту боеприпасов выделялся колхозный и совхозный транспорт. Временами на этом было занято свыше десяти тысяч подвод, сотни автомашин. Десятки тысяч мобилизованного населения работало на строительстве шоссейных дорог, разгрузке вагонов, барж. В мастерских МТС ремонтировалась военная техника. Организаторами этой работы были райкомы партии. По-боевому выполняли задания по мобилизации населения, транспорта местные Советы.

Оперативно действовали облисполком и его отделы (облзо, облздрав и др.), областные управления пищевой, легкой и местной промышленности. И в этом немалая заслуга председателя облисполкома И. Ф. Зименкова, второго секретаря обкома партии В. Т. Прохватилова. Контакт обкома партии с командованием фронтов осуществлялся через А. С. Чуянова.

3 октября 1942 г. в Николаевском состоялся пленум Сталинградского обкома партии. Впервые после начала Сталинградской битвы собрались большевики области. На повестке дня: текущий момент и задачи парторганизации

области; о ходе выполнения планов хлебозаготовок, озимого сева, подъема зяби и о подготовке к зиме скота в колхозах и совхозах области.

Пленум отметил, что областная партийная организация с честью выдержала проверку своей боеспособности в битве за Сталинград. Пример высокой организованности и дисциплины показала партийная организация тракторного завода, сумевшая объединить заводских коммунистов на вооруженный отпор врагу и обеспечить под огнем противника максимальный выпуск продукции. Пленум отметил самоотверженную работу речников Нижне-Волжского пароходства, боевые действия истребительных батальонов и отрядов народного ополчения, отбивших вместе с частями Красной Армии натиск прорвавшегося врага. Пленум сыграл большую роль в мобилизации коммунистов и трудящихся области на выполнение клятвы Родине: «Выдержать все испытания, как бы тяжелы они ни были, и отстоять Сталинград любой ценой».

После пленума А. С. Чуянов сосредоточился на работе в Военном совете Сталинградского фронта, находившемся в Краснослободском районе. Для связи с обкомом при нем была небольшая группа. Как-то вскоре я заехал к нему. В тесной землянке — небольшой стол, заваленный бумагами.

— Вот подписываю с утра до вечера.

Оказывается, в его обязанность, как члена Военсовета, входило подписание наградных листов. Поток их действительно был огромным — только по одной 62-й армии к 1 января 1943 г. было награждено 5863 человека.

Особой заботы требовала подготовка к зиме эвакуированного населения, снабжение войск фронта мукой и крупой, теплыми вещами. Местная промышленность и промкооперация области изготовили и сдали осенью 1942 г. Сталинградскому, Донскому и Юго-Западному фронтам: валенок — 41 тыс. пар, полушубков — 19 тыс., стеганых фуфаек и шаровар — 112 тыс. комплектов, теплых рукавиц и шерстяных носков — 52 тыс. пар. Кроме того, среди населения было собрано специально изготовленных для фронтовиков: 31,6 тыс. пар валенок, 8374 полушубка, 72,1 тыс. пар теплых варежек, 64,4 тыс. пар шерстяных носков, 41,8 тыс. шапок-ушанок, 15,4 тыс. фуфаек и 35 тыс. пар нательного белья. Для выполнения этого много труда приложили секретарь обкома по местной промышленно-

сти П. И. Васильев и заместитель председателя облисполкома М. Д. Жаворонков.

Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая возросшую мощь военного производства и накопленный опыт ведения войны, разработала план контрнаступления советских войск под Сталинградом. 19 ноября 1942 г. перешли в наступление войска Юго-Западного и Донского фронтов, а 20 ноября — Сталинградского фронта. Ломая сопротивление, они окружили всю основную группировку немецко-фашистских войск в районе Сталинграда. В последующих боях окруженная группировка противника численностью 330 тыс. человек была ликвидирована. Ее остатки во главе с фельдмаршалом Паулюсом были взяты в плен.

2 февраля 1943 г. закончилась грандиозная Сталинградская битва. От Сталинграда на Волге пролег славный путь побед до Берлина.

Сталинград лежал в развалинах. Сталинградцы, сменив автоматы на лопаты и ломы, пошли в наступление на руины. Началась трудовая эпопея возрождения города-героя. И началась она с восстановления заводов. В первых сообщениях райкомов партии о ходе восстановительных работ перечислялись поштучно станки, котлы и другие агрегаты. Расчищая завалы, разбирая руины, откапывая и ремонтируя оборудование, люди продолжали думать о фронте и изыскивали возможность помогать ему и в этих, казалось бы, невозможных условиях. Родилось предложение — начать ремонт подбитых танков, которых много осталось на обожженной и израненной земле Сталинграда. Предложение было подхвачено всеми.

И вот 12 июля 1943 г. из Сталинграда отправился на фронт первый эшелон отремонтированных танков с надписью на башнях «Ответ Сталинграда». Танки подоспели к нашему наступлению на Курской дуге и участвовали в нем.

21 января 1944 г. тракторозаводцы докладывали Государственному Комитету Обороны, что в наскоро восстановленных цехах в течение пяти месяцев вновь организовано производство дизель-моторов и план по их выпуску в 4-м квартале 1943 г. выполнен.

— Мы горды,— писали тракторозаводцы,— сознанием того, что наши боевые машины с надписью «Ответ Сталинграда» успешно громят немецких захватчиков.

В 1943 г. пошла и сталь «Красного Октября». Поднимаясь из руин и пепла, Сталинград продолжал служить арсеналом. 7 февраля 1945 г. за выдающиеся заслуги перед Родиной в дни Великой Отечественной войны Сталинградский тракторный завод был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Трижды орденоносным возвратился он в строй социалистической индустрии.

Промышленность Сталинграда, восстановленная с помощью всего советского народа, уже в октябре 1949 г. не только достигла довоенного уровня, но и превзошла его. Сталинград вновь стал одним из крупных индустриальных и культурных центров страны.

В 1965 г. страна отмечала 20-летие победы в Великой Отечественной войне. Город-герой на Волге был награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

В юбилейном 1967 г., когда торжественно отмечалось 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, 15 октября в городе Волгограде состоялось открытие величественного памятника-ансамбля защитникам Сталинграда, сооруженного на легендарном Мамаевом кургане. На торжественном митинге выступил с речью Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнев. Отмечая гигантский масштаб Сталинградской битвы, оказавшей воздействие на весь дальнейший ход войны, отдавая должное героизму защитников волжской твердыни, Л. И. Брежнев сказал:

— Мы говорим защитники Сталинграда — и думаем не только о солдатах, но и о тех, кто рыл под бомбежками окопы и противотанковые рвы, кто работал на сталинградских заводах уже под огнем до последней возможности, до последней минуты.

Неувядаемой славой покрыли боевые знамена Вооруженные Силы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Велик и неоценим вклад советского народа в общечеловеческое дело разгрома фашистской Германии. В этом вкладе есть и доля трудящихся города-героя на Волге, славных сталинградцев, героически боровшихся и на фронте боевом, и на фронте трудовом.

Б. Л. Ванников

ВЫИГРАННЫЕ СРАЖЕНИЯ

ВАННИКОВ Борис Львович (1897—1962 гг.). Член КПСС с 1919 г. Трижды Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственных премий. Бывший нарком вооружения. Во время войны — народный комиссар боеприпасов СССР (апрель 1942—1945 гг.).

К началу войны мы имели самую лучшую артиллерию, превосходившую по боевым и эксплуатационным качествам западноевропейскую, в том числе и германскую. Так, например, 76-*мм* пушка «УСВ-39» (в последней модификации — «ЗИС-3»), созданная коллективом конструкторов под руководством Героя Социалистического Труда В. Г. Грабина, по боевым эксплуатационным качествам, по технологичности и экономичности в производстве считается классическим орудием периода второй мировой войны.

В своем танковом варианте пушка «ЗИС-3» по дальности стрельбы и пробивной способности значительно превосходила пушки немецких танков. Сочетание ряда ее хороших тактических и технических качеств (малый вес, малые габариты, удобство в эксплуатации и др.) позволило опередить немцев и оснастить знаменитый танк «Т-34»

пушкой калибра 76 *мм*, с высокой бронепробиваемостью и хорошей меткостью на больших дистанциях.

Впоследствии этот танк получил очень высокую оценку даже у наших врагов. Такой знаток военной техники, как немецкий генерал Эрих Шнейдер, писал: «Танк «Т-34» произвел сенсацию. Этот 26-тонный русский танк был вооружен 76,2-*мм* пушкой... снаряды которой пробивали броню немецких танков с 1,5—2 тыс. *м*, тогда как немецкие танки могли поражать русские с расстояния не более 500 *м*, да и то лишь в том случае, если снаряды попадали в бортовую или кормовую части танка «Т-34»»[1].

Хотя многие советские артиллерийские орудия отличались высокими качествами, их судьба в последние предвоенные годы едва не закончилась печально. Тогдашнее руководство Главного артиллерийского управления (ГАУ) во главе с Г. И. Куликом, назначенное за четыре года до нападения фашистской Германии на Советский Союз, подвергло сомнению боеспособность большинства вновь созданных советской промышленностью артиллерийских орудий.

За несколько месяцев до Великой Отечественной войны Наркомату вооружения (и мне, как его руководителю) пришлось пережить серьезные испытания. В начале 1941 г. начальник ГАУ Г. И. Кулик сообщил нам, что, по данным разведки, немецкая армия проводит в ускоренном темпе перевооружение своих бронетанковых войск танками с броней увеличенной толщины и повышенного качества и вся наша артиллерия калибра 45—76 *мм* окажется против них неэффективной. К тому же немецкие танки-де будут иметь пушки калибром более 100 *мм*. В связи с этим возникал вопрос о прекращении производства пушек калибра 45—76 *мм* всех вариантов. Освобождавшиеся производственные мощности предлагалось загрузить производством пушек калибра 107 *мм*, в первую очередь в танковом варианте.

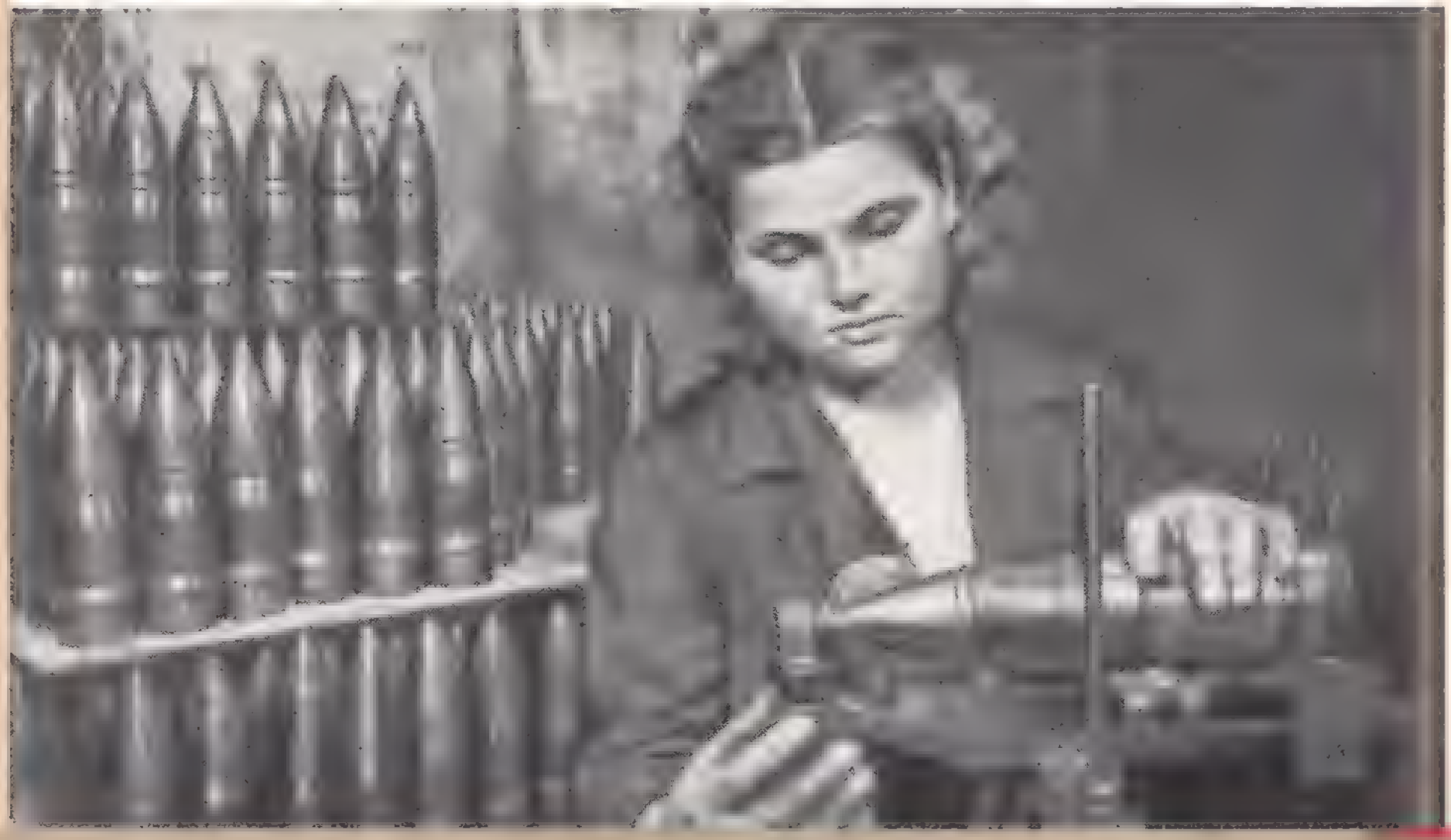
Г. И. Кулик отличался экспансивностью и легко поддавался всевозможным слухам, поэтому его очередному проекту мы не придали особого значения. Однако через несколько дней Кулик предложил мне выехать с ним на артиллерийский завод, чтобы на месте с конструктором

---

[1] «Итоги второй мировой войны. Сборник статей». М., Издательство иностранной литературы, 1957, стр. 302.

На упаковке ручных
гранат «лимонок».
Сибирь. 1942 г.

Отцы и братья на фронте.
Девушки готовят мины и снаряды фронту.



В одном из паровозных депо Москвы.
Здесь ремонтировали
вышедшие из строя танки.

Мальчики-подростки
становились к станкам,
готовили оружие для фронта
(Сибирь).

На Кировском заводе
осажденного Ленинграда.
Монтаж башни танка.
1942 г.

На заводе в Ленинграде.
Сборка автоматов.

В. Г. Грабиным и с руководством завода обсудить возможности быстрого конструирования новой танковой 107-*мм* пушки и организации ее производства вместо 76-*мм*.

От участия в поездке я отказался, мотивировав это тем, что не имею указаний от Н. А. Вознесенского (Николай Алексеевич, как председатель Хозяйственного совета оборонной промышленности, шефствовал над Наркоматом вооружения). На мой вопрос по телефону он ответил, что ему ничего об этом не известно, но я получил разрешение предоставить на заводе Г. И. Кулику все нужные документальные материалы и дать объяснения по вопросам, которыми он заинтересуется. Такое распоряжение директору завода А. С. Еляну мною было дано, но одновременно указывалось, чтобы никаких обязательств без согласования с наркоматом он не брал.

Через несколько дней после упомянутого разговора меня вызвал И. В. Сталин. Я застал его одного. Ответив на приветствие, он показал мне какие-то листки, без сомнения, это были куликовские записки.

— Вы читали записку товарища Кулика? Что скажете по поводу его предложения? Мы хотим вооружить танки 107-*мм* пушкой.

Я ответил, что содержание записки мне неизвестно, и Сталин в нескольких словах ознакомил меня с ней. Затем спросил:

— Какие у вас имеются возражения? Товарищ Кулик говорил, что вы не согласны с ним.

Я объяснил позицию Наркомата вооружения. Нам было известно, что большая часть немецких танков в минувшем 1940 г. была вооружена пушками калибра 37—50 *мм* и меньшее количество танков — 75-*мм* пушками. Калибры танковых и противотанковых орудий, как правило, соответствуют броневой защите танков. Поэтому можно считать, что наша 45- и 76-*мм* танковая и противотанковая артиллерия будет достаточно сильной. Сомнительно, чтобы за короткий промежуток (в течение года) немцы могли обеспечить такой большой скачок в усилении танковой техники, о котором говорилось в записке. Если же возникает необходимость увеличить бронепробивающие возможности нашей артиллерии среднего калибра, то следует в первую очередь поднять начальную скорость у 76-*мм* пушек. Переход на больший калибр надо начинать не со 107-*мм* пушки. Более целесообразно было бы взять

готовую качающуюся часть 85-*мм* зенитки с большой начальной скоростью; она состоит на вооружении и изготовляется в крупных сериях. Поэтому неубедительным мне кажется предложение снять с производства 45- и 76-*мм* пушки во всех вариантах — полковых и дивизионных, ибо они служат не только как противотанковые средства, но и предназначаются для борьбы против многих других целей (живой силы, различных заграждений и т. д.) и очень маневренны. 76-*мм* пушка «ЗИС», только недавно созданная и поступившая в производство, является лучшей современной пушкой.

Сталин распорядился создать комиссию с участием Кулика, Ванникова, Горемыкина (тогда наркома боеприпасов) и разобраться с этим вопросом. В процессе подготовки к работе комиссии в Наркомате вооружения были собраны директора и конструкторы соответствующих артиллерийских заводов. Еще раз подробно и всесторонне разобрали все «за» и «против» и пришли к заключению, что рассматриваемое предложение было не только нецелесообразным, но для того времени и опасным.

На заседании комиссии под председательством А. А. Жданова присутствовали: от военных — Г. И. Кулик, генерал-майор технических войск М. М. Каюков и др.; от Наркомата вооружения — Б. Л. Ванников, И. А. Мирзаханов (заместитель наркома), А. С. Елян (директор артиллерийского завода), Б. А. Фраткин (директор завода им. Калинина) и др.; от Наркомата боеприпасов — П. Н. Горемыкин, его заместитель и др. Комиссия ничего не решила, но вскоре меня вызвал Сталин и показал подписанное им постановление ЦК и СНК в духе предложений Кулика. Я пытался возражать, но Сталин меня остановил и заявил, что мои возражения ему известны и что нами руководит нежелание перестраиваться на новое изделие, продиктованное ведомственными интересами в ущерб общегосударственным.

Так, незадолго до нападения фашистской Германии было решено прекратить производство самых нужных для борьбы с танками противника орудий. С первых дней войны мы убедились, какая непростительная ошибка была допущена. Фашистские армии наступали с самой разнообразной и далеко не первоклассной танковой техникой, включая трофейные французские танки «Рено» и даже устаревшие немецкие танки «Т-I» и «Т-II». Сведения, кото-

рыми располагал Кулик и на основании которых было принято ошибочное решение прекратить производство отличных пушек, оказались несостоятельными.

Отступая, наши войска ощущали недостаток этих пушек и боеприпасов к ним. Чтобы выправить положение, ГКО принял решение форсировать восстановление производства 45- и 76-*мм* пушек на заводах, где ранее они изготовлялись, а также выдать заказы на эти пушки ряду военных и гражданских заводов. Для ускорения освоения производства и начала выпуска пушек вновь привлеченным заводам была передана ранее разработанная техническая документация.

Большие производственные мощности, которыми располагала промышленность вооружения, хорошо организованное чертежное хозяйство и известный порядок в технической документации, а также, что было особенно важно, наличие запасов технологического оснащения и заготовок (поковок и незавершенных изделий по всем основным технологическим переходам), которыми располагали артиллерийские заводы, ранее изготовлявшие 45- и 76-*мм* пушки, позволили в короткие сроки восстановить производство этих пушек и организовать изготовление их на вновь привлеченных заводах.

Но главное и решающее значение имело то, что Коммунистическая партия, советский народ подготовили для промышленности вооружения прекрасные, высококвалифицированные кадры руководителей, инженеров, техников и рабочих. Без них самое первоклассное многочисленное оборудование оказалось бы мертвым и бесполезным.

В течение полугода положение начало выравниваться, и уже в 1942 г. среднемесячный выпуск 76-*мм* пушек увеличился по сравнению со второй половиной 1941 г. примерно в 3 раза.

Особо следует остановиться на простейшем виде артиллерийского вооружения — минометах 82-*мм* и 120-*мм*. Эти чрезвычайно несложные в производстве и эксплуатации дешевые минометы, к великому сожалению, в предвоенные годы не были по достоинству оценены ни военным командованием, ни руководителями артиллерийской промышленности. Многие артиллеристы, конструкторы, производственники рассматривали минометы как непервоклассное вооружение. Неправильное отношение к ним лучше всего иллюстрируется тем фактом, что единственное в стране

конструкторское бюро по минометам, возглавлявшееся Б. И. Шавыриным, было закрыто в 1936 г. под предлогом «ненадобности этого вида вооружения». А между тем у скромного миномета — «трубы и плиты», как с иронией называли его,— таились огромные боевые возможности.

Пренебрежительное отношение к минометному вооружению имело место не только у нас, но и в других государствах, обладавших мощной артиллерийской промышленностью. И только действительная боевая обстановка, а не теоретические дискуссии научила правильно оценивать боевые качества минометов.

Несмотря на недооценку их значения, в Советском Союзе еще задолго до начала войны были созданы хорошие образцы минометов калибра 82 *мм* и 120 *мм* и мины к ним — осколочно-фугасные и осколочные (литые, из сталистого чугуна).

Талантливый советский конструктор Б. И. Шавырин упорной работой добился прекрасных результатов: оружие, созданное коллективом конструкторов под его руководством, обладало хорошими боевыми и эксплуатационными качествами, было просто и дешево в производстве. В довоенное и военное время гражданские машиностроительные заводы без особых усилий быстро осваивали производство минометов.

В период подготовки войны с СССР германский вермахт делал усиленный упор на увеличение парка минометов и особенно количества мин на каждый миномет. С 1 сентября 1939 г. по 1 июня 1941 г. количество минометов в германской армии возросло в 2,5 раза, а мин к ним — примерно в 7 раз, число артиллерийских систем за это же время увеличилось приблизительно в 1,4 раза, а снарядов к ним — в 1,6—2 раза. Главной причиной столь резкого поворота в оценке минометного вооружения в германской армии были планы подготовки войны на Востоке.

После войны с Финляндией у нас также по достоинству оценили минометное оружие и стали уделять ему большое внимание. К началу Великой Отечественной войны Красная Армия получила прекрасные образцы 82- и 120-*мм* минометов. Они были освоены в серийном производстве, и на 1 июня 1941 г. мы имели 82-*мм* минометов свыше 13 тыс. и 120-*мм* — более 3 тыс.

В количественном и качественном отношениях минометное вооружение нашей армии значительно превосходи-

ло немецкое. В то время гитлеровские войска имели только 81-*мм* минометы, считавшиеся основными по калибру [1].

Таким образом, положение с минометным вооружением было быстро выправлено в канун войны. С нападением фашистской Германии на нашу страну производство минометов развернулось в широких масштабах. Поучительные уроки первых месяцев войны научили ценить минометное вооружение и его создателей.

Уже к концу 1942 г. промышленность вооружения вышла на уровень, обеспечивавший удовлетворение потребностей фронта и других отраслей оборонной промышленности, для которых она являлась одновременно комплектующим поставщиком вооружения и поставщиком по кооперации (поковки, литье и спецметалл).

В 1943 г. валовая продукция Наркомата вооружения по отношению к 1942 г. увеличилась на 10%, причем это было достигнуто без увеличения мощностей. Следовательно, в 1942 г. (через год после начала войны) производственные мощности Наркомата вооружения уже не требовали больших капиталовложений для дальнейшего расширения их. А в 1943 г. промышленность вооружения обладала уже избыточными потенциальными производственными мощностями.

Система артиллерийского вооружения, с которой начала войну Красная Армия, в своей основе оставалась почти неизменной до конца войны. Она претерпела лишь некоторые изменения за счет введения новых калибров. Но не было острой необходимости осваивать принципиально новые типы, конструкции, что имело важное значение для военной экономики, для снабжения армии боеприпасами. В этом большая заслуга военных руководителей, военных специалистов и работников оборонной промышленности, которые отработали гамму калибров артиллерийских систем с хорошими боевыми качествами, сохранив большую преемственность и учтя интересы промышленности.

В ходе войны конструкторами и производственниками-вооруженцами была проделана большая творческая работа

---

[1] Следует отметить, что немцы так и не успели сконструировать и отработать тяжелый миномет. Они были вынуждены выпускать с 1943 г. 120-*мм* минометы по чертежам, захваченным на советских заводах на Украине, внеся лишь небольшие изменения в опорную плиту.

по дальнейшему совершенствованию артиллерийского вооружения: повышались его эксплуатационные качества, упрощались конструкции деталей и узлов, совершенствовалась технологичность конструкций с целью улучшить организацию производства, увеличить выпуск и снизить себестоимость продукции.

Неоценимую помощь в развитии промышленности вооружения и в подготовке ее к войне оказала военная приемка, руководимая ГАУ. Она занимала ответственное место в организации промышленности и в снабжении армии вооружением, сыграла положительную роль в подготовке мобильной, квалифицированной и дисциплинированной промышленности и в обеспечении оружием высокого качества.

Военная приемка была наделена широкими полномочиями и большими правами. На нее возлагалась не только приемка изделий по качеству и количеству, но и контроль за точным выполнением технологической дисциплины, своевременным научным и техническим совершенствованием военной продукции, систематическим улучшением производства, внедрением прогрессивных методов производства. Руководство заводов (директора, главные инженеры и другие технические работники) не имели права вносить изменения, исправления в техническую документацию, допускать отклонения в технических процессах без согласования с военной приемкой.

Военная приемка имела и уязвимые места. Полномочия и права, какими она была наделена, являлись столь значительными и ответственными, что ими должны были пользоваться только квалифицированные работники и объективные люди. Но руководители и работники военной приемки не всегда отвечали этим высоким качествам. В таких случаях возникали ненужные споры и трения. Это наносило большой ущерб производству и делу обеспечения вооружением Красной Армии.

Но даже эти недоразумения не умаляли значения военной приемки. Ее работа давала столь положительные результаты, что они перекрывали недостатки отдельных военных представителей или их сотрудников.

Во время войны значение военной приемки не уменьшилось, хотя характер ее несколько видоизменился, так как требование фронта и ответственность ГАУ за своевременное обеспечение войск вооружением делали военную

приемку несколько «сговорчивее»[1]. С начала войны во главе ГАУ был поставлен генерал-полковник Н. Д. Яковлев, обладавший многими нужными на этом посту свойствами: большой требовательностью к качеству продукции, объективностью, тонкими знаниями вооружения и его производства. А это оказывало благотворное влияние на деятельность всего аппарата ГАУ.

Условия работы промышленности во время войны были крайне напряженные и сложные. Поэтому нередко у ее руководителей проявлялось желание найти выход из положения путем допущения отклонений. В таком случае военная приемка являлась важным сдерживающим фактором, и без нее качество вооружения резко снизилось бы.

Центральный Комитет партии нередко предупреждал нас, работников промышленности, что ради количества ни в коем случае не должно приноситься в жертву качество продукции, особенно военной. В годы интенсивной работы по обеспечению нашей армии вооружением вырабатывалось много верных и полезных решений, мы обретали ценнейший опыт в производстве вооружения, что помогло нам блестяще выиграть все решающие сражения с жестоким и сильным врагом.

---

[1] В военное время приемка имела несколько иные технические условия, чем в мирное время. Они исходили из учета трудностей положения с материалами и квалифицированными рабочими кадрами.

Н. Э. Носовский

БОГ ВОЙНЫ

НОСОВСКИЙ Наум Эммануилович. Родился в 1905 г. Член КПСС с 1928 г. Генерал-майор инженерно-технических войск. Директор артиллерийского завода (1938—1940 гг.). Начальник Главного артиллерийского управления и член коллегии Народного комиссариата вооружения (1940—1946 гг.). Ныне генерал-майор в отставке.

НА ВОЕННЫЕ РЕЛЬСЫ

Хорошо запомнилась суббота 21 июня 1941 г.

По окончании рабочего дня мы, группа руководящих работников наркоматов вооружения и боеприпасов, собрались в кабинете вновь назначенного начальника Главного артиллерийского управления Народного комиссариата обороны генерал-полковника Н. Д. Яковлева. До поздней ночи рассматривались и обсуждались перспективы и планы производства вооружения и боеприпасов в соответствии с потребностями Красной Армии.

Засиделись до рассвета. Разъехались, не подозревая, что на наших западных границах уже полыхает пламя войны. Об этом утром сообщил по телефону директор завода им. М. И. Калинина Б. А. Фраткин. У меня заноче-

вали работники одного артиллерийского завода М. З. Олевский и другие. Включаем радио. С волнением слушаем выступление по радио В. М. Молотова. Тут же срочный вызов к наркому Д. Ф. Устинову.

Дмитрий Федорович Устинов (ныне кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и секретарь ЦК) был назначен народным комиссаром вооружения незадолго до начала войны. Наркомом он стал в возрасте 33 лет и был, пожалуй, самым молодым среди членов правительства.

— В связи с начавшейся войной,— сказал нам Д. Ф. Устинов,— правительство, по-видимому, пересмотрит и утвердит новый, значительно увеличенный план производства вооружения. А пока свяжитесь с заводами и дайте задание без всякой задержки увеличивать выпуск пушек, стрелкового вооружения и остальной военной продукции.

На второй день после начала войны руководители Наркомата вооружения были вызваны в Кремль и потом вызывались, особенно в первые недели войны, часто, почти ежедневно. Там пересматривались планы и разрабатывались меры для немедленного расширения производства вооружения.

Прежде всего пришлось резко увеличить производство зенитной артиллерии. Хотя выпуск зенитных пушек в предвоенные годы значительно расширился, первые же дни войны показали, что их все же повсеместно не хватает для отражения налетов вражеской авиации, особенно из-за недостатка у нас в тот период истребительной авиации.

План выпуска 85-*мм* зенитных пушек в первый же месяц был увеличен в 1,5 раза, а во второй и третий — в 2 раза. По 37-*мм* зенитным автоматическим пушкам план был сразу (с июля месяца) увеличен в 6 раз. Когда наши работники пытались доказать заместителю председателя Совнаркома СССР Н. А. Вознесенскому, который шефствовал над Наркоматом вооружения, что увеличение выпуска 37-*мм* зенитных пушек в 6 раз за одну неделю — вещь нереальная, Николай Алексеевич с раздражением ответил:

— На нас налетела фашистская орда, и поэтому рассуждать о меньшем плане непозволительно. Предлагайте любые меры, и правительство утвердит их, но план не будем уменьшать ни на одну единицу.

И он потребовал в течение суток представить график ежедневного выпуска пушек в соответствии с установленным планом.

Требуемый график с перечислением мероприятий, необходимых для развертывания производства 37-*мм* пушек, в том числе и привлечения для этой цели ряда заводов, был представлен правительству, как было сказано, через сутки и тотчас был утвержден.

В эти же дни было принято решение ГКО о развертывании производства 25-*мм* зенитных автоматических пушек. Эта пушка, созданная заводом им. М. И. Калинина, предназначалась для борьбы с авиацией противника, летающей на малых высотах,— с пикирующими бомбардировщиками и штурмовиками. Она обладала большой скорострельностью и маневренностью. На этот раз была предусмотрена кооперация с автомобильными заводами по изготовлению ряда узлов пушки.

В целях широкого развертывания производства всех видов боевой техники и предметов вооружения ЦК партии и правительство приняли ряд важных и решительных мер. Указом Президиума Верховного Совета СССР на заводах узаконивались на время войны сверхурочные работы, работа в выходные дни, отменялись всякие отпуска. Этим в известной степени восполнялась убыль рабочей силы в связи с уходом людей в армию.

Расширение прав народных комиссаров также помогло более полно и более оперативно использовать наличные мощности.

Вся цепь мероприятий, подчинивших производство требованиям войны, а главное, величайшая самоотверженность, с которой трудились рабочие, мастера, инженеры и техники, служащие, ученые, руководящий состав, отдавая все силы производству, выделяя для сна и отдыха считанные часы,— все это позволило с первых же дней резко увеличить производство военной продукции. Завод им. Калинина, например, за один месяц восстановил производство противотанковых 45-*мм* пушек, а в третьем квартале увеличил вдвое выпуск зенитных 85-*мм* пушек, которые играли важную роль в противовоздушной обороне Москвы и других важных центров. В течение всего трех месяцев завод освоил крупносерийное производство 25-*мм* автоматических зенитных пушек, на что в мирное время ушло бы не менее года.

Также с полной отдачей работали коллективы и других заводов, выполнявшие заказы обороны. У некоторых из них появились заботы и другого рода.

Завод им. Калинина представлял собою очень соблазнительную цель для вражеских бомбардировщиков. Однако стараниями всего коллектива он превратился в неприступную крепость, неуязвимую для вражеской авиации.

Из нестандартных деталей и узлов рабочие и мастера собрали батареи 85-*мм* зенитных пушек. Они были расставлены вокруг завода и находились в постоянной боевой готовности, как и зенитные пулеметы, установленные на крышах цехов. Орудийные расчеты образовали добровольцы из рабочих и мастеров. Инструктировали их конструкторы завода. Комиссаром артиллерийского отряда был коммунист Барский.

Завод был прекрасно замаскирован. В нескольких километрах от его территории возникли «корпуса и склады» — макеты, отвлекавшие внимание фашистских самолетов от производственных зданий. В результате самозащиты завод не пострадал от вражеских налетов. Лишь однажды бомба попала в склад металлолома, но никто не пострадал.

Я часто бывал на заводе и не раз оказывался там во время воздушных тревог. Меня всегда поражало, что хватающие за душу звуки сирены не вызывали здесь ни нервозности, ни малейшего замешательства. Руководители служб противовоздушной обороны, как и производственники, в любой час дня и ночи были на местах. Все управление находилось в хорошо оборудованном бомбоубежище и было четко налажено. Прекрасно работала связь со всеми цехами и объектами. Начальники цехов и отделов, мастера, рабочие, ремонтники, электрики, медперсонал — все прошли школу противовоздушной обороны еще ранее, до войны, и теперь умело применяли приобретенные знания и навыки. Во время воздушных тревог завод продолжал работать, не прерывая ни на минуту производство.

В трудном положении оказался завод им. Ворошилова. Это был один из самых молодых артиллерийских заводов страны, который только в 1939 г. стал осваивать производство пушек, а до того лишь ремонтировал их. Коллектив успешно справился с задачей, освоив в течение года производство сложных 37-*мм* зенитных автоматических пушек, наладил к началу 1941 г. ежедневный ритмичный их выпуск и выполнял государственный план. Как указывалось выше, начиная с июля 1941 г. задание по выпуску этих пушек было увеличено в 6 раз. Заводу была оказана помощь поставкой некоторых узлов с других предприятий,

изготовлением оснастки. И все же в июле выпуск пушек увеличился только в 1,5 раза, в августе — в 2 раза.

Военная обстановка требовала увеличить выпуск зенитных пушек вшестеро (и, пожалуй, еще больше), хотя это было намного выше его возможностей. В течение трех месяцев завод утроил выпуск продукции, и это был небывалый трудовой подвиг коллектива, который еще до войны работал в три смены с полной нагрузкой.

В целом продукция артиллерийских заводов (в валовом исчислении) за первые три месяца войны возросла на 40—50%, количество выпущенных орудий всех типов — в 2,3 раза при тех же мощностях, что были до начала войны.

Такой рост выпуска боевой техники в третьем квартале 1941 г. был достигнут за счет лучшей организации производства, совершенствования технологии, самоотверженного труда всех работников промышленности, повышения дисциплины и применения сверхурочных работ и работы в выходные дни.

ЭВАКУАЦИЯ

С первых же дней войны Советское правительство наметило ряд чрезвычайных мер по эвакуации населения, промышленности и материальных ценностей из фронтовых и угрожаемых районов. 24 июня был образован Совет по эвакуации во главе с Н. М. Шверником. Заместителями председателя Совета были А. Н. Косыгин и М. Г. Первухин.

Эвакуация коснулась и предприятий Наркомата вооружения гораздо скорее, чем это можно было ожидать.

В конце июня мне позвонили из дирекции киевского завода «Арсенал» и заявили о том, что завод согласно постановлению ЦК партии Украины и Военного совета Юго-Западного фронта приступил к подготовительным работам по эвакуации. Дирекция спрашивала, куда направлять эвакуируемые эшелоны.

«Арсенал» — старейший завод нашей страны. В 1964 г. он отпраздновал свое 200-летие. Извещение об его эвакуации ошеломило. Тяжело было сознавать, что этот замечательный завод должен прекратить производство в самый критический момент.

Перед войной завод производил значительное количество спаренных и счетверенных зенитных пулеметных установок, 76-*мм* горные пушки, 107-*мм* горно-вьючные минометы, осуществлял ремонт почти всех видов орудий. Но самой ощутимой потерей было прекращение производства зенитных платформ-повозок для 37-*мм* зенитных автоматических пушек.

Я сразу же доложил наркому Д. Ф. Устинову содержание разговора с директором «Арсенала». Дмитрий Федорович также не ожидал такого быстрого поворота событий. Но эвакуация была фактом, и нарком санкционировал перебазировку «Арсенала» на один из заводов Урала.

В это время позвонил по телефону Н. А. Вознесенский. Для заместителя председателя СНК решение об эвакуации киевского «Арсенала» оказалось также неожиданной новостью. Поговорив с наркомом, он подозвал к телефону меня.

— Как вы допускаете,— спросил меня Вознесенский,— что подчиненный вам завод эвакуируется без вашего разрешения, и как вы можете согласиться на его эвакуацию, не имея решения правительства?

Я рассказал Н. А. Вознесенскому о решении украинских организаций.

Узнав, что наркомат решил перебазировать завод на Урал и что при благоприятных условиях платформы на новом месте начнут выпускаться в заданном количестве не ранее чем через полтора месяца, Николай Алексеевич разволновался.

— А как же будет с 37-*мм* зенитными автоматами? Раз не будет платформ, значит, полтора-два месяца эти пушки не будут выпускаться? Немыслимо даже представить себе, чтобы выпуск пушек сорвался хотя бы на один день. Какие вы наметили меры? Что предлагаете для бесперебойного производства и выпуска пушек?

Вопросы Н. А. Вознесенский задавал быстро, и на них требовался немедленный ответ.

Я предложил до восстановления производства и выпуска зенитных платформ на новой базе ставить 37-*мм* зенитные автоматические пушки на грузовые автомашины и так отправлять их в армию.

— Как вам пришла в голову такая глупость? Вы соображаете, что предлагаете? Разве это выход из положения? Имейте в виду, товарищ Носовский,— предупредил

Н. А. Вознесенский,— если прекратится выпуск зенитных пушек, вы будете отвечать. Вы понимаете это?

Я понимал, но другого выхода не видел и попытался настаивать на своем. А Николай Алексеевич требовал другое, конструктивное решение, притом немедленно.

Несколько секунд я молчал, мучительно думая, что же предложить. И начал нерешительно:

— Есть еще такой выход: обязать Коломенский паровозостроительный завод быстро освоить производство зенитных платформ. Там сильный, квалифицированный коллектив, и я полагаю, что он в течение месяца сумеет начать поставку платформ в требуемом количестве.

— Вот это другое дело,— услышал я в ответ.— Через три часа представьте проект постановления Совета Народных Комиссаров,— сказал мне совсем другим тоном Н. А. Вознесенский.

Д. Ф. Устинов тут же поручил мне подготовить этот проект и подсказал, какие предусмотреть предложения по эвакуации киевского завода и для быстрейшего разворота производства на новом месте. Он предложил также включить пункт об установке, насколько я помню, трехсот 37-*мм* автоматических пушек на трехосных автомашинах. Это предложение поддержал и Наркомат обороны, и оно было утверждено постановлением СНК.

Побывав на следующий день у коломенских паровозостроителей, я убедился, что платформы будут изготовлены в срок. Как раз шло совещание по этому вопросу у директора завода Е. Э. Рубинчика. Тут были строго распределены задания со сроками изготовления: по технологической документации, оснастке, заготовкам, деталям, сборочным работам и по самому выпуску платформ в требуемом количестве. По окончании совещания Рубинчик сказал мне:

— Можешь не волноваться. Не подведем. Платформы будем подавать заводу в срок.

На слово директора можно было положиться. Я знал и ранее этого энергичного человека, когда он был секретарем Коломенского горкома партии. Он пользовался большим авторитетом и отличался незаурядным организаторским талантом.

Тем временем конструкторы завода им. Ворошилова во главе с П. П. Костиным представили конструкцию установки пушки на трехосные автомашины, которые были

немедленно доставлены на завод. Конструкция оказалась удачной, и пушки стали бесперебойно отправляться на фронт. А вскоре начали поступать и зенитные платформы от паровозостроителей. Можно было больше не беспокоиться о платформах для зенитных 37-*мм* пушек.

Эвакуация киевского «Арсенала» развернулась немедленно полным ходом. Ею руководил штаб во главе с директором завода. К тому же наступление гитлеровских войск было приостановлено 11 июля войсками Юго-Западного фронта и ополченческими полками города. Благодаря героизму защитников Киева «Арсенал» мог беспрепятственно вывезти полностью все материальные ценности, ни одна единица оборудования не была оставлена врагу.

Всего было отправлено эшелонами 1100 вагонов. Первый эшелон ушел 29 июня, последний — 14 августа 1941 г. Почти накануне оставления нашими войсками Киева, 9 сентября, был отправлен в тыл еще один эшелон. Вместе с оборудованием выехали 2500 рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Все эшелоны прибыли на Урал полностью и сравнительно быстро, находясь в пути в среднем около двух недель каждый.

Скоро из Брянска началась эвакуация и второго старейшего завода-арсенала — им. С. М. Кирова. В июне 1940 г. этому заводу исполнилось 155 лет. Эвакуация проходила в условиях бомбежки вражеской авиации. Четыре раза горели цехи завода, но каждый раз пожар быстро ликвидировался усилиями коллектива. В пути под бомбежку попал один эшелон, но в целом коллектив завода и оборудование прибыли благополучно на Южный Урал.

Из Новочеркасска в октябре был эвакуирован еще один артиллерийский завод. Перед началом войны он начал осваивать производство корпусной артиллерии, был реконструирован и насыщен первоклассным, в том числе и импортным, оборудованием. Ему отводилось в перспективе видное место в системе развития артиллерийского производства, но война вынудила в труднейших условиях сниматься с места и перебазироваться на Восток.

Хотя эвакуация указанных выше артиллерийских заводов и нанесла немалый ущерб вооружению армии и военно-морского флота, артиллерийское производство не было подорвано. Выпуск орудий продолжал беспрерывно увеличиваться. Положение обострилось, когда пришлось эвакуировать важнейшие заводы.

В связи с нависшей опасностью Государственный Комитет Обороны принял решение об эвакуации важных оборонных заводов, научных и культурных учреждений. В числе подлежавших эвакуации предприятий были артиллерийские заводы им. Калинина и им. Ворошилова.

Вместе с заместителем наркома П. А. Мирзахановым мы выехали на завод им. Калинина, чтобы обсудить с его руководством план и порядок эвакуации. И Мирзаханов, и я в свое время были директорами этого завода.

Эвакуация завода проходила в самые тревожные для страны дни. Работали днем и ночью, отгружая и отправляя эшелон за эшелоном. Часто приезжали нарком вооружения Д. Ф. Устинов и его заместитель Б. Л. Ванников. Руководил эвакуацией штаб во главе с директором завода Б. А. Фраткиным. Не покидали сутками свои посты руководители цехов и отделов.

Для ускорения отгрузки и лучшей организации труда пришлось в крупных корпусах проложить узкоколейки и по ним отправлять груз прямо до вагонов железной дороги широкой колеи, в других случаях проламывались стены, через которые такелажным способом продвигались станки и другое оборудование.

В таких же условиях происходила эвакуация завода им. Ворошилова. А скоро эвакуировался и Наркомат вооружения.

В пути встречались воинские эшелоны, следующие на фронт, санитарные поезда с ранеными и десятки поездов, идущих с разных концов страны на восток с оборудованием и людьми. Создавалось впечатление, что в движении находится вся страна. Действительно, мир не знал еще такого массового перебазирования чуть ли не целых отраслей промышленности с миллионами людей. Известно, что всего было эвакуировано в тыловые районы страны за первые полгода войны 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 крупных и оборонных заводов. По железным дорогам было перевезено около 1,5 млн. вагонов грузов, более 10 млн. человек (30—40% состава работающих). Из Москвы и Московской области было вывезено 498 предприятий союзного и союзно-республиканского значения, 71 тыс. вагонов и 210 тыс. работников.

В связи с эвакуацией промышленности и наркоматов на Восток ЦК партии и правительство решили перебазировать в Куйбышев и часть центральных орга-

В осажденном Ленинграде.
Расчистка снежных сугробов
на Литейном проспекте
в первую блокадную зиму.
Март 1942 г.

Ленинградцы бережно укрыли
от вражеских бомбежек и обстрелов
«Медного всадника».
Июль 1941 г.

Кузбасс — фронту.
Готовый стальной броневой лист
для изготовления танковых корпусов.
1944 г.

Каждый клочок земли —
для посадки овощей!
Июнь 1942 г.

На заводе ферросплавов.
Кузнецк. 1943 г.

Бронепоезд «Железняков»,
построенный рабочими
Севастопольского завода.
1941 г.

нов. Уполномоченным правительства в Куйбышеве был Н. А. Вознесенский, ЦК партии — А. А. Андреев. В этот период наркоматы, и в частности Наркомат вооружения, были связаны с двумя центрами и получали директивы как из Москвы, так и из Куйбышева. Государственный Комитет Обороны не мог не следить за ежедневным выпуском оборонной продукции, и поэтому связь с оборонными наркоматами и важнейшими оборонными заводами велась также прямо из Москвы.

ВОСТОК — МОГУЧИЙ АРСЕНАЛ ВООРУЖЕНИЯ

Восточные районы страны к началу войны представляли мощную индустриальную базу, но все же большая часть производительных сил и промышленных мощностей, в том числе и оборонных предприятий, сосредоточивалась в центре и в районах, откуда предприятия были вывезены.

Руководящие работники наркомата почти все время находились на базах эвакуированных заводов. Основное внимание уделялось скорейшему восстановлению заводов и развороту производства боевой техники на новых местах.

В начале ноября я срочно вылетел на Урал на эвакуированный завод, возглавляемый директором А. В. Кураповым. Я знал положение, которое сложилось здесь два месяца назад, когда на базе местного предприятия начинал свою новую жизнь Брянский арсенал: недоставало до 1,5 тыс. единиц оборудования, очень маломощной была электростанция — всего 750 *квт*. Теперь картина была другая. Заработала только что пущенная новая электростанция в 3 тыс. *квт*. Действовали все цехи, завод имел сталелитейную, даже небольшой прокатный цех, обеспечивал себя металлом и часть проката поставлял другим заводам вооружения. Кузнечные мощности также были полностью введены в строй. В механических цехах и на сборке хотя было тесно, но работать можно было. Радовало также и то, что прибывшие и их гостеприимные хозяева сдружились и работали уже как единый спаянный коллектив.

План, однако, еще не выполнялся. Завод должен был выпустить в ноябре большое количество зенитных плат-

форм, 200 штук 82-*мм* минометов и большую партию снарядов для реактивных установок — «катюш». До конца месяца — 20 суток, а на сборке еще очень мало деталей. И тут коллектив показал, на что он способен. В течение трех недель шла напряженнейшая борьба за выполнение графиков и заделов на декабрь — и успех пришел. Программа была выполнена. Завод уверенно переходил на ритмичную работу. Особенно радовало то, что завод восстановил производство платформ для 85-*мм* зенитных пушек.

В дальнейшем на это предприятие была возложена задача в кратчайший срок освоить производство 76-*мм* танковых пушек для танков «Т-34» и «КВ». К тому времени (1942 г.) производство танков возросло по сравнению с 1941 г. в 3,7 раза. Следовательно, по крайней мере во столько же раз нужно было увеличить выпуск пушек для них. И хотя завод, где директором был Амо Сергеевич Елян, многократно увеличивал выпуск этих орудий, обеспечить полностью потребность в них танковых заводов он не мог. Поэтому ГКО обязал Наркомат вооружения организовать выпуск 76-*мм* танковых пушек для «Т-34» на заводе им. Кирова. Завод получил задание ежемесячно наращивать выпуск пушек.

В качестве ответственного за выполнение этого задания я отправился на завод, но предварительно заехал к А. С. Еляну с намерением договориться о помощи новому заводу. А. С. Елян с полным пониманием и ответственностью отнесся к своей задаче. При участии главного инженера М. З. Олевского в течение одного часа были намечены конкретные мероприятия. Решили отправить заводу 10 экземпляров всей технической документации (чертежей и технологии), пять комплектов заготовок, одну готовую пушку, некоторые виды оснастки. В помощь выделялись 40 специалистов, начиная от ведущего технолога и кончая станочниками и слесарями по важнейшим видам операций. Все они в течение суток выехали на новое место работы.

Задание ГКО коллектив завода им. Кирова воспринял с гордостью и приложил все силы для решения этой почетной и нелегкой задачи. В довоенные годы завод занимался лишь ремонтом и перевооружением артиллерийских систем. Теперь же предстояло заново организовать производство танковой пушки.

Завод пустил на новом месте крепкие корни. Он хорошо справлялся с непрерывно увеличивающимися заданиями. Оригинально была решена задача расширения производственных площадей: соединили два соседних корпуса общей крышей и, возведя всего две стены, получили обширную площадь для новых цехов. Так всего за две недели был построен новый сборочный цех зенитных платформ.

Вместе с развитием производственной базы завода пополнился и усилился его руководящий инженерный состав. Главным инженером был назначен бывший главный инженер завода им. Ворошилова Алексей Сергеевич Спиридонов — опытный волевой руководитель и организатор, перед которым была поставлена задача освоения танковых пушек. С этой же целью был переведен сюда главным металлургом Георгий Николаевич Конопасов.

Новой пушке дали «зеленую улицу». Каждый день появлялись десятки новых штамповок, литых заготовок, деталей, инструментов. Никто не уходил из цехов, не выполнив заданный суточный график. К специалистам завода, оказавшим здесь большую помощь, скоро присоединилось около двухсот сталинградцев с завода «Баррикады». Завод «Баррикады» в начале войны освоил производство и выпускал в большом количестве 76-*мм* дивизионные пушки и 120-*мм* минометы, за что коллектив был награжден орденом Ленина.

Баррикадцы работали в Сталинграде до последней возможности, обеспечивая защитников города пушками и минометами. Многие из них участвовали в боях, находясь в рядах бойцов истребительных батальонов. Теперь они продолжали трудовую вахту в новых коллективах заводов на Урале и в Сибири.

Дело успешно шло к финишу, но в последние дни возникли осложнения. Неожиданно выяснилось, что имевшееся на заводе веретенное масло непригодно для заливки противооткатных устройств. Прежде чем заливать противооткатные устройства, военпред справедливо потребовал произвести химический анализ масла, который и показал, что оно для заливки не годится.

Времени — в обрез, один сутки. Ни поездом, ни машинами нельзя было надеяться за сутки получить это масло, которого нигде близко не было. Никакой надежды и на самолет — бушевала пурга.

Пришлось сообщить о положении в наркомат. Вмешался нарком. Были приняты экстренные меры, чтобы доставить масло во что бы то ни стало. Один из летчиков Аэрофлота (к великому сожалению, имени его не знаю) взял груз и, самое главное, совершил труднейшую посадку на ближайшем аэродроме.

Одна опасность миновала, но назрела другая: отставал участок сборки стволов.

— Если за двое суток стволы будут доставлены,— заверил коллектив главной сборки,— то до 1-го числа соберем и отстреляем все пушки.

— Все силы на сборку стволов! — пронеслось по заводу.

Надо было координировать все действия так, чтобы вовремя поступило все необходимое и работа не задержалась ни на одну минуту. Сборщики стволов работали, не уходя с завода в течение двух суток. Питание получали на рабочих местах.

Наступил долгожданный день отстрела пушек. Под полигон приспособили окруженную горами площадку неподалеку от завода. На отстреле присутствовало много работников завода, начиная от директора и старшего военпреда и кончая начальниками цехов и отделов, сборщиками и специалистами, прибывшими с другого завода. Раздался первый выстрел, многократно повторенный эхом в горах, как бы возвестивший стране, что на Южном Урале началось производство пушек для танков. Пушки отстреливались одна за другой, и выстрелы были самой приятной музыкой для всех, кто их слышал тут, на полигоне, на заводе, в поселке. Все 25 пушек выдержали испытание блестяще, ни одного отказа. Не было конца поздравлениям, объятиям присутствующих. Трудно описать радость, которую испытал весь коллектив, за полтора месяца овладевший производством сложной танковой пушки.

С момента освоения производства танковых пушек и до самого конца Великой Отечественной войны не было ни одного случая, чтобы завод им. Кирова не выполнил план или сорвал график выпуска пушек и другой продукции.

Разгром немцев под Москвой в декабре 1941 г. вселил великую надежду в сердца советских людей. За все время с начала войны не было еще такой радости. С удвоенной, утроенной энергией трудились люди. Ведь именно сейчас потребовалось как можно больше оружия и боеприпасов,

которых не хватало для формирования новых дивизий и армий.

В те дни я посетил на Урале новую базу для артиллерийского завода. Работу на новом месте пришлось вести в зимних условиях. Стояли жгучие морозы. Люди разместились вначале в городском клубе, а потом постепенно стали расселяться — кто куда. А тех, кому достались построенные на скорую руку бараки, считали счастливчиками. Люди терпели холод, жили впроголодь и в тяжелых жилищных условиях. Тем не менее с первых же дней строительство развернулось полным ходом. Одновременно начался монтаж оборудования. Подъемных средств не хватало, работа велась вручную, такелажным способом. В монтаже участвовали все — рабочие, инженерно-технические работники, служащие, члены семей. Помещения не отапливались, люди то и дело подбегали к разложенным в цехе кострам хоть на минуту погреться — и снова за работу.

Как только заканчивался монтаж оборудования, станки сразу же пускались в работу, и тут же начинали поступать детали для 85-*мм* зенитных пушек. Для обогрева в здании установили паровоз, но холод был все-таки жуткий, не помогали и поставленные у станков железные печки, замерзала эмульсия, коченели руки... И ни слова упрека, жалобы, нытья! Рабочие, а среди них все больше становилось женщин, подростков, молча, с суровыми лицами строили, монтировали, выпускали детали, узлы.

Через два месяца после эвакуации завод им. Калинина уже сдал первые 85-*мм* зенитные пушки и наладил производство 45-*мм* противотанковых пушек. Темпы производства росли с каждым месяцем. К майским праздникам 1942 г. план по 85-*мм* зенитным пушкам был выполнен на 136%.

Огромную организаторскую работу провели партийная организация города и завода и прибывший сюда замнаркома вооружения Б. Л. Ванников. Важное значение в налаживании производства на новом месте имело то обстоятельство, что сюда прибыли основные руководители завода и цехов: директор Фраткин, главный инженер Авцин, начальники цехов Лавров, Медвинский, Левин, главный металлург Медведев, главный конструктор Сандлер, главный механик Цырлинский, заместитель директора Клейн, заместитель главного инженера Люльев, старшие мастера Писаркин, Семенов, Березин, Авдиев, Житенев, Кобирев

и др. На новом месте трудилось и около 20% квалифицированных рабочих.

Мне кажется, что историки еще долго будут изучать «чудо» перебазирования до полутора тысяч крупных предприятий со сложными производствами на новые места и небывало быстрого возобновления производства и выпуска военной продукции, совершившихся как бы по мановению волшебной палочки. Корни этого «чуда» надо искать в политике и организаторской деятельности Коммунистической партии, которая в свое время предусмотрела создание промышленных очагов в восточных районах страны. А теперь на их базе чаще всего и оседали эвакуированные предприятия.

Каждому прибывавшему заводу (или его части) — а это сотни вагонов с оборудованием и людьми — важно было для начала зацепиться за какие-то производственные помещения, какое-то жилье. Коренные жители городов, куда прибывали эвакуированные, потеснились и приютили в своих квартирах приехавших рабочих и служащих.

В январе 1942 г. эвакуированный в Сибирь завод им. Ворошилова восстановил производство и вновь стал выпускать 37-*мм* зенитные автоматические пушки. Правда, пока в меньшем количестве, чем «дома», и без платформ. Но когда сюда прибыли специалисты этого дела из Коломны, Киева, Калуги, Ленинграда, Сталинграда и других мест (на одном этом сибирском заводе были сосредоточены коллективы нескольких предприятий), завод стал производить 37-*мм* пушки комплектно с зенитными платформами. Кроме того, на него было возложено производство 120-*мм* минометов, морских глубинных бомб. На заводе развернулось большое строительство: сооружался ряд цехов, укреплялась энергетическая база. В скором времени завод обеспечивал себя полностью всеми видами заготовок металлургического производства и стал давать столько пушек, сколько давал на старой базе, а в 1943 г. превзошел и этот уровень.

А ведь рабочих не хватало. И здесь, как и всюду тогда, к рабочим местам становились подростки, женщины. Многие начальники цехов стремились заполучить главным образом взрослых рабочих, недооценивая молодежь. Дальновиднее оказался начальник цеха прицелов А. Г. Кочнев, способный инженер и умелый организатор. Он сделал ставку как раз на подростков и не ошибся. Он любил моло-

дежь, и она платила ему тем же. Мастера цеха также внимательно и любовно относились к своим ученикам. Между старшими и младшими установились отношения взаимного уважения и товарищества. Ребята старательно овладевали профессиями станочников и слесарей, дисциплина в цехе стала образцовой, и все это способствовало тому, что собранные прицелы — эти сложные узлы пушек — цех стал сдавать точно по графику.

В момент, когда я приехал на завод им. Ворошилова, там остро стоял вопрос об организации производства 120-*мм* минометов в количестве 500 единиц в месяц. Специалисты подсчитали, что для решения этой задачи потребуется много времени и использование мощности заготовительных и механических цехов, предназначенных для 37-*мм* зенитных пушек. Срыв выпуска зениток из-за производства минометов нельзя было, конечно, допустить. Как же быть? К счастью, оказалось, что на завод вместе с так называемыми штатными чертежами технологии изготовления 120-*мм* минометов прибыли другие чертежи. Они были разработаны под руководством известного конструктора Б. И. Шавырина в одном научно-исследовательском институте Наркомата вооружения и предусматривали усовершенствование конструкции миномета. Изучив чертежи, работники завода пришли к выводу, что, удовлетворяя всем тактико-техническим требованиям, производство минометов по новым чертежам позволит вдвое уменьшить трудоемкость и расход металла по сравнению с выпускаемыми по штатным чертежам. Вывод основывался на теоретических расчетах, так как новая конструкция и технология производства пока не были опробованы.

И тут руководители завода — директор Я. А. Шифрин, главный инженер А. С. Спиридонов, главный конструктор П. И. Костин и персонально ответственный за выпуск минометов заместитель главного инженера Р. А. Турков — принимают смелое и, прямо скажем, весьма рискованное решение: запустить в производство большую партию минометов по новым чертежам, отказавшись от старой конструкции.

Новый миномет показал блестящие качества. Он был легче, проще, удобнее в эксплуатации, все механизмы работали безотказно. Волнения обернулись и для испытателей, и для завода настоящим праздником. Новые минометы были приняты и немедленно отправлены на

фронт. Производство пошло полным ходом, и завод стал уверенно выпускать по 500 минометов в месяц.

Читатель помнит, что киевский «Арсенал» был эвакуирован на уральский артиллерийский завод, который до 1938 г. был средним машиностроительным заводом, выпускавшим то небольшие речные суда, то маломощные паровозы, сельскохозяйственные машины, транспортное и дорожное оборудование и другие машины в этом роде. К началу войны он превратился в довольно солидный орудийный завод.

Большую помощь в перестройке завода оказала группа специалистов, направленная сюда с другого артиллерийского завода во главе с инженер-полковником Дмитрием Ивановичем Фирсовым, ставшим директором этого предприятия. Опытный инженер, хороший организатор, знаток артиллерии и ее производства, Д. И. Фирсов вместе с прибывшими с ним инженерами А. П. Беликовым, В. С. Войковским, В. И. Хохловым и другими немало сделал тут для организации и освоения производства пушек. Когда позже (в августе 1941 г.) Д. И. Фирсов был отозван для работы в Наркомат обороны, директором завода стал А. П. Золотарев, а главным инженером (с октября 1941 г.) — Е. А. Гульянц. Я хорошо знал Е. А. Гульянца по совместной работе на заводе им. Калинина. В нем сочетались качества крупного инженера и смелого новатора, чуткого и отзывчивого к инициативе и предложениям рабочих, мастеров, специалистов. Это особенно сказывалось в период, когда завод осваивал новое для него производство.

В этот период завод столкнулся со специфическими трудностями организации производства в условиях перебазирования сюда многих крупных предприятий. Конечно, каждый коллектив пришел со своими традициями, опытом, сложившимися отношениями. И хотя основным принципом при расстановке людей была польза дела, не так-то просто было решить задачу назначения на те или иные должности. Среди прибывших оказывались несколько, по всем данным, равноценных главных механиков, главных энергетиков, заместителей директоров, много начальников цехов и т. д. Кого назначить главным, кого заместителем? Все это надо было решать тактично, правильно, чтобы было поменьше обид, почти неизбежных в такой ситуации.

Тем временем на заводе назревали новые проблемы организации и технологии производства. Дело в том, что эвакуированное оборудование прибывало и прибывало с разных заводов и устанавливалось в цехах не по строгому плану и не в соответствии с технологией производства. И хотя на заводе развернулось большое строительство, расширялись электростанция, котельная, металлургическое производство, сооружались новые корпуса, самой неотложной проблемой была перестановка оборудования по единой технологической цепочке, иначе нельзя было обеспечить массового выпуска пушек.

Наряду с совершенствованием технологического процесса, дополнительным изготовлением оснастки для перевода производства на поток необходимо было произвести перестройку всего завода и переставить более тысячи единиц оборудования внутри цехов и из цеха в цех. Это был трудный шаг, который надо было осуществить, не останавливая производства. Некоторые высказывали опасения, что такая перестройка может вообще сорвать выпуск пушек. Но когда созданный для руководства перестройкой штаб во главе с главным инженером Е. А. Гульянцем разработал четкий план и график работ по дням и часам, стало ясно, что задача эта реальна.

Теперь все зависело от его исполнителей, от их организованности и сознательности. За работу взялся весь коллектив. Большую роль в перестройке сыграли работники отдела главного механика завода, руководимого И. И. Лопатовским, бывшим главным механиком киевского «Арсенала». Перестройку начали в январе 1942 г., а уже в феврале завод выпустил больше пушек, чем за все предыдущее время. В марте план выпуска пушек был перевыполнен, а в июне завод достиг цифры, выше намеченной планом. Таковы были результаты перевода производства на поток, применения передовых технологических процессов производства, помноженных на самоотверженный труд коллектива завода. По количеству выпускаемых пушек этот завод занял второе место среди артиллерийских заводов.

Возвращаясь мыслью к повседневным, ставшим будничными делам тех дней, видишь, какую огромную роль сыграла партийная организация завода во главе с парторгом ЦК ВКП(б) Андреем Евдокимовичем Иванцовым, бывшим рабочим оборонного завода, воспитанником Ленинградского военно-механического института. Коммунистам

удалось выковать единый монолитный организм из ряда коллективов разных заводов и партийных организаций, направив его на боевое выполнение заданий фронта. Позже (с 1943 г.) директором завода стал Федор Кузьмич Чеботарев, бывший директор киевского «Арсенала». Опытный инженер и отличный организатор, Федор Кузьмич Чеботарев много сделал для успешного развития завода.

Артиллерийский завод, в районе которого разместился Наркомат вооружения, являлся крупнейшим артиллерийским предприятием страны. В январе 1941 г. он отпраздновал свое 75-летие. И тогда же за боевые заслуги перед Родиной коллектив завода был награжден орденом Ленина. Много работников были удостоены орденов и медалей за доблестный труд. Особенностью этого завода было то, что он располагал всем металлургическим комплексом, включая мартеновские цехи, прокатное производство, кузнечно-прессовые корпуса. И в мирное время завод не только обеспечивал себя нужным металлом, заготовками, но снабжал всем этим много других предприятий. Теперь же, с временной потерей южной металлургии, спрос на прокат и поковки сильно возрос. Директор завода А. П. Быховский еле успевал отвечать на сыпавшиеся из Москвы телеграммы и запросы по поводу изготовления и отгрузки металла различным предприятиям. Неоднократно обращались к нему в этих же целях из ЦК партии и ГКО. Металлургия завода приобретала большое самостоятельное значение и требовала напряжения всех сил, особенно коллективов горячих цехов.

Усложнились задачи и в области производства артиллерии. Завод изготовлял корпусные пушки. Эти виды артиллерии, особенно 122-*мм* гаубицы-пушки «МЛ-20», играли огромную роль на всех фронтах. Могучие залпы из этих пушек прогремели на весь мир, возвещая о начавшемся разгроме гитлеровских полчищ под Сталинградом.

Помимо корпусной артиллерии завод во время войны изготовлял 76-*мм* полковые и 45-*мм* противотанковые пушки. Производство этих видов артиллерии было полностью освоено менее чем за два месяца. Всего месяц потребовался коллективу завода, чтобы организовать производство 25-*мм* зенитных автоматических пушек, изготовлявшихся ранее на заводе им. Калинина. Характер и технология производства корпусной артиллерии и вновь освоенных трех

видов, по существу, легкой артиллерии совершенно различны. Надо было так организовать дело, чтобы одно не мешало другому и чтобы планы выполнялись строго по всей номенклатуре. Коллектив завода вместе с прибывшими по эвакуации работниками завода им. Калинина успешно решил эту нелегкую задачу. Казалось, где разместить прибывшее в большом количестве оборудование, когда цехи и так забиты до отказа? Энергичные поиски — и выход из положения найден. Использовали под производство помещение бывшего заводского гаража, несколько зданий в городе, в короткий срок возвели неподалеку от завода легкие деревянные строения.

Оборудование было размещено, а люди? В том-то и дело, что завертелись станки, ожили новые цехи, в дни и недели совершилось то, на что прежде уходили месяцы и годы, потому что о людях прежде всего позаботились коллектив завода и его партийная организация, руководители завода и лично директор А. И. Быховский. Как бы ни был он занят, всегда находил время, чтобы выслушать людей, внимательно отнестись к их просьбам и нуждам. Всех эвакуированных удалось устроить на квартирах местных рабочих и служащих. Исключительное внимание к делам завода и нуждам вновь прибывших проявлял обком партии и его первый секретарь.

Абрам Исаевич Быховский был видной фигурой среди руководителей предприятий Наркомата вооружения. Отлично знающий дело инженер и хозяйственный руководитель с большим размахом, человек чуткой души, он пользовался заслуженным авторитетом на заводе и в областной партийной организации. Коллектив рабочих, инженеров, конструкторов, технологов, мастеров и начальников цехов был одним из самых квалифицированных отрядов среди предприятий Наркомата вооружения. Главный инженер завода В. В. Кудрявцев, заместитель директора по металлургии Г. К. Петухов, главный конструктор С. П. Гуренко, главный технолог А. А. Волков, главный металлург В. И. Привалов, начальник производства В. В. Кротов сыграли большую роль в развитии завода по пути технического прогресса, перевода производства на поток и тем самым в увеличении выпуска всех видов оборонной продукции.

Эвакуированные на Восток артиллерийские заводы осели, восстановили и расширили производство на новых

местах. Восток в то время стал основной базой производства и оснащения Вооруженных Сил Советского Союза артиллерией и всеми другими видами военной техники.

Недолго Наркомат вооружения находился вне Москвы, всего около четырех месяцев. После разгрома немецких войск под Москвой при продолжавшемся успешном наступлении Красной Армии в течение зимы 1941/42 г. основная часть наркомата, в том числе и наш главк, возвратилась в столицу. День прибытия совпал с 24-й годовщиной Красной Армии. Москва выглядела строгой, по-военному подтянутой. Чувствовалась уверенность во всем. Работа заводов и учреждений проходила в спокойной и безопасной обстановке.

Вскоре другие наркоматы и учреждения стали возвращаться в Москву. Руководство промышленностью, народным хозяйством стало осуществляться лучше, оперативнее.

НА ПОДЪЕМЕ

Из того, что было рассказано выше, видно, что артиллерийские заводы, в начальный период войны перебазировавшиеся в восточные районы страны, уже в первом полугодии 1942 г. не только восстановили свое производство, но и постоянно наращивали темпы выпуска оборонной продукции. Разумеется, не менее высоких темпов достигли заводы, которые не были затронуты эвакуацией. За первую половину 1942 г. по сравнению со вторым полугодием 1941 г. выпуск полевой артиллерии увеличился в 1,8 раза, противотанковой артиллерии — в 4, минометов — в 3 раза. Выпуск пистолетов-пулеметов и противотанковых ружей возрос почти в 6 раз.

Партия и правительство высоко оценили труд вооружейцев, наградив ряд заводов и многие сотни работников орденами и медалями.

За выдающиеся заслуги в деле организации производства, освоение новых видов артиллерийского и стрелкового вооружения и умелое руководство заводами звание Героя Социалистического Труда было присвоено директорам заводов Быховскому Абраму Исаевичу, Гонору Льву Робертовичу, Еляну Амо Сергеевичу, народному комиссару вооружения Устинову Дмитрию Федоровичу, бывшему заместителю наркома вооружения, народному комиссару

боеприпасов Ванникову Борису Львовичу, заместителю наркома вооружения Новикову Владимиру Николаевичу.

Война ставила все новые и новые задачи перед артиллерийскими заводами. Так, Государственный Комитет Обороны постановлением от 23 октября 1942 г. обязал Наркомат вооружения и Наркомат танковой промышленности в самый короткий срок создать и освоить производство самоходно-артиллерийских установок («САУ») на базе всех выпускаемых танков с различными видами артиллерии.

Нужно сказать, что до войны самоходная артиллерия у нас производилась в единичных экземплярах. Между тем опыт войны с каждым днем убеждал в большой эффективности этого оружия. Подвижность и скорость передвижения «САУ» такие же, как и у танков, вести огонь из них можно как на близком, так и на более далеком расстоянии от противника, а артиллерия и боевой расчет защищены броней. Орудия на «САУ» устанавливались в зависимости от задач самых разнообразных калибров — от 76-*мм* до 152-*мм*.

В создании и освоении производства самоходных орудий работы проводились параллельно: по конструированию и разработке технологической документации и одновременно по подготовке и развороту производства. В результате в двухмесячный срок было налажено производство самоходных артиллерийских орудий. Самоходную артиллерию создавали и производили артиллерийские заводы, где директорами были Герои Социалистического Труда А. И. Быховский, Л. Р. Гонор, А. С. Елян, а также директора Б. А. Фраткин, Ф. К. Чеботарев.

Первые самоходно-артиллерийские установки «САУ-76» и «САУ-122» Красная Армия получила уже в 1942 г., а с 1943 г. начался крупносерийный выпуск «САУ» различных калибров нарастающим темпом. Например, в 1943 г. было выпущено уже 4 тыс. этих установок, а в следующем году по сравнению с 1943 г. их выпуск увеличился в 3 раза.

Нужно вообще сказать, что по военной технике мы как в количественном, так и в качественном отношении достигли значительного перевеса над врагом.

В 1943 г. артиллерийские заводы выпустили 130 тыс. орудий, минометов и реактивных установок, в 1944 г.— 122,5 тыс., в первом полугодии 1945 г.— 62 тыс. орудий. Несмотря на некоторое уменьшение в последний период

количества выпущенных орудий, мощь армии, ее оснащение артиллерийским вооружением значительно увеличились. На вооружение поступали все более мощные орудия. Вместо 45-*мм* противотанковых пушек армия начиная с 1943 г. получала в нарастающем количестве 57-*мм*, а с 1944 г.— 100-*мм* противотанковые пушки. Эти орудия разбивали все новейшие мощные танки и самоходные артиллерийские установки противника: «тигры», «пантеры», «фердинанды», «королевские тигры». В армии 100-*мм* пушки получили наименование «зверобой», так как они разбивали вдребезги все танки — «зверей» врага.

Один только артиллерийский завод за время войны выпустил 100 тыс. пушек, что в 8 раз больше всего количества орудий, выпущенных царской Россией за все время первой мировой войны. Ежедневный выпуск пушек этого завода обеспечивал снабжение пушками стрелковой дивизии.

Танки «Т-34» стали вооружаться вместо 76-*мм* орудий 85-*мм*. Гитлеровское командование вынуждено было дать приказ своим танковым соединениям держаться подальше от советских танков «Т-34» с 85-*мм* пушками. Но мощные танки «ИС-2» и «ИС-3» были вооружены еще более мощными пушками 122-*мм* калибра. Они имели более мощную броню по сравнению с любыми тяжелыми танками противника.

В 1943 г. была создана новая 152-*мм* гаубица. Она обладала меньшим весом, была значительно маневреннее и совершеннее гаубицы образца 1938 г., и выпуск ее из года в год возрастал. В том же году поступил на вооружение новый мощный 160-*мм* миномет с минами огромной разрушительной силы.

Всего за время Великой Отечественной войны артиллерийская промышленность выпустила 489,9 тыс. орудий, авиационная — 136,8 тыс. самолетов, танковая — 102,5 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок. Зенитные пушки калибров 27 *мм*, 37 *мм*, 76 *мм* и 85 *мм*, выпущенные артиллерийскими заводами, сбили в общей сложности около 20 тыс. самолетов противника.

За каждым из приведенных здесь фактов и цифр, а их можно умножать и умножать, стоял самоотверженный, творческий труд тысяч и тысяч рабочих, инженеров, техников, служащих, командиров производства, вдохновляемых великой идеей защиты социалистического Отечества,

завоеваний Октября, труд, требовавший самоотверженности от каждого: будь то закаленный в огне и дерзаниях первых пятилеток кадровик или только что вставшие к станкам домашняя хозяйка и подросток.

Конечно, стремительный взлет оборонной промышленности, сумевшей в короткий срок восполнить урон, понесенный в первые месяцы войны из-за потери южной металлургии и многих предприятий на территории, захваченной врагом, достигнутое уже в ходе войны наращивание военного потенциала — результат многих слагаемых.

Огромная работа Коммунистической партии по мобилизации всех трудящихся страны для обеспечения победы, невиданный энтузиазм масс были одним из главных источников успешной работы тыла. Беспрерывно рождались все новые и новые формы социалистического соревнования, такие, как движение двухсотников, трехсотников, тысячников, то есть передовиков производства, обязывавшихся и выполнявших нормы выработки на 200—1000%. Велика была роль комсомольско-молодежных фронтовых бригад, являвших пример организованности и высокой производительности. Большое значение имели совмещение профессий, многостаночничество, помощь квалифицированных кадров в обучении молодых рабочих, соревнование по профессиям и другие патриотические начинания. Все это помогло восполнить труд тех сотен тысяч рабочих, которых не хватало на производстве, поднять производительность труда и увеличить выпуск оборонной продукции.

Хочется привести пример героической работы одной женской бригады на заводе им. М. И. Калинина. Несмотря на трудные условия, в которых очутился эвакуированный на Урал завод, особенно в первый период, женщины и девушки бригады — Селезнева, Каганович, Литвинская, Кузнецова и Лаптева во главе с Марией Ивановной Батуриной,— работая в холодном цехе, живя в тесноте, впроголодь, выполняли нормы выработки на 500, 600 и более процентов, намного превысив свои обязательства. А ведь все эти молодые женщины успели хлебнуть горя: Анна Литвинская, чудом оставшаяся в живых в период ленинградской блокады; Раиса Каганович, родители которой погибли под Могилевом во время бомбежки, и бригадир Мария Батурина, оставшаяся вдовой с дочерью на руках. Муж ее пал смертью храбрых в первые дни войны, на поле брани остались и два ее брата. Овдовела Ирина Лаптева,

осиротели ее дети, но горе не сломило ее: она работала самозабвенно, не щадя себя.

Каждая из членов бригады коммунистки Батуриной овладела двумя-тремя профессиями. Бригада недаром была удостоена звания гвардейской фронтовой бригады. Она завоевала переходящее Красное знамя завода, которое ей было вручено на многолюдном собрании.

Даже в многотомном издании не было бы возможности рассказать об инициативе тысяч и тысяч передовиков производства, о внесенных и осуществленных ими предложениях по совершенствованию технологии, рационализации производства. Ограничусь лишь несколькими примерами.

В августе 1943 г. на одном из артиллерийских заводов был объявлен месячник по выявлению и использованию внутренних резервов. В итоге за один месяц были вскрыты резервы, позволившие только за счет экономии вооружить сверх плана 30 артиллерийских полков.

Металлурги другого завода тт. Хазан, Привалов, Чернов и Ковалев предложили новую марку стали, применение которой позволило отказаться от дефицитного никеля и снизить стоимость стали на 30%. Конструктор Дроздов предложил вместо скрепленных стволов применять моноблоки. Это дало возможность только на одной артиллерийской системе крупного калибра сократить расход металла на 3 *т*, намного снизить трудоемкость и в результате за год добиться 3 млн. руб. экономии. Всего за время войны на этом заводе поступило 15 тыс. рационализаторских предложений. Большинство из них было реализовано, что сэкономило 65 млн. руб.

И на других предприятиях Наркомата вооружения напряженно билась рационализаторская мысль. Реализация 35 тыс. предложений, поступивших от рабочих, мастеров, инженеров и техников, способствовала значительному повышению производительности труда, увеличению выпуска продукции, улучшению ее качества, что в конечном итоге выразилось в экономии свыше 400 млн. руб.

Особый размах во время войны приняло Всесоюзное социалистическое соревнование коллективов заводов внутри каждой отрасли или наркомата. Социалистическое соревнование несло с собой заряд огромной моральной силы. В каждом его участнике жило чувство ответственности перед фронтом, перед страной за безусловное выполнение и перевыполнение производственных планов и социалисти-

ческих обязательств. Немалое значение имели подведение ежемесячных итогов и обнародование результатов соревнования в печати, публичное вручение знамен и материальное поощрение — выдача денежных премий победителям.

За успех дела боролись все — от директора до рядового рабочего. Обкомы и горкомы партии, партийные, профсоюзные и комсомольские организации заводов поднимали коллективы на борьбу и на победу в социалистическом соревновании.

Среди артиллерийских заводов, соревновавшихся за первое место, за Красное знамя ЦК партии, основными соперниками были крупнейшие четырежды орденоносные заводы, возглавляемые директорами Еляном и Быховским. Оба завода неизменно выполняли ежемесячные планы, работали по графику, имели хорошие производственные показатели по металлургическому комплексу, снижению себестоимости продукции и т. д. Порой трудно было решить, кому из них присудить знамя.

Коллектив одного из артиллерийских заводов стал инициатором Всесоюзного социалистического соревнования в честь 25-й годовщины Красной Армии, сыгравшего заметную роль в борьбе за перевыполнение планов по оборонной промышленности. Сам завод обязался за счет перевыполнения плана вооружить 10 артполков, но в действительности перевыполнил свое обязательство — дал сверх плана орудий для 15 полков.

В числе передовиков соревнования был и завод, возглавляемый Героем Социалистического Труда Л. Р. Гонором и главным инженером Д. А. Рыжковым.

Все эти три завода многократно завоевывали переходящие знамена ЦК ВКП(б), и они навсегда остались у них. Соревнование развертывалось и на других артиллерийских предприятиях, о которых мы рассказывали выше.

Славно трудились наши конструкторы-артиллеристы. Еще до Великой Отечественной войны они создали первоклассную технику. Конструкторская мысль не замирала ни на одну минуту и во время войны.

О масштабах конструкторской работы можно судить хотя бы по тому, что массовое производство примерно трех четвертей новых образцов артиллерийских систем, имевшихся на вооружении Красной Армии к концу войны, было освоено в военное время. Были созданы полностью

автоматизированные пушки, мощность которых в 5 раз превышала мощность подобных орудий довоенного времени.

Модернизация 76-*мм* дивизионной пушки упростила конструкцию и технологию обработки стволов, затворов, противооткатных устройств. Была проведена широкая унификация деталей. На многих деталях высоколегированные стали были заменены простыми. Широко применялись стальные отливки, сварные конструкции вместо клепаных. Стволы, которые раньше делались из труб и кожухов, а потом скреплялись вместе, были заменены моноблоками. В результате достигались снижение трудоемкости и экономия металла.

Проектирование артиллерийских систем шло скоростными методами и велось параллельно с проектированием технологии, оснастки и даже с запуском деталей в производство. Во время войны освоение производства новых артсистем осуществлялось в течение одного — трех месяцев вместо года и даже большего срока в мирное время.

Коллектив конструкторов под руководством Героя Социалистического Труда Василия Гавриловича Грабина помимо указанных выше орудий создал и усовершенствовал немалое количество артсистем: мощных танковых, противотанковых, полевых и самоходных пушек, которые являлись грозой для противника и были любимой и надежной военной техникой для советских артиллеристов.

Другой конструкторский коллектив во главе с Героем Социалистического Труда Федором Федоровичем Петровым создал крупные орудия — гаубицы, танковые и самоходные пушки.

Большой известностью пользовались также и коллективы конструкторов под руководством Героев Социалистического Труда Ильи Ивановича Иванова и Михаила Яковлевича Крупчатникова, создавших немалое количество тяжелых и морских орудий.

Конструкторский коллектив во главе с главным конструктором С. П. Гуренко и начальником опытно-конструкторского бюро В. А. Ильиным создал много новых образцов артиллерии и усовершенствовал старые.

Много других славных имен вписано в историю создания могучей советской артиллерии. Это Герой Социалистического Труда Б. И. Шавырин, с именем которого

связано создание мощной минометной техники, Л. В. Люльев, М. Н. Логинов, Л. А. Локтев, А. А. Толочков, А. Э. Нудельман, П. П. Костин, Н. П. Бовыкин, Г. Д. Дорохин и др.

Еще в предвоенные годы по решению партии и правительства на ряде заводов Наркомата вооружения были созданы крупные металлургические комплексы. Дальновидность этих мер сказалась в ходе войны. Хотя из-за временной потери металлурги заводов «Баррикады» и «Большевик» вначале выпуск металла сократился, артиллерийские заводы почти полностью обеспечивали себя металлом и заготовками. Одновременно с расширением существовавших металлургических баз были созданы новые на заводах, где директорами были Б. А. Хазанов, Б. А. Фраткин и др.

Усиленными темпами строились на Востоке новые домны, мартены, расширялись старые и создавались новые металлургические заводы. И хотя металла в стране выпускалось примерно в 2 раза меньше, чем до войны, но зато качественного металла, идущего целиком для нужд оборонной промышленности, производилось во много раз больше.

В 1944 г. нарком вооружения Д. Ф. Устинов писал: «Нашим металлургам удалось разрешить важную задачу — перевести изготовление артиллерийских систем на основную сталь вместо кислой, с применением специально разработанного и улучшенного метода сталеварения. Внедрены в производство вновь разработанные марки сталей и сплавов-заменителей. В итоге удалось увеличить мощность металлургических агрегатов и их использование, а также сократить расход остродефицитных стратегических материалов на единицу изделия в 2—3 раза. Вместе с тем был обеспечен бесперебойный выпуск легированных марок сталей при одновременном увеличении их выплавки. Значительное количество стволов артиллерийских орудий изготовляется теперь продольным прокатом вместо ковки, без ухудшения качества металла. Эта операция в десятки раз сократила время на изготовление ствольного полуфабриката».

Большой вклад в это дело внесли научно-исследовательские институты Наркомата вооружения, металлурги Хаютин, Гостев, Свердлов, Серебряный и др., а также металлурги артиллерийских заводов Струсельба, Петухов, Привалов, Медведев, Любимов, Антонов, Колодный,

Солнцев, Федотов, Колесников, Чумаков, Воробьев, Конопасов, Файбисович, Норданский, Митько, Данилов и много других замечательных специалистов и мастеров металлургического производства.

Несмотря на большие потери во время войны (было выведено из строя 175 тыс. металлорежущих станков, много предприятий, металлургических и других мощностей), мощности артиллерийских и других заводов Наркомата вооружения (а также оборонной промышленности в целом) были расширены. Сами артиллерийские и стрелковые заводы создали мощные станкостроительные базы и изготовили тысячи, в том числе специальных, многошпиндельных, агрегатных и других высокопроизводительных станков и сотни единиц кузнечно-прессового оборудования.

Во время войны почти все артиллерийские заводы перевели производство орудий на поток. Нет нужды доказывать, сколь велики преимущества поточного метода. Главный его результат — резкое увеличение выпуска пушек. В организации массового поточного производства орудий огромную роль сыграли технологические службы артиллерийских заводов во главе с такими талантливыми главными технологами, как А. А. Волков, А. И. Старцев, Е. М. Ливертовский, Я. М. Шилов, А. Ф. Гордеев, А. Г. Кочнев, М. А. Миков, В. П. Стригущенко, И. М. Фудиман и др. Простоту и технологичность наших артиллерийских систем вынужден был признать и противник: «...русские имели то преимущество, что при производстве вооружения и боеприпасов ими учитывались все особенности ведения войны в России и максимально обеспечивалась простота технологии. В результате всего этого русские заводы выпускали огромное количество вооружения, которое отличалось большой простотой конструкции» [1].

В успехи развития технологии и передовой организации производства на артиллерийских заводах большой творческий вклад внес главный инженер и заместитель начальника 1-го Главного управления Наркомата вооружения Б. И. Каневский — крупнейший специалист в области производства вооружения, проработавший в военной промышленности 48 лет.

---

[1] Генерал-майор *фон Бутлар*. Война в России. Итоги военных действий летом 1943 года. «Мировая война 1939—1945 гг.». М., 1957, стр. 217.

Немало усилий, настойчивости, энергии проявили другие руководящие работники наркомата для улучшения работы заводов, неустанного увеличения производства всех видов вооружения. Это первый заместитель наркома вооружения В. М. Рябиков (ныне член ЦК КПСС и первый заместитель председателя Госплана СССР), заместитель наркома В. Н. Новиков (ныне член ЦК КПСС и заместитель председателя Совета Министров СССР), И. А. Барсуков, И. А. Мирзаханов, А. Н. Сергеев и др. Руководящие работники наркомата и нарком Д. Ф. Устинов часто выезжали на предприятия, чтобы на месте оказать помощь в выполнении того или иного задания ГКО, которые реализовывались без всякой задержки в установленные сроки.

В сложном механизме производства вооружения и обеспечения им фронта не последнюю роль играло деловое сотрудничество Наркомата вооружения с Главным артиллерийским управлением Наркомата обороны во главе с начальником ГАУ Николаем Дмитриевичем Яковлевым, Наркоматом Военно-Морского Флота во главе с наркомом Николаем Герасимовичем Кузнецовым, с военными представителями этих наркоматов и аппаратом военной приемки на заводах. Работали они самоотверженно, оперативно и помогали заводам выполнять производственные задания.

Артиллерийские и другие заводы Наркомата вооружения не только сумели во много раз увеличить выпуск продукции за время войны, но обеспечить ритмичное производство и ритмичную сдачу изделий строго по графику. Эту сторону деятельности вооружейцев хочется особенно подчеркнуть.

Фронт не мог терпеть неритмичной сдачи и неритмичной отправки продукции. Война не могла ждать оружия в конце месяца. Ведь воевали каждый день и каждый час. Работники вооружения как в наркомате и главках, так и на предприятиях с высоким знанием дела боролись за ритмичную сдачу и за ежедневную отправку на фронт положенного количества орудий и другой продукции.

Ритмичная работа не могла быть обеспечена только одним желанием, одним моральным фактором военного времени. Не меньшую роль тут играли меры организационного характера, совершенствование технологии произ-

водства, строжайшее соблюдение государственной и производственной дисциплины, оперативный стиль работы во всех звеньях, начиная с наркомата. Сам нарком следил за продвижением грузов. У него на столе находилась большая железнодорожная карта, на которой отмечалось движение вагонов с необходимыми заготовками, металлом и прочим для различных заводов. Д. Ф. Устинов установил такой порядок, что начальники Главного управления «Главснабсбыта» и транспортного отдела наркомата были обязаны в любое время знать об отправке недостающих видов изделий заводам и о месте нахождения вагонов и в случае необходимости принимать меры немедленно. Не давалось спуска никому даже за малейший срыв графика или нарушение ритмичной работы заводов. Какое принципиальное значение придавалось этому вопросу, показывает такой небольшой эпизод.

Однажды, когда я вернулся из театра в главк, взволнованный секретарь сообщила, что меня несколько раз спрашивал нарком.

— Вы хотя бы оставили мне номер ряда и места в театре, я бы по телефону через администрацию вызвала вас,— сказала она.— Бегите скорее к Дмитрию Федоровичу.

Нарком был один в кабинете. Перед ним лежала сводка выпуска всех изделий промышленности вооружения за сутки. Расспросив меня, где я был, что смотрел и понравился ли мне спектакль, Дмитрий Федорович сказал:

— Ну, хорошо. Перейдем к делу. Почему Хазанов вместо 25 пушек по утвержденному графику сдал 24?

У меня отлегло от сердца, признаться, ждал худшего. Я сказал наркому, что при отстреле на заводе отдельные пушки были сняты по некоторым дефектам и одной пушки не хватило для сдачи, но завтра Хазанов обещал быть в графике и додать эту пушку.

— Ты разговаривал с Хазановым?

— Нет. Говорил ведущий инженер главка.

— Рекомендую позвонить лично и сейчас, с моего аппарата.

Соединили быстро. В местонахождении завода была глубокая ночь, около 3 часов, но Хазанов оказался тут же, у телефона.

Я спросил директора:

— Как это ты допустил, что сорвал сегодня график?

Он повторил уже известную мне причину и добавил:

— Сегодня этот долг уже ликвидирован. График выполнен с превышением на одну пушку. Чего волноваться по этому поводу, непонятно.

— Ты же знаешь, что в ГКО ежедневно контролируют выполнение графика, и также знаешь, как строго относятся к малейшему его срыву.

— Разве я не понимаю все это? Думаю, что неприятностей больше не будет.

Но у Хазанова на заводе через некоторое время случилась беда: сгорел сборочный цех и вместе с ним 100 пушек. Впачале загорелась электропроводка, а затем масло. Цех был деревянный и быстро воспламенился. Это, конечно, было чрезвычайным событием. Весь коллектив был мобилизован, и за три недели был построен новый, капитальный сборочный корпус. Коллектив завода, работая со всей энергией, обеспечил не только выполнение месячного плана, но сдал армии 100 пушек, потерянных при пожаре. Завод быстро вошел в график и до конца войны не нарушал его.

М. З. Олевский

СТО ТЫСЯЧ ПУШЕК ОДНОГО ЗАВОДА

ОЛЕВСКИЙ Марк Зиновьевич. Родился в 1909 г. Член КПСС с 1931 г. Лауреат Государственной премии. Главный инженер артиллерийского завода (1940—1947 гг.). Ныне заместитель начальника производственного управления Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР.

5 июня 1945 г. в «Правде» был опубликован рапорт коллектива артиллерийского завода, директором которого был Елян А. С., на имя Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина:

«В дни окончания войны, в светлые дни победы над германским фашизмом с конвейера завода сошла 100-тысячная пушка».

Сто тысяч пушек одного завода! Это почти столько же орудий, сколько смогла выпустить за это же время фашистская Германия со всеми оккупированными ею странами Европы.

Примечательно, что такого почти фантастического роста — выпуска до ста орудий в день — достиг не какой-нибудь ветеран артиллерийского производства, а предприятие, к началу войны еще не вышедшее из возраста школь-

ника-первоклассника. В начале 30-х годов на месте, где раскинулся завод, охотились на уток. В 1934 г. завод выдал свою первую продукцию, но это были отнюдь не пушки. Это были кузнечные заготовки и слитки мартеновской стали.

20 июня 1941 г. меня и главного конструктора завода В. Г. Грабина вызвали в Народный комиссариат вооружения для согласования вопроса о постановке на производство мощной противотанковой 57-*мм* пушки «ЗИС-2». Директор завода А. С. Елян незадолго до этого уехал на лечение в Кисловодск. Пробыли мы в наркомате весь этот и следующий день, до раннего утра 22 июня. Только в 12 часов дня уже на квартире у начальника артиллерийского главка Наркомата вооружения Н. Э. Носовского, куда мы заехали отдохнуть, чтоб затем отправиться на какой-то футбольный матч, нас разбудил телефонный звонок директора завода им. М. И. Калинина Б. А. Фраткина:

— Включите радио. Будет говорить Молотов. Война!

Не успели мы одеться, как раздался звонок телефона из приемной наркома. Нас вызывали к Д. Ф. Устинову.

Здесь собрались все члены коллегии, руководители ряда заводов. Обсуждались разные аспекты производства вооружения. Нужна ли тяжелая или легкая артиллерия? Какое место в современном бою играет автоматическое оружие? Много вопросов остро встало с первых же дней войны.

Нарком отпустил нас всех, и мы собрались тотчас вернуться на завод, как вдруг — телефонный звонок и голос А. С. Еляна.

— Как, откуда?

— На душе последнее время неспокойно,— сказал он,— не мог я усидеть в санатории. Вернулся. Жду вас.

Вечереет. Москва затемнена. Не верится, что уже в первый день войны столица вынуждена принять такой суровый вид.

В 16 часов 30 минут выезжаем на завод и приезжаем примерно за полчаса до конца первой смены. Узнаем у заместителя главного инженера Сергея Степановича Спирина, что несколько тысяч работников завода получили повестки о призыве в армию. Кроме этого, райвоенком потребовал передать в его распоряжение 180 автомашин из имевшихся 280. Трудно было согласиться с подобным явно формальным решением. Оголить артиллерийский завод

в условиях начавшейся войны, лишить его самых квалифицированных кадров и транспорта — с этим никак нельзя было мириться. Амо Сергеевич Елян связался с первым секретарем обкома ВКП(б). Тот предложил немедленно приехать в обком для переговоров по прямому проводу с Ворошиловым. Пока там шли переговоры, мы не сидели сложа руки. Время уже близилось к окончанию первой смены, и мы решили задержать людей до выяснения вопроса.

Вскоре раздается с таким нетерпением ожидаемый звонок от Амо Сергеевича. Запинаясь, он торопливо сообщил, что звонил К. Е. Ворошилову. Тот заявил:

— Воевать с фашистами будем до победы, и с вашего завода никого и ничего брать не позволим. Наоборот, будем вам давать все необходимое для резкого увеличения производства пушек.

С этой вестью выходим вместе с парторгом ЦК ВКП(б) Проскуриным и председателем завкома Белопросовым во двор, где стоит огромная масса людей, не совсем понимающих еще, что происходит.

Взбираемся на грузовую автомашину и как можно более громким голосом (радиоусилителей тогда у нас еще не было) объявляем решение Москвы.

— С нашего завода запрещено брать людей и технику, мы остаемся, чтобы непрерывно увеличивать поток пушек фронту. Это наш святой долг.

Нам удалось также возвратить несколько сот квалифицированных рабочих, не успевших еще уехать на фронт. Последующие события показали правильность принятых решений. Они позволили с ходу, без раскачки взять высокий темп производства и с первых же дней увеличить выпуск орудий. Уже в июле мы стали давать до 30—35 пушек в день вместо 3—4, выпускавшихся ранее.

Вскоре на завод прибыл строительный отряд в несколько тысяч человек, и в конце июня было начато строительство корпуса площадью 10 тыс. $м^2$ для размещения цехов нормалей и противооткатных устройств, из-за маломощности которых создалась диспропорция в производстве орудий. Под руководством Еляна, который разместил свой штаб на стройплощадке, организовали круглосуточную работу.

Через 26 дней в этом корпусе уже работали станки. Правда, крыши над головой еще не было, но детали для

пушек отсюда уже поступали. Сооружение цеха за столь короткий срок при тогдашней технике, в основном вручную, казалось фантазией. Этот корпус, мимо которого ежедневно проходили тысячи работников завода, как бы стал символом ударного труда для фронта.

Помощь ГКО продолжала приходить. В начале июля на завод в качестве уполномоченного ГКО с мандатом № 1 прибыл Георгий Иванович Ивановский, заместитель наркома Госконтроля. Г. И. Ивановский был одним из первых уполномоченных ГКО, облеченных высокими полномочиями. В прошлом директор крупнейшего в стране Криворожского комбината, Георгий Иванович быстро разобрался в наших нуждах и оказал нам неоценимую помощь во многих делах.

Вспоминается такой случай. На заводе возникла острая необходимость в горизонтально-фрезерных, расточных и плоскошлифовальных станках. Каждый шлифовальный станок для шлифовки направляющих литых люлек мог заменить тяжелый труд до 40 квалифицированных слесарей. Такие станки можно заимствовать только на заводе фрезерных станков. Ивановский тут же отправляется к директору фрезерного завода Рябову. Георгий Иванович разъяснил директору необходимость временной передачи станков для производства артиллерии. Рябов, однако, в резкой форме отказался выполнять просьбу уполномоченного ГКО. Тогда Ивановский немедленно обратился по прямому проводу в ГКО и с юмором заявил:

— Какой же я уполномоченный, если меня не слушают?

Что ему ответили, точно не знаю, но смысл вскоре выяснился. Через несколько минут позвонил первый секретарь обкома партии М. И. Родионов. Директор берет трубку, и мы наблюдаем, как он меняется в лице и, кивая головой, говорит:

— Есть! Слушаю! Все будет сделано!

Стало ясно, что дело улажено в пользу нашего завода.

— Итак,— говорит Георгий Иванович Рябову,— прошу дать команду о немедленной передаче станков артиллерийскому заводу.

Время было уже позднее — около 9 часов вечера. Директор полагал, что эта операция начнется по крайней мере завтра и будет продолжаться несколько дней. Но тут мы вмешались и заявили, что автомашины и люди

прибудут сюда через час и будут работать всю ночь, чтобы уже завтра станки могли работать на нашем заводе.

И действительно, не более чем через час появились главный механик нашего завода Холодов, начальник цеха монтажа Спротин с бригадой квалифицированных монтажников. Даю задание им за ночь демонтировать станки и завтра же ввести их в эксплуатацию.

На обратном пути Георгий Иванович, подшучивая, говорит:

— А это ты загнул для воздействия на Рябова, что станки будто бы завтра должны работать.

— Посмотрим,— заявил я,— утро вечера мудренее.

Утром я заехал за Г. И. Ивановским, и мы направились в цех. К его удивлению, станки были уже установлены, подключены к источнику тока и обкатывались.

— Как это удалось вам? — спросил Ивановский.

— Нам пригодился довоенный опыт скоростной перестановки станков без изготовления специальных трудоемких фундаментов,— сказал я ему.— Да и при частых изменениях заданий в первые месяцы войны такой метод имел особенно большое значение.

В сентябре на завод приехала комиссия ГКО, возглавляемая заместителем председателя Госплана СССР В. В. Кузнецовым. Принимать комиссию пришлось мне, так как Елян был болен. К этому времени завод давал уже в 7 раз больше орудий, чем до войны, тем не менее с заданиями, которые росли из месяца в месяц, не справлялся. И в министерстве, и в ГКО нами были недовольны.

Разговор вначале шел напряженный. Но когда от требований и упреков комиссия перешла к знакомству с заводом и фактическим состоянием дел, тон изменился. При обходе цехов все больше раскрывалась проделанная коллективом большая работа по перестройке завода, созданию потоков, внедрению высокопроизводительной технологии. Всюду встречались «свежие раны» от снятых станков или подготовленные места для установки новых. Наконец, когда мы дошли до последнего, кузнечного цеха, для того времени прекрасно оснащенного и работавшего с большим напряжением, как и весь завод, В. В. Кузнецов заметил:

— Да вы ведь, черт возьми, проделали огромную работу. Ваша беда, что вы не смогли ее раскрыть и показать руководству и о вас создалось превратное мнение.

По возвращении в заводоуправление председатель комиссии попросил к утру (а дело шло уже к полуночи) подготовить справку о перестройке и достигнутых результатах. Цифры получились неожиданные для нас самих. Не останавливаясь на всех благоприятных для завода показателях, скажу лишь о решающем: по трудоемкости завод увеличил отдачу почти в 8 раз.

Лед растаял. Комиссия установила, что завод не в состоянии справиться с резко возрастающим выпуском изделий из-за неоправданно частого изменения заданий по обширной и громоздкой номенклатуре. Задерживали выпуск орудий также нерешенные с военной приемкой вопросы, возникшие в процессе освоения дивизионных пушек.

Объективный доклад комиссии изменил мнение ГКО о работе завода. Вскоре по поручению ГКО для практического решения назревших вопросов на завод прибыли первый заместитель наркома В. М. Рябиков и заместитель начальника ГАУ Наркомата обороны А. Н. Удалов. Они смогли довольно быстро решить ряд вопросов, в частности по обеспечению завода недостающим оборудованием, материалами и др. Когда были преодолены препятствия и определена оптимальная номенклатура, обеспечивающая программу выпуска танковых и дивизионных пушек, завод стал выполнять и перевыполнять план изо дня в день, из месяца в месяц.

На работе завода на протяжении всей войны сказывалось квалифицированное руководство заместителя наркома вооружения Илариона Аветовича Мирзаханова, начальника главка Наума Эммануиловича Носовского и главного инженера главка Бориса Ивановича Каневского, хорошо знавших завод, его реальные возможности и потребности.

В октябре А. С. Елян представил в Наркомат вооружения график, предусматривавший нарастание выпуска пушек — до 100 в день — примерно к маю 1942 г., в том числе 40 танковых и 60 намного более сложных дивизионных. Через некоторое время позвонили из ГКО и сообщили, что Сталин утвердил график. В практике артиллерийских заводов ежедневный график сдачи орудий впервые был утвержден председателем ГКО. По предложению наркомата одновременно с утверждением графика ГКО принял ряд решений о мерах помощи заводу. Достижение выпуска 100 пушек в день в установленный самим заводом кратчайший срок означало 18-кратное увеличение производ-

ства. Поэтому меры помощи должны были быть масштабными и быстрыми. Так, изготовление лобовых коробок дивизионных пушек «ЗИС-3» и люлек танковых пушек было передано заводу фрезерных станков. К чести станкостроителей следует сказать, что они сумели примерно уже через месяц-полтора организовать поточный выпуск этих сложных узлов в необходимых количествах. Особенно отличились квалифицированные инженеры-организаторы — Федоров, Марданян, Муравин, Сухов, Буслаев, Богуславский, Хитрук, Якобсон, Устинович, Шишеев и др. Автомобильному заводу тем же решением ГКО было поручено изготовление штамповок осей пушек и нарезка секторов пушек «ЗИС-3». Получение штампованных осей вместо кованых означало сокращение цикла обработки примерно в 20 раз. При всей важности помощи извне решающую роль в увеличении выпуска пушек в 18 раз должен был играть, естественно, сам коллектив завода. Возглавила эту работу 2,5-тысячная парторганизация, увлекшая своей самоотверженностью рабочих, инженеров, техников и служащих.

Перед руководителями завода и цехов встало сразу множество вопросов, начиная с организации питания (этим важнейшим участком всю войну ведал опытный организатор, преданный делу коммунист В. И. Самсонов, бывший начальником ОРСа завода) и кончая вопросами строительства, технологии, управления, производства абразивов, электродов, твердых сплавов, регенерации ламп и т. п. При этом все приходилось решать одновременно в условиях высоких темпов роста выпуска орудий. Но первейшей среди всех этих нелегких задач был переход на выпуск пушки «ЗИС-3». «Пушка «ЗИС-3» является самой гениальной конструкцией в истории ствольной артиллерии»,— так ее охарактеризовал немецкий профессор Вольф (консультант Гитлера по артиллерии). «ЗИС-3» была сконструирована коллективом молодых талантливых конструкторов: А. Хворостиным, Л. Муравьевым, В. Норкиным, К. Ренне, В. Мещаниновым, П. Ивановым, В. Земцовым, И. Зверевым, Б. Ласманом и др. под руководством В. Г. Грабина.

Высокие качества пушки были достигнуты в результате совместной дружной работы конструкторов и технологов: пушка легко поддавалась переводу на поточное производство, обладала такими же баллистическими характеристиками, как и ее предшественница «Ф22-УСВ», но была легче ее более чем на 300 *кг*. Эту пушку уже на первых порах

крепко полюбили в армии благодаря ее точности боя, большой маневренности, удобству в обслуживании и передвижении.

Не случайно пушки «ЗИС-3» сыграли такую большую роль при разгроме немцев под Москвой. Свыше 500 работников завода, особо отличившихся в производстве этих пушек, были награждены медалями «За оборону Москвы».

1941 г. коллектив завода завершил, значительно перевыполнив план. 1942 год был начат ритмичным выпуском танковых и дивизионных пушек в строгом соответствии с графиком. Каждый день ровно в 24.00 мы передавали ГКО сведения о выпуске и отгрузке пушек на фронт.

В начале 1942 г. для вручения правительственных наград отличившимся трудящимся области прибыл Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин. Бывший токарь питерского артиллерийского завода еще в дореволюционные годы, М. И. Калинин захотел ближе ознакомиться с нашим заводом.

У Михаила Ивановича был усталый вид. Ступал он в цехах осторожно из-за ослабленного зрения. Приходилось продвигаться медленно, следя за тем, чтобы он не оступился. О силе обаяния М. И. Калинина, о всенародной любви к нему красноречиво говорили восторженные аплодисменты, с которыми его встречали во всех цехах. Михаила Ивановича все это смущало.

— Не нужна такая демонстрация,— говорил он нам,— пусть люди не отвлекаются, продолжают работу.

Объяснения М. И. Калинину давали начальники цехов: в станкостроительном — Гурков, лафетном — Селихов, стволь ном — Гордеев, кузнечном — Фильштейн, мартеновском — Пермитин, литейном — Чумаков, Белов и др.

Все это были молодые люди в возрасте 27—30 лет, успешно возглавлявшие тысячные коллективы. Знакомя их с Михаилом Ивановичем, я говорил ему и об их возрасте. В кузнечном цехе мы оставались подольше. Этот цех всегда захватывал посетителей своей почти полной механизацией операций, начиная от посадки и выемки слитков из печей шаржирмашиной [1] и кончая кантовкой слитков при ковке на прессах манипуляторами. Тут Михаил Иванович, с большой похвалой отозвавшись о кузнецах и кузнице, сказал:

---

[1] Шаржирмашина — механизм выемки и подачи слитков.

— Только благодаря созданию прекрасных кадров мы сумели быстро развернуть и перестроить промышленность на массовое производство всего необходимого для фронта, для победы.

Перестройка производства и наращивание выпуска танковых и дивизионных пушек шли успешно, и наш коллектив был удостоен чести выступить инициатором Всесоюзного социалистического соревнования вооруженцев.

Взятые при этом обязательства были полностью выполнены, и в первый же месяц завод завоевал в этом соревновании 1-е место с вручением знамени Центрального Комитета ВКП(б). Впоследствии это знамя коллектив завода из своих рук не выпускал. 34 месяца подряд оно вручалось заводу и было оставлено навечно, увенчанное четырьмя орденами. Кроме ордена Ленина, полученного в 1939 г., завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени в 1942 г., орденом Красного Знамени в 1944 г., орденом Отечественной войны 1-й степени в 1945 г. В 1971 г. на этом знамени прибавился пятый орден — орден Ленина, которым завод награжден за большой вклад в народное хозяйство в годы мирного строительства.

Всенародное признание заслуг коллектива, награждение большого отряда передовиков орденами и медалями вызвали еще больший прилив энтузиазма и творческой инициативы. Уже к концу 1942 г. выработка одного рабочего механосборочных цехов в 5,9 раза превышала прежнюю выработку на сборке танковых и в 4 раза — дивизионных пушек. Себестоимость основных изделий снизилась на 53—57% против фактического уровня 1941 г. Какими же путями удалось достигнуть столь высоких показателей?

Начали мы с модернизации наших изделий. Конструкторы унифицировали узлы и детали, нормализовали крепеж, втулки, заменили некоторые специально изготовлявшиеся пушечные детали на стандартные автотракторные. В результате расход черного металла на одном из важнейших изделий сократился на 22%, количество легированных деталей — на 10%, общее число деталей в машине — на 37%.

Конструктивно-технологические упрощения пушек в результате согласованной работы конструкторов, технологов и производственников позволили резко сократить время на их изготовление. Так, на дивизионную пушку до модернизации затрачивалось 1202 станко-часа, а после модерниза-

ции — 599 станко-часов. На танковую пушку — соответственно 616 и 391 станко-час. Общая трудоемкость изготовления этих пушек снизилась (в нормо-часах) почти вдвое.

По сравнению с довоенным периодом завод увеличил выпуск пушек в 18 раз, а количество рабочих, станков и производственных площадей соответственно возросло лишь на 60%. Это означало, что рост выпуска шел, главным образом, за счет прогрессивных технических мероприятий. В результате их осуществления была резко расширена мощность инструментальной базы (в 3 раза за один год), созданы новый цех приспособлений и станкостроения, более мощные отделения по восстановлению инструмента и приспособлений в цехах. В создании этой мощной станко-инструментальной базы выдающуюся роль сыграл А. Гуриков, первый начальник нового цеха станкостроения. Талантливый организатор, он вскоре был назначен заместителем главного инженера по подготовке производства и реконструкции завода. После войны А. Гуриков был выдвинут на должность директора завода фрезерных станков. Человек прекрасной души, одаренный организатор, он и в новом коллективе пользовался большим авторитетом. Тяжелая болезнь оборвала жизнь всеобщего любимца Алексея Николаевича Гурикова в самом расцвете сил (он умер через несколько лет после окончания войны).

Соратники Гурикова, руководящие работники цеха — Дмитрусенко, Селихов, Серов, Крохин, Большаков — также были специалистами-инструментальщиками высокого класса.

Многократный рост производительности труда обеспечивался также специализацией цехов по принципу замкнутого выпуска агрегатов, узлов с применением поточных линий. Такая специализация позволила кроме упрощения руководства производством сократить цикл изготовления деталей в несколько раз. Так, например, в ствольном цехе его руководители А. А. Гордеев, М. А. Брежнев, Ф. П. Дзюбенко и др. добились сокращения цикла: по трубам — с 8—10 суток, по казеннику — с 13—14, по люльке — с 10—12 суток до 3—4 суток по каждому элементу, а по клину с 11—12 до 2—3 суток. В цехах поворотных и подъемных механизмов и прицелов благодаря внедрению потоков, широкому применению стендов для испытания и обкатки узлов добились сокращения трудоемкости в 3—4 раза при безупречном качестве. Душой этих начинаний были на-

чальники цехов Абрамов и Селиверстов и их помощники инженеры Отряскин, Альтерман и др.

Резко сократился путь прохождения деталей по цехам в процессе обработки.

Разработка и внедрение передовой технологии сулили увеличение выпуска продукции, но для этого требовалось какое-то время, а его у нас не было. Нужды армии не позволяли останавливать выпуск изделий или снижать его, а, напротив, требовали их непрерывного увеличения. Как решить эти исключающие друг друга задачи? Выход был найден в применении производственно-технологического планирования. По специально разработанным графикам, увязанным с наличием заделов, назначались календарные сроки перестановки оборудования и освоения технологии.

Планировки на перестановку оборудования создавались небольшой группой технологов-энтузиастов при отделе главного технолога во главе с З. Максименко. Они достигли большого успеха в этом деле. Любая, даже самая сложная, перестановка сотен видов оборудования по плану этой группы осуществлялась в несколько дней. Технологи применяли оригинальный метод: заранее заготовленные макеты оборудования накалывали на лист проекта перепланировки и в таком виде предъявляли его соответствующему цеху. А там уже проект под руководством главного инженера рассматривался руководителями служб — главного технолога, главного механика, начальника отдела техники безопасности, цеховыми работниками. Поскольку в проекте все было наглядно, вопрос решался быстро.

Строгое соблюдение технологической дисциплины стало непреложным законом производства. Это в большой степени обеспечивало успех всех технических мероприятий и гарантировало высокое качество продукции.

Технологи отдела главного технолога во главе с А. Ф. Гордеевым, Г. Д. Лычевым и Б. А. Марининым проделали огромную работу, коренным образом изменив подход к проектированию технологического процесса производства пушек. До войны большинство операций производилось посредством разметки на деталях, и этим была занята целая армия высококвалифицированных рабочих. В 1940 г. на сотню различных деталей мы проектировали и заказывали в среднем 55 приспособлений, из которых изготавливалось всего 38, а применялось не больше 25. Война заставила изменить эту практику, с тем чтобы помочь

пришедшим на производство юношам и женщинам быстрее освоить операции. Теперь на 100 деталей стали проектировать и заказывать уже 157 приспособлений, и в цехах использовалось не менее 120. Широкое применение получил многолезвийный комбинированный инструмент, благодаря которому в одной из основных деталей, например, отпала надобность во втором процессе сверления.

Для чистовой отделки, как и на заводе им. Калинина, у нас применяли протяжные станки. Конструкция ЭНИМСа (Черников и др.) оказалась оригинальной, но примененная в ней гидравлика была ненадежной. Конструктор нашего завода Бородкин, использовав идею протяжки, создал простые и надежные винтовые 100-*т* станки стоимостью уже не 1 млн. руб., как первые экземпляры, а всего около 100 тыс. руб. Протяжка канала длилась теперь всего 15 минут, трудоемкость этой операции сократилась в 25—30 раз.

Большой эффект был достигнут инструментальщиками при протяжке прямоугольных отверстий казенника. Это было поистине революционным шагом, избавившим нас от шабровки и сократившим время на обработку до 1,5 часа вместо 13 часов по старому процессу. Еще пример такого рода: переделка продольно-строгальных станков в плоскошлифовальные позволила отказаться от ручной шабровки, в результате продолжительность обработки сократилась в 10 раз.

Модернизации станков вообще придавалось большое значение, а это, в свою очередь, способствовало созданию высокопроизводительной технологии. Характерен пример с тульскими станками. Это было в самые трудные октябрьские дни 1941 г., когда из Москвы двигался на восток огромный поток людей и техники, а от Тулы фашисты были на расстоянии ружейного выстрела. Нуждаясь в станках, мы обратились к секретарю обкома партии В. Г. Жаворонкову, возглавлявшему Тульский городской комитет обороны, с просьбой разрешить взять неиспользуемое оборудование. Вначале он удивился.

— Вы знаете,— сказал он,— что фашисты от нас в нескольких сотнях метров, нас непрерывно обстреливают? — но тут же добавил: — Тульский пролетариат не позволит фашистам войти в Тулу. Приезжайте и берите станки, пусть они служат общему делу. Давайте побольше пушек. Туляки вам помогут погрузить и отправить.

Модернизированные на заводе старые тульские станки были успешно использованы как операционные и как база для создания специальных и агрегатных станков.

Под руководством талантливого конструктора Бородкина и его ближайших помощников Ордынского и Кошкина станкостроительный отдел проделал огромную работу по модернизации и созданию нового оборудования. О размахе их работ можно судить по следующим данным: благодаря модернизации свыше 200 станков (66 видов) и созданию новых 98 станков (27 видов) уже к маю 1943 г. было получено свыше 20 млн. руб. экономии.

Усилия технологов, направленные на налаживание поточного производства в механосборочных цехах, откуда на главную сборку поступали готовые узлы, как в автомобилестроении, свели процесс окончательной сборки пушек к стыковке узлов, отладке отдельных параметров и в целом пушки. Затем следовал отстрел на полигоне и сдача орудий военпреду.

Удивительно просто была решена организация конвейерной сборки пушек. По предложению талантливого самородка из рабочих Анатолия Ковалева, бывшего тогда начальником сборочного цеха, буквально в несколько дней были изготовлены два деревянных желоба, по которым собранные в лафетном цехе лафеты катились на колесах вдоль конвейера до позиций, где на лафет устанавливался ствол и все другие элементы орудия. Пушки при этом продвигались непрерывно с помощью механической лебедки. С последней позиции одна из полностью собранных пушек грузилась на автомашину, другая бралась на буксир, и в таком виде обе они одновременно отправлялись на полигон, подчиненный сборочному цеху.

Танковые пушки также собирались на круговом тележечном конвейере и на рельсовой тележке через тоннель уходили прямо на устроенный возле цеха полигон.

Наряду с проблемами собственного производства пушек большое значение приобрели вопросы металлургического цикла. Металл, как каждому понятно, был основой, «хлебом» нашего, да и не только нашего, производства. Дело в том, что на наших поковках, штамповках, литье, слитках легированных сталей базировались сотни родственных предприятий. Не было дня, чтобы я, как главный инженер, не бывал в металлургических цехах — с этого начинался рабочий день.

Металлургическое производство возглавлялось заместителем директора по металлургии, профессором, генерал-майором Михаилом Максимовичем Струсельбой, крупным ученым, имевшим большой практический опыт и авторитет среди металлургов страны. Его ближайшими помощниками были главный металлург Дворецкий и начальник центральной заводской лаборатории (ЦЗЛ) Эфрос.

Перед металлургами стояла задача непрерывного увеличения производства проката, стального фасонного литья и т. п. С этой целью пришлось, во-первых, построить прокатный цех, использовав старую клеть, которую помогли восстановить и пустить в эксплуатацию ленинградцы, и, во-вторых, пойти на смелый технический риск — перевести печь с плавки кислой стали на основную. Но и этого оказалось недостаточно, и тогда пришлось в срочном порядке построить пятую мартеновскую печь.

Неоценимую работу проделали фасонщики по освоению дульного тормоза, отлитого в кокиль. Круглые сутки инженеры Коптев, Чумаков при непосредственном участии Амо Сергеевича Еляна трудились над качественной отливкой дульных тормозов фактически с уже чистовыми размерами. Оставалась незначительная механическая обработка в течение 30 минут вместо 30 часов, требовавшихся на обработку кованого варианта. Нетрудно догадаться, какой это дало эффект. Я упоминаю лишь некоторые из многочисленных созданных металлургами новшеств, которые на всех переделах многократно увеличивали производительность труда по выпуску пушек.

Много смекалки и изобретательности проявил на важнейшей операции изготовления стволов — термической обработке — Колесников, признанный авторитет термического дела в масштабе наркомата. По его предложениям цикл термообработки сократился в несколько раз без снижения качества стволов и других изделий.

Строгая технологическая дисциплина, хорошо поставленный внутризаводской контроль и контроль военной приемки обеспечивали высокое качество пушек. Этому во многом способствовали правильные взаимоотношения с военной приемкой. Николай Дмитриевич Яковлев, который с первых дней войны возглавил ГАУ Наркомата обороны, установил хорошие, товарищеские, основанные на взаимном доверии отношения с производственниками. Он сломал существовавшую до него порочную систему длительных,

многоступенчатых этапов переговоров при решении спорных вопросов. Рассматривая разногласия с военной приемкой, Николай Дмитриевич Яковлев старался найти в оперативном порядке наиболее приемлемое, разумное решение. Этот стиль был перенесен во взаимоотношения с заводом П. П. Веселковым, руководившим военной приемкой.

В начале 1943 г., после разгрома немцев под Сталинградом, маршал артиллерии Н. Н. Воронов в телеграмме на имя Еляна так характеризовал значение и качество выпускаемых нашим заводом орудий: «Замечательный завод, выпускает отличную продукцию, пользующуюся большой любовью у бойцов и командиров Красной Армии и большой ненавистью у врагов. Ваша продукция в умелых руках советских артиллеристов ежечасно наносит огромное поражение гитлеровским войскам на всех фронтах Отечественной войны. Искренне желаю вам дальнейших успехов по выполнению плана. Продолжайте выпускать высококачественную продукцию».

16 июня 1944 г. в газете «Комсомольская правда» появилась статья Александра Безыменского под названием «11 тысяч выстрелов из пушки 256563». А. Безыменский проследил судьбу одной пушки нашего завода, которая вступила в строй, когда батарея была под Сталинградом, и участвовала в разгроме армии Паулюса.

Вот стоит она на Молотычских высотах Курской дуги. Вот защищает она у Орла шоссе Орел — Курск. Масса танков и пехоты движется на наши позиции. Пушка стреляет. Ее огонь составил часть той грандиозной завесы, которая не пропустила врага. Далее пушка двигалась к Днепру, продолжая стрелять так, что ее командир, украинец Пасько, сменивший заболевшего Жаркова, только покрякивал от удовольствия.

— Ай гарна дивчина! Огнеглазая!..

Затем Киев, днепровские берега, Черняхов, Житомир, Шепетовка, обстрел Тернополя.

— Понимаете ли вы, товарищи,— писал Безыменский,— что она прошла своим ходом по прямым и боковым дорогам войны, по шоссе и тропинкам, по полям и болотам, по снегу и траве 12 280 *км*.

На своем пути от Сталинграда до Тернополя она уничтожила 10 немецких танков, 5 бронетранспортеров, 5 самоходных орудий, 15 автомашин, 16 орудий, 4 противотанко-

вых орудия, 7 минометов, 26 дзотов, уложила 5 батальонов гитлеровцев. Она произвела свыше 11 тыс. выстрелов (это выше нормы почти вдвое).

Энтузиазм, наука, передовая техника — все это пронизывало деятельность завода во всех его звеньях. При этом нельзя забывать решающей роли партийно-массовой работы, проводимой парткомом и его секретарем, парторгом ЦК ВКП(б) И. Д. Линевым.

Из множества мероприятий партийно-массового характера расскажу лишь об одном — о месячнике выявления новых резервов и их использовании. Как ни высок был накал социалистического соревнования, но требования к заводу росли. Росли и наши возможности, по мере того как мы овладевали передовыми методами производства. В месячнике, проведенном с 15 августа по 15 сентября 1943 г., приняли участие около 2 тыс. человек, больше половины предложений внесли рабочие. Уже одна количественная сторона смотра говорила о большом творческом росте массы работников завода. Достаточно сказать, что если за предшествующие годы войны в среднем поступало в месяц 134 предложения, то за один этот месячник их было в 28 раз больше. Более половины из них были внедрены в производство, что сэкономило 9,5 млн. руб.

Но еще показательней характер внесенных предложений. Он говорил о большом росте технической зрелости рабочих и специалистов.

Взять, к примеру, предложения рабочих кузнечно-штамповочного цеха — Кузнецова, Симакова, Черепанова — о внедрении многоместной штамповки, что позволило увеличить съем с молотов в 2 раза. Или предложения начальника этого цеха Фильштейна и его заместителей — Воробьева, Николаева, Каганова и Стаховского — по коренной модернизации тяжелых прессов, давшей 570 тыс. руб. годовой экономии, по ковке казенников, минуя второй нагрев, позволившей не только увеличить производительность, но и уменьшить флекены и тем самым резко повысить качество продукции.

Рабочие литейного цеха Баженов и Черепанов предложили для уменьшения брака по стальным отливкам применить круглые стержни под литниковую воронку и приваривать решетки снизу. Эти новшества дали около 100 тыс. руб. годовой экономии и резко улучшили качество командных деталей.

По предложению инженеров — руководителей литейного цеха Чумакова, Эфроса, Белова, Чернова, Коптева, Чернышева и Курзинера — при изготовлении облицовочных масс стали применять пасту взамен молотой сухой глины, что давало большую экономию глины, песка, дров и труда. В итоге — годовая экономия в 3,5 млн. руб.

Особо следует отметить предложение молодого конструктора, воспитанника МВТУ Анатолия Савина. Интересно, что к моменту сделанного им предложения, что было уже в конце войны, он не успел еще защитить диплом. Предложенные Савиным противооткатные устройства для танковой пушки отличались конструктивной простотой, что позволило заводу экономить около 4,5 млн. руб. в расчете на год.

В конце 1943 г. 23-летний Анатолий Савин был назначен на должность главного конструктора завода. Жизнь подтвердила правильность этого смелого решения. В последующие годы Савин в полной мере проявил свои способности и талант. Лауреат Государственной премии, доктор технических наук Савин награжден многими орденами и медалями.

Война предъявила ко всему командному составу особо высокие требования по руководству предприятием. Первейшие из них — предвидеть не только завтрашний день, но смотреть намного дальше. Высокая творческая активность трудящихся не могла мириться с отсталыми методами управления. Война особенно остро поставила проблемы единоначалия, строжайшего соблюдения производственной и технологической дисциплины как нормы работы. Если раньше на факты нарушения технологии многие смотрели сквозь пальцы и нередко технология могла изменяться по усмотрению самого рабочего, то в дни войны это каралось, как преступление.

Большое внимание мы уделяли роли мастера, бригадира. На основе внедрения безнарядной системы их освобождали от лишней писанины, беготни за деталями и инструментом. Мастер стал самостоятельно решать производственные вопросы, стал действительным руководителем на своем участке. В его распоряжение выдавались талоны на дополнительное питание, ордера на промтовары, талоны на хлеб без карточек. Он сам решал вопрос о направлении рабочих в профилакторий и т. д. Все это позволило материально поощрять наиболее отличившихся рабочих.

Подняв роль мастера, мы освободили начальников цехов от несвойственных им дел, дали им возможность заниматься основными вопросами организации производства. Такого четкого разделения обязанностей и ответственности мы добились во всех звеньях производства. Но все эти изменения не дали бы результатов, если бы не четкое планирование производства и точный оперативный учет. Производственное планирование мы не мыслили без сочетания с технологическим. Можно составить самый идеальный план, но если не знать не только ежедневно, но даже ежечасно, как он выполняется, то план превратится в ненужную бумажку. На многих предприятиях практиковались (да и сейчас практикуются) ежедневные диспетчерские совещания, на которых подолгу разбираются главным образом причины невыполнения графика по дефицитным деталям. На нашем заводе таких совещаний начальников цехов не проводилось. Планирование было объединено в одном планово-производственном отделе под руководством заместителя главного инженера В. Д. Максименко, впоследствии директора завода.

Построение цехов и отделений по принципу предметной специализации при поточном производстве позволило в корне изменить управление производством. Планирование и учет упростились и стали более оперативными, конкретными и реальными. Сократились межцеховые и внутрицеховые перевозки, высвободились транспортные средства и рабочая сила при них.

В результате укрупнения и упрощения структуры управления, внедрения безнарядной системы было высвобождено около 500 инженерно-технических работников и 130 нарядчиков.

Помимо суточных итогов мы ввели 4-часовые, а в некоторых случаях и 2-часовые графики поступления заготовок, состояния операционных заделов, сдачи узлов, агрегатов и готовых машин. Эти графики велись у начальников отделений, участков, цехов, на диспетчерском пульте завода. Директор и главный инженер завода также располагали 2—4-часовыми графиками. Такая система полностью устранила необходимость ежедневных совещаний как по пульту, так и очных. Руководители завода и цехов в любой момент видели состояние дел на участках и даже на решающих операциях и могли принимать срочные, оперативные меры. Хорошо налаженный учет давал возможность

заводским, партийным и общественным организациям более оперативно и конкретно вести массово-политическую работу, наглядную агитацию, развивать социалистическое соревнование. В результате всех этих мероприятий завод стал стабильно изо дня в день выпускать 40 танковых и 60 дивизионных пушек.

В том, что завод достиг больших успехов, он во многом обязан своему директору А. С. Еляну. Обладая твердой волей и требовательностью к подчиненным, умением конкретно решать вопросы, он создал на заводе стиль, проникнутый деловитостью снизу доверху. При решении самых сложных вопросов он никогда не прибегал к многочисленным и длительным совещаниям. Все сводилось к рассмотрению конкретных, заранее подготовленных предложений.

Умение чувствовать перспективу позволяло заблаговременно быть готовым к решению коренных задач в создании лучших образцов артиллерии и других изделий и освоении самой передовой техники и технологии. В первые же дни прихода на завод А. С. Елян приступил к созданию опытного цеха КБ, оснащенного полным комплектом оборудования для производства пушек. Это позволило буквально в несколько месяцев осуществить в металле, испытать и сдать госкомиссии всю гамму пушек. Прозорливость, я бы даже сказал, мудрость такой практики подтверждается и примером освоения нефтяного оборудования, начатого заводом в 1944 г., задолго до окончания войны.

При внедрении новых станков, приспособлений и других видов новой техники директор зачастую сам возглавлял группу конструкторов, технологов и производственников и, чтобы постоянно быть в контакте с ними, размещал свое рабочее место прямо на производственном участке. Так, например, было при освоении литого дульного тормоза, освоении многошпиндельных станков и т. д.

Летом 1942 г. заводу предложили все дивизионные пушки направлять в определенный район. Мы догадывались, что там накапливаются силы для решающего удара. Действительно, в штурме и разгроме фашистских позиций под Сталинградом на каждом километре фронта действовало много наших пушек. Об этом потом нам рассказал представитель Ставки Верховного Главнокомандования

главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов. Он вместе с начальником ГАУ Н. Д. Яковлевым вскоре после Сталинградской победы прибыли на завод и, как бы отчитываясь перед коллективом, поведали о многих ярких артиллерийских эпизодах с участием наших пушек, которым они дали высокую оценку.

Хочется отметить еще одну черту, присущую, конечно, не только нашему заводу. Речь идет о помощи одного предприятия другим. Корни этого явления уходят в социалистическую природу нашей экономики, советского общества. Дело ученых выявить во всей полноте характер и масштаб этой закономерности. Я расскажу о том, что делал в этом направлении наш коллектив.

Оптический завод, где директором был Колычев, оказался в тяжелом положении из-за отсутствия штамповок. Обратились за помощью к нам. Ответ был один:

— Приезжайте, чем сможем, поможем.

Незамедлительно приехал главный инженер оптического С. А. Зверев. Мы быстро нашли с ним общий язык. Хотя трудностей было много, помощь была оказана. В другой раз на завод приехал заместитель наркома авиационной промышленности Петр Васильевич Дементьев (сейчас министр этой отрасли) совместно с заместителем директора завода А. Шульманом. Им требовались штампованные кубики. Для нас — это непривычное изделие, но инженеры, кузнецы пораскинули мозгами, и мы смогли удовлетворить и эту просьбу. По просьбе директора Московского автозавода Ивана Алексеевича Лихачева в короткий срок сумели снабдить автомобилестроителей поковками штоков для прессов. По-государственному откликнулись на обращение завода «Красный пролетарий», нуждавшегося в поковках для специальных токарных станков.

Это лишь несколько примеров из многих подобных. При этом надо отметить, что все наше оборудование было «по горло» загружено собственным производством и для оказания помощи другим приходилось проявлять немало усилий и изобретательности. Я должен с радостью отметить, что старинная русская поговорка «Долг платежом красен» в полной мере проявлялась и по отношению к нам.

1943 г. завод также завершил успешно, но в канун 1944 г. пришлось пережить весьма тревожные дни. Неожиданно приехали нарком Д. Ф. Устинов и вместе с ним

нарком боеприпасов Б. Л. Ванников, нарком танковой промышленности В. А. Малышев, начальник ГАУ Н. Д. Яковлев, маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко и главные конструкторы Ф. Ф. Петров и В. Г. Грабин, который в это время возглавлял ЦАКБ (Центральное артиллерийское конструкторское бюро). Их приезд был вызван необычайными обстоятельствами. Оказалось, что пушка конструкции ЦАКБ, предназначенная для перевооружения танка «Т-34», на завершающей, самой ответственной стадии не выдержала испытаний. Произошла поломка отдельных деталей. Комиссия и приехала к нам на завод, чтобы наметить меры для быстрейшей ликвидации создавшегося положения. В это же время на нашем заводе успешно велись полигонные испытания 85-*мм* танковой пушки, созданной нашими молодыми конструкторами. Оказалось, что на выходе такая же пушка у уральских конструкторов, возглавляемых Ф. Петровым. Перевооружению танков «Т-34» 85-*мм* пушками Верховное Главнокомандование придавало большое значение, поскольку оно приурочивалось к весеннему наступлению на Правобережной Украине.

Москва разрешила комиссии провести одновременные испытания всех трех пушек, установив для этого кратчайший срок. Возглавил комиссию нарком Д. Ф. Устинов. В ее состав входили главные конструкторы, представители Главного артиллерийского управления Наркомата обороны, Наркомата танковой промышленности и др. Испытания начались 2 января 1944 г. Мне было поручено незамедлительно производить изменения в конструкциях, которые комиссия сочтет нужными. Не знаю, когда спали Дмитрий Федорович и другие члены комиссии, но почти ежечасно в течение первых суток их можно было видеть в цехе, где производился монтаж орудий. Тут уместно сказать, что Д. Ф. Устинова хорошо знали и руководители завода, и многие рабочие. Он постоянно интересовался работой завода, часто бывал здесь и оказывал всегда большую помощь в решении сложных вопросов, встававших перед нами. С ним было легко работать. Он знал, что рабочим и ИТР завода можно вполне доверять и они не требуют лишних напоминаний.

В первые три дня ни рабочие, ни инженеры не знали сна. Об этом дает представление такой эпизод. В одной из испытуемых пушек пришлось заменить главную де-

таль — люльку. Прямо по белкам (чертежам) со стола конструктора технологи-литейщики составляли технологию и чертеж модели. Тут же включалось в работу столько модельщиков в каждой смене, сколько максимально могло быть занято. Эстафета передавалась из смены в смену. К концу первой смены следующего дня люлька уже формовалась. Пример подавали командиры, коммунисты, не уходившие в течение многих часов со своих постов. Каждый чувствовал свою личную ответственность за успешное решение нелегкой задачи. И совершилось невероятное. Теперь этому трудно поверить: сложная стальная люлька была готова на четвертый день. Слесари-монтажники позволяли себе заснуть на какой-нибудь час, и то тогда, когда появлялся небольшой перерыв из-за доделок на станке. Помню, что после отправки пушек на полигон, когда я доложил об этом Дмитрию Федоровичу, он, к моему удивлению, сказал лишь одно:

— Отправляйтесь немедленно отдыхать.

Все три образца пушек отправили на ближний полигон, и начались круглосуточные испытания. Привозили пушки на завод в любое время дня и ночи. Начеку были рабочие, конструкторы, производственные мастера, и необходимые исправления производились немедленно. К концу января наилучшие результаты показала пушка смешанного варианта «ЗИС-С-53», то есть конструкции нашего завода и ЦАКБ. Ведущими конструкторами этой пушки от ЦАКБ были Сергеев и Муравьев, а от нашего завода — Савин. Благодаря самоотверженному труду коллектива пушка, только в конце января принятая на вооружение, уже в начале марта начала выпускаться серийно, и в войсках 2-го Украинского фронта получили танки «Т-34», вооруженные 85-*мм* пушками. Эти пушки поражали «тигров» и «пантер» с дистанции 500—1000 *м*. С этой пушкой танки «Т-34» и кончили войну.

Темпы освоения и перехода на массовый выпуск пушек оказались даже для нашего видавшего виды коллектива очень высокими. Но эта нелегкая задача была с честью решена, и к Первомаю начался выпуск новых пушек на потоке.

За освоение этой пушки свыше 200 передовиков завода были награждены орденами и медалями.

Во второй половине 1944 г., когда победа над фашистской Германией была близка, надо было подумать над тем,

чем занять многотысячный коллектив в мирное время. По инициативе Еляна, начинавшего свою деятельность в 20-х годах на Бакинском заводе нефтяного машиностроения им. Шмидта, мы приступили к переговорам с руководителями Наркомата нефтяной промышленности Н. К. Байбаковым и М. А. Евсеенко о нашем намерении начать изготовление различного нефтяного оборудования в больших масштабах. Нефтяники горячо приветствовали наше предложение, и сразу же на завод была направлена группа крупных специалистов — Арзуманов, Федоров, Нонисян и др. и в качестве заместителя главного инженера по нефтяному оборудованию — Е. С. Зейде. Наш опыт освоения пушек и организации потоков мы целиком применили в производстве нефтяного оборудования.

Когда в мае 1945 г. было дано указание о свертывании производства пушек, мы к тому времени уже имели оснащенные технологические процессы и подготовленные потоки по долотьям, ретурбендам, насосам и другим видам техники. Для массового изготовления долотьев конструкции самого завода был создан заново специальный цех № 50. Наши долотья обладали лучшими эксплуатационными качествами и большей технологичностью.

Вместо противооткатных устройств на том же оборудовании освоили выпуск глубинных насосов, у которых впервые в стране были применены азотированные втулки, резко повысившие стойкость насосов. В цехе стволов мы наладили выпуск утяжеленных бурильных труб. Освоили также элеваторы и разнообразную фонтанную арматуру.

Как подтвердил потом побывавший на заводе Николай Константинович Байбаков, высокий уровень кадров завода позволил внедрить высокопроизводительную технологию, коренным образом отличавшуюся от существовавшей много лет на заводах нефтяного машиностроения. Например, наплавка твердым сплавом каждого зуба (по 98 на шарошке) производилась автогенщиками высокой квалификации, и это был тяжелый ручной труд. На заводе объявили конкурс на более прогрессивную технологию наплавки, и один скромный техник-электрик предложил производить наплавку твердым сплавом зубьев шарошек на установке «ТВЧ» с автоматической дозировкой порошка и полуавтоматическим поворотом на позицию. Это расширило самое узкое место по выпуску долотьев.

Вместо кованых заготовок ретурбендов мы предложили изготовлять эту деталь из стальных отливок. Это позволило в несколько раз увеличить производительность и значительно удешевить изделие. Очень быстро были освоены мощные грязевые насосы на 250 *атм* для буровых.

В это время завод посетил по нашей просьбе Н. К. Байбаков. Организацию производства и высокий уровень технологии Николай Константинович оценил сразу. Он воскликнул:

— Да вы нас забросаете оборудованием. Нам и денег не хватит на вас!

Денег действительно уже не хватало у заказчика. Николай Константинович пообещал быстро уладить этот вопрос и слово сдержал.

Война близилась к победному концу. В ночь на 9 мая позвонил Дмитрий Федорович Устинов (Елян в это время был в Москве). Нарком поздравил весь коллектив с великой победой. 4 июня был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым завод награждался орденом Отечественной войны 1-й степени за выдающиеся заслуги в деле создания и организации массового производства пушек. А другим указом от 6 июня свыше 300 рабочих, командиров производства и руководителей завода были награждены орденами. Всех нас глубоко волновало и радовало сознание того, что коллектив завода внес свой заметный вклад в разгром врага.

Отдельно был отмечен творческий вклад конструкторов-артиллеристов в создание высокоэффективной, маневренной, надежной и относительно простой военной техники. Грабину, Хворостину, Мещаninову, Ренне, Норкину, Савину, Сергееву и др. было присвоено звание лауреатов Государственной премии 1-й степени.

За коренное усовершенствование технологии и организацию высокопроизводительного поточного метода производства пушек, обеспечившего значительное увеличение их выпуска при снижении расхода металла и уменьшении потребности в рабочей силе, Елян, Лычев, Олевский, Максименко, Гуриков, Бородкин, Гонор и Марголин также были удостоены звания лауреатов Государственной премии 1-й степени.

В Музее Вооруженных Сил имеется небольшой стенд, где под стеклом хранится стреляющая модель пушки

«ЗИС-3» в одну десятую величины, ордена, медали и Золотая Звезда Героя Социалистического Труда Амо Сергеевича Еляна (умер в 1965 г.). Среди орденов есть и орден Суворова 1-й степени, которым обычно награждались полководцы, выигравшие крупные сражения. Награждая этим орденом боевого руководителя завода, правительство как бы приравнивало его к полководцу, одержавшему большую победу на поле боя.

Мне довелось побывать во многих городах страны, в том числе в Волгограде, на Пулковских высотах, а также в ГДР, Венгрии, Болгарии, Польше. И всюду я видел на постаментах пушки «ЗИС-3» и танки «Т-34», на которых были установлены пушки нашего завода «Ф-34». Это признание подвига коллектива завода каждый раз глубоко волновало. Пусть же эти пушки всегда будут грозным предупреждением тем, кто подумает посягнуть на свободу и независимость нашей великой Родины.

В. С. Борушко

УРАЛЬСКАЯ «КАТЮША»

БОРУШКО Василий Семенович. Родился в 1911 г. Член КПСС с 1939 г. Заместитель министра электротехнической промышленности СССР.

Многие из нас, работников Харьковского электромеханического завода, у кого к началу войны не было военного звания и мобилизационного предписания, рвались на фронт. Не раз бывали мы в военкомате и, несмотря на отказы, с понятным для советского человека упорством продолжали настаивать на отправке в действующую армию. Чтобы отделаться, в военкомате нас обнадеживали:

— Ждите своей очереди.

А каково ждать? С каждым днем сообщения с фронта поступали одно тревожнее другого. Враг подходил к Ленинграду, угрожал Москве, стремительно продвигался к Харькову. Все чаще стало звучать в разговорах слово «эвакуация». Оно воспринималось как мрачное слово «отступление».

Давно сказано: чего не хочешь, в то и не веришь. Не верили и мы в эвакуацию. Но пришел день, и пришлось, к великому огорчению, не только поверить, но и самому выполнять решение Государственного Комитета Обороны — готовить завод к эвакуации.

И вот уже прямо на шашечный настил цехов проложены железнодорожные рельсы, демонтируется оборудование, которому предстоит далекий и нелегкий путь на Восток.

Тем временем шло формирование истребительных батальонов. Все коммунисты, даже те, кто по состоянию здоровья и по возрасту не был годен к военной службе, подавали заявления с просьбой зачислить их в этот батальон. Подал такое заявление и я. Но и на этот раз мои надежды попасть на фронт не сбылись. Вмешался секретарь партийной организации. Долго и обстоятельно беседовал он со мной. Напоследок сказал:

— Геройство нужно не только на фронте. Нужно проявить не меньший героизм в тылу, наладить в невероятно тяжелых условиях выпуск необходимого вооружения и боеприпасов. Работа на заводе, куда бы его ни перевезли, является твоим главным партийным поручением.

Видя, что я встретил это разъяснение без особого энтузиазма, секретарь добавил:

— Если же и после нашей беседы, которая, я вижу, тебе не очень нравится, ты будешь рваться на фронт, все равно не пустим, а строгий выговор с занесением в учетную карточку я тебе гарантирую.

Этот разговор происходил вечером, а утром меня вызвали к директору завода. Здесь мне вручили мандат уполномоченного по эвакуации предприятия и приказ — в 24 часа выехать на Урал вместе с другим уполномоченным Владимиром Петровичем Дубовичем, коммунистом с дореволюционным стажем, опытным организатором. На нас возлагалась обязанность подготовить приемку оборудования в Свердловске.

Добрались мы до Свердловска сравнительно быстро. Остановки в пути, вызванные бомбежками, в счет не шли. Именно здесь, в дороге, мы ощутили масштабы невиданного переселения индустрии на Восток. Невольно вспомнились слова нашего партийного руководителя о том, что организация производства вооружения в военных условиях такое же патриотическое дело, как и защита Родины с оружием в руках.

Нам предстояло разместить оборудование на свердловском заводе Уралэлектромашина. Ныне это завод Уралэлектротяжмаш имени Владимира Ильича Ленина.

На завод прибыли также оборудование и кадры ленинградских предприятий «Электросила» и «Электроаппарат», Московского трансформаторного завода. С особым заданием приехала группа работников Воронежского завода имени Коминтерна. Среди специалистов преобладали электрики. А предстояло наладить выпуск продукции, ничего общего с электрическими машинами не имеющей. Речь шла о снарядах для 45-*мм* орудий, гранатах, минометах.

Воронежцы привезли с собой чертежи и оснастку для изготовления нового вида оружия — специальных ракетных установок. Впоследствии их стали называть «катюшами».

Все виды вооружения по решению Государственного Комитета Обороны предстояло освоить в кратчайшие сроки.

Вскоре начало прибывать оборудование харьковского завода, эшелоны с людьми. Шли они днем и ночью. По нескольку суток подряд не смыкали мы глаз. Встречали эшелоны, размещали людей.

Выручала сердечная теплота, душевность, с какой уральцы относились к прибывающим. Благодаря этому удалось быстро устроить людей. С помощью уральцев в сравнительно короткие сроки мы приняли оборудование и начали его монтаж на новом месте. Естественно, установка его существенно отличалась от того технологического порядка, который был в Харькове. И это вызвало немалые трудности.

Поскольку среди нас не было ни одного вооруженца, нужно было на ходу учиться этому самому важному тогда мастерству и учить людей.

Я был назначен начальником ОТК завода.

Все смешалось... дни, ночи, смены. И вот в один из таких суматошных дней, кажется, после беспрерывного трехсменного бодрствования, когда я собрался немного отдохнуть, меня вызвал директор завода В. И. Абакумов.

В кабинете директора собрались руководители цехов и участков. В сравнительно небольшом помещении люди расположились запросто, кто где смог. Разговор пошел о неотложных делах. Слово взял Абакумов. Коротко и четко он охарактеризовал задачу.

— Нужно через 45 дней дать фронту минометы. Какие будут предложения?

Для нас, электромашиностроителей, людей мирной профессии, это была первая планерка, где нужно было в духе военного времени, по-военному решать вопрос.

— Одно предложение — дать в срок! — вырвалось одновременно из уст собравшихся.

— Так и запишем,— сказал директор и перешел к другим делам, позволявшим решить главный вопрос. Одно из них — кадры. Речь шла о том, как быстрее обучить молодых ребят, не имевших даже законченной фабзавучной подготовки, работать на довольно сложном оборудовании. И кажется, тогда, на этом совещании, впервые было названо имя, которое сохранилось в моей памяти благодаря писателю Федору Гладкову, прославленному автору «Цемента». На этой книге мы, молодежь, воспитывались. Федор Гладков бывал на нашем заводе, встречался с его людьми, писал о них. На этом совещании и было рекомендовано перенести опыт Володи Зайцева на все участки нашего завода.

Но прежде чем говорить об опыте Зайцева, несколько слов о нем самом.

Комсомолец Володя Зайцев, несмотря на молодость, был специалистом широкого профиля — многостаночником. Тогда их еще называли универсалами. В ту пору, как и сейчас, прогрессивным считалось специализированное станкостроение. Универсальные станки в условиях массового производства являлись пережитком. Им на смену шли специальные станки — полуавтоматы и автоматы. Но война застала нас еще в самом разгаре этой реконструкции. Нужно было до конца использовать все возможности имевшегося оборудования. И в этих условиях наладчик-универсал был находкой. А Зайцев был и врожденным педагогом.

Из своего педагогического опыта он не делал секрета. Этот человек был весь на виду. Веселый, общительный, любимец ребят, он имел к ним свой, особый подход. Должен сказать, что некоторые его педагогические навыки пригодились и после войны, когда пришлось восстанавливать разрушенное войной хозяйство.

Зайцев никогда, с первого и до последнего дня обучения, не ставил себя выше своих учеников. После нескольких «пристрелочных» уроков, когда он успевал выявить наиболее способных, он объявлял: сегодня со мной будут

на пару работать те, кто лучше всего усвоил урок. Это была своего рода ставка на доверие. Да и на здоровое самолюбие тоже. В процессе работы умел похвалить, а когда, случалось, парнишка или девушка «запарывали» деталь, спокойно, без нервов разбирал причину неудачи. Этот подход Зайцева к ребятам никогда его не подводил. Воспитание ответственностью давало блестящие результаты. Зайцев, говорили тогда, готовит кадры, как на конвейере.

У ребят Зайцев пользовался безраздельным авторитетом. Они понимали, что имеют дело с самородком.

В цехе, где работал Зайцев, стоял импортный станок, привезенный на Урал еще в первую пятилетку. Станок был высокопроизводительный, хотя и довольно капризный. Он подчинялся только одному зуборезчику, который ушел на фронт. С тех пор станок стоял без работы.

Между тем все острее стала ощущаться потребность в шестернях. И вот без отрыва от своей основной работы Зайцев взялся пустить станок. Дело в том, что схема и чертежи станка были затеряны. Инженеры-технологи, которые в свое время устанавливали станок, тоже на фронте. Несколько недель возился Зайцев с этим станком и «раскусил» орешек. Станок был пущен, работал на полную мощь, с нехваткой шестерен было покончено.

Такие факты рождали стремление подражать своему наставнику.

На совещании у директора опыту Зайцева было уделено большое внимание. Среди мастеров, руководителей участков началось соревнование за быстрейшее внедрение в практику зайцевских методов обучения кадров.

...45 дней, которые завод получил для полной и окончательной перестройки, пролетели, как 45 часов. О том, что срок подходит к концу, я вспомнил на заводском полигоне, куда вместе с военпредами пришел на испытание нашей продукции — минометов. Продукция наша была принята на «отлично». Минометы пошли на фронт. А через некоторое время на завод стали приходить письма:

«Дорогие товарищи уральцы!

От имени всех бойцов и командиров нашей части передаю вам большое спасибо за минометы, изготовленные вашими руками. Если бы вы видели, как помогают они нам громить врага».

Заканчивалось письмо словами: «Мы гордимся вами, уральцы!»

Вслед за этим письмом приходили и другие, но в памяти, как это всегда бывает, навсегда осталось первое.

Первые успехи окрыляли коллектив, вселяли уверенность в людей, рождали силы и упорство. А впереди стояли задачи потрудней.

Я уже говорил о том, что воронежцы привезли с собой чертежи ракетных установок — «катюш». Подготовка к их производству шла параллельно с выпуском обычных минометов. Но многое в этой «странной» артиллерии (она казалась такой из-за отсутствия ствола и замка) трудно поддавалось технологической обработке.

Есть в ракетных установках узел «СБ-3». Это направляющие, соединенные сверху и снизу легкой коммуникацией — конструкцией, на которой располагалось по одному снаряду. Эти спарки, как мы их тогда называли, требовали исключительно точной обработки. От этого, в свою очередь, зависело точное направление движения и полета снаряда, прицельность, эффективность стрельбы. Направляющие — довольно длинные плоскости. Точного профиля паза, прямолинейности направляющих долгое время не удавалось добиться на строгальных станках. Требовалась очень трудоемкая ручная пригонка. Сотни рабочих вручную шабрили после станочной обработки эти направляющие, поминутно сверяя по калибрам свою работу, мучительно добиваясь требуемой точности.

Начальником цеха гвардейских минометов был в ту пору Павел Иванович Ларин, молодой, энергичный человек, замечательный новатор. Он вместе с механиком Александром Ивановичем Казанцевым, нынешним главным инженером завода «Уралэлектротяжмаш», инструментальщиком Леонидом Яковлевичем Мехонцевым, ныне Героем Социалистического Труда, поставили цель переложить на машины эту тяжелую операцию обработки направляющих. И добились своего. Сейчас уже трудно вспомнить во всех деталях эту эпопею «приручения» строгальных станков. Тут были долго казавшиеся непреодолимыми проблемы.

Такие группы рационализаторов действовали во всех цехах. Это были своего рода КП. С их помощью оперативно, по-военному решались проблемы, которые ежедневно рождались в цехах. С помощью этих летучих групп и расшивались возникавшие «узкие места».

Одну из таких групп возглавлял технолог Серафим Семенович Сильченко. Он прибыл на Урал в составе группы работников воронежского завода имени Коминтерна. Его работа была связана с механизацией самых трудоемких процессов. Творчество его как технолога отличалось исключительной оригинальностью. Его предложения поначалу казались парадоксальными, они даже ошеломляли. На деле же они оказывались очень эффективными. Запомнилось такое предложение.

Для крепления важной детали гвардейского миномета требовалась фрезеровка труб. Операция эта была нетехнологичной. Трубы плохо поддавались обработке на фрезерном станке. Сильченко предложил прорезь в трубах не фрезеровать, а штамповать. Ему возразили: штамп будет расплющивать трубы, что вызовет дополнительные трудности — трубы придется выравнивать, опиливать. Стоит ли овчинка выделки?

— Ничего этого не потребуется,— заявил технолог.

И предложил оригинальный способ штамповки трубы. Попробовали — получилось.

Были и еще замечательные предложения, о которых стоит рассказать.

Как я уже говорил, поначалу новая артиллерия казалась всем нам довольно странной — «ни ствола, ни замка». Но именно в отсутствии ствола и казенной части и заключалась грозная сила этого оружия. Ствол заменяли направляющие, обеспечивавшие скорострельность оружия. После того как удалась обработка направляющих на строгальных станках, оставалась еще одна проблема: крепление направляющих к балкам. На первых порах, когда первые партии «катюш» шли с одного московского завода прямо на фронт, направляющие крепились к балкам винтами. Однако вскоре по просьбе командиров «катюш» от этого способа крепления пришлось отказаться. Дело в том, что каждый залп расслаблял крепление, приходилось заново привертывать каждый винт. А это значительно снижало скорострельность установок. Винты заменили заклепками. Но клепка рам — тоже довольно трудоемкая операция. На крепление одной установки требуются тысячи ударов. И технологи предложили сварку. Это дело тоже требовало известного риска, технологической смелости, мастерства. Но оно удалось. Рационализаторы предложили приспособления, которые гарантировали безупречность сварочных работ.

Эти новшества осуществлялись в цехе, где начальником был Николай Никифорович Шевченко. Этот волевой командир производства в 1943 г. был назначен директором Харьковского электромеханического завода, а с 1949 г. стал директором ленинградского завода «Электросила». Старшим мастером в этом цехе был Алексей Михайлович Пургин. Затем его «бросили на прорыв» в снарядный цех, который он вывел на одно из первых мест на заводе.

Человек неробкого десятка, Алексей Михайлович Пургин впоследствии признавался, что поначалу, придя в снарядный цех, был огорошен увиденным. 500 ребят и девушек, вчерашних школьников, работали вполсилы. Мучали простои, безалаберщина, неразбериха.

Как ввести цех в нормальную колею, с чего начать, где главное звено, за которое надо ухватиться? «Может быть,— не давала ему покоя мысль,— звено это не здесь, не в цехе, точнее, не только в цехе. Как живут ребята?» И Пургин зачастил в молодежное общежитие. Что говорить? Хорошего там было мало. Но надо было знать напористость этого человека. Суровый по натуре, Пургин был с ребятами по-отцовски заботлив. В те дни его, как ни странно, чаще видели у снабженцев (орсовцев, как их тогда называли), чем в технических отделах заводоуправления. И в этом был свой резон. Он тормошил орсовцев, требуя для своих подопечных ордеров на обувь, телогрейки, шапки. Полураздетых ребят было много. Но экипировка пургинских кадров шла с такой быстротой, что люди только диву давались.

Конечно, это делалось не в ущерб другим цехам. Но у Пургина больше всего работало подростков: он и сумел использовать это «преимущество».

Чем только не приходилось ему заниматься в ту пору! На его счету была и так называемая «мыльная эпопея».

Дело в том, что в первую военную зиму обнаружился дефицит мыла. А как известно, нет ничего страшнее, чем грязь и антисанитария в общежитии. И Пургин, природный металлист, возглавил, как теперь говорят, на общественных началах орсовскую группу собственного мыловарения. И получилось.

Подготовив свои кадры к наступлению, Пургин заявил, что он переводит цех на работу по часовому графику. Многие решили, что Пургин перехватывает.

— Какой там часовой,— говорили ему товарищи,— когда суточный трещит по всем швам.

— Цыплят по осени считают,— отвечал он с улыбкой.

Прошло не так уж много времени, и часовой график стал фактом. По примеру снарядного цеха часовой график стали внедрять и в других цехах.

Главный секрет успеха Пургина был в его безраздельном авторитете в коллективе цеха, знании каждого рабочего, точнее, каждого подростка. Наиболее способных он обучал работе на разных станках. Эти «универсалы» и выручали весь цех, когда случалось ЧП. А самое страшное ЧП — это перебои с подачей деталей на каком-нибудь участке. Вот тогда-то в дело вступали пургинские «универсалы». Начальник цеха переводил их на те участки, где не справлялись с планом, и таким образом выравнивал график.

Если же задержка случалась в другом цехе, Пургин, когда это было необходимо, посылал буксирную группу на прорыв. Исключительная оперативность, четкость, умение маневрировать снискали на заводе Пургину большой авторитет.

Кончался первый год работы харьковчан на Урале. По данным, которые были опубликованы уже после войны, стало известно, что за первый год выпуск военной продукции возрос на Урале в 5 раз. В этом успехе была и наша доля, частица нашего трудового энтузиазма. В стенных газетах, молниях, боевых листках освещалась переписка гвардейцев тыла с гвардейцами фронта. Из уст в уста передавались случаи, об одном из которых я хочу поведать.

На одном заводе вышла из строя мартеновская печь. Ее ремонт требовал не меньше недели. Нужно было дождаться, пока печь остынет. И тогда мастер, коммунист, вызвался отремонтировать печь за полсуток. Он облачился в специальный асбестовый костюм, надел противогаз и, на короткие мгновения входя в раскаленную печь, на ощупь закладывал кирпич и тут же выскакивал. Эта игра со смертью продолжалась целую ночь. А утром печь пустили. Мастер-коммунист помог заводу, производившему артиллерийские орудия, избежать серьезного простоя.

В свое время эта история мне казалась легендой. Но недавно я получил о ней самое точное подтверждение. Ее рассказал на страницах одного из центральных журналов бывший первый секретарь горкома и обкома партии К. М. Хмелевский.

И еще одно событие, которым ознаменовалась наша первая уральская годовщина.

Конец сентября 1942 г. Два часа ночи. Директор проводит очередную оперативку с начальниками цехов и отделов. Решалась, как всегда, какая-то головоломная задача. Вдруг раздался телефонный звонок. Абакумов поднял трубку и стал по команде «смирно». Разговор продолжался несколько минут, на протяжении которых директор только два-три раза повторил:

— Да, мы вас поняли. Будет выполнено.

Положил трубку, сел и долго молчал, находясь под впечатлением телефонного разговора. На наш вопрос, с кем он разговаривал, директор ответил:

— Звонил Председатель Государственного Комитета Обороны Сталин. Он передал свою благодарность за то, что мы выполняем план по гвардейским минометам. Но он просил нас дать несколько дивизионов «катюш» сверх плана. Они очень нужны под Сталинградом.

Надо ли говорить, как эта просьба Красной Армии была воспринята коллективом завода. Еще и еще раз пересмотрели мы свои возможности. Соревнуясь между собой, цехи взяли повышенные обязательства. И еще задолго до знаменитого наступления под Сталинградом с Урала на Волгу пошли эшелоны со сверхплановыми дивизионами «катюш».

М. Л. Галлай

ОГОНЬ НА СЕБЯ

ГАЛЛАЙ Марк Лазаревич. Родился в 1914 г. Член КПСС с 1939 г. Герой Советского Союза. Заслуженный летчик-испытатель СССР. Доктор технических наук. Член Союза писателей СССР. Заместитель председателя методического совета Летно-испытательного института. Полковник запаса.

— Задание, в общем, простое. Набор высоты — три тысячи метров. Потом прикрыть створки водяного и масляного радиаторов, включить самописцы — и в пикирование. Когда скорость разгонится до максимально допустимой, выводить машину из пикирования. Выводить энергично — с перегрузкой пять с половиной! Потом снова набирать высоту, снова пикировать — и так пять-шесть раз. Вот и все...

Задание было действительно вроде бы несложное — оно не требовало ни филигранно точного пилотирования, ни выдерживания особо хитрых режимов, ни тем более обнаружения каких-нибудь принципиально новых явлений в работе самолета или мотора. Спикировал — вышел из пикирования, снова спикировал — снова вышел... Чего еще проще? Тем более для профессионального испытателя...

И, конечно, все, сидевшие за столом в просторной комнате летчиков-испытателей,— и ведущий инженер по этим испытаниям В. Уткин, читавший задание, и несколько летчиков, делавших пометки в своих планшетах,— все они так бы и восприняли очередную предстоявшую им работу как не очень-то сложную, если бы... Если бы не причины, заставившие эту работу предпринять. А причины на то, конечно, были, и нельзя сказать, чтобы очень приятные...

Дело было уже во вторую половину войны. Ушли в прошлое времена, когда авиация противника господствовала в воздухе. Усилиями советской авиационной промышленности — эти усилия трудно назвать иначе, как героическими,— наши воздушные силы быстро насыщались боевой техникой. На эвакуированных на Восток авиационных заводах еще осенью сорок первого года с ходу устанавливались и запускались станки, вводились в действие линии сборки — и начавшийся поток боевых машин уже более не прекращался до самого Дня Победы.

На первых порах не всегда над действующими станками бывала крыша. Ее возводили позднее, а поначалу полным ходом работали на открытом воздухе — под дождем, под снегом, в мороз. Иногда в общежитиях на двух рабочих приходилась одна койка — пока один работает, другой спит. Все это постепенно приводилось в порядок.

А выпуск самолетов был налажен немедленно, сразу, с ходу. И это дало свои результаты: соотношение сил в воздухе стало неуклонно меняться в нашу пользу. В трудном сорок втором году оно было уже благоприятнее для нас, чем в трагическом сорок первом. А весной сорок третьего года, в дни воздушного сражения над Кубанью, господство в воздухе впервые перешло к нам. Перешло, с тем чтобы — при всех частных колебаниях — остаться в наших руках до самого конца войны. Впрочем, надо заметить, что подобный ход дел характерен не для одной лишь авиации: примерно то же самое происходило и в других отраслях военной промышленности — и в производстве танков, и артиллерии, и боеприпасов. Но я рассказываю о том, что знаю лучше всего, что видел своими глазами.

«Больше самолетов фронту!» — этот лозунг висел на видном месте едва ли не в каждом цехе.

Вопрос о качестве наших самолетов, об их техническом совершенстве так остро поначалу не стоял. Не стоял хотя бы потому, что созданные непосредственно перед войной новые типы отечественных самолетов были действительно хороши.

И по скорости полета, и по потолку, и по вооружению, по всем главным показателям качества они не уступали самолетам других передовых в техническом отношении стран... Как сказали бы сейчас: находились на уровне мировых стандартов.

Истребители «Як-1», «ЛаГГ-3», «МиГ-3», пикирующий бомбардировщик «Пе-2» и особенно уникальная по своим боевым качествам машина, подобно которой не было ни у наших противников, ни у наших союзников, бронированный штурмовик «Ил-2» — все они оказались вполне конкурентоспособными с сильной, организованной, хорошо технически оснащенной авиацией врага. Если бы к началу войны этих новых машин в нашем самолетном парке было бы не около 20%, а хоть немного побольше, надо думать, ход борьбы в воздухе с первых же дней сложился бы иначе.

Вот почему ни у кого не было сомнений в том, что наращивание количества выпускаемых боевых самолетов представляло тогда главную задачу авиационной промышленности.

Главную, но не единственную!

Это выяснилось очень быстро — почти сразу после того, как в кабины наших новых машин сели не летчики-испытатели, а пилоты так называемой «массовой квалификации», да к тому же сели не для того, чтобы выполнять испытательные или тренировочные полеты, а чтобы идти на этих машинах в трудный, жестокий, часто неравный бой. Многие свойства наших самолетов, остававшиеся незамеченными в ходе испытаний, выявились в первые же недели их эксплуатации в боевых условиях.

Некоторые из таких сюрпризов радовали.

Взять хотя бы такое драгоценное в бою свойство самолета, как живучесть. По этой части особенно хорош оказался, как и было задумано его создателями,— штурмовик «Ил-2». Страшно бывало смотреть, в каком виде приходил он порой из боя! Рябь пулевых и осколочных шрамов на броне, обширные дыры в плоскостях, отбита добрая половина оперения... И ничего: машина не падала, не рас-

сыпалась в воздухе, не горела, а возвращалась на свой аэродром, откуда после наспех произведенного здесь же ремонта (он так и назывался — полевой ремонт) вновь уходила на боевое задание. Конечно, возвращалась домой подбитая машина не сама — ее приводили упорные, не склонные уступать, казалось бы, самым неблагоприятным обстоятельствам, верящие в возможности своего самолета летчики. Но все эти высокие моральные и профессиональные качества людей оказались бы безрезультатными, не обладай машина такой феноменальной живучестью.

Если живучесть «Ил-2» была, так сказать, запрограммирована при его создании, то живучесть истребителя «ЛаГГ-3» оказалась приятной неожиданностью. Эта изготовленная из дерева (точнее, из дельта-древесины — специально обработанного дерева) машина тоже, как вскоре выяснилось, отлично выдерживала весьма обширные пробоины, а главное — не горела! Нет нужды разъяснять, как высоко ценилось такое свойство фронтовыми летчиками.

Но, к сожалению, среди сюрпризов, преподнесенных нашими новыми самолетами, были не одни лишь приятные.

У большинства истребителей оказался недостаточным обзор назад. У «Ил-2» не хватало средств активной обороны задней полусферы — как ни живуч был этот самолет, но пристроившийся к нему сзади и безнаказанно бьющий с малой дистанции изо всех стволов истребитель противника в конце концов сбивал его. Тот же «ЛаГГ-3» при энергичном маневре (а что за воздушный бой без энергичного маневра!) легко срывался в штопор...

Словом, пусть далеко не капитально, но дорабатывать конструкции некоторых новинок нашего самолетостроения пришлось. Причем дорабатывать не как-нибудь, а «на ходу», так, чтобы ни на минуту не останавливать конвейеров авиационных заводов.

И эта работа была быстро сделана.

На истребителях «Як» и «ЛаГГ» был «срезан» верх задней части фюзеляжа, так что летчики получили достаточный обзор назад. На «Ил-2» было выкроено место для второго члена экипажа, воздушного стрелка, вооруженного крупнокалиберным пулеметом (досадно было, что самолет с самого начала не был запущен в серию в таком виде: конструкторское бюро предлагало двухместный вариант штурмовика, но утвержден к производству был одноместный).

А недостатки устойчивости истребителя «ЛаГГ-3» удалось устранить еще более оперативно, путем включения в систему управления рулем высоты специального устройства — контрбалансира. Тут делу помог имевшийся хороший «задел идей»: такой способ «лечения» некоторых дефектов устойчивости самолета еще до войны предложили ученые и инженеры — М. Л. Миль (впоследствии известный конструктор вертолетов), Г. С. Калачев, Д. И. Савельев. Оставалось этот полезный задел пустить в ход.

Конструкции наших самолетов были быстро приведены в соответствие с требованиями большой войны. Казалось бы, теперь-то уж ничего не требуется, кроме одного — выпускать их как можно в больших количествах.

Но тут возникли новые заботы.

Все чаще стали раздаваться жалобы на то, что самолеты массового выпуска не в полной мере обладают теми данными, которые показал на испытаниях их прототип — опытный образец.

«Недодает скорости...» — эта претензия звучала особенно тревожно, потому что давно известно: скорость — пусть не единственное, но первое, главное качество боевого летательного аппарата.

Недостает скорости... Так ли это? Первые же контрольные испытания взятых наугад машин серийного выпуска показали: да, к сожалению, недостает! Куда-то девались 20, 30, даже 40 километров в час «паспортной» скорости самолетов едва ли не всех типов, выпускавшихся нашими заводами.

Куда они девались?

Это предстояло выяснить. А прежде всего — еще до начала поисков пропавших километров — отдать себе отчет в значении размеров пропажи. Много это или мало? Следует ли бить тревогу, или можно позволить себе отнестись к такой потере более или менее спокойно?

Многие из нас поначалу склонны были подходить к делу с позиций, так сказать, чисто арифметических:

— Ну чего стоят эти несчастные двадцать — сорок километров в час? Несколько считанных процентов от максимальной скорости полета! Только и всего. Очень надо поднимать из-за них такой шум...

Но поднимать шум стоило. И прежде всего потому, что сравнивать фактическую скорость полета, скажем, нашего истребителя следовало не с какой-то абстрактной цифрой,

а с данными самолетов наших противников. Острая, кровью оплачиваемая конкуренция с техникой врага заставляла беречь каждую малую толику и скорости полета, и потолка, и маневренности, и всего прочего, из чего складываются в комплексе летно-тактические данные боевого самолета. Пренебрегать тут не приходилось ничем.

...Пригнанные на испытательный аэродром серийные самолеты были быстро оборудованы самопишущей аппаратурой, взвешены, вдоль и поперек измерены — и на них начали летать.

Да, скорости у них не хватало. Это выяснилось сразу же. Но куда она девалась, эта чертова скорость? В чем секрет ухудшения летных данных серийной машины по сравнению с опытной?

Перед авиационной наукой встала очень непростая проблема — найти утерянное! Найти — и удержать! Удержать во всех десятках тысяч боевых самолетов, которые авиационная промышленность страны обязана была выпускать ежегодно и вскоре начала выпускать фактически.

За это дело взялся большой коллектив авиационных специалистов: инженеры и ученые А. В. Чесалов, М. А. Тайц, Н. С. Строев, Г. С. Калачев, В. Н. Сагинов, М. И. Хейфец, В. В. Уткин, Д. И. Кантор, А. А. Лапин, В. Я. Молочаев, П. С. Лимар, летчики-испытатели Н. С. Рыбко, Г. М. Шиянов, А. Н. Гричик, Ю. К. Станкевич, В. П. Федоров, В. Н. Юганов, С. Ф. Машковский, А. П. Якимов и многие другие — всех не перечислить...

Общая — не техническая, а, так сказать, психологическая — причина снижения летных данных самолетов в большой серии была более или менее понятна. По-человечески оно было даже вроде бы естественно — невозможно требовать, чтобы каждую очередную, сходящую с конвейера «единицу продукции» облизывали так же, как это делали на заводе при конструкторском бюро во время изготовления первого опытного образца.

Тем более, если вспомнить о непрерывно звучащем призыве: больше, больше, больше самолетов для фронта!

Да еще с учетом того, что опытный образец изготовлялся золотыми руками мастеров высшей квалификации, а на серийных заводах работали...

Однажды — уже в середине войны — мне представилась возможность собственными глазами посмотреть, *кто*

работал на серийных авиационных заводах. Я прибыл на один из них, чтобы принять и перегнать по назначению истребитель «Ла-5».

Пока машину готовили к полету, директор завода — ныне покойный С. И. Агаджанов — пригласил меня пройти с ним по цехам, посмотреть действующее производство. И вот мы в механическом цехе. Ровный шум множества станков, с юности знакомый запах горячего металла, отблески зеркальной поверхности обрабатываемых деталей... Но что-то здесь необычное, не такое, как в любом другом ранее виденном механическом цехе. Что же именно?

Много раздумывать на эту тему не пришлось. Необычно выглядели стоявшие у станков люди, в большинстве своем подростки, я чуть было не сказал — дети. Дети с худыми, бледными от недоедания и не по возрасту тяжелого труда лицами. Некоторым из них не хватало роста, чтобы дотянуться до всех нужных рукояток, и они стояли у станков не прямо на полу, а на каких-то старых ящиках из-под деталей или наспех сколоченных подставках. Одного мальчика за что-то корил мастер. Реакция проштрафившегося была необычной для заводских условий: он всхлипывал... Изредка попадались в поле зрения склонившиеся над станками женские головы, еще реже — взрослые рабочие-мужчины. Но подавляющее большинство составляли подростки.

Сложный комплекс чувств возник у меня при виде этих ребят. Жалость к детям, которым по-настоящему следовало бы не работать среди грохота станков, а в школе сидеть или в «казаки-разбойники» играть, соединялась с тенью некоторого беспокойства (наверное, мне хотелось, чтобы самолеты, на которых летают мои товарищи и я, делались руками людей, немножко более взрослых). Но над всеми этими чувствами господствовало одно — уважение. Глубокое уважение к этим подросткам — гражданам нашей страны, так рано взвалившим на свои детские плечи тяжесть забот об обороне Родины и так достойно эту тяжесть несущим!

Однако эта медаль, как всякая медаль, имела и свою обратную сторону. При всем глубоком уважении к самоотверженности работавших на заводах подростков нетрудно было представить себе всю сложность задачи, стоявшей перед руководителями производства — от мастера до директора завода,— вынужденными выпускать продукцию с

теми кадрами, которые у них были. И не только выпускать, но непрерывно наращивать выход боевых самолетов. Да еще при естественных в военное время трудностях с материалами, сырьем, готовыми изделиями смежников — словом, трудно назвать такой элемент нормального производства, с которым не было тогда трудностей.

Но общие соображения подобного рода, при всей своей бесспорной справедливости, не давали ответа на основной, поставленный жизнью в весьма конкретной форме вопрос: куда девалась скорость?

К сожалению, какого-то единого «секрета», подобного универсальной отмычке, столь любимого авторами остросюжетных романов и сценариев (помните: вражеский шпион похищает листок бумаги, на котором начертана формула, определяющая все свойства самолета?),— такого секрета обнаружить не удалось.

Скорость пришлось собирать и восстанавливать буквально по крохам. Иная техническая находка давала прирост в два-три километра в час — не пренебрегали и этим.

Некоторые потери в летных данных самолета оказались связанными с проблемами, казалось бы, чисто эксплуатационными. Например, из-за недостаточно полного обзора, а также из-за не вполне надежного сброса фонаря кабины в аварийном случае фронтовые летчики летали с открытым фонарем. А это съедало добрых километров пятнадцать в час скорости!

Улучшили обзор, повысили надежность механизма сброса фонаря — и эта потеря была ликвидирована.

Но самой большой находкой — и практической, и даже научной — было раскрытие вредоносности всевозможных щелей и неплотностей, сквозь которые в полете просачивался воздух, что, как удалось установить, резко повышало аэродинамическое сопротивление самолета.

Стоило аккуратно, без щелей подогнать посадочные щитки и щитки, закрывающие в убранном положении колеса шасси, надежно изолировать одну от другой внутренние полости фюзеляжа, и тот же самолет, с тем же мотором незамедлительно «отдал обратно» еще одну весьма ощутимую порцию скорости.

Но таких весомых находок, повторяю, было немного.

Гораздо чаще влияние очередного исследуемого фактора проявлялось в масштабах «копеечных». Взять хотя бы камуфляжную — пятнистую, менее заметную для против-

ника — окраску самолета. Не вызывало сомнений, что ее грубая, шершавая поверхность крадет какую-то толику скорости. Но сколько именно?

Тут потребовалось улавливать влияния достаточно слабые, а для этого — резко повысить точность летного эксперимента, усовершенствовать его методику. И хотя на первый взгляд подобные методические поиски могли показаться «чистой наукой», занятия которой не очень-то гармонировали со сложившейся обстановкой, в действительности дело обстояло совсем иначе. Без научных изысканий А. В. Чесалова, М. А. Тайца, В. С. Ведрова, Б. Н. Егорова — людей, еще в довоенные годы заложивших основы методики летных испытаний как самостоятельной отрасли авиационной науки, а в военное время много сделавших для дальнейшего продвижения в этой области,— без их изысканий поиски «пропавшей скорости» да и многие, многие другие жизненно важные для нашей авиации работы наверняка не имели бы успеха.

Впрочем, бывало и так, что методические нововведения наших ученых вызывали у окружающих реакцию, несколько неожиданную. В один прекрасный день — это было, кажется, в 1942 или даже в 1943 г.— после проведения необходимых исследований было решено впредь при определении летных данных самолета вносить в показания указателя скорости поправку, учитывающую влияние сжимаемости воздуха. Ранее, пока самолеты летали со скоростями менее 500—550 *км* в час, особой нужды в этом не было — сжимаемость воздуха влияла мало. Когда же скорости увеличились, да и точность их определения — по причинам, о которых я уже говорил,— потребовалась повышенная, без этой поправки обойтись стало невозможно. А надо сказать, сжимаемость воздуха влияла всегда в одну сторону — приводила к тому, что указатель показывал цифру, несколько большую, чем действительная, поправка же этот «перебор» снимала. Немного — несколько километров в час,— но снимала.

Как раз в это время конструкторское бюро С. А. Лавочкина боролось за преодоление очередного рубежа — достижение истребителем «ЛаГГ-3» максимальной скорости в 600 *км* в час. Наконец заветная цифра была достигнута — после внедрения ряда конструктивных улучшений «ЛаГГ-3» вышел за 600 *км*, показал, если не ошибаюсь, не то 605, не то 610 *км*... Но тут же, после пересчета по

вновь введенной методике, снова съехали на свои 590 или 595 *км*.

Семен Алексеевич Лавочкин по этому поводу пошутил:

— Что же вы, товарищи, делаете! Давайте называть вещи своими именами: вы снижаете летные данные наших боевых самолетов. Да, да! Из-за вас они теперь летают медленнее.

Разумеется, действительная скорость полета «ЛаГГ-3» от всех этих пересчетов не изменилась, просто раньше ее определяли не вполне точно. Но, видимо, сильна магия цифры! Во всяком случае, тон, которым говорил главный конструктор, содержал в себе чуть-чуть больше оттенка обиды, чем полагалось бы для чистой, ничем не омраченной шутки.

Впрочем, вскоре самолет, над которым продолжали работать и в конструкторском бюро, и на выпускавших его серийных заводах, и в научно-исследовательских институтах, снова — на сей раз реально — «вышел за 600 *км*», а еще через некоторое время, превратившись в знаменитый «Ла-5», оставил эту цифру далеко позади. Но это произошло позднее.

А в месяцы, о которых я сейчас рассказываю, очередная задача, поставленная перед самолетостроителями войной, была решена. Потерянную скорость нашли! И точно расписали, что и как надлежит делать, чтобы впредь ее не терять.

Введенные тогда же ежемесячные контрольные испытания серийной продукции в дальнейшем неизменно подтверждали: на фронт идут самолеты, ничем не уступающие своим опытным прототипам.

Ничем не уступающие...

Так недавно мы только об этом и мечтали. Но прошли считанные месяцы, и «ничем не уступать» оказалось недостаточно!

Время не стояло на месте.

Не стоял на месте и наш противник. Обладая сильными конструкторскими кадрами и развитой авиационной промышленностью чуть ли не всей Европы, он, убедившись в том, что представляет собой новая советская авиационная техника, начал довольно оперативно принимать меры. Все средства были пущены в ход: модификация действующих типов самолетов (особенно эффективно проводила эту

линию фирма «Мессершмитт» — знаменитый «Ме-109» выходил чуть ли не каждые полгода-год в новом варианте), запуск в серийное производство новых моделей (например, известного истребителя «Фокке-Вульф-190»), даже подготовка к мелкосерийному производству реактивных самолетов, в то время считавшихся чем-то если не совсем фантастическим, то находящимся «на грани фантастики».

Жестокая логика войны требовала, чтобы наша авиационная техника продвигалась вперед еще быстрее, иначе невозможно было бы удержать в своих руках с таким трудом завоеванное преимущество. Один за другим поднимались новые и модифицированные боевые самолеты, созданные в конструкторских бюро С. В. Ильюшина, С. А. Лавочкина, А. Н. Туполева, А. С. Яковлева. Их быстро испытывали, доводили и запускали в большие серии.

Господство в воздухе оставалось в руках советской авиации до самого последнего дня войны.

Но техника есть техника! И отдельные сюрпризы, порой весьма неприятные, она подкидывает довольно часто.

Проработка задания, с которой начался этот очерк, тоже имела своей причиной обстоятельства, можно сказать, чрезвычайные. Один за другим стали известны несколько случаев странного, вроде бы ничем не объяснимого невыхода штурмовиков «Ил-2» из пикирования. По рассказам экипажей соседних самолетов, вся группа поочередно пикировала на цель, и все машины, обстреляв противника и сбросив бомбы, выходили в нормальный полет. Все, за исключением одного самолета, который как-то странно сворачивался и, вращаясь будто в штопоре, врезался в землю. Может, тому причиной была зенитка? Да нет, вряд ли. Зенитка как раз била несильно. А может, истребители противника? Нет, вражеских истребителей поблизости не было... Все подозрения сводились к тому, что при энергичном выходе из пикирования что-то не выдерживало в самой машине. Скорее всего обшивка крыла.

Такое подозрение требовало строгой проверки. Впрочем, даже если бы оно и не подтвердилось, это все равно мало меняло бы дело: обшивка там или не обшивка, но причину происшествий установить было необходимо.

И вот снова на испытательный аэродром перегнали несколько наугад выбранных штурмовиков «Ил-2», внешне

ничем не отличающихся от тысяч своих собратьев. На них установили самописцы — и пошла работа, будто по конвейеру: одна за другой машины взлетали, набирали высоту, пикировали, снова набирали высоту, опять пикировали. Из испытательной зоны доносился протяжный, высокого тона вой винтов пикирующих самолетов, переходивший на густые басовые ноты при выходе из пике. Ради этих коротких моментов выхода, в сущности, и были затеяны испытания — именно при выходе с предельной (вернее, запредельной) перегрузкой следовало ожидать разрушения. Выполнив несколько режимов, самолет возвращался на аэродром, его быстро, но внимательно осматривали (нет ли каких-нибудь остаточных деформаций — перегрузки-то, что ни говори, больше максимально допустимых), заправляли бензином и снова отправляли в воздух.

То, что делали и делают всегда при проведении испытаний подобного рода летчики-испытатели, полностью подходило под известную формулу: «Вызываем огонь на себя». Они предпринимали все возможное, чтобы спровоцировать разрушение, подобное тем, о которых поступали тревожные сигналы с фронта. Это разрушение — вот он, один из парадоксов испытательной работы! — уже стало восприниматься как что-то очень желательное, долгожданное.

Но нет, подвергаемые в каждом полете жестокой трепке самолеты продолжали, как назло, возвращаться на землю целехонькими. Разрушаться они упорно не хотели...

Больше всех полетали на этих заколдованных, похожих на бомбы замедленного действия «Илах» летчики-испытатели Н. В. Адамович, А. Н. Гринчик, А. А. Ефимов, Л. И. Тарощин.

Несколькими годами позже имя Алексея Николаевича Гринчика стало особенно известно — именно он поднял в воздух первый советский реактивный самолет с газотурбинными двигателями «МиГ-9». Обладал этот летчик и изрядным боевым опытом — на Калининском фронте хорошо помнили воздушные бои, проведенные им в первую военную зиму против имевших в ту пору весомое численное превосходство фашистских летчиков.

Николай Владимирович Адамович, Александр Александрович Ефимов и Леонид Иванович Тарощин — ныне все они носят почетное звание заслуженного летчика-испытателя СССР — к тому времени, о котором идет речь, тоже уже успели, что называется, «набрать силу» и полностью

стать в строй квалифицированных испытателей. О последнем, впрочем, свидетельствовал сам факт их привлечения к таким ответственным работам, как пикирование на взятых под подозрение «Илах».

Все четыре участника этих испытаний принадлежали к относительно новой в те годы, утвердившейся перед самой войной категории летчиков-испытателей с высшим техническим образованием — испытателей-инженеров. Сейчас, в наши дни, трудно себе представить, чтобы сколько-нибудь серьезные испытания современной сложной авиационной техники мог проводить летчик без специального высшего образования, но тогда эта категория летчиков едва успела доказать свою полезность.

...Итак, поначалу «заподозренные» «Илы» вели себя так, что казалось, нет такой перегрузки, которая была бы для них чрезмерной. Но факты, как известно, упрямая вещь! Сигналы-то с фронта были... Надо, обязательно надо было воспроизвести условия, при которых прочность штурмовика нарушалась.

И руководители испытаний решили продолжать работу и, в частности, дополнительно «помучить» не новый штурмовик, а такой, который успел пройти ремонт в полевых условиях.

Дальнейшие события развернулись в полном соответствии со словами популярной песни: «Кто ищет, тот всегда найдет!»

В одном из полетов у Адамовича — ему достался экземпляр отремонтированного штурмовика — машина на выходе из пикирования рывком перевернулась через крыло и завертелась, падая будто в штопоре. Рефлекторными, четкими движениями Адамович прекратил вращение самолета, начал было выводить его в горизонтальный полет — и тут она сорвалась совсем!

Новый вывод — новое сваливание. И так три раза!

Адамовичу стало ясно, что, продолжая выводить самолет стандартными методами, он ничего не добьется. Да и вообще высоты после третьего срыва оставалось только-только на то, чтобы успеть выброситься с парашютом. По всем инструкциям так и полагалось делать. Но тогда опять уплывет из рук, казалось бы, уже совсем было схваченная разгадка.

Взглянув на крыло, летчик увидел то, что ожидал: на протяжении добрых двух метров фанерная обшивка была

сорвана, оттого машину и валило с такой силой вправо... Что противопоставить этому стремлению? Ну конечно же — скольжение!

И, выводя самолет в третий раз (это было, как на спортивных соревнованиях: третья, последняя попытка. Во всех смыслах слова — последняя!), Адамович вытащил наконец раненого штурмовика в некое подобие горизонтального полета. До земли оставалось двести пятьдесят метров...

А дальше интересно проследить, как постепенно менялись намерения Адамовича: добившись решения одной сложной задачи, он незамедлительно ставил перед собой другую, еще более сложную. Первая его мысль, после того как самолет удалось вывести из падения, была: «Сажать с убранным шасси, на фюзеляж!» Вот впереди вроде бы подходящая площадка — ровное, достаточно большое поле. Но тут же новая мысль: «А зачем садиться за тридевять земель от своего аэродрома? Раз машина летит, не падает, так уж доберемся поближе к дому». ...Когда же до аэродрома осталась какая-нибудь минута полета — вот он, выплывает из-за леска,— Адамович принимает новое решение: сажать самолет на выпущенное шасси! Так он и сделал. Выпустил шасси, подвел машину как можно точнее к самой земле («Пусть теперь валится, если хочет: ткнется колесом и никуда не денется... Не должна...»). И посадил!

...Вся картина разрушения была преподнесена исследователям, как на блюдечке. Непроклейка в условиях полевого ремонта фанерной обшивки и вследствие этого недостаточно надежное ее крепление к силовому каркасу крыла — вот в чем, оказывается, была причина нарушений прочности самолетов. Предложенная тут же улучшенная технология ремонта полностью решила вопрос. Больше ни одного случая разрушения крыла самолета «Ил-2» в полете зафиксировано не было.

Да, как ни трудно создать совершенную авиационную технику, но, оказывается, на этом дело не кончается. Нужно ее еще «держать на уровне». Особенно во время большой войны... Даже если для этого приходится «вызывать огонь на себя...»

Н. Н. Смеляков

В ПРИФРОНТОВОМ ПОДМОСКОВЬЕ

СМЕЛЯКОВ Николай Николаевич. Родился в 1911 г. Член КПСС с 1939 г. Заместитель главного металлурга, и. о. директора Коломенского машиностроительного завода в первые месяцы войны. Лауреат Ленинской премии. Ныне заместитель министра внешней торговли СССР.

20 октября 1941 г. в Москве было введено осадное положение. Противник был рядом со столицей.

За несколько дней до этого мы с начальником снабжения Коломенского машиностроительного завода были в Москве, заезжали в наркомат. Население Москвы жило тревожно. Немало людей неорганизованно, толпами устремлялось на восток, в частности по Горьковскому шоссе. Кто на машинах, а кто и пешком, с тележками, узлами, рюкзаками.

Но в Москве продолжал работать Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Обороны, Советское правительство. Все знали, что в Москве работал и жил И. В. Сталин.

Через два дня после введения осадного положения мне вновь пришлось быть в Москве. Не узнать столицу.

Восстановился не просто обычный порядок, а с оттенком торжественности. На улицах шагали подтянутые вооруженные солдаты в начищенных до блеска сапогах. Москва вновь обрела деловой и строгий вид. Чувствовалось: хотя город в опасности, но он готов к борьбе и ведет ее. Есть Советская власть, есть Коммунистическая партия!

В те осенние дни 1941 г. иногда над нашим заводом и железнодорожной станцией появлялись вражеские самолеты. Они кружили над мостами через Москву-реку и Оку, над поселками. Фашистские самолеты вели себя довольно нагло, летали низко, часто днем, и не спешили возвращаться к себе. Ночью одиночные самолеты сбрасывали небольшие авиабомбы. Правда, не было зафиксировано ни одного прямого попадания на Коломенский завод. Бомбы падали на поселок, вблизи завода и железнодорожной станции.

Можно было предположить, что немецкая разведка располагала данными об эвакуации предприятий из Коломны и поэтому пришла к выводу, что разрушать пустые здание неэффективно. Не исключалось и то обстоятельство, что фашисты думали в ближайшее время захватить этот район и приспособить завод для обслуживания армии. Известно, что, пока немецкая армия продвигалась к Москве, сопротивление Красной Армии все увеличивалось, потери военной техники у немцев непрерывно росли. А такой завод, как Коломенский, можно использовать для самых различных целей. В общем, возможно, что завод немцы берегли для себя, но явно ошиблись.

С ходу Москву фашистам взять не удалось. Противнику пришлось перестраиваться и пополнять войска, потери которых были довольно существенны. Немецкое командование решило окружить Москву, блокировать ее, взять в клещи с севера и с юга.

Создалась непосредственно угроза заводам, расположенным в Коломне. Государственный Комитет Обороны принял два важных для Коломенского завода решения: первое — об организации производства танков «Т-60» в Коломне и второе, полученное буквально через несколько дней после первого,— об эвакуации завода на Восток страны, в Киров.

Когда на заводе получили это решение, никто не мог себе представить, что его действительно нужно выполнять. У нас создалось своего рода шоковое состояние. Не укла-

дывалось в голове, что гигантский завод, вросший корнями в родную коломенскую землю, должен стронуться с места. Казалось невероятным сдвинуть всю эту махину, да еще в период, когда продукция завода так нужна фронту. Об опасности, о том, что рядом враг, мало кто думал. Верилось, что приказ об эвакуации будет отменен. Некоторые из нас лелеяли надежду, что обстановка на фронте изменится и все останется по-старому, то есть завод останется в Коломне.

Однако подобное замешательство длилось недолго. Мы отлично понимали, что на фронте положение архитяжелое, к тому же нам было известно об эвакуации на Восток, например, Ижорского, Мариупольского, Кировского заводов и других крупных предприятий, уже проделавших путь с запада на восток и успевших начать выпуск продукции на новых местах.

Нужно — значит нужно. Первое слово, как всегда, партийной организации. Она призвала коломенцев в короткие сроки демонтировать оборудование, отобрать инструмент, оснастку и, самое главное, людей, обладающих необходимой квалификацией, и перебросить все это на новое место. В Киров уехали уполномоченные завода, для того чтобы спланировать и подготовить размещение всего огромного хозяйства хотя бы на очень маленьких производственных площадях. В сжатые сроки им предстояло принять нужный комплект оборудования, инструмента, материалов, чтобы обеспечить ту последовательность, которая необходима для налаживания производства танков.

Коломенские рабочие, инженеры и служащие единодушно откликнулись на призыв партийной организации. Большое количество работающих жили в соседних деревнях и селах. На работу ездили на поездах, велосипедах или ходили пешком. Почти каждый имел небольшой домик, огород или сад. Годами сложился привычный уклад жизни. Рядом две реки — Ока и Москва. Там и рыбки можно было половить, и травы для коровы или козы накосить на лужках, и интересную прогулку совершить. Да мало ли прелестей в родных местах!

Люди покидали свои деревни со слезами на глазах, с болью в сердце. Но никто не помышлял ставить выше государственного дела свое личное благополучие, свои привычки. Конечно, не сама собой возникла эта сознательность. Сказались результаты воспитательной работы

партийной организации и государства, любовь к Родине, сама военная обстановка в стране.

Коллектив завода уже привык по-боевому выполнять все фронтовые задания. Их было много. Потребности фронта все возрастали, а ряд промышленных предприятий в районах, захваченных врагом, перестал действовать. Коломенский завод нагружался без обычной предварительной проверки мощностей. Так было с выполнением заказа по изготовлению артиллерийских лафетов для зенитных пушек. Захват немцами Киева и эвакуация завода «Арсенал» создали реальную угрозу прекращения выпуска зенитных пушек. О сроках не спорили, счет шел на часы.

Директор завода Е. Э. Рубинчик и главный инженер К. К. Яковлев были вызваны в Москву, в Наркомат вооружения. После короткого разговора дирекция завода погрузила чертежи в машину и тут же повезла на завод.

Дорогой думали, как организовать производство. Выбирали лучших, кому можно было доверить этот заказ. Машина еще мчалась в Коломну, а в директорском кабинете, предупрежденные по телефону из Москвы, уже собирались начальники цехов и отделов. Срочный заказ был выполнен.

В августе 1941 г. руководителей предприятий Москвы и Московской области вызвали в Кремль. Собрались в приемной члена Государственного Комитета Обороны, заместителя председателя Совета Народных Комиссаров И. А. Вознесенского. Речь шла о выпуске реактивных минометов, знаменитых «катюш», и боеприпасов к ним.

Николай Александрович Вознесенский сообщил, что этот вид вооружения дал на фронте прекрасные результаты. «Катюша» сеяла смерть, наводила ужас и панику на гитлеровских солдат и офицеров. Затем он зачитал резолюцию, которую Сталин написал на докладе по этому вопросу: «Надо увеличить впятеро, вдесятеро и больше производство минометных установок и снарядов к ним».

После небольшой паузы Вознесенский спросил:

— Все ли ясно?

Зал хором ответил:

— Ясно!

Все немедленно разъехались по предприятиям, чтобы обеспечить выполнение полученного задания.

В период освоения новой военной продукции на завод приехал заместитель наркома вооружения Б. Л. Ванников. Мне пришлось его сопровождать по заводу. Было это во второй смене. Многое слышал я об этом человеке и поэтому с большим интересом присматривался к нему. Член партии с 1919 г., Б. Л. Ванников был известен как крупный специалист промышленности. Были у него в жизни и крупные неприятности, недаром седина покрыла виски Бориса Львовича. Запомнился его внимательный взгляд, острый язык.

Я убедился: Ванникову достаточно один-два часа походить по цехам, чтобы определить, на каком уровне организовано производство, чего можно ожидать от завода. Прощаясь, Б. Л. Ванников похвалил завод и порекомендовал сделать на станках стружколоматели, так как металл был очень вязким, стружка непокорно вилась в причудливые нагромождения, мешала работать, снижала производительность.

Пожалуй, самым любимым детищем нашего завода в те дни был бронепоезд. Его сооружали с особым подъемом. Проектировали его заводские конструкторы и технологи по заданию военных. Бронепоезд стал как бы боевым знаменем коллектива. Не было цеха или участка, которые оставались бы в стороне. Его строили все. Партийная организация выделяла добровольцев в состав его будущей команды. Таким образом, завод не только построил бронепоезд, но и полностью укомплектовал его добровольцами. Основным ядром, как всегда, были коммунисты.

Пошли добровольцами коммунисты и из литейного цеха, где я работал до войны. Там были крепкие люди. Среди них бригадир крановщиков, член партии Лиза Кубышкина, дочь старого кадрового рабочего Коломны. Лиза была не просто бригадиром, под началом у которой работали пять-шесть или даже двадцать человек. Она руководила коллективом не только большим по количеству, но и сложным по составу. В ее бригаде было около 160 молодых женщин, работающих в литейном цехе крановщицами и вожатыми электрокар, они обслуживали 44 крана и 20 электрокар. Литейщики работали на непрерывном графике почти две полные смены, а в третью — шла подготовительная работа с помощью кранов и электрокар. Так что у Лизы Кубышкиной была не бригада, а целый цех.

Молодой и озорной народ эти крановщицы и водительницы электрокар. Нужно иметь особый талант, чтобы с ними работать, вовремя расставить их по машинам, заменить заболевших или не вышедших по разным причинам на работу, подменить на обед, не забыть послать Дусю или Марусю, наиболее квалифицированных крановщиц, к формовщикам, которые собирают самую сложную деталь — блок цилиндров. Очередность отпусков — тоже целая проблема. Молодые девчата не теряли времени зря, выходили замуж, обзаводились детьми. Сложный комплекс вопросов лежал на плечах худенькой, но боевой Лизы Кубышкиной.

Проходя по цеху, я много раз наблюдал, как быстро, хотя и с шумом, расходились по своим местам крановожатые. Некоторые высказывали недовольство, но приказ есть приказ. Лиза умела заставлять подчиняться, ни разу не прибегая к помощи администрации. А между тем среди ее соратниц были одногодки, просто подруги, с которыми она проводила свободное время. Бывал, конечно, и острый разговор примерно такого содержания.

— Сегодня иди на кран в обрубный участок в первую смену и до обеда во вторую,— говорит бригадир.

— В первую пойду, а во вторую ни за что,— отвечает Даша, крановщица.

— Это почему же? — не повышая голоса, спрашивает Лиза.

— На прошлой неделе я уже так работала, а нынче мне во вторую смену некогда,— парирует Даша.

— Ничего, твой Вася и без тебя в кино сходит, а то и дома посидит, тоже невредно,— с улыбкой отвечает Лиза.

— Ты всегда меня посылаешь во вторую смену, как нарочно,— продолжает Даша.

— Ну ладно, иди работай, пора! У обрубщиков сегодня боевая смена,— категорически заканчивает разговор Лиза, поворачиваясь уже к другой крановщице.

Лиза Кубышкина могла работать на любом кране цеха. А их было по крайней мере шесть типов. Несколько лет Лиза была крановожатой. Знала многих работников цеха, всех мастеров, начальников смен и бригадиров. Ее выступления на партийных или профсоюзных собраниях были далеко не медовыми речами. Высказывалась она с такой непосредственностью и верой в правоту своего дела, что всякий раз вызывала одобрение всего зала. Лиза Кубышкина

пользовалась той степенью уважения, когда про человека говорят, что он добьется своего, но не для себя, а для других, для общего дела. Некоторые мастера боялись ее резких, но справедливых слов больше, чем выговора от начальника цеха.

Как сейчас вижу ее яркие рыжие волосы, лицо, усыпанное веснушками, серо-голубые глаза, энергичные движения, слышу ее сочные выражения, которые, как ни странно, нисколько не убавляли ее женственности. И вот эта Лиза пошла добровольцем на бронепоезд.

Рабочие и инженеры завода «выхаживали» каждую мелочь на бронепоезде, не говоря уже о главных механизмах, которыми являлись паровоз и мощное вооружение. Тщательно и умело зачищали сварные швы броневого корпуса, окрашивали все, как для парада, без чего, собственно, можно было в то горячее время обойтись.

И вот бронепоезд готов. Его выкатили во двор завода. Внушительные артиллерийские башни, пулеметы, зенитные спаренные крупнокалиберные пулеметы. Бронепоезд получился красивым, слаженным. Сделано все так, как может сделать коломенский рабочий, если машина ему по душе: сработано превосходно.

Короткий заводской митинг. Коломенцы провожают своих питомцев на фронт. На митинге выступили секретарь Московского областного комитета партии Б. Н. Черноусов и известный всей планете по дрейфу на льдине И. Д. Папанин. Речь Ивана Дмитриевича была особенно зажигательной, изобиловала острыми фразами. Говоря о смелости, Папанин, между прочим, сказал, что со своими спутниками он дрейфовал, но не дрейфил.

Итак, последний прощальный свисток паровоза. Бронепоезд плавно вышел за ворота завода.

Бронепоезд участвовал в героической обороне Москвы. В боях под Можайском он погиб вместе с большинством своей команды. Погибла и Лиза Кубышкина.

Как ни больно было расставаться с заводом, но приказ об эвакуации коломенцы восприняли подобно боевому заданию. И вот уже подан под погрузку первый поезд. Паровоз пустил клубы пара, звякнули, перекликаясь, буфера. Место погрузки — сквер против главной конторы завода, где проходила заводская железнодорожная ветка. По ней

торжественно отправлялись на испытание паровозы, шли готовые локомотивы и другая продукция. А сегодня отсюда уезжали на восток люди, которые делали эту продукцию. Это была обычная для тех дней картина, хорошо знакомая нашему поколению.

Вагоны были, конечно, товарные, так называемые теплушки, в которых довольно холодно. Они заполнялись плотно, до отказа. Много провожающих, которые пытались помогать, чаще мешая и создавая сутолоку. Удивленные и любопытные маленькие ребятишки неотрывно наблюдали за происходящим. Дети побольше грузили пожитки вместе со взрослыми. Оставлены детские забавы и шалости. Их лица серьезны, движения собранны. К удивлению родителей, дети послушны. Видимо, интуиция безошибочно подсказывала ребятам серьезность момента.

Поднялась и двинулась громада завода. Пошли эшелоны с оборудованием, материалами, оснасткой. Параллельно продолжалась на оставшемся в цехах оборудовании работа по заказам фронта. Их передавали заводу местные органы Комитета Обороны.

Руководящему персоналу завода пришлось разделить свои силы. Главный инженер, некоторые работники парткома и завкома, главный технолог, главный металлург и др. вслед за первой группой «разведчиков» уехали в Киров, чтобы организовать приемку и монтаж оборудования и устройство людей. Вторая группа во главе с директором организовывала в Коломне эвакуацию завода. Слаженная работа двух руководящих групп до сих пор сохранилась в памяти как пример отличного умения работать, когда этого требует обстановка.

Любая заявка из Кирова, сообщенная по телефону или телеграфу, выполнялась немедленно. Бывали, конечно, курьезные случаи опечаток в телеграммах или неправильно воспринимались слова по телефону, когда требовали грузить в первую очередь то, что вообще не нужно для производства танков. Но это были редкие эпизоды, так как все с полуслова понимали, о чем идет речь.

В то время я был заместителем главного металлурга завода. Мне поручили демонтаж и отправку оборудования кузнечного, литейного и модельного цехов, а также всего, что с ними связано.

Надо ли говорить о том, как тяжело было разбирать оборудование чугунолитейного цеха и руководить теми же

людьми, которые совсем недавно, всего лишь несколько лет назад, все это любовно строили, собирали, испытывали, пускали и осваивали. Цех замер. Слышно лишь чириканье воробьев, крики галок, которые любили этот цех, жили в нем, селились, особенно зимой, поближе к теплу. Раньше их крики за гулом машин не были слышны. А теперь птицы свободно летают, галдят, как ранней весной или поздней осенью.

Не льется расплавленный металл, не стучат формовочные станки, не бегают стремглав по пролетам проворные электрокары. Мрачно высятся громады металлоконструкций землеприготовительного отделения, сиротливо лежат теперь никому не нужные стержни, из-за которых нередко учинялись споры, если они не подавались на формовку в установленное графиком время...

Жизнь шла в основном вблизи площадок погрузок, где было сосредоточено все, что следовало отправлять. Рабочие и мастера в любое время суток готовы начать погрузку, лишь бы появились вагоны. А с вагонами большие трудности. Поэтому грузоподъемность вагонов использовалась максимально, нередко даже больше допустимой нормы. Никогда в мирное время так скрупулезно не подходили к использованию подвижного состава железных дорог, как в дни эвакуации заводов.

Война, выходит дело, проверяет не только как наточена сабля, но и остроту чисто технических навыков и знаний. Эвакуация завода и его коллектива явилась экзаменом организационно-технической зрелости руководящего состава предприятия. Коломенскому заводу было легче держать этот экзамен, так как к этому времени уже имелся опыт эвакуации подобных заводов из прифронтовой полосы. Разумеется, чужой опыт нужно было не только повторить, но и творчески переработать, углубить, что мы с успехом и сделали.

В главном магазине, как именовался склад различных материалов, полуфабрикатов и комплектующих изделий, имелись залежи ценных вещей, которые были весьма нужны в военной обстановке. Чего там только не было! Отыскалась даже медвежья шуба с бобровым воротником, принадлежавшая прежнему хозяину завода. Особенно мы были рады запасам цветных металлов, кабеля, шлангов, электрооборудования и т. п., которые, безусловно, должны были пригодиться для устройства завода на новом месте.

В те тревожные дни мы заботились о каждом килограмме цветных металлов в любом виде. Готовые изделия, полуфабрикаты, заготовки, отходы — все собиралось, сдавалось и отправлялось к новому местонахождению завода. В цех, руководство которого докладывало директору, что весь цветной металл собран и сдан, посылались контролеры. Каждый раз после их посещения начальник цеха вынужден был отзывать свой рапорт о завершении сбора цветных металлов и начинать действовать заново. И это совершенно естественно. Убирая, так сказать, верхние отложения, обнаруживали новые вкрапления цветных металлов. Часто находили крупные детали и заготовки, которые были оставлены раньше без внимания по различным причинам, в том числе и из-за бесхозяйственности.

События между тем развивались стремительно. Деятельность завода в прифронтовой полосе носила особый характер. Темп жизни иногда опережал наши мысли. Приходилось беречь каждый час, каждую минуту. Эвакуация завода подходила к концу. Около 15 тыс. рабочих, служащих и членов их семей уже уехали на новое место. Основное оборудование, материалы и люди еще были в дороге, но многое уже прибыло в Киров. К этому времени там выпал снег и ударили морозы. В трудных условиях, в невиданно сжатые сроки коломенцы начинали производство танков. Сложность прежде всего заключалась в том, что работать приходилось на производственных площадях, которые были вшестеро меньше, чем в Коломне. Но не зря говорится: в тесноте, да не в обиде. Партийная организация и руководство завода сумели сплотить многотысячный коллектив на решение самой главной задачи — дать фронту грозные боевые машины. Этому была подчинена каждодневная деятельность всех коломенцев в Кирове.

Коломенский завод продолжал жить и на старом месте. Около 3 тыс. человек трудились в меру своих сил и возможностей. Партком завода в то время возглавлял Константин Николаевич Слонов, замечательный боец за государственное дело, обаятельный человек, в прошлом комсомольский работник. Меня назначили исполняющим обязанности директора базового завода.

В заказах для фронта недостатка не было. На базе эвакуированного завода организовались новые цехи по производству ружейных гранат, сварке так называемых противотанковых ежей и многого другого.

Коллектив завода не ждал заказов, он сам искал сферу приложения своих сил. А силы эти были не такие уж маленькие. Оставались котельная, электростанция, небольшая кислородная станция, сварочное оборудование, некоторое количество металлорежущих станков, молот свободной ковки и др. Сохранилась одна мартеновская печь из четырех, формовочный пролет с краном. И, конечно, часть рабочих, мастеров, инженеров. Среди них главным образом были люди пожилые или с плохим состоянием здоровья. Собственно, не всех нужно было эвакуировать, хотя каждому давалось право выехать в Киров.

Время от времени из Кирова поступали запросы: командировать того-то, отгрузить то-то. Делалось все незамедлительно. Хотя эвакуация в основном закончилась, сразу все вывезти было невозможно. Кроме того, кое-что пропадало или гибло в пути от вражеских бомбежек, в результате ошибок (они, пожалуй, были страшнее) — засылки эшелонов, а чаще всего отдельных вагонов с оборудованием или материалами не по назначению. Догружалось кое-что из материалов, оснастки, даже документации, оборудования.

Завершив эвакуацию, мы разработали конструкцию и освоили производство стальной литой башни (она имела вид колпака) для долговременных огневых точек с амбразурами для оружия и наблюдения. Эти башни пригодились при организации обороны Москвы. Башни делали круглосуточно. Это не была, конечно, броневая сталь. У нас не было ни никеля, ни хрома, чтобы получить такой металл. Не было также термической обработки. Но и обычная сталь, которая в лобовой части башни достигала толщины около ста миллиметров, представляла для бойца защиту от пулемета или автомата противника, от осколков снарядов, мин, от взрывной волны. Во всяком случае, военные их забирали у нас немедленно.

Работники сталелитейного цеха трудились с необычайным воодушевлением. Сутками никто не уходил из цеха, хотя специального приказа на этот счет не существовало.

Всякий раз, когда я вспоминаю ту пору, на память приходит замечательный коммунист начальник железнодорожной станции Голутвин Федор Илларионович Михин, который был инициатором создания бронепоезда.

Хочется рассказать об одном эпизоде той давней поры. Связь завода с этой станцией была самой тесной еще с до-

военной поры. В дни эвакуации завод и станция были единым организмом, усилия которого были направлены на выполнение общей задачи. Общение и личные контакты руководителей завода и станции были часты и полезны.

Станция работала с максимальным напряжением, четко. Начальник станции любил порядок и... оружие. Видимо, любовь к оружию осталась у Михина со времен гражданской войны, участником которой он был. В порядке подготовки к защите своей любимой станции Михин собирал самое различное оружие самыми разнообразными путями и средствами. Через станцию проходило в день несколько воинских эшелонов. Если они останавливались в Голутвине, то коллекция оружия станционного начальника неизменно пополнялась. Он выпрашивал у начальников эшелонов и других командиров оружие обязательно с боеприпасами. Чего только не было у него в сейфе, столах и шкафах! Тут и наган, и маузер, и «вальтер», и парабеллум, и гранаты-лимонки, и многое другое.

Но это не все. У Михина оказалось восемь пушек калибра 152 *мм*. Они стояли в тупике на платформах, прибыли без документов, и вот уже более двух недель ими никто, к удивлению, не интересовался. Начальник станции запрашивал центр, но определенного ответа не последовало.

Между тем немцы продолжали наступление на Москву. Слышна была стрельба со стороны Каширы. Как раз в это время мне позвонил Михин и пригласил посмотреть застрявшие на станции пушки и заодно подумать, как их можно использовать для защиты железнодорожной станции.

Он так охранял свою станцию, что категорически отказался демонтировать устройство автоблокировки, несмотря на строгое предписание. Он доказывал, что в случае прихода фашистов автоматику вместе со станцией можно вывести из строя в течение нескольких минут. Все это было подготовлено, то есть заминировано, так же как и на Коломенском заводе были заминированы мартеновская печь, электростанция и прочие объекты. Все было готово к уничтожению с помощью взрыва по первому сигналу. На нашем заводе действовала команда специалистов-минеров. Они следили за исправностью электрической подводки к запасам взрывчатки, разложенной по объектам.

После звонка Михина я отправился на станцию и застал там председателя местного комитета обороны, первого

секретаря горкома партии М. К. Плужникова. Мы осмотрели пушки. Каждая из них была установлена на вращающемся постаменте. Пушки не новые, но исправные. Видимо, их демонтировали с корабля или какой-то крепости. Нашлись и снаряды. Вагоны с ними были на артиллерийском полигоне в пяти-шести километрах от станции, на другом берегу Оки. Начальник станции впрямь оказался предусмотрительным человеком.

Михин предложил приспособить платформы и установить на них пушки, обложив орудия мешками с песком, и приготовиться таким образом к встрече фашистов.

Предложение начальника станции было принято. Заводу поручили выполнить всю нужную работу, а команду бойцов, умеющих обращаться с артиллерией, должен был подготовить районный военный комиссар.

Сказано — сделано. Через час — полтора пушки были уже на заводе, и в кабинете директора завершилось составление плана действий. На заводе оставалась небольшая группа конструкторов и технологов, которые по разным причинам не выехали в Киров. Это были настоящие мастера и энтузиасты своего дела, люди, обладавшие огромными знаниями и опытом. Вокруг этого ядра организовалось довольно сильное и удивительно универсальное конструкторское и технологическое бюро. Работники его не страшились никакой работы. Они не удивлялись заказу на подковные гвозди, изготовляли чертежи для ремонта танков, они и сконструировали бронепоезд — теперь уже за номером два.

Заводские конструкторы встретили с большим интересом задание по устройству артиллерийских платформ. Вместо мешков с песком они, естественно, предложили невысокие металлические борта и металлический настил пола платформы на усиленных балках, которых в обычном вагоне нет. Потребовалось сконструировать захваты в виде мощных клещей, которые должны скрепить платформу с рельсом, иначе платформа при стрельбе опрокинется. Была определена конструкция артиллерийских металлических ящиков, оборудованных гнездами для снарядов.

К утру, примерно через семь-восемь часов после рождения идеи, проект был готов, а в цехи спущены рабочие чертежи. Спустя два дня все было сделано, осмотрено, проверено.

По времени это происходило в момент затишья перед вторым этапом наступления фашистов на Москву — во второй половине ноября 1941 г. Завод имел время для того, чтобы улучшить конструкцию артиллерийских платформ, и, более того, появилась мысль соорудить настоящий бронепоезд, подобный бронепоезду номер один, который мы построили летом. Инициатива завода была одобрена местным комитетом обороны и горкомом партии.

Завод в короткое время завершил проектирование и начал строительство бронепоезда. Люди на заводе преобразились. Да и как же иначе: перед нами была поставлена важная задача и ее требовалось решить в наикратчайшее время.

Пришлось доставать дополнительное количество платформ, переделывать их. Предстояло найти паровоз — отдали заводской, самый лучший. Его одели в броню. На платформах появились своеобразные башни, из которых смотрели внушительные жерла пушек. Между платформами провели телефонную связь. Захваты, скрепляющие платформы с рельсами, переделали: не нужно было выходить наружу, чтобы привести их в действие, предусмотрели управление ими из внутренних отсеков бронепоезда, что намного быстрее и безопаснее. Следует подчеркнуть, что в процессе переоборудования бронепоезд всегда оставался в боевой готовности к выходу на позицию.

Из Москвы на завод прибыли военные. Среди них были артиллеристы и специалисты по бронепоездам. Их появление никого не удивило, все ясно: очередные заказы. Военные заинтересовались самодельным бронепоездом и обещали помочь вооружением и укомплектовать команду.

— Бронепоезд в основном уже закончен,— сказал главный инженер завода.

— Вот и хорошо. Давайте его посмотрим,— ответили военные.

После осмотра специалисты пришли в восхищение. Они не ожидали, что такие мощные пушки можно столь удачно расположить на обычных платформах. Им также понравилось оригинальное устройство башен и захватов. Была отмечена добротность сварочных и монтажных работ.

Мы рассказали приезжим, что, хотя завод нашел броневую сталь (это были остатки от танкового производства), термическую обработку стали не производили, так как нет

ни нагревательных печей, ни вани для закалки и отпуска, ни, самое главное, времени.

Побывавшие у нас артиллеристы добились в Москве, чтобы заводу выделили зенитные крупнокалиберные пулеметы, танковые пулеметы с шаровыми опорами, новые, более совершенные телефоны и средства наблюдения. Наш самодельный бронепоезд превратился таким образом в узаконенную боевую единицу. В середине декабря на завод приехала военная команда. Бронепоезд был сдан с хорошей оценкой. Короткие проводы — и крепость на колесах ушла на фронт.

По внешнему виду второй бронепоезд, конечно, уступал первому, над которым трудился более сильный коллектив. Второй бронепоезд носил следы спешки, казался угловатым, как бы нескладным. Однако на фронте он показал блестящие результаты. Сказались его огневая мощь и хорошо обученная команда. Нам рассказывали, что его экипажу было присвоено звание гвардейского. Почти все бойцы и командиры бронепоезда были награждены орденами и медалями. Кстати сказать, бронепоезд приходил на завод для ремонта и затем вновь отправился воевать.

Завершились бои за Москву. Гитлеровцы потерпели полный провал. Красная Армия перешла в наступление и отбросила фашистов на сто — двести пятьдесят километров от Москвы. Рабочие и жители Коломны воспрянули духом. Завод стал заметно лучше работать, не теряли времени даром и наши товарищи в Кирове. В ноябре и декабре 1941 г. на новом месте монтировалось оборудование, готовилось производство танков. Хотя корпус и башня были освоены еще в Коломне, дело для кировчан нисколько не упрощалось. Серийное производство танков — очень сложная задача даже на действующем заводе, не говоря уже о том, когда завод на новом месте еще не сформировался.

В январе 1942 г. были выпущены первые пять танков. В феврале завод перевыполнил план по танкам. Государственный Комитет Обороны прислал сообщение следующего содержания: «Ваша телеграмма о том, что Коломенский завод перевыполнил план февраля 1942 г. по танкам, нами разослана всем директорам и парторгам ЦК ВКП(б) танковых заводов». В марте завод удвоил выпуск танков по сравнению с февралем и дал фронту сотни танков «Т-60». Таким образом, оба завода в разных местах жили одними целями, одними задачами, работали в едином порыве.

В. С. Емельянов

ТАМ, ГДЕ ИЗГОТОВЛЯЛИСЬ ТАНКИ

ЕМЕЛЬЯНОВ Василий Семенович. Родился в 1901 г. Член КПСС с 1919 г. Уполномоченный Государственного Комитета Обороны (1941—1945 гг.). Доктор технических наук. Член-корреспондент Академии наук СССР. Герой Социалистического Труда.

В первые же месяцы войны я был назначен уполномоченным Государственного Комитета Обороны по производству танков на одном из уральских заводов. Еще перед началом войны в составе группы специалистов я выезжал на Урал, с тем чтобы выбрать те из заводов, которые можно было бы быстро и без особых реконструкций, с дополнением только некоторого специального оборудования приспособить под производство танков. И вот в дни войны меня направили уже в роли уполномоченного ГКО на один из этих заводов. Приехал я на завод еще за день до получения своего мандата, но директор завода Тырышкин уже знал о моем назначении.

Тырышкин, худощавый брюнет с открытым простым лицом, сразу как-то расположил к себе.

— Ну, рассказывайте, что у вас по производству танковых корпусов делается. Сколько штук в день изготовляете? — начал было я.

— А мы еще и не начинали этого производства,— как-то запинаясь и, как мне показалось, через силу проговорил Тырышкин.

— Не начинали? Как же так?

Я ожидал всего — и трудностей производства, и перебоев в работе, но не мог предполагать, что завод еще не начинал работы по изготовлению корпусов.

— В чем же дело? Что мешало начать производство?

— Во-первых, на заводе нет ни одного листа броневой стали, а во-вторых — и это, пожалуй, самое главное,— мы только недавно получили штамповочный пресс. Фундамент для пресса соорудили, а к монтажу его еще не приступили. Да у нас и специалистов-то такой категории нет — на заводе никогда крупного прессового оборудования не было,— и опыта в этой области, вполне естественно, также нет. Механическую обработку деталей проводить мы, я думаю, сможем, организовать сборку корпусов и наладить сварку также сумеем. Чертеж корпуса я внимательно изучил. В конструкцию башни входит ряд штампованных деталей — без наличия мощного ковочно-штамповочного пресса их не изготовить. Вы сами понимаете.

Тырышкин замолчал и с какой-то безнадежностью смотрел на меня.

Что же будем делать? — пробежала тревожная мысль. Без пресса изготовлять танковые башни нельзя — это ясно.

Броневые листы мы во всяком случае получим. Магнитка рядом. Там, вероятно, уже наладили производство брони. Хотя как знать. Ведь Магнитогорский завод тоже этим делом никогда не занимался. Для них это тоже совершенно новое производство.

Вспомнил инженеров из Гипромеза, с которыми летел из Свердловска. Они направлялись на Магнитку, чтобы запроектировать размещение бронепрокатного стана.

На Магнитке, подумал я, только еще собираются проектировать размещение бронепрокатного оборудования, эвакуированного с Украины. Так что получение брони с Магнитки проблематично.

...На завод был назначен военный приемщик — военпред для приемки броневых корпусов. Мы познакомились.

— Все необходимо начинать с азов,— сказал он мне.

— Без листов броневой стали ни одного корпуса сделать нельзя. Пока монтируют пресс, нужно было бы завезти на завод броневую сталь и начать изготовление деталей, не требующих обработки на прессах.

— А необходимый инструмент для механической обработки на станках весь имеется?

— На первое время для начала работ как будто бы есть. А кое-что заказано в Златоусте. Во всяком случае, мне известно, что заказ на инструмент выдан, но получено ли что-нибудь по этому заказу — не знаю. Не проверял,— признался военпред.— Ведь я сам-то на этот завод только перед вами приехал.

Решил вызвать начальника отдела снабжения завода и поговорить с ним. Снабженец оказался бюрократом, который умел создавать впечатление благополучия, организацией порученного дела не занимался и не умолкая говорил о сложности и трудности своей работы.

— Для броневого производства у нас на заводе все имеется,— уверенно сказал снабженец.

— Инструмент для механической обработки деталей есть? — спросил я.

— Инструмент будет. Мы послали в Златоуст заявку по секретной линии уже более месяца назад.

— А получено что-либо по этой заявке? Вы проверили состояние дел с вашим заказом в Златоусте? Для обработки броневых деталей требуется много специального инструмента. Как обстоит дело с его изготовлением? — спросил я.

Снабженец затвердил:

— Я у себя требования, поступающие с производства, не держу — сейчас же направляю заявки дальше на заводы, которые нам поставляют инструмент или материалы. Меня еще никто не упрекал, что я бумаги у себя задерживаю. Я все заявки послал по секретной линии.

— А не пошлют ли они вас подальше по открытой линии с вашими заявками? — в раздражении произнес присутствовавший при разговоре военпред.— Вы уже не одну работу на заводе сорвали, как мне говорили в цехах, из-за того, что вовремя не обеспечивали производство всем необходимым.

— Вы сами́ или кто-нибудь из ваших работников в Златоусте были? — начал я снова разговор со снабжен-

цем.— Проверили, как идет изготовление заказанного вами месяц назад инструмента?

— А зачем это нам деньги на командировки тратить? Мы имеем указание сокращать статью «командировочные расходы», а тут я сам буду нарушать это указание. Я вам сказал уже, что все заказы я направил по секретной линии.

У меня кипело чувство раздражения против этого типичного бюрократа.

— Сейчас идите и проверьте, как выполняются в Златоусте ваши заказы, а завтра в десять часов утра доложите мне состояние по каждому виду инструмента, в особенности по специальному,— стараясь быть спокойным, сказал я снабженцу.

— Немедленно заменить надо этого чиновника, он все дело может погубить,— заметил военпред, когда снабженец вышел из комнаты.

— Вот послушаем завтра, что он докладывать будет, а там посмотрим. Надо иметь подходящего кандидата на это место. А то сменяешь кукушку на ястреба. Пойдемте-ка в цех, поговорим еще с начальником цеха механической обработки деталей,— предложил я военпреду.

Зашли в конторку начальника цеха.

— Ну, где же вы ожидаете узкие места? — спросил я начальника цеха, еще довольно молодого, но «очень серьезного человека», как мне охарактеризовал его военпред.

— Обработка обычаек под танковые башни. Это, знаете, деталь, на которой вращается башня,— пояснил он.— Обычайки необходимо обрабатывать на больших карусельных станках, а у нас на заводе всего один такой станок. Он, вероятно, и будет сдерживать все производство.

Этот тип станков в нашей стране в то время был чрезвычайно дефицитным. Мне это было хорошо известно. Надо думать, как обойти эту трудность. Начальник цеха прав, что обращает внимание на недостаток карусельных станков.

Подошел Тырышкин и опять начал разговор об отсутствии на заводе специалистов по штамповке тяжелых броневых деталей.

— Ведь мы совершенно другим производством занимались до сих пор,— с тревогой в голосе произнес он.— Больше всего трудностей опасаюсь на этом участке. Конечно,

пока нельзя сказать, какие затруднения еще возникнут, когда начнем производство корпусов. Надо быстрее приступать к делу, тогда обнаружатся все болячки. Но для этого нужен броневой лист и штамповщики,— резюмировал он свое заключение.

...Днем позвонили из обкома. Пришел мандат. Секретарь обкома Сапрыкин был у себя, и я прошел к нему.

— Ну вот, разрешите вручить,— и он протянул мне документ.

Получая его, я еще не понимал, какую он имеет силу.

Текст мандата напомнил мне первые годы революции. В нем указывалось, что сей мандат выдан Емельянову Василию Семеновичу в том, что он является уполномоченным Государственного Комитета Обороны на заводе по производству корпусов танков. На меня возлагалась обязанность немедля обеспечить перевыполнение программы по производству корпусов танков. В конце мандата была подпись Председателя Государственного Комитета Обороны И. Сталина.

— Почему я отвечаю за перевыполнение плана? А кто же отвечает за его выполнение? — произнес я, прочитав мандат.

— Видимо, директор завода, а уполномоченный ГКО, как мне думается, должен обеспечить перевыполнение тех заданий, что установлены планом. Так должно быть,— услышал я голос Сапрыкина.

...В обкоме мне сказали, что на станцию пришел состав с эвакуированными.

Может быть, встречу кого-нибудь из знакомых, подумал я и направился на вокзал. Пришел, взглянул на толпившихся у вагона людей и обомлел. Да ведь это Никонов! Безусловно он. Ну, видимо, его сама судьба сюда направила. Никонов — большой специалист по производству танковых корпусов и хорошо знает прессовое хозяйство. Но почему у него на лбу марлевая повязка?

Я через толпу людей пробрался к Никонову.

— Вы какими судьбами сюда попали? — спросил я, здороваясь с ним.

— Вот в эвакуированных оказался. На Волгу направляют. Там теперь военной техникой придется заниматься. Ведь я не один, а с целой бригадой, нас семнадцать человек, да восемнадцатая в придачу медицинская сестра.

— Что это с вами? Ранены? — спросил я.

— Так, пустяки. Слегка царапнуло. Под огнем выезжали с завода. Последние дни под снарядным обстрелом программу выполняли. А когда работать совсем уж нельзя стало, получили указание выехать и на другом заводе в тылу продолжать действовать. Наша бригада получила назначение на восток, а так как каждый из нас хоть и небольшую, но все-таки царапину имеет, то нам медицинскую сестру прикомандировали, раненые все-таки. Без присмотра, говорят, вас оставить нельзя. Такой, говорят, порядок. Ну, мы не против порядка. Вот так и добрались до Челябинска, а завтра дальше тронемся,— говорил Никонов спокойно.

Ну зачем ему ехать? Он здесь нужен, подумал я. Он может организовать работу по монтажу пресса и наладить штамповку броневых деталей.

— Знаете что, Никонов, оставайтесь здесь со всей бригадой, танки делать будем.— И я кратко изложил ему, что́ конкретно необходимо организовать на заводе.

— Мне-то все равно, где работать. Но согласовать это надо с моим начальством.

— Я обо всем договорюсь. Это я беру на себя. Пойдемте на завод. Там все сами на месте посмотрите, что́ делать нужно.

И прямо с вокзала я забрал всю бригаду вместе с медицинской сестрой. Она никак не соглашалась оставить их.

— Как же я их оставлю? Ведь с самого начала вместе передвигались. Меня тоже куда-нибудь пристройте, да и за ними все-таки присматривать необходимо, хоть и легкораненые, но повязки-то менять все равно надо, пока не подживет как следует.

...За несколько дней до встречи с Никоновым в Челябинск прибыл еще один эшелон с эвакуированными учениками ремесленного училища. Часть учеников направили к нам на завод, и они уже работали в цехе механической обработки снарядов.

Когда мы с бригадой Никонова прибыли на завод, то я, чтобы сократить путь к месту, где должен был монтироваться пресс, решил провести их через цех механической обработки снарядов. В этом цехе работал подросток, прибывший вместе с учениками ремесленного училища. Он был мал ростом, и, чтобы помочь ему дотянуться до станка, обрабатывавшего снарядные заготовки, ему поставили скаме-

ечку. Все это время с первого дня прихода в цех мальчик выполнял суточную норму, установленную для взрослого рабочего, на 120%.

По дороге на завод я рассказал Никонову об этом мальчике, а когда мы вошли в цех, подвел его к станку, где он работал.

Никонов поглядел на него и спросил:

— Андрей, как ты сюда попал?

Мальчик повернул голову и, увидев Никонова, спрыгнул со скамеечки и бросился к нему. Его лицо озарила светлая улыбка, а затем исказила гримаса боли, и он отвернулся.

Я видел, как по неумытой щеке паренька пробежала крупная слеза.

— Вы его знаете? — спросил я Никонова.

Никонов кусал губы и вместо ответа только кивнул головой. Андрей рукавом рубахи провел по щеке, не оборачиваясь, поднялся на скамеечку и опять наклонился над обрабатываемой снарядной заготовкой. Мы с Никоновым пошли дальше. Но он все время оглядывался назад, на станок, за которым работал Андрей, потом вдруг остановился и, потянув меня за руку, сказал:

— Подождите, я сейчас вернусь.

И быстро зашагал к Андрею. Он взял его за плечо, наклонился к нему и, по-видимому, что-то сказав, вернулся к нам.

Никонов был сильно взволнован.

— Я давно знаю эту семью. В Ленинграде мы жили в одном доме, в одном подъезде. Собственно, от семьи-то он один и остался. Отец погиб на фронте, а мать вместе с дочкой нашли смерть при бомбардировке города,— глухо произнес Никонов.— Мы скрывали от Андрея эту трагедию, но он, видимо, уже все знает.

Я взглянул на Никонова. Лицо у него стало каким-то каменным, взгляд сосредоточенным, скулы выдались, а кожа на лбу собралась в глубокие складки.

Вплоть до цеха, где необходимо было монтировать пресс, мы шли молча. Зашли в контору начальника цеха, и я их познакомил. Небольшое помещение сразу заполнилось прибывшими с Никоновым людьми.

— Ну что вам объяснять сложившуюся в стране ситуацию. Вы и без меня всё хорошо представляете. Немцы под Москвой. Нужны танки. Вы хорошо знаете, что ряд дета-

лей танковой башни изготовляются штамповкой. Вы их сами штамповали. Без пресса их не изготовить. Фундамент под пресс уже забетонирован, но к монтажу пресса еще не приступили. Нам необходимо знать, знать точно, когда наш завод сможет начать поставку броневых танковых корпусов заводу, выпускающему готовые к бою танки. Другими словами, нам нужно знать, когда мы сможем начать работу по штамповке броневых деталей — без них, как вы знаете, танкового корпуса не изготовишь. Нам необходимо точно знать, когда будет смонтирован пресс.

Никонов, казалось, меня не слушал, а о чем-то напряженно думал, опустив голову. Когда я закончил свое краткое объяснение, он поднял голову и произнес:

— Оставьте нас одних минут на двадцать. Нам посоветоваться нужно с членами бригады.

Я вышел и направился в свою каморку, выделенную мне в бытовых помещениях цеха, предназначенного для изготовления танковых корпусов.

Сколько же времени они будут его монтировать, думал я. Еще до войны мы, составляя графики монтажных работ такого типа прессов, устанавливали срок в четыре — шесть месяцев. Но у меня язык не поворачивался называть такие сроки теперь, в дни войны.

Что же все-таки скажут монтажники?

Через двадцать минут я вернулся в цех. Вся бригада вместе с Никоновым была на площадке около фундамента под пресс. Никонов, когда я подошел к нему, произнес:

— Распорядитесь, чтобы нам несколько лежаков поставили, вон там, что ли, в бытовках или около них. Спать не придется, отдыхать будем тогда, когда без сна невозможно будет выдержать — инструмента не удержишь, из рук вываливаться будет. Скажите также, чтобы еду из столовой нам тоже сюда доставляли, а то времени много терять будем — туда-сюда ходить. Если эти два условия выполните, то мы монтаж пресса закончим через семнадцать дней.

— Так что ли, товарищи? — спросил Никонов, обращаясь к бригаде.

— Так, так,— раздалось несколько голосов.

Я не верил своим ушам. Это выходило за пределы всех инженерных расчетов и сложившегося опыта.

Я заявил, что все, что они просят, будет сделано.

— Ну, тогда нечего зря и время терять, надо приступать к монтажу.

На следующий день, когда я пришел на место монтажных работ, то увидел, что они идут полным ходом. Нигде и никогда ранее мне не приходилось видеть так интенсивно работающих людей. Мне казалось, что действует единый человеческий организм — так были согласованы движения и действия. Без слов, каким-то внутренним чутьем каждый понимал, что́ ему следует предпринимать.

Слышен был только время от времени лязг железа да звуки падающей детали или инструмента.

Ну, здесь дело пойдет. Оно в верных руках, подумал я. Теперь надо металл доставить. По телефону связался с Тевосяном и, сообщив ему о ситуации на заводе, сказал, что сегодня собираюсь вылетать на Магнитку.

— Распоряжение об обеспечении производства танков броневым листом Магнитогорский завод уже получил,— сказал мне Тевосян.— Они уже начали отливку слитков. Может только задержать прокатка их. Бронепрокатный стан только что на завод поступил. Теперь необходимо все силы бросить на монтаж его. Мы направили им в помощь крупных специалистов-проектировщиков из Гипромеза.

— Я знаю. Я встретил их в Свердловске. До Челябинска мы вместе летели.

Тевосян просил меня немедленно сообщить ему по приезде на Магнитку, как идет на заводе подготовка к производству броневой стали, и обещал со своей стороны оказать всю необходимую помощь.

...Магнитогорский завод я знал плохо, но, прибыв туда, встретил немало знакомых инженеров.

Некоторых я знал еще в студенческие годы, других — по Наркомату черной металлургии. На мой вопрос главному инженеру завода, как обстоит дело с производством броневой стали, он ответил:

— Начали катать листы, не дожидаясь пуска бронепрокатного стана.

— На чем же? — удивился я.

— На блюминге. Поставили гладкие валки и катаем.

— На блюминге? — переспросил я.— Никто в мире на блюмингах листовую сталь никогда не катал.

— Мы сами сомневались,— продолжал главный инженер.—Но что было делать. Танковым заводам уже сейчас нужен броневой лист, ждать, когда будет введен в действие бронепрокатный стан, они не могут. Фронту нужны танки

Эшелоны с оборудованием заводов, эвакуированных из районов войны, уходили на восток.
1941—1942 гг.

Огромного масштаба строительство промышленных предприятий шло во время войны на востоке страны.

Великое перебазирование.
Скоростное строительство завода
тяжелого машиностроения в Сибири
в годы войны.

Полным ходом шла работа
в цехах эвакуированного на восток
и восстановленного на новом месте
танкового завода.

не потом, а сейчас, уже сегодня. Пошли на риск. Надо же было находить выход из положения. Опыт удался. Получается. Хотя управлять станом и нелегко. Первые листы уже сегодня отправили к вам на завод.

От главного инженера завода я уходил взволнованный нахлынувшими воспоминаниями.

Всего девять лет назад, в 1932 г., я находился в Германии на заводе Круппа. У нас в то время с заводом был договор о технической помощи. По этому договору мы направляли наших металлургов на завод для изучения технологии производства. И вот тогда с одного из наших заводов приехали двое — инженер и мастер-прокатчик. На их заводе устанавливался блюминг, а специалистов, имевших опыт работы на таких станах, совершенно не было. Мне пришлось договариваться с мастерами крупповского завода об обучении нашего прокатчика работе на блюминге.

Вспомнилось, с какой робостью наш мастер подходил к механизмам управления станом и как немец-мастер клал на его руку свою и объяснял, как следует вводить в действие стан. Ведь прошло всего каких-нибудь девять лет. И какие невероятные перемены! Люди, которые еще так недавно робели подходить к такому оборудованию, теперь не только овладели сложной техникой, но буквально потрясают своими дерзаниями.

Мы быстро договорились о дальнейшей поставке листов, и я возвратился в Челябинск.

Когда я проходил по заводскому двору, то уже издали увидел разметчиков и резчиков металла, хлопотавших у разложенных на земле толстых стальных листов.

...Встретил военпреда по танковым корпусам.

— А вы знаете, пресс смонтировали и вчера на нем уже штамповали первые детали,— сказал мне военпред.

Вместе с ним мы пошли к прессу.

Я увидел Никонова. За эти дни он осунулся, но на утомленном лице светилась радость.

Мы поздоровались.

— Ну вот и закончили, как обещали.

— Даже значительно раньше,— сказал военпред.

— Это у нас уже в кровь и плоть въелось — перевыполнять планы.

Ну теперь как будто бы все для начала производства имеется. Первые броневые листы с Магнитки пришли.

Пресс работает. Теперь дело пойдет. По механической обработке деталей завод имеет большой опыт, но все же успокаиваться пока нельзя. Вот когда будут изготовлены первые корпуса танка, тогда можно будет определить, все ли необходимое для их производства имеется на заводе. Тогда встанет другая задача — наращивать темпы производства. Но с такими людьми любые задачи можно решать, как бы сложны и трудны они ни были.

В годы войны творчество людей, их изобретательность и неистощимая энергия, казалось, были безграничными и неиссякаемыми. И несмотря на то, что непрерывно возникали все новые и новые сложные проблемы, способы их решения всегда находились.

Вспоминая многие случаи решения сложнейших технических вопросов, мне порой трудно установить, кто же первым высказал то или иное смелое предложение. Часто одного автора даже и не было. Нужное решение, как правило, было плодом коллективного поиска людей, сознававших опасность, нависшую над страной, и отдававших каждую частичку своего «я» делу борьбы с врагом.

В эти дни огромное большинство работало с невероятным напряжением, и физическим, и умственным. Мне казалось, что даже мозг людей действовал со скоростью современной счетно-решающей машины.

Требования фронта росли, возникали новые вопросы, требующие незамедлительного решения.

...В броневом корпусе танка была одна небольшая деталь с длинной узкой щелью, через которую, используя систему зеркал, водитель мог просматривать местность. Эту щель называли визирной щелью. Механическая обработка этой детали была очень сложной операцией. Во-первых, требовалось вначале рассверлить очень толстую деталь из высокопрочной стали, а во-вторых, тщательно обработать на конус внутреннюю поверхность щели длинной фрезой особой формы, носившей название пальчиковой фрезы. Этот инструмент до войны изготовлялся московским заводом «Фрезер» и даже тогда считался дефицитным.

Завод «Фрезер» был эвакуирован из Москвы, а на новом месте еще не успел смонтировать все оборудование и наладить производство.

У нас на заводе оказались всего две пальчиковых фрезы, причем одна из них была, по существу, негодной к употреблению. А без детали с визирной щелью танковые

корпуса изготовлять нельзя. Это было для всех очевидно. Как же быть?

Собрали инженеров и мастеров. Стали советоваться. Достать где-то на других заводах пальчиковые фрезы — дело безнадежное. Следовательно, или надо их самим изготовлять, или придумать какой-то новый метод изготовления детали, не требующий злополучной фрезы.

После длительной и жаркой дискуссии кто-то высказался за то, чтобы попробовать отливать эти детали. Если изготовить точные формы и постараться улучшить технику литья, может быть, и удастся уложиться в заданные размеры. Мысль об изготовлении этой трудной детали без механической обработки — путем отливки — захватила всех. Если бы удалось отливать эти детали вместе со щелью, это сразу же решило бы много сложных вопросов. На заводе были прекрасные литейщики, может быть, следует посоветоваться с ними.

— Детали с визирной щелью следует отливать, только отливать! — таково было единодушное мнение участников совещания. Первые же отлитые детали показали, что избранный путь является реальным.

Но выдержат ли детали положенные испытания? Качество броневых изделий проверялось помимо обычных для металлических изделий методов еще путем обстрела их на полигоне. Полигонные испытания были конечными. Если детали выдерживали обстрел, они военпредом принимались. Немедленно несколько отлитых деталей отправили на полигон. Он был тут же, вблизи завода. Расстреляли по установленным правилам.

Результаты отличные!

Здесь же, на полигоне, принимается решение: изготовлять детали с визирной щелью путем отливки, пальчиковые фрезы больше не нужны. Все повеселели.

...А с фронта непрерывно шли разного рода запросы и информация о том, какие части танка следовало бы улучшить или изменить. Стали поступать также танки и для ремонта. Как-то мы, внимательно осматривая танк, прибывший с фронта, на днище у места водителя увидели солдатскую медаль «За отвагу». На ленточке было небольшое пятно засохшей крови. Все стоявшие около танка, как по команде, сняли шапки.

Старший мастер пролета по механической обработке деталей Зверев с каким-то надрывом проговорил:

— Вот если бы меня сейчас насквозь прострелили, и то бы, кажется, легче было. Стыд сжигает все изнутри, так и кажется, что не все делаешь, что надо.

Зверева, с огненно-рыжей шевелюрой, я видел у станков и днем и ночью. Когда где-нибудь не хватало деталей, он неизменно подходил ко мне и говорил:

— Опять деталей нет! Чем так работать, лучше на фронт идти.

И вот теперь я увидел снова Зверева. Вот и узнай человека! Ходишь рядом, и не видишь в нем ничего особенного, и только вот в такие минуты потрясений узнаешь, что у него не только волосы на солнце светятся, но и весь он наполнен внутренним огнем.

Это было время, когда для огромного большинства советских людей не требовалось ни поощрения, ни принуждения, чтобы они трудились высокопроизводительно. Люди полностью сознавали свой долг и свою ответственность.

...Получили сообщение, что фашисты обнаружили в наших танках слабое место — стык между башней и корпусом. В захваченных немецких танках нашли отпечатанную инструкцию с эскизом нашего танка с указанием, что стрелять следует в место стыка башни с корпусом. Снаряды заклинивали башню, и она не могла вращаться.

Надо было быстро ликвидировать это слабое место. Я уже не помню, кому пришла мысль, как устранить этот недостаток. Предложение было удивительно простым. На корпус танка перед башней закрепили броневые детали особой формы, позволяющие башне вращаться и вместе с тем полностью устраняющие возможность ее заклинивания.

Немедленно все корпуса стали выпускаться с этими дополнительными деталями, а на фронт направили комплекты деталей для установки их на танках, находящихся в частях. А сколько таких предложений возникало у советских людей, работавших в тылу! Вот эти люди, взаимодействуя с фронтом, и обеспечили историческую победу нашей Родины.

Е. Э. Рубинчик

СОРМОВСКИЕ «Т-34»

РУБИНЧИК Ефим Эмануилович. Родился в 1903 г. Член КПСС с 1922 г. Лауреат Государственной премии. Директор завода «Красное Сормово» (1942—1949 гг.). Генерал-майор инженерно-танковой службы в отставке. Ныне начальник Волго-Вятского управления материально-технического снабжения Госснаба СССР.

Это был не приказ — просьба. Государственный Комитет Обороны в своей телеграмме призывал сормовичей напрячь силы, перевыполнить программу сентября на 50 танков «Т-34», чтобы восполнить долю, приходившуюся на Сталинградский тракторный завод, у стен которого уже шли тяжелые бои. Сормовский завод принял обращение ГКО как боевое задание. Решили месячный план закончить досрочно, с тем чтобы до конца месяца выпустить еще 50 боевых машин.

Когда минула неделя сентября и подвели итоги, выяснилось, что набранные темпы обеспечивают лишь план. Сверхплановое задание в производство «не вписывается». Как и всегда в трудные минуты, был созван актив — руководители цехов, отделов, секретари партийных и комсомольских организаций, передовики производства.

Начальники цехов докладывали о положении вещей, ничего не приукрашивая и не смягчая. Цифры явно не в нашу пользу. Детали и узлы сверхплановых машин «не проходили» ни по рабочей силе, ни по мощностям...

Выходит, задание не под силу.

— Так как же, товарищи? Что будем делать? Какие предложения?

Зал молчал. Это была такая гнетущая, такая давящая тишина, что казалось — ее можно ощутить рукой. Она не давала жить, дышать.

В эту минуту старый рабочий, потомственный сормович коммунист Иван Васильевич Макаров внес в зал знамя Государственного Комитета Обороны, которое в прошлом месяце было вручено заводу. Старый Макаров — живое олицетворение героической истории русского рабочего. Еще десятилетним пареньком он видел на Большой дороге — так называлась главная улица Сормова,— как человек с алым полотнищем шел на штыки царских солдат. То был Петр Заломов.

И вот сейчас, когда перед нашими глазами проплывало боевое заводское знамя, словно горячий ток прошел по рядам. Всех охватило необыкновенное волнение. Наверное, именно в такие минуты люди без страха и сомнений, презрев смерть, идут на подвиг.

У Красного знамени мы поклялись, что дадим сверхплановые танки во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило. Не покинем цеха, не оставим рабочих мест, пока не выполним задание Государственного Комитета Обороны.

Невозможное свершилось. Свершилось ценой высочайшего напряжения сил. На рассвете 1 октября из сборочного цеха своим ходом вышел последний танк сверх плана сентября — 51-й по счету.

На завод пришла телеграмма от Верховного Главнокомандующего: «...примите привет и благодарность в связи с перевыполнением заводом сентябрьского плана по выпуску танков «Т-34» для фронта».

Это было во второй половине 1942 г., когда коллектив уже набирал высокие темпы, освоив массовое производство танков. Но, прежде чем это произошло, завод и его люди пережили много трудных дней. Решали подобные проблемы в такие сроки, которые в мирное время казались просто немыслимыми.

Скажи кто-нибудь в довоенные годы, что за 3—4 месяца предприятие может начать выпуск совершенно новой продукции, причем такой, как танк, засмеяли бы. Но невозможное стало возможным, когда страна поднялась на Великую Отечественную войну. Истоки этого народного подвига коренились в могучей социалистической индустрии, созданной в мирное время, в славных трудовых и революционных традициях рабочего класса, в титанической работе Коммунистической партии.

Подобно капле росы, отражающей солнце, в славном коллективе Сормовского завода проявились замечательные черты социалистического общества, которые вызвала к жизни, взрастила, воспитала партия коммунистов.

★

1 июля 1941 г. было подписано постановление № 1 Государственного Комитета Обороны о развитии производства танков. К их выпуску помимо действующих специализированных предприятий привлекался ряд машиностроительных заводов, в том числе завод «Красное Сормово».

Уже в первые дни войны обнаружилось неоспоримое преимущество советских танков «Т-34» и «КВ» над немецкими. Но враг, распоряжавшийся промышленностью чуть ли не всей Европы, имел превосходство в средних и тяжелых танках. Надо было в короткий срок превзойти гитлеровскую армию по количеству и качеству боевых машин.

1 июля 1941 г., когда было подписано постановление ГКО, на завод приехал заместитель председателя Совета Народных Комиссаров, член ЦК ВКП(б) Вячеслав Александрович Малышев, впоследствии народный комиссар танковой промышленности.

Сормовским судостроителям В. А. Малышев был известен как талантливый инженер и один из руководителей социалистической индустрии, особенно ее машиностроительных отраслей. Еще будучи главным инженером и директором родственного Коломенского завода, он был знаком с «Красным Сормовом», с мастерством его людей.

Ночью он собрал командный состав и руководителей парторганизации завода.

— Главное и первое,— сказал В. А. Малышев,— состоит в том, чтобы отрешиться от беспечности и благоду-

шия в понимании того, как будет проходить начавшаяся война.

Помолчал несколько секунд, словно собирался с мыслями, и сурово продолжал:

— Вопрос гораздо более серьезен, чем о нем думают многие, и стоит так: или мы, мобилизовав все силы в тылу и на фронте, разобьем фашистов, или, наоборот, мы как страна попадем в рабство с одновременным физическим истреблением лучшей части наших людей. Третьего не дано,— жестко подчеркнул Малышев. И уже несколько мягче, словно хотел, чтобы его поняли не только умом — душой: — Если вы поймете положение дел именно таким образом и с этим пониманием возьметесь за подготовку производства танков, можно безусловно рассчитывать на успех.

Вячеслав Александрович Малышев со всей остротой поставил конкретную заводскую задачу — подготовку производства танков.

Второй раз в своей истории завод становился поставщиком танков. Еще в первые годы гражданской войны сормовичи по заданию В. И. Ленина выпустили первые советские танки. Их было всего 15. Головной танк по желанию коллектива рабочих был назван «Борец за свободу тов. Ленин».

С точки зрения исторической значение этого факта трудно переоценить. Но заводской опыт 20-х годов не имел сколько-нибудь серьезного технического значения. Чтобы ликвидировать преимущество гитлеровской армии в танках, необходимо было на советских заводах внедрить поточный метод производства, конвейерной сборки боевых машин. Такая задача технически весьма сложна. Для нашего завода она была труднее вдвое.

«Красное Сормово», с его славными традициями, огромным опытом, уникальным мастерством рабочих и инженеров, имело громадный производственный потенциал. Но десятилетиями завод, выпуская сложную продукцию судостроения, привык к индивидуальному, штучному производству с длительными циклами. Здесь же предстояло перестроиться на серийную продукцию, выпускать ее по графику ежедневно, ежечасно. Это требовало не только организационной, технической, но и психологической перестройки, а сроки ее исчислялись не годами или месяцами, а днями.

Надо было создать принципиально новую технологию, организовать поточные линии, строить новые цехи, изготовить и освоить сложное специальное оборудование, переучивать рабочих новым профессиям.

Судостроители имели дело со сравнительно простыми углеродистыми сталями небольших толщин. Теперь же заводским мартеновцам предстояло варить броневые марки высоколегированных сталей, литейщикам — осваивать массовое производство броневого литья и такие сложные изделия, как башни, траки гусениц, такие новые процессы, как кислородная резка и строжка, автоматическая сварка, которые в то время еще не применялись широко даже на специализированных танковых заводах.

И как ни велика была напряженность момента, как ни огромны были энтузиазм и самоотверженность людей, подобную задачу не решить бы простым напряжением сил по немудреному правилу «давай, давай!». Решали техника, организация производства. Тогда-то и сказались в полной мере преимущества социалистической экономики, свойственные ей принципы братского сотрудничества и товарищеской взаимопомощи. И главное, конечно, — понимание каждым работником общей цели и своего места в ее достижении.

Чтобы каждый сормович, как каждый солдат, понимал свой маневр — такую цель поставили партийное, хозяйственное руководство, общественные организации завода сразу же после получения задания Государственного Комитета Обороны.

Как сильно, словно только что сказанное, звучало указание В. И. Ленина о том, что победа «требует гигантской энергии, самодеятельности именно рабочих, именно профсоюзов, именно пролетарской массы, и в первую голову тех рабочих, которые близко стоят к отраслям промышленности, связанным с обороной» [1].

Эта мысль пронизывала все горячие выступления на общезаводском партийном собрании 4 июля при обсуждении вопроса о выполнении правительственного задания. И вот принятое тогда постановление:

«1. Обязать каждого члена и кандидата партии считать себя мобилизованным в ряды действующей рабоче-крестьянской Красной Армии и организовать свою работу

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 331.

на военный лад, отдавать все свои силы и знания, не считаясь со временем, на выполнение задания партии и правительства.

2. Своей повседневной образцовой практической работой и массово-политической деятельностью поднять весь коллектив завода на большевистскую борьбу под лозунгом: «Отдадим все наши силы на поддержку героической Красной Армии!

Все силы на разгром врага!»»

Можно сказать, что резолюция начала действовать до того, как была написана. Уже никто не считался со временем, самоотверженно трудились коммунисты и беспартийные, цехи и отделы без раскачки приступили к подготовке производства.

Пока одни на Харьковском танкостроительном заводе знакомились с производством, другие в своих цехах готовили чертежи на оснастку, приспособления, разрабатывали технологию. Конструкторский отдел — этот известный в стране инженерный и научный центр судостроения — превратился в службу подготовки производства танков. Конструкторы ежедневно работали с 8 утра до 11 вечера.

Перестройка шла по всем линиям. Цехи и участки начали переходить на серийное и поточное производство, средства механизации и оснастки внедрялись в размерах, еще невиданных на заводе. Сами изготовляли специализированное оборудование. Учились новым профессиям и строили.

В жарком июле 1941 г. все было брошено на строительство. Три старых цеха — судокотельный, рессорно-штамповый, обрубной — после реконструкции и застройки пустыря между ними должны были превратиться в бронекорпусный цех. В августе 1941 г., когда уже начали ставить колонны здания, инженера Г. П. Хрящева назначили начальником этого цеха. Тогдашний директор завода Д. В. Михалев повел нового начальника на место.

— Где же цех? — спросил Хрящев.

— Цеха пока нет, а вот план уже утвержден. Через месяц вы должны начать выпуск бронекорпусов.

Как говорится, глаза не верят, а руки делают. Не верилось, что начатый до войны каркас кузнечно-прессового цеха через 40—45 дней станет действующим бронетерми-

ческим цехом площадью 14 тыс. $м^2$, с тяжелыми мостовыми кранами, нагревательными печами, способными вместить целиком корпус танка, закалочными ваннами, не уступающими по размерам иному плавательному бассейну. Днем и ночью, круглыми неделями строители и рабочие завода, мастера-умельцы, сменив свои профессии на землекопов, плотников, каменщиков, вели стройку.

В августе — сентябре, когда на фронтах кипели ожесточенные бои, сормовские рабочие одержали свою первую и нелегкую победу, построив новые цехи. Тогда от имени строителей принимали слова благодарности Т. Новиков и В. Ляскин, возглавлявшие строительно-монтажные работы на заводе.

А от старых цехов только и осталось, что старое название. Вот, скажем, корпусный цех. Теперь он изготовлял детали не корпуса судна, а корпуса танка. Стальной корабельный лист заменила броня. Толстый броневой лист требовал для правки мощных вальцов, новых приемов резки и сварки. Именно здесь появилась такая прогрессивная технология, как автоматическая сварка — детище академика Евгения Оскаровича Патона и коллектива Украинского института электросварки, кислородная резка кромок вместо механической обработки.

В ноябре 1941 г. на заводском собрании партийного актива подвели итоги перестройки. Введены в эксплуатацию десятки тысяч квадратных метров производственных площадей, смонтировано 600 станков, прессов и другого оборудования. Построены и хорошо оборудованы цехи по обработке и закалке брони, сборке и сварке корпусов, стального литья, термообработке бронедеталей, сборочный цех.

В октябре первые танки заводского изготовления ушли на фронт под Москву. Выпуск боевых машин нарастал.

★

— Вы не помните, Хрипков, где у нас в Сормове парикмахерские?

Если бы неподалеку разорвалась бомба, наверное, плавильный мастер А. В. Хрипков удивился бы меньше. Он поднял на начальника цеха заросшее лицо с воспаленными от бессонницы глазами. Что это — шутка?

Начальник цеха Николай Николаевич Смеляков, этот сдержанный, корректный и немногословный человек, шутил редко. Но, взглянув на растерявшегося мастера, улыбнулся:

— Да, да, бриться и спать. Хоть всю смену. Цех останавливаем на сутки. Ремонт и профилактика.

Ох этот литейный цех, да и вся заводская металлургия! Сколько же неприятностей от нее! «Товарищи металлурги,— писала в те дни газета «Красный сормович»,— ликвидируйте свое нетерпимое далее отставание! Снимите оковы с выпуска машин! Дайте детали Т. и Б. (траки и башни.— *Авт.*)! Дайте литье!»

Конец зимы и весна 1942 г. Тревожные телеграммы идут в Сормово. И не мудрено. Тяжелые бои, фронт требует больше танков, а Сормовский завод не выполняет план. И не месяц, и не два. Отставание затягивается.

Впрочем, всему этому есть довольно точное объяснение. В немыслимые (другого слова и не подберешь) и невиданные в практике машиностроения сроки завод подготовил производство танков.

Если перейти на язык военный, напрашивается аналогия с наступательным боем. Армия прорвала фронт, преследует врага. Но наступление не может развиваться бесконечно. Приходит пора подтянуть тылы, переформироваться, но затем с новыми силами ринуться вперед, только вперед — к победе!

Нечто подобное было и в Сормове. Ценой громадного напряжения коллектив добился выпуска танков. Но многие участки заводского хозяйства отстали. Завод не мог войти в график. И вот уже иным задание начало казаться непосильным. Терялась вера в свои силы. Многие дни я провел на сборке, здесь, пожалуй, как нигде, ощущался лихорадочный пульс цехов.

Петр Павлович Маркушев, начальник производства, точный и четкий в своих решениях инженер, знающий завод как свои пять пальцев, высказался вполне определенно: надо время, чтобы набрать заданный темп. Пока мы к нему не готовы.

По-своему, одни с большей, другие с меньшей дозой дипломатии, но об этом же говорили и начальники цехов — опытные инженеры Гайзер, Чигирь, Савровский, Сидоренко, Шугуров, Смеляков, старые кадровые рабочие Токарев, Вялов и секретари цеховых партийных органи-

зацнй Мартынов, Букарин, Собачкин, Казаков... Мнение производственников, совет с работниками партийных органов позволили сделать вывод, что сегодня завод еще не имеет возможности выйти на заданный график. Чтобы завершить перестройку, нужно еще месяц — полтора. Ведь дали же мы небольшую передышку, всего на сутки, литейному цеху Смелякова. Там за эти так называемые ремонтные сутки многое привели в порядок, и цех стал работать лучше. Так и по всему заводу: сегодня подтянуть силы, чтобы завтра сделать еще более широкий шаг вперед.

Я понимал, что такие мысли никому не доставят радости и могут вызвать немалые неприятности. Но долг коммуниста — видеть правду и говорить правду. В письме Государственному Комитету Обороны я подробно описал положение, заявив, что завод в июне 1942 г. не готов выйти на утвержденный план.

Первая реакция на письмо — звонок из наркомата:

— Дело не в том, чтобы доказывать невозможность выполнения графика, а в том, чтобы преодолевать трудности и обеспечить план. План будет выполняться тогда, когда сормовские «кустари» поймут и организуют методы серийного производства машин.

Кустари... Каким-то чудом старая вальцовка (так называли прокатный цех) освоила на неприспособленном стане прокатку брони. В том же цехе, когда поставщик не справлялся со сроками, катали радиаторную ленту. И это на нашем грубом оборудовании! Вспомнились виртуозы кузнецы — это они могли паровым молотом, не сплющив, закрыть коробок спичек. Мне кажется, что и прокатка радиаторной ленты относится к серии подобных чудес.

А как самоотверженно трудились прокатчики — вся семья Калмыковых, братья Кавалеровы! Какой организаторский талант проявил начальник цеха Плетников! А тут — «кустари»... Сколько подобных «кустарей», призвав на помощь все умение, сметку, так свойственную русскому рабочему, выручали завод в сложных проблемах подготовки танкового производства!

Однако прочь обиды. Если объективно, то наркомат был безусловно прав. Именно четкости, постоянной высокой культуры, ответственности каждого исполнителя по всему потоку, крепкой взаимосвязи между основными и вспомогательными цехами — этого нам еще не хватало. Новая

техника, новая организация крупносерийного производства помимо энтузиазма требует индустриальной культуры.

Надо отдать должное наркому В. А. Малышеву. Резко критикуя тогда наши недостатки, он поддержал завод в его главных нуждах. Государственный Комитет Обороны рассмотрел письмо и принял специальное постановление о мерах помощи «Красному Сормову» в обеспечении выполнения плана.

На июнь 1942 г. мы получили задание, которое было значительно выше фактического выпуска в мае, но несколько ниже прежнего графика, установленного заводу. Появилась реальная возможность справиться с реальным планом. План июля был впервые выполнен, и это сразу же вдохнуло новые силы в коллектив.

Вот мои беглые заметки тех дней для памяти, а также пожелтевшие странички нашей заводской газеты.

«*15 июля.* Дирекция, партком, завком объявляют о соревновании по профессиям. Кто будет лучшим мастером, формовщиком, гибщиком, кузнецом, сварщиком, токарем, слесарем, водителем машин... Как видно, соревнование охватило не только, как мы называем, ведущие, но и все основные профессии. И в самом деле, в потоке, в серийном производстве разве скажешь, что, допустим, сталевар важней сварщика, транспортника, инструментальщика?

22 июля. «Сделаем все необходимое, чтобы коллектив сормовичей не подвел наши войска на фронте в теперешний ответственный момент!» С таким призывом машиностроительный цех обратился ко всему коллективу завода, считая, что задача июльского плана должна быть решена при любых трудностях.

С *23 по 31 июля* объявлена стахановская декада.

На совещании заводского актива, где был В. А. Малышев, говорится, что в июле завод работает ровнее, но отстают металлургические цехи. В. А. Малышев снова подчеркнул мысль: «Сормовичи берут не техникой, а умением. Надо оседлать технику».

1 августа. Июльская программа перевыполнена.

5 августа. Присуждены переходящие Красные знамена цехам, завоевавшим первенство в июле. Это мартеновский, арматурный, корпусный цехи, транспортный отдел.

8 августа. Подведены итоги межцехового соревнования за 3, 4, 5 и 6 августа. Цехи корпусный, машиностроительный, механический, 17-й и 18-й — впереди. Заводская газета сообщает: «Вплотную подошли к графику, но не выполнили его железнодорожный и чугунолитейный. Отстают котельный, цех № 20...»

15 августа. Определены победители соревнования по профессиям. Передовикам выдаются специальные удостоверения. В приказе по заводу: «Организовать для всех передовиков июньского и июльского соревнования по профессиям усиленное питание в столовой без вырезки талонов».

22 августа. Идет стахановская декада. Ставятся новые задачи: «Дело чести сормовичей — завоевать Красное знамя Государственного Комитета Обороны».

Изменилась психология, настрой коллектива. О недавнем отставании, которое стоило стольких физических и душевных сил, уже никто и не вспоминает...

29 августа. На совещании заводского актива отмечено, что в июле и августе «Красное Сормово» выпустило танков почти столько, сколько за все первое полугодие.

10 сентября. Нашему заводу присуждено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны».

Обращают на себя внимание и такие записи. Собрание мастеров завода, бригадиров. Совещания партийного и хозяйственного актива... Да, мы часто собирали подобные совещания. Но их не назовешь заседательской суетней. В конкретной, деловой форме обсуждались текущие дела, держался совет с коммунистами, рабочими — подлинными хозяевами. Что может заменить совет производственников, хорошо знающих положение, берегущих честь завода, как свою собственную!

Так сормовичи, набрав нужные темпы и поверив в свои силы, преодолели отставание, уверенно пошли в гору.

В начале второй декады сентября на «Красное Сормово» прибыла делегация воинов-гвардейцев с Красным знаменем Государственного Комитета Обороны, которое передавалось нам с Кировского завода. Трудно описать радость и подъем, охватившие весь коллектив завода и тех, кто был на митинге у танкосборочного цеха. Были здесь В. А. Малышев, первый секретарь Горьковского обкома

партии М. И. Родионов, секретарь ВЦСПС Клавдия Николаева.

В сентябре «Красное Сормово» снова завоевало первое место среди танкостроительных заводов и переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны, а 25 октября 1942 г. в «Правде» была опубликована статья «Кировцы борются за возвращение первенства».

Поздно вечером пришел этот номер «Правды» на завод, а рано утром 26 октября состоялось расширенное заседание парткома. Он принял такое решение:

«1. Приветствовать коллектив трижды орденоносного Кировского завода, поставившего себе целью ударной работой в октябре месяце вернуть Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

2. Созвать 26 октября 1942 г. совещание секретарей цеховых партийных организаций и совещания агитаторов по цехам с обсуждением статьи «Кировцы борются за возвращение первенства».

3. 27 октября 1942 г. на стыке двух смен с 8 часов утра провести во всех цехах митинги по вопросу: очередные задачи решающей пятидневки октября. Митинги провести под лозунгом: «удержим завоеванное в соревновании Красное Знамя Государственного Комитета Обороны»».

33 месяца в годы Отечественной войны завод держал переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. Ныне оно находится на «Красном Сормове» на вечном хранении.

★

Стол был завален чертежами. Он стоял вплотную к стене в кабинете второго секретаря Горьковского обкома партии Сергея Яковлевича Киреева. Как ни придешь, вечно кто-нибудь роется в чертежах. Это руководители заводов, конструкторских и технических служб определяли, что́ может сделать их коллектив для «Красного Сормова».

«Красное Сормово» выпускало танки в кооперации со многими различными предприятиями. Положение с самого начала усугубилось тем, что иные заводы оказались в районах, оккупированных тогда противником, другие — на колесах: эвакуировались в Сибирь, на Урал.

В этих сложных условиях надо было быстро наладить взаимодействие предприятий, создать систему кооперации, предусмотрев заранее возможные изменения, потому что

Эшелоны, груженные танками,
шли на запад,
наращивая мощь советских армий.

Нескончаемым потоком шли на фронт
эшелоны с вооружением,
боеприпасами, продовольствием,
обмундированием, всем,
что требовала война.

Под огнем врага,
в полуразрушенных депо
железнодорожники ремонтировали
паровозы.

На восстановлении стальных
магистралей и железнодорожных
мостов.

Хлеб фронту.
Красный караван из аула Багир прибыл в Ашхабад.

В трудных условиях войны
самоотверженно работали на полях
жители сел и деревень
Советской страны.

Самоотверженно трудились на полях
женщины, старики, дети.

обстановка не оставалась стабильной. Это была сложная хозяйственная, инженерная, политическая задача.

Гитлеровская Германия хвасталась традиционным «немецким порядком». Но, имея в своем распоряжении громадные ресурсы, производственные мощности чуть ли не всей Европы, фашистские заправилы не могли создать высокоорганизованного военного хозяйства, развернуть полностью потенциальные силы экономики. Неодолимой преградой встали объективные законы капиталистического производства.

Наша страна добивалась побед ценой величайшего напряжения воли и сил, массовым героизмом на фронте и в тылу. Но был еще один решающий фактор — величайшая организованность, основанная на преимуществах социалистической экономики, общественной собственности на средства производства, руководящей и организующей деятельности партии. Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет смогли успешно мобилизовать экономические силы страны в условиях массовой эвакуации промышленных предприятий, быстро и гибко маневрировать производственными мощностями. Партия выступила коллективным организатором производства. Организованность, народный подъем, высокий патриотизм слились в единое целое.

Естественно, что основными поставщиками «Красного Сормова» стали горьковские предприятия. Автозаводцы давали штамповки, поковки, диски колес, арматуру, радиаторы. Завод фрезерных станков — коробки перемены передач, шестерни, валы. Завод «Двигатель революции» — литье. Горьковский, Кулебакский и Выксунский металлургические заводы — прокат. «Красная Этна» — крепеж...

Им тоже пришлось нелегко. Потому что прежде, чем начать поставки, надо было освоить новые производства. Поистине цепная реакция трудностей.

И если они успешно преодолевались, то прежде всего благодаря постоянному, в высшей мере действенному контролю партийных организаций. Это не значит, конечно, что они старались делать «все и за всех» — хозяйственников, специалистов. Нет. Партийные работники искали формы и методы воздействия по-настоящему партийные, старались не администрировать, а разъяснять, превращать убеждение в действие. И здесь, надо сказать, пример заводским работникам показывало бюро обкома пар-

тин, его секретари М. И. Родионов, С. Я. Киреев и В. Ф. Янкавцев. Бюро обкома не реже двух раз в месяц обсуждало вопросы обеспечения завода. А по его поручению специально занимался танками В. Ф. Янкавцев. Он хорошо знал завод, работая в свое время первым секретарем Сормовского райкома; затем, будучи секретарем городского комитета партии, познакомился с другими предприятиями города. Конкретное, глубокое знание промышленности помогало находить действенные методы партийного руководства.

Партийные работники, контролируя ход производства, часто выезжали и к поставщикам. Непосредственно в цехах беседовали с рабочими, держали с ними совет, как ликвидировать прорыв, быстрее изготовить ту или иную деталь.

Как видно, партийная организация не подменяла специалистов, планирующих межзаводские связи, но планы кооперированных поставок она превращала в достояние широких масс трудящихся, тех, кто эти планы выполнял. Именно потому планы, графики становились полнокровными, жизненными.

Конечно, далеко не все шло гладко. Были штурмы, авралы, бессонные ночи. Геннадий Павлович Хрящев, начальник отдела внешней кооперации, поставил однажды своеобразный рекорд — пробыл на ногах трое с половиной суток. Две ночи провел в цехах автозавода «на прорыве» радиаторов. Приехал на завод, доложил о сделанном и уже предвкушал, что отпустят поспать на несколько часов, как вдруг в цейтноте оказалась «малая бортовая». Третья ночь прошла на заводе фрезерных станков. Наутро легковая машина привезла детали прямо в цех на сборку, а самого Хрящева — на утренний рапорт. Вот там Хрящев и заснул. Когда дошла очередь до него, сосед разбудил толчком в бок. Не растерялся Геннадий Павлович и довольно бойко доложил обстановку...

Что и говорить, работникам завода приходилось быть инициативными, изворотливыми. Не обходилось и без запрещенных приемов.

Позвонил как-то по телефону начальник автозаводской кузницы А. Н. Сомов (он вскоре был назначен на наш завод парторгом ЦК ВКП(б)). Кузнечный корпус завода поставлял поковки и штамповки и старался выдерживать графики. Однако не обходилось и без срывов.

Так вот, слышу виноватый голос А. Н. Сомова:

— Очень прошу, не снимайте с работы Леонида Васильевича Вавилова, он не виноват. Это мы подвели.

Я был удивлен. Никто и не собирался снимать с работы Вавилова. Это толковый специалист, много сил положил, чтобы наладить четкие поставки. Спрашиваю Вавилова:

— В чем дело? Кто хочет снять вас с работы?

— Не было другого выхода,— хитро улыбнулся Вавилов.— Пришел в цех, а там наши штамповки на молот не ставят. А у нас же запас нулевой. Говорю тогда А. Сомову: «Спасибо, Анатолий Николаевич, добили старика. Выгоняют меня с работы — не обеспечил танки...» Тут-то в цехе и забегали. Такой разгон устроил Сомов! Пошли штамповки...

Как ни самоотверженны, как ни хитроумны были снабженцы, все же успех межзаводской кооперации решала четкая система поставок. Начали с элементарного: создали связи с заводами-поставщиками и с цехами-потребителями, познакомились с людьми, отвечающими за поставки, знали всех — не только в лицо и по имени-отчеству, но и деловые качества: кто может пообещать и не выполнить, а кто «разобьется», а слово сдержит. Изучили и производство у наших поставщиков, особенности технологии каждой детали.

А у себя на заводе мы добивались строгого порядка, искали наиболее рациональные и экономичные пути доставки деталей и материалов в цехи, не допускали образования сверхнормативных запасов.

Организация производства, его военная экономика, роль руководителя — мне кажется, что эти темы далеко не исчерпаны. Они еще ждут своего исследователя. Методы управления на предприятиях сообразно с быстро меняющейся обстановкой на фронтах отличались динамизмом, оперативностью. Решение требовалось принимать немедленно, сейчас же. На любом уровне повышалась ответственность руководителя, будь то начальник цеха, участка, отдела или директор завода. Не помню случаев (возможно, они и были, но очень редко), когда кто-либо из заводских руководителей практиковал «спихотехнику», увиливал от сложного задания. Сам моральный климат коллектива был противопоказан лентяям, людям безответственным. Именно ответственность, чувство семьи

единой — вот что характеризовало сормовичей, да и другие рабочие коллективы. Конечно, не обходилось и без каких-то элементов местничества. Но все же все коллективы, которые работали вместе с нами, превыше всего ставили общее дело, понимали, что самая-то тяжесть легла на Сормово. Так поступали все руководители предприятий.

Чувство локтя, великая отзывчивость в высшей мере свойственны заводскому коллективу. Вот и в Сормове. Как ни трудно было, сил хватало на все.

...Освобождена от оккупантов Калининская область — сормовичи шлют оборудование. Нужно помочь селу — в сельские районы Горьковской области завод посылает машины, ремонтников на уборочную... Организуется Суворовское училище — его оборудуют сормовские рабочие. Они помогают учебной танковой бригаде генерала Нэмме, Ветлужскому танковому училищу под началом генерала Раевского готовить танкистов, оборудуют специальные классы, наглядные пособия. Вместе с другими заводами отдают личные сбережения на строительство танкового корпуса «Советский танкостроитель». Сами снаряжают танки, отправляя на фронт своих же заводчан, овладевших искусством вождения боевых машин.

Когда в 1943 г. гитлеровская авиация бомбила Горьковский автозавод, рабочие Сормова вместе с другими предприятиями и строителями города восстанавливали разрушенные цехи и корпуса. Через две недели автозавод уже поставлял нам все, что положено, а через три месяца давал продукцию для фронта более высокими темпами и в большем объеме, чем раньше, до бомбежки.

В условиях массового трудового подъема формировался и стиль руководства. Кажется, что война, ее суровые законы требуют лишь четкого приказа и беспрекословного подчинения. Командуй, да и только. Но нет, командиры производства в своем большинстве по-иному понимали свою роль.

У нас на заводе стало правилом — по всем важнейшим вопросам советоваться с активом, с рабочими. Отношения были очень простыми. Рабочие, инженеры могли прийти к руководителям завода, высказать свои претензии, предложения. Да и как же иначе можно относиться к людям, которые, не считаясь со временем, отдавали все силы фронту, победе! Все это не значило, конечно, что дело обходилось без приказов, строгостей и взысканий.

На заводе часто бывали ответственные работники ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совета Народных Комиссаров, нарком танковой промышленности В. А. Малышев, заместители наркома А. А. Горегляд, С. А. Степанов, П. М. Зернов, М. П. Попов, первый секретарь обкома М. И. Родионов — руководители, известные своей высокой требовательностью и принципиальностью. Сам В. А. Малышев, другие руководящие работники наркомата помимо частых наездов, как правило, каждый вечер связывались с заводом, интересовались ходом работ. Они до деталей знали дело. И тем не менее, облеченные большими правами, они меньше всего командовали. Прежде чем принять решение, внимательно выслушивали и рабочих, и конструкторов, и руководителей служб, советовались с партийными организациями завода и цехов. Я бы назвал этот стиль уважительной требовательностью.

★

«Две лавины танков двинулись одновременно навстречу друг другу и сошлись вплотную в трех километрах от Прохоровки. У совхоза «Комсомолец» разгорелось одно из крупнейших танковых сражений. Первый эшелон атакующих советских танков на полном ходу врезался в боевые порядки танковой колонны немцев. Ряды перемешались. Немецкие «Т-V», лишенные в ближнем бою преимущества своего вооружения, расстреливались нашими «Т-34» почти в упор... С мощных немецких танков слетали тяжелые башни, снаряды пробивали навылет броню. На поле боя горело свыше сотни неприятельских танков и самоходных пушек. Наши танки одержали победу». Так об этом сообщала 29 июля 1943 г. газета «Красная звезда».

Наверное, в искореженном ломе, обгоревшей броне, которую доставляли эшелонами на завод для переплавки, были и немецкие машины, сраженные нашими сормовскими «тридцатьчетверками». Грохот битвы на Курской дуге доходил и до Сормова. Приподнятое настроение чувствовалось во всем.

Советский средний танк «Т-34» показал себя машиной, превосходящей не только свой класс, но и многие тяжелые типы машин. «В 1941 г.,— признает английский военный историк Лиддел Гарт,— ни один из наших танков не мог сравниться с «Т-34», имевшим 55-*мм* броню, 76-*мм* пушку

с большой начальной скоростью снаряда и обладавшим довольно высокой скоростью при прекрасной проходимости».

Гейнц Гудериан, создатель гитлеровских бронетанковых сил, вспоминает: «В ноябре 1941 г. видные конструкторы, промышленники и офицеры приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русскими танками «Т-34», превосходящими наши боевые машины... Предложение офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же танки, как «Т-34», не встретило у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей «Т-34»...»

Разумеется, было приятно слышать похвалу. Но так уж устроен советский человек, что он не может удовлетвориться тем, что сделано, не хочет жить вчерашним днем.

Вскоре после победы на Курской дуге на завод приехали В. А. Малышев и Я. Н. Федоренко.

— Мы выиграли сражение,— сказал В. А. Малышев.— Но какой ценой? Немалой кровью наших танкистов. Судите сами. Чтобы поразить броню немецких танков (он имел в виду тяжелые танки «тигры» и «пантеры».— *Авт.*), мы со своей 76-*мм* пушкой должны подойти на 600 *м*. А вражеский танк может открыть поражающий огонь уже с 1000 *м*. У него, выходит, рука подлиннее. Понимаете, что это значит?! Танку «Т-34» крайне нужна пушка не 76-*мм*, а 85-*мм* калибра.

Так мы получили новое задание и всего несколько месяцев на его решение.

Что греха таить: среди танкостроителей были и такие настроения: танк — машина грубая, тяжелая, ее «вылизывать» нечего. Сормово всю свою жизнь имело дело с машинами тяжелыми, сильными, отличающимися добротностью, высокими эксплуатационными свойствами. Эти многолетние заводские традиции счастливо сочетались с новыми принципами поточного производства танков. Для нас не было вопроса о «вылизывании» машин: они носили сормовскую марку.

Еще ставя в производство готовую конструкцию, наши конструкторы В. М. Керичев, С. Н. Якимовский, И. И. Краковский, А. С. Окунев, В. П. Воробьев и многие другие под руководством главного инженера Г. И. Кузьмина и начальника КБ В. В. Крылова внесли ряд важных изменений. Вот одно из них.

Для смены пушки башня в ее кормовой части имела отверстие, закрытое съемными листами на болтах. Съемный лист был источником всех неприятностей. Мало того, что ослаблял броневую защиту и был уязвим даже для пулеметного огня, он не выдерживал вибрации: лист срывало с места крепления.

Предложение конструкторов сводилось к тому, чтобы отверстие в кормовой части башни вообще не делать, а с помощью домкрата поднимать саму кормовую часть на угол, обеспечивающий демонтаж пушки. Так и было сделано. В конечном счете стала сильнее броневая защита башни, а трудоемкость ее изготовления уменьшилась.

В конце 1943 г. была изготовлена литая башня с так называемым уширенным погоном. Это была весьма удачная конструкция для выпускавшейся промышленностью 85-*мм* пушки. Но в то же время на одном из артиллерийских заводов коллектив конструкторов под руководством В. Г. Грабина разработал новую, более совершенную 85-*мм* пушку.

Четыре смены подряд, не выходя с завода, сектор вооружения нашего КБ в полном составе вел прикидки и расчеты. Убедились в одном: новую пушку с сохранением ее технических характеристик разместить в новой башне невозможно.

Итак: или — или. Что к чему приспосабливать: удачную ли конструкцию и освоенное производство литой башни или новую, тоже удачную, 85-*мм* пушку?

В том и другом случае одна из «фирм» должна понести какой-то ущерб. Я погрешил бы против истины, сказав, что вопрос решался гладко и полюбовно. Каждый защищал свое: споры, обсуждения носили бурный, подчас резкий характер. На завод приехали В. А. Малышев, нарком вооружения Д. Ф. Устинов, маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев. И на месте приняли решение: приспособить пушку к башне с уширенным погоном.

Надо отдать должное Василию Гавриловичу Грабину: после этого он прекратил всякие споры и вместе со своим конструкторским коллективом, не считаясь со временем, быстро внес изменения в конструкцию. И так удачно, что все качества орудия были сохранены полностью. Через три дня после решения новые танки были отправлены на артиллерийский завод, вместе с ними выехали бригада

монтажников Г. И. Ускова и группа конструкторов А. С. Окупева. Руководители двух заводов следили за ходом монтажа, полигонных испытаний. В начале 1944 г. на фронт пошли только модернизированные танки с 85-*мм* орудием и усиленной башней «Т-34-85» — так они теперь назывались. Наш завод на ходу перешел на новое производство. Это была первая модернизация «тридцатьчетверки» в танковой промышленности. Вслед за Сормовом на новую конструкцию перешли все танкостроительные заводы. Танкисты получили «длинную руку».

★

Когда на фронте солдат поднимается в атаку, врывается во вражескую траншею, с гранатой бросается на танк, направляет свой самолет на таран, он в подвиге своем в считанные мгновения спрессовывает все свои силы, всю волю. У подвига боевого и трудового единые истоки. «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». Но подвиг трудовой — не мгновенный взрыв чувств и действия, он — в бесконечной череде дней и ночей, в подчас однообразной, даже нудной работе, в недоедании, в недосыпании, в заботах о хлебе насущном, о семьях, о детях, о товарищах. Но во множестве мелочей, из которых соткана жизнь, не пропадают души высокие порывы, не меркнут идеи служения Советской Родине.

Осенью 1943 г. прибыла за танками большая группа офицеров с фронта. Танкисты захотели посмотреть завод, как трудятся тыловики. Офицеры зашли в литейный цех. Он был забит отлитыми башнями, деталями танков. Горы шлака и горелой земли поднимались до самых подкрановых балок: транспорта не хватало, не успевали вывозить. На склонах шлаковых гор стояли рабочие, некоторые без рубах, выбивали опоки, обрубали детали. При виде фронтовиков их худые, изможденные, покрытые копотью лица заулыбались. Литейщики приветствовали фронтовиков. Началась разливка стали. Огненные брызги разлетались вокруг, попадая на рабочих, те защищались, чем могли.

— Ну, как впечатления? — спросили танкистов. Те отвечали, что видели все своими глазами и на фронте расскажут о героическом труде рабочих. А один лейтенант не выдержал:

— Лучше уж на фронте быть, чем в этом аду...

— Здесь тот же фронт,— сказал второй.

Вспоминается Петр Андреевич Заломов, этот легендарный большевик, старый сормовский рабочий, послужив-ший Горькому прообразом Павла Власова — героя романа «Мать». Он был слаб здоровьем, Петр Андреевич. Но чуть ли не каждый день мы видели его с неизменной палочкой, в рабочем картузике. Неторопливо шел по заводу, беседовал с рабочими, с молодежью. В трудный для Родины час он не мог быть на покое, человек с чистым и горячим сердцем коммуниста.

Вспоминаю и многих его товарищей по заводу. У каждого заломовские, истинно коммунистические черты проявлялись в разном и по-разному. Но было нечто общее — постоянное чувство: я лично ответствен за все, не только за свою норму и свой станок. Люди смотрели куда шире, видели далеко, чувствовали, что на их плечах весь завод, страна. И они конкретным делом помогали решать сложные задачи и проблемы.

Одна из них, наиболее острая,— это кадры.

Людей не хватало. Многие сормовичи ушли на фронт. Оставшиеся трудились без выходных, по 12—14 часов подряд в сутки, а то и более. Слесарь Б. М. Пономарев 56 часов не выходил из инструментального цеха, собирая приспособления, без которых не могли работать сборщики танков.

И тем не менее даже такой напряженный труд не мог восполнить нехватку рабочих.

Тогда к старым кадровикам, рабочим, ушедшим на заслуженный отдых, обратился И. М. Олимпиев, участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Сормове: «Старички! В грозный и ответственный момент у нас еще хватит сил по-боевому поработать для своей Родины».

И снова потянулись на завод старики. Пришел в свой цех М. Г. Боков, кавалер ордена Ленина, 57 лет проработавший в Сормове. Вернулся и В. С. Токарев, полвека отдавший заводу, талантливый рационализатор. Мы увидели на заводе Героя Труда Т. Г. Третьякова, одного из старейших в славной сормовской рабочей династии Третьяковых. Почти 250 старых производственников со стажем работы 40—50 лет каждый снова вернулись на завод, стали к станкам, возглавили бригады, участки.

Люди большой мудрости, опыта, высокого мастерства, которое сродни искусству, они были живыми носителями

революционных традиций. Их советы, критические замечания, высказываемые порой далеко не в дипломатической, угодной начальству форме, очень помогали руководству предприятия.

Вот и сегодня в кабинете директора собрались старые производственники. Мы советуемся о том, что нас больше всего волнует,— как помочь новичкам, подросткам, домохозяйкам, выпускникам школ ФЗО, то есть всем, кто пополнил наш завод, быстро овладеть мастерством. И не только квалификацией, но и традициями сормовского пролетариата. Тогда-то и родилась мысль: старые производственники возьмут шефство над молодежью.

Мы видели в этом не только средство повышения квалификации, но и придавали шефству большое воспитательное значение. Партком решил собрать всех старых производственников. Мне поручили пригласить на это собрание Михаила Ивановича Калинина.

— К сожалению, приехать не могу,— сказал он,— но письмо старым рабочим пришлю обязательно.

Какие же люди были представлены на этом собрании? Участники баррикадных боев в первой русской революции и те, кто устанавливал Советскую власть, проливал кровь в гражданской войне. Здесь были и те, кто строил первые советские танки, выполняя личное задание В. И. Ленина, кто снаряжал Волжскую военную флотилию, осваивал выпуск паровозов, кораблей для рек и морей. Это была живая история революционного движения, энциклопедия опыта.

«Рабочий сход» — так называли это собрание сами старые сормовичи. Василий Сергеевич Токарев пришел в партком. Просил 5 билетов для «ребят». Самому молодому из этих «ребят» было 74 года. У первых 23-х, зарегистрировавшихся на совещании, общий стаж работы на «Красном Сормове» составлял 1000 лет.

Просто, без лишних слов говорили на «рабочем сходе» старые рабочие. Гулом одобрения встретили выступление товарищей о жизни, о прошлом, о новой своей рабочей смене, о заботе о ней. А Петр Андреевич Заломов сказал так:

— Ценность жизни, счастье жизни заключается не в том, что́ человек получил от других, а в том, что́ он сумел дать другим... Все силы, товарищи старики, приложим к тому, чтобы передать свои знания молодежи, чтобы быст-

рей готовить из новичков квалифицированных рабочих. А вы, молодые рабочие, старайтесь как можно быстрее научиться делу. От ваших успехов на производстве во многом зависит наша окончательная победа над фашизмом.

В тот октябрьский день 1943 г., в разгар совещания, нам передали письмо Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина:

«От души приветствую участников совещания старых рабочих «Красного Сормова». Дорогие товарищи,— писал он,— на вас лежит нравственная обязанность и государственный долг сохранить профессиональные традиции сормовских рабочих и научить новичков так же искусно работать, как работают кадровые рабочие».

С тех пор шефство старых производственников стало на заводе системой воспитания и обучения молодых рабочих. Это шефство повлияло на дальнейшее развитие социалистического соревнования. В наши дни в патриотических починах передовых рабочих «Ни одного отстающего рядом» мы чувствуем отзвуки благородных дел сормовской рабочей гвардии.

Она помогла наладить широкую техническую учебу, подготовку кадров. Только за два года (1943—1944) повысили свою квалификацию, овладели более сложными профессиями свыше десяти тысяч человек.

Когда я думаю об этом примечательном явлении времени, вспоминаю Аркадия Павловича Гордеева.

Вероятно, полагалось бы звать его просто Аркашей: ему не исполнилось и 16 лет. Но он был бригадиром, и под его началом трудились еще четыре худеньких девочки. Наверное, всей бригаде в общей сложности было лет чуть побольше семидесяти.

Белобрысый, низкорослый, с пухлыми губами, по сути еще мальчик, он отличался характером сердитым и самостоятельным. На фамильярное обращение «Аркаша», «Аркадий» не откликался. Насупив брови, нередко покрикивая на девчонок, считал, что бригаду нужно держать в строгости. Девчонки были безропотно послушны. На танковом конвейере операции № 2 и 3 — сборка приводов управления — целиком и полностью принадлежала бригаде Аркадия Павловича.

...Этот день начался неудачно. Корпусный цех не дал ни одного корпуса на первую операцию. А потом начальнику танкового конвейера А. И. Гайзеру доложили, что

Аркадия Павловича и всей его девчоночьей бригады нет. Никто не знал, куда они исчезли, поиски ни к чему не привели.

Только в час дня подошли платформы с первыми корпусами. Когда их ввели в цех, из корпуса вдруг выглянула белобрысая голова. Выглянула и исчезла. На платформах, в корпусах танков, и нашлась вся бригада Аркадия Павловича.

Оказалось, что утром, увидев угрозу срыва графика, Аркадий и его девчонки забрали инструменты, детали и ушли в корпусный цех. Не ожидая, пока там закончат все операции, начали сборку приводов управления. Корпуса переходили с места на место. Их грузили на платформы, те, в свою очередь, перегоняли по путям, а бригада Аркадия Гордеева работала внутри, стараясь не потерять ни минуты. Когда корпус танка поставили на первую операцию конвейера, вторая и третья уже были закончены.

Какой же великолепный пример использования резервов показала бригада Аркадия Гордеева! Совмещение профессий и операций с тех пор стало широко практиковаться на заводе. Впоследствии юный бригадир А. П. Гордеев был удостоен правительственной награды.

Наши юные товарищи, молодежь, славные комсомольцы старались брать ношу потяжелее. Они оказались достойными своих отцов. Ведь именно среди молодежи, комсомольцев появились двухсотники, трехсотники — те, кто ежедневно давал не менее двух и трех норм. Еще 3 июля 1941 г. комсомолец В. Шишов из монтажного цеха в вечерней смене попросил у мастера разрешения работать на двух станках.

— Товарищ ушел на фронт, и я хочу заменить его.

Движение двухсотников — выполнять норму за себя и за товарища, ушедшего на фронт,— получило широкое распространение на заводе. Дальнейшим развитием его были фронтовые бригады. Люди добровольно подчиняли себя суровым законам фронта: «Не выполнив задания, из цеха не уходить!» Лозунг на заводе был созвучен закону фронта: «Ни шагу назад!»

В числе первых возникла фронтовая бригада в арматурном цехе. Ее возглавил молодой рабочий-токарь Иван Черноталов. Ребята создали свою, «черноталовскую» технологию. Изготовили высокопроизводительные приспособления и с их помощью выполняли нормы на 300—400%.

Движение фронтовых бригад охватило все цехи. Появились фронтовые участки и даже фронтовые цехи, как тот же арматурный. И если в октябре 1941 г. на заводе было 13 фронтовых бригад, то через полгода — 180, а к началу последнего года войны — 485. Комитет комсомола, которым руководили Константин Бухвалов и Федор Букин, прикладывал много стараний, чтобы распространить это движение среди молодежи.

Заводская партийная организация направляла в бригады коммунистов, хороших специалистов.

Фронтовым бригадам в высшей мере была свойственна ответственность за дело, критическая оценка своих успехов. Помню, как взволновала меня заметка в заводской газете за подписью командира фронтового участка В. Попова и бригадира А. Плотникова. Они требовали покончить со штурмовщиной, с простоями, предъявляли серьезные претензии виновникам неравномерной загрузки участка. Так, движение фронтовых бригад — это выражение народной инициативы — потребовало повышения уровня технологии и организации производства, становилось силой технического прогресса.

Тогда же возникло и соревнование по профессиям, которое в наши дни получило такое широкое распространение. Соревнование за звание «Гвардеец своей профессии» имело специальные условия, оно помогало внедрять передовой опыт, обеспечивало сравнимость работы, а значит, еще более широкий размах самого соревнования. Партийная организация в этом соревновании видела эффективное средство увеличения выпуска танков. Широко использовались с этой целью разнообразные формы политической работы, наглядной агитации.

Среди победителей соревнования было немало женщин. И хочется сказать доброе слово о сормовичках. За что только не брались их нежные и сильные руки! Они нянчили детей и варили сталь, управляли станками.

Шура Яруничева — электросварщица. На заводе работают ее отец и брат, братья мужа, муж Григорий — на фронте. В своей брезентовой спецовке она скорей похожа на подростка, но какая же сила таится в этой хрупкой женщине!

...Бригадир не вышел на работу — заболел. Яруничева не стала мешкать. Вместе с подругами принялась за срочную работу. А потом мастер сказал: есть еще одна срочная

работа и сделать ее нужно во что бы то ни стало. На вторую смену, до утра оставалась электросварщица в цехе, но и эту работу закончила. Александру Ярушичеву наградили орденом Красной Звезды.

Женщины овладели всеми мужскими профессиями. Даже кочегарили. Ольга Васильевна Грачева, Секлетея Григорьевна Федосова, Александра Федоровна Марганова держали пар на марке.

Ночью во время бомбежки в котельной был разрушен водовод низкого давления. Водосмотр Анна Петровна Потемкина, машинист насосов Ксения Васильевна Хромова так же, как и мужчины, оставались на посту, ликвидировали аварию.

О коллективном подвиге рабочих Сормова говорят цифры: по сравнению с 1940 г. завод к концу войны увеличил выпуск товарной продукции в 5,5 раза, производительность труда повысилась в 4 раза.

★

Вот уж действительно «история с географией»!

Один из коммунистов пришел в партком и с возмущением рассказал о том, что возле фасонолитейного цеха валяется более 100 алюминиевых слитков.

И верно, они лежали прямо в грязи, по соседству с бракованным литьем. Видим на них какие-то буквы. Разобрали: «Australia».

Пригласили в партком товарищей из цеха, работников снабжения, подвели их к географической карте: покажите эту самую Австралию и как доставляются оттуда материалы.

— Это зачем же? — удивился снабженец.— Я эту географию когда еще изучал. Сейчас не до нее.

Мы настаивали. С трудом, но все же работник «добрался» до далекого континента. Тогда ему и объяснили цель этого географического урока... Через полчаса слитки были убраны, исчезло и бракованное литье. Литейщики и работники снабжения стали наводить порядок.

Экономия, бережливость, хозрасчет по всем линиям — эти вопросы заботили и партком, и руководителей предприятия. Не в чести были работники, выполняющие план любой ценой, люди бесхозяйственные, транжиры. В цехах развернулось соревнование за экономное использование металла, пара, электроэнергии, электродов, инстру-

мента. Плановые, бухгалтерские и финансовые службы внедряли маршрутные карты движения и учета материалов, лицевые счета. Словом, большая экономическая работа позволяла при трудностях в снабжении иметь все необходимое для бесперебойного хода производства и увеличения выпуска продукции. «Australia» помогла!

И уж как-то получилось, что еще раз мы столкнулись с Австралией в первые послевоенные дни. На завод приехала делегация австралийских профсоюзов. Гостей встретили радушно. Показали цехи, рабочие поселки, культурные, бытовые учреждения. Конечно, богатством их похвастаться не могли, жили трудно. На заключительной встрече один из членов делегации сказал:

— Мы видели своими глазами разрушения и жертвы русских. Непонятно, как вы существуете? Вы же не богаче нищих.

Не помню кто, пожалуй, что старый сормович и коммунист Яков Карпович Кокушкин ответил так:

— Мы не существуем. Мы — живем! И, как видите, победили в войне.

— Ну как же вы живете? — не унимались эти профдеятели.

— Мы друг другу помогаем!

Да, мы помогали друг другу. Мы выстояли, победили. И в этом главном, решающем зрелым и сильным, достойным своих славных традиций показал себя сормовский партийный коллектив. Его возглавляли умные, душевные товарищи, хорошо знающие производство, парторги ЦК ВКП(б) С. Д. Нестеров, А. И. Андреев, А. Н. Сомов. К партийной организации завода очень близко стояли обком, горком, райком партии. Такие руководящие партийные работники, как секретари Сормовского райкома А. Ф. Отвагин, К. М. Серов, А. Д. Проскурин, сами сормовичи, сделали очень много для повышения боевитости заводской и районной партийных организаций.

Стабильностью отличался состав партийного руководства цехов и отделов. Люди с большим жизненным багажом, тесно связанные с рабочими и сами рабочие — они были поистине гвардейцами партийной работы. Так, в старом мартеновском цехе бессменно был всю войну секретарем старый коммунист И. В. Мартынов, в отделе главного энергетика — А. И. Букарин, в прокатном — И. В. Староверов, в фасонно-литейном — Л. А. Никонов.

Коммунисты личным примером поднимали рабочих на преодоление трудностей, развивали соревнование, вели большую организаторскую, воспитательную работу, доходили до каждого человека. Заводская и цеховые партийные организации постоянно искали и находили такие формы работы, которые бы в наибольшей степени соответствовали обстановке, задачам завода.

Можно ли было, к примеру, не учитывать изменения в составе рабочих? Он, по существу, стал молодежным. Для юношей и девушек семейные законы и традиции значили очень много. И у нас стало правилом сообщать семьям о трудовых успехах молодежи. А затем подобные сообщения пошли и о производственных делах старшего поколения. Кстати, это оказалось не менее действенным.

Много труда было положено на организацию соревнования межцехового и межзаводского (мы соревновались с Горьковским автозаводом, а также с Уральским танкостроительным заводом) по профессиям. Заводская газета и радио оперативно показывали итоги, пропагандировали опыт передовиков, вскрывали причины отставания. Мы стремились, чтобы каждый работник, весь коллектив знал о делах сегодняшнего дня, понимал свои завтрашние задачи.

В годы войны в Сормове работало немало людей — посланцев среднеазиатских республик. Сам этот факт был ярким выражением дружбы народов. Но прибывшим туркменам, в своем большинстве крестьянам, нелегко было привыкать к нашему климату и необычной работе. Партийные организации помогали преодолевать трудности, учитывали национальные обычаи, привычки, помогали быстрее войти в рабочий коллектив.

Помнится, собрали туркменов из всех цехов завода. Устроили обед. Достали даже несколько барашков. Приготовили национальные блюда, в пиалах подавали зеленый чай. Участники собрания услышали о подвигах своих земляков на фронте, о туркменах — передовиках Сормовского завода. До конца войны туркмены проработали в Сормове, помогали его коллективу. С почетом, тепло проводили их сормовичи на родину.

Память о дружбе старейшего русского завода с Туркменской республикой — это мощные корабли, морские железнодорожные паромы, работающие на Каспии между Баку и Красноводском. Они связали Азербайджан с Турк-

менней, сократили расстояние между Россией и Туркменистаном. Корабли эти построены в Сормове, один из них так и называется «Советский Туркменистан».

А в 1972 г. сормовичи построили еще один корабль типа «река — море» и назвали его «Кемине» — в честь классика туркменской литературы.

Едва ли не самым важным партийным делом была забота о материально-бытовом положении рабочих. С питанием было трудно, и по инициативе коммунистов на заводе создали ОРС, подсобные хозяйства. Кстати сказать, на их базе впоследствии развились крупные совхозы Горьковской области.

Предметом особой заботы были цеховые столовые. Мы старались, чтобы передовики производства получали дополнительные талоны на питание, поддерживали рабочих с ослабленным здоровьем. Организовали мастерские по ремонту обуви, одежды, производство хвойной воды как источника витаминов, мыловарение.

А тут еще перебои с топливом. Сормовичи вместе с работниками других заводов города вышли на строительство 55-километровой узкоколейной железной дороги в лесные массивы Керженца. Для этой трассы жизни и тепла наш завод делал еще и паровозы. Одновременно мы вели еще одну, свою 15-километровую узкоколейку к торфяным залежам Каблуковского болота...

Дети... Как они обуты, одеты? Как посещают школу? Как живут семьи фронтовиков? Как устроились эвакуированные? Тысячи вопросов вставали ежедневно перед партийной организацией, хозяйственниками. И все решались.

Было трудно и голодно. Но и в этих условиях завод жил большой духовной жизнью. Концерты художественной самодеятельности в цеховых красных уголках (именно там все и сосредоточивалось, поскольку все здания культурных учреждений были отданы под общежития эвакуированных), лекции видных пропагандистов, таких, как Емельян Ярославский. В рабочих коллективах частыми гостями были герои Великой Отечественной войны, писатели, поэты, артисты, конструкторы боевого вооружения.

Сил хватало на все, потому что мы друг другу помогали. Потому, что коммунисты были действительно ведущей и организующей силой. Они пользовались безграничным доверием коллектива. Об этом, кстати сказать,

свидетельствуют такие цифры. За годы войны больше тысячи рабочих было принято в кандидаты и 1200 человек — в члены партии...

И вот еще цифры. Свыше 12 тыс. танков выпустило «Красное Сормово» за годы войны. Двумя орденами — Ленина и Отечественной войны первой степени — награжден завод за военные годы. В приветствии по случаю награждения завода орденом Отечественной войны Государственный Комитет Обороны писал в июле 1945 г.: «Ваш самоотверженный труд помог нашей доблестной Красной Армии разгромить гитлеровскую Германию».

Как бы хотелось рассказать о тысячах и тысячах рабочих, инженеров, служащих — о всех тех, чьи золотые руки, ум и сердце вложены в нашу великую победу. Многие из них продолжают трудиться на заводе, многие руководят крупными участками народного хозяйства. А иных уже нет. Не дожили до наших дней талантливый Григорий Иванович Кузьмин, главный инженер, начавший свою трудовую жизнь в Сормове рабочим, Владимир Владимирович Крылов, главный конструктор... Их влияние на техническую мысль, на развитие завода сохранялось еще многие и многие годы.

На большой заводской площади стоит на постаменте «Т-34». Этот танк, одним из первых ворвавшийся в Берлин, передан заводу в 1946 г. как символ его боевой и трудовой славы.

И еще один танк, прошедший с боями Румынию, закончивший войну в австрийской столице. Он стоит в центре города Горького на крутом волжском берегу, у Вечного огня, рядом с памятником Кузьме Минину. Здесь, на этом поистине историческом месте, где решались судьбы России, танк на вечной стоянке — вечная память о подвиге горьковчан.

А внизу широко и раздольно несет свои воды Волга, и солнце отражается в ней тысячами ярких бликов. Проносятся, оставляя пенный след, «ракеты», «метеоры», несут грузы мощные и изящные суда, с успехом работающие на реках и морях. Все они получили жизнь на «Красном Сормове».

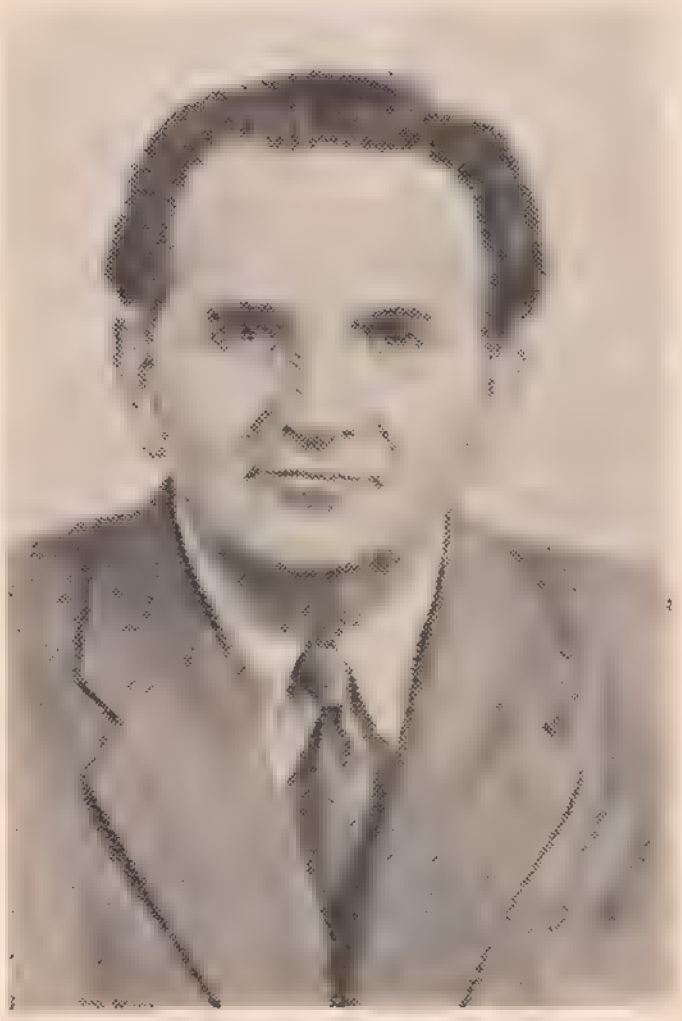
После войны завод перешел на выпуск старой продукции, но старой лишь в смысле судостроительной. Конст-

рукция судов, а тем более их технология имеют мало общего с довоенными. Завод поднялся на новую ступень техники, использовав в судостроении прогрессивные методы поточного крупносерийного производства танков.

Но если есть на заводе старое, неизменное, так это его боевые революционные традиции. Они живут и множатся в трудовых буднях пятилеток. Это о них напоминают два знамени, которые навечно принадлежат заводу,— Знамя Государственного Комитета Обороны и Памятное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС в честь 50-летия Великого Октября, Ленинская Почетная грамота в честь 100-летия В. И. Ленина. Вторым орденом Ленина завод был награжден в день его столетия в 1949 г. Запомнились слова из Указа: «За заслуги перед Родиной и советским народом». Орден Октябрьской Революции — за успешное завершение восьмого пятилетнего плана. И еще много наград имеет прославленный коллектив, ныне инициатор социалистического соревнования за досрочное выполнение исторических решений XXIV съезда КПСС.

П. С. Пешкин

СТАЛЬ БРОНЕВАЯ, МАГНИТОГОРСКАЯ



ПЕШКИН Илья Соломонович. Родился в 1900 г. Журналист.

Редактор газеты «Труд» вызвал меня и без всяких предисловий объявил:

— Завтра рано утром вы летите на Урал. Ваша задача — показать, как Урал перестраивается по-военному, как на новых местах обосновываются эвакуируемые предприятия. Основное внимание — металлурги. Не ждите напоминаний. Пишите, телеграфируйте, пользуйтесь всеми возможными средствами связи.

Среди пассажиров самолета, в котором я летел, был знаменитый ученый академик А. Е. Ферсман. На аэродроме в Казани я попытался взять у него интервью. Мы вели беседу, когда уже наступили сумерки. Уселись на бревно, лежавшее возле деревянной конторки, представлявшей собой вокзал Казанского аэропорта.

Это, конечно, не было интервью. Александр Евгеньевич Ферсман как бы рассуждал сам с собой. Он говорил:

— Конечно, мы теперь не столь нищи, какой была Россия в годы первой мировой войны. Тогда мы были ведь совершенно голые: ни промышленности, ни техники. Огромные пространства страны оставались неразведанными.

Теперь,— продолжал Ферсман,— картина совсем иная, но обеспеченность стратегическими материалами все же далеко не полная. Некоторые из них вызывают опасения. Ряд месторождений оказались в зоне военных действий, например Никопольские марганцевые.

Ферсман перебрал чуть не всю номенклатуру стратегических материалов. Надо искать. Надо быстро организовывать добычу этого, да того, да еще этого. Он перечислил много минералов. И вдруг, как бы спохватившись, что рядом с ним журналист, он прикрыл рукой мой блокнот, в который я в темноте (свет от керосиновой лампы падал через окошко) вносил свои записи, и сказал:

— Все это, конечно, не для печати.

В Свердловске обосновалась группа Наркомата черной металлургии и филиал Гипромеза. Они помещались в Доме промышленности. Филиал возглавлял Н. И. Коробов, средний сын знаменитого макеевского обер-мастера доменных печей И. Г. Коробова. У меня была обстоятельная беседа с Николаем Ивановичем, и он сказал мне:

— Не мешкая, отправляйтесь в Магнитогорск. Там творятся большие дела. Не преувеличу, если скажу, что там в известной мере решается...— Помолчав, добавил: — Бутылками с горючей смесью все-таки войну не выиграть. Не теряйте времени, летите в Магнитогорск.

Долетел до Челябинска. Рейсовых самолетов на Магнитогорск не было, а людей, которым необходимо было попасть туда, собралось порядочно. Были здесь и металлурги с южных заводов, и старейший металлург-златоустовец Петр Егорович Бояршинов. Он направлялся в Магнитогорск по телеграмме наркома черной металлургии СССР И. Ф. Тевосяна.

Свой опыт, свое высокое мастерство Петр Егорович перенял от своих предков. В один из приездов в Златоуст И. Ф. Тевосян — он тогда был начальником «Спецстали» —

встретился с Петром Егоровичем и обстоятельно беседовал с ним о том, как наладить производство качественного металла, крайне необходимого для решения задач пятилетки. И златоустовцы добились в этом больших успехов. Они сварили первую шарикоподшипниковую, быстрорежущую и многие другие марки качественных сталей. Теперь накопленный в течение более века опыт надо было использовать, чтобы наладить в широких масштабах производство особо сложных марок стали, какие требовались для изготовления военной техники, и прежде всего броневой стали. За этим и командирован был в Магнитогорск П. Е. Бояршинов.

Пока самолет снаряжался в путь, мы с П. Е. Бояршиновым прохаживались по аэродрому, и он обрисовал сложившееся положение.

— В таких печах, какие имеются на Магнитогорском комбинате,— емкостью в 185, а некоторые и в 370 *т*,— говорил мне П. Е. Бояршинов,— нигде в мире качественных сталей, да еще таких сложных, как броневая, не варят. Задача очень и очень сложна. Так я прямо и сказал наркому. Да он и сам это не хуже меня понимает. Все же он предложил мне поехать в Магнитогорск, если, как он сказал, здоровье позволяет мне это сделать. «Как бы,— сказал Иван Федорович,— там сгоряча глупостей не наделали».

Путь до Магнитогорска занял почти три часа. И вот наконец показались трубы мартенов, корпуса прокатных станов, контуры домен. Все было окутано густыми облаками дыма и рудной пыли. Открылась и Магнитная гора.

Магнитогорскому металлургическому комбинату к началу войны не исполнилось еще и десяти лет. Все проектные расчеты производительности труда, себестоимости металла не только подтвердились, но оказались перекрытыми. На заводе тогда действовали 4 доменных печи, 2 мартеновских цеха, 2 блюминга, прокатные станы разного назначения.

Но Магнитогорский завод строился для производства «мирных» марок стали. Металл Магнитки — это каркасы новых заводов, разные машинные детали, арматура, проволока и т. д. Война поставила перед металлургами Советского Союза, прежде всего перед магнитогорцами и металлургами Кузнецка, новые, особые задачи, и их надо было решать незамедлительно.

Превосходство гитлеровской Германии в производстве металла в момент ее нападения на Советский Союз было огромным. Помимо своей металлургии, имевшей богатый опыт выплавки качественных сталей, фашистская Германия располагала развитой металлургией почти всей Европы. Мощность ее металлургии оценивалась примерно в 40 млн. *т*. После того как наша страна в первые месяцы войны лишилась своей южной металлургии, у нас оставались мощности примерно лишь в 6—7 млн. *т*.

Металлурги южных заводов выплавляли сталь до самого последнего момента. Заводы находились уже под бомбежкой фашистских стервятников и под артиллерийским обстрелом, а плавки продолжались. Еще не остывшие слитки грузили на платформы, отправляли на восток. Под огнем неприятеля демонтировали оборудование, ничего не оставляя врагу.

Эшелон за эшелоном шли на восток сплошным потоком. Демонтированы были и уникальные броневые станы. Один из них следовал с юга в Магнитогорск. Огромный стан в разобранном виде занял сотни вагонов. Его эвакуация была делом непростым. Пришлось приложить немало усилий, чтобы вагоны с погруженными узлами стана не растерялись по разным местам.

Директором Магнитогорского металлургического комбината был Григорий Иванович Носов. Он сменил на этом посту Павла Ивановича Коробова, назначенного заместителем наркома черной металлургии СССР.

Когда радио оповестило советский народ о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, директор Магнитогорского комбината был за городом. Он тотчас помчался на завод. Сразу же был собран партийный актив и командный состав комбината. Парторг огласил сообщение правительства. Из сейфа был взят хранившийся там мобилизационный план, и сразу же приступили к рассмотрению вопросов, связанных с его реализацией. Первым делом был перевод ряда мартеновских печей на выпуск специальных сталей. До войны удельный вес таких марок в общем выпуске стали не превышал 12%.

Первые плавки качественной стали поручили старейшему, опытнейшему сталевару Георгию Егоровичу Боброву и молодому — Алексею Николаевичу Грязнову.

На второй день войны было получено постановление, обязывавшее Магнитогорский металлургический комбинат

приступить к освоению выплавки броневой стали. И еще директива — в кратчайший срок смонтировать эвакуируемый с одного из южных заводов броневой стан и начать на нем прокатку броневого листа. До этого в Магнитогорске такой стали не варили. Тем более не думали о прокатке броневых листов: катать их было не на чем. Война потребовала решительно изменить весь характер производства. Броневой стан был еще где-то в пути, плавку броневой стали еще требовалось наладить.

— Но есть надежда,— сказал мне парторг комбината,— что мы дадим бронелист раньше, чем прибудет и будет смонтирован броневой стан.

Здесь необходимо рассказать, что же это за броневая сталь.

Суть дела я узнал от П. Е. Бояршинова, когда мы томились на Челябинском аэродроме. Он поведал мне, что броневая сталь — это сплав сложного состава и качество ее зависит от-того, насколько сплав однороден. Иначе лист не сможет противостоять снарядам врага. Такие марки стали варили в небольших печах, и при этом процесс вели дуплексно: сначала сталь варилась в одной печи, основной, а затем доводилась в другой — кислой [1].

— Процесс сложный, трудный, канительный. Но что поделаешь — никто ничего лучшего не придумал. Так варят подобные марки стали всюду, и я думаю, был бы жив Павел Петрович Аносов, и он ничего другого не придумал бы. Во времена Аносова сталь варили в тиглях, плавки были весом в 8—10 *кг*. А здесь, в Магнитогорске, намерены варить такую сложную сталь в 185-*т* печах.

Со слов Тевосяна Бояршинову было известно, что технический отдел Наркомата черной металлургии разработал специальную инструкцию выплавки такой стали. По этой инструкции садку мартеновских печей следовало уменьшить со 185 до 120—130 *т*. Печи спаривались, одна — под основной, вторая — под кислый. Естественно, производительность мартеновского цеха при этом должна намного снизиться. Но вопрос был еще в том, удастся ли, придерживаясь этой инструкции, получить годный, достаточно однородный материал. Сам Бояршинов считал, что надо бы провести пробные плавки на меньших, 30—40-*т* печах. Два таких агрегата, как он знает, имеются в ре-

[1] Основные и кислые печи отличаются свойствами материала, которым наварен под печи.

монтно-механическом цехе, на них и надо поэкспериментировать.

Во время беседы с парторгом я спросил его, что тут такого они надумали и какое такое событие должно произойти в ближайшие дни. Или уже произошло? Но он неожиданно стал сдержанным и начал рассказывать мне, что на комбинате ежечасно происходят важные события и, когда побуду на заводе, сам смогу в этом убедиться. Например, старик сталевар Бобров показывает высокий класс работы. Тот же Грязнов. И Жуков. И еще он назвал фамилии мастеров Сазонова и Хилько...

— Готовимся к приему ЛП — листопрокатного стана. Уже заложили фундамент под здание. Однако есть план кое-кого потеснить, а стан разместить на существующих площадях. В общем, поживете здесь — материал вам сам в руки пойдет.

Он заспешил куда-то. А я пошел к директору завода.

Огромная приемная директора. Батарея телефонов разного калибра на столике по правую руку от секретаря. Телефоны звонили беспрерывно. Воспользовавшись короткой паузой, я сказал, что мне надо видеть Григория Ивановича. Секретарь посмотрела на меня удивленно и решительно ответила:

— Это невозможно.

А узнав, что я корреспондент, предложила обратиться в партком или завком. Тщетно пытался я объяснить ей, что должен видеть именно директора.

Другая инстанция, где я мог бы получить информацию, было управление «Магнитостроя». Оно помещалось в крыле большого серого здания на центральной площади перед проходными завода. Начальником «Магнитостроя» тогда был В. Э. Дымшиц. После расспросов я узнал, что Дымшиц перенес свой командный пункт поближе к фронту строительных работ — в барак рядом со строительной площадкой. На попутной машине добрался туда.

В кабинете Дымшица было полно народу. Входили и выходили без доклада. Через дощатую перегородку слышен был громкий голос начальника строительства. Кого-то он отчитывал, кого-то наставлял.

С В. Э. Дымшицем я знаком был раньше. Когда я вошел в его походный кабинет, он меня тотчас узнал.

— Печать к нам прибыла,— приветствовал он меня.— Ну что ж, поможете нам еще жарче разжечь огонь

в нашем котле. Садитесь и слушайте. Вы на командном посту строительства ЛП. Что это за ЛП — вы, верно, уже знаете?

О том, что такое ЛП, я узнал в парткоме. Из разговоров, которые Дымшиц вел с приходившими к нему людьми, у меня начало складываться представление о масштабах работ, которые надо было выполнить в два месяца — ровно столько было отпущено на эту стройку.

— В мирное время на такую работу потребовалось бы не меньше полутора — двух лет,— сказал мне Дымшиц.

В кабинет приходили все новые люди. С одними Дымшиц беседовал долго, другим говорил коротко: «Изворачивайтесь и соображайте сами, на то вам мозги даны». Или что-нибудь более энергичное.

Так прошла ночь. Посетителей стало поменьше. Дымшиц прошелся по кабинету, распрямился, подошел к умывальнику, ополоснул лицо холодной водой.

— Будете меня интервьюировать или вы уже составили себе представление о том, что мы тут делаем? — И, не дожидаясь ответа, сказал: — Поехали.

Отъехали мы всего-то метров двести. Тут был один из объектов комплекса ЛП. По дороге Дымшиц рассказывал, как все началось, о решении Государственного Комитета Обороны разместить в Магнитогорске следовавший с юга броневой стан, о том, что Гипромез задержал техническую документацию, а кончил он неожиданным заявлением:

— Существуют другие планы размещения стана. И катать броневой лист, возможно, начнут раньше, чем стан будет смонтирован.

— Каким образом, разве это возможно?

— Невозможного в наше время нет ничего. Однако об этом вы расспросите уже Григория Ивановича, это его компетенция.— И добавил: — Едва ли он найдет возможным об этом уже говорить с корреспондентом.— Слово «уже» было им подчеркнуто.

Мы расстались, когда солнце стояло уже довольно высоко. Я посмотрел на часы; ровно сутки прошли с тех пор, как я вылетел из Свердловска. Оказывается, сутки — довольно емкая единица времени.

Проехали еще метров сто.

— Вот и объект «Б»,— сказал Дымшиц.

К нам подошел начальник объекта, Дымшиц меня с ним познакомил, а сам уехал.

Узнав, что я всего-то четвертый день из Москвы, начальник объекта стал расспрашивать меня, как выглядит столица, и уже потом стал рассказывать, как ведется стройка и в чем главная трудность. Оказалось, что трудность даже не в опоздании технической документации — хотя это нервирует и нарушает темп — или в нехватке материалов или чего-то еще, а в том, что народ хоть и отлично работает, но «лыжи у всех навострены» на запад — все рвутся на фронт. Иным кажется, что, будь они там, Гитлера уже расчехвостили бы в пух и прах.

— Когда меня на это дело поставили,— продолжал он,— я, признаться, немного скис: как бы не подвести. Не знаю, что заставило меня начать записывать ход событий по дням. Завел вот книжечку...

Начальник объекта дал мне свои записи, и я сделал из них выписки.

Первый день строительства. Получена правительственная директива: в два месяца два объекта. Я назначен начальником строительства объекта «Б». Предложили составить список того, что мне необходимо. Знаю только длину и ширину объекта. Впрочем, еще известно, что каркас железобетонный. Остальное надо решать самому.

Опыт такого строительства у меня есть. Но таких темпов я еще себе не представляю. Однако для долгих размышлений времени нет. По одному только зданию надо будет сделать 6,5 тыс. $м^3$ земляных работ, 8,5 тыс. $м^2$ опалубки, уложить 5 тыс. $м^3$ бетона. Думаю всю землю выкопать за один сутки, опалубку сделать за двое суток, бетон — за четверо суток.

Подобрал себе помощников: Евсеева и Карельского. Евсеев — человек энергичный и волевой, знаю его давно. О Карельском хорошо отзываются. Сюда перейдет весь коллектив с последнего объекта, стройку которого я возглавлял.

Второй день. Первая часть дня ушла на всякие «увязки». Поговорил по душам с начальником строительной группы проектной организации.

В четыре часа дня начали закреплять основные оси здания. К семи часам вечера сдали оси сменному начальнику. С семи до одиннадцати вместе с прорабами и десятниками наметили все фундаменты. Настроение у народа хорошее. Поставили брезентовые палатки.

Третий день. Семь часов утра. На работу вышло 500 землекопов. Через два часа прискакал нарочный от проектной организации, он требует прекращения работ. Кто-то надумал заменить железобетонный каркас металлическим. Решили дать бой. Если начнем менять проект, срыв неминуем.

Через два часа ко мне в контору, точнее в палатку, приехал сам главный инженер проектной организации. 500 землекопов продолжали работать. Главный инженер был поражен. Он не мог предположить, что мы так быстро развернемся. Постоял возле котлована и, не сказав ни слова, отбыл. В 3 часа дня получили официальное сообщение: остается первый вариант.

В палатке устроили буфет, он будет функционировать круглые сутки.

Четвертый день. Приступили к опалубке фундамента. Теперь начинается настоящее. Чтобы выдержать сроки, надо широко применять принцип совмещения работ. Без этого наш график — пустая бумажка.

Пятый день. Опалубка идет полным ходом. Мы выиграли два дня, заказав опалубку заранее, по эскизам... Развертывается соревнование, какого я еще не видел.

Шестой день. Придется решать серьезные технические задачи. Если придерживаться сроков распалубки и разгрузки, установленных техническими условиями, мы потеряем много времени.

Седьмой день. Так и есть, технические условия составлены с перестраховочным коэффициентом, мы его скидываем. Начали устанавливать леса надземной части конструкций. Работа идет горячо, впереди бригада Пажбекова. Впрочем, бригады Газафарова и Андрианова не намного отстают, они все выполняют нормы почти на 200%... Надо экономить лес, особенно стойки, их маловато.

Восьмой день. Готовим полную механизацию работ.

Девятый день. Имел серьезный разговор с одним прорабом. На мое предложение сделать работу сегодня он ответил: сделаю. Дал ему понять, что все, что можно сделать сейчас, нельзя откладывать.

Одиннадцатый день. Уже виден скелет будущего объекта.

Четырнадцатый день. Идет кладка печей.

Восемнадцатый день. Ведем все четыре секции одновременно. Фронт работ обеспечен. Интересно, что простоев у нас значительно меньше, чем прежде, когда работали в «нормальных» условиях. Впрочем, что же надо считать нормой?

Шел *девятнадцатый день* стройки. С последними записями в дневнике я познакомился в следующий мой приезд в Магнитогорск; об этом расскажу позднее.

В течение всего времени, что я провел у строителей, у меня не выходило из головы: возможно, в эти самые минуты происходит то главное, о чем говорил мне в Свердловске Н. Н. Коробов. Я снова отправился в приемную директора комбината. Там как будто ничего не изменилось. Секретарша машинально отвечала, что Григория Ивановича нет и неизвестно, когда будет, добавив, что если он и придет, то вряд ли сможет меня принять: ему не до корреспондентов. Мне бы лучше пойти в завком или в партком. Те могут заказать мне пропуск в цех.

Пропуск я успел получить прежде, чем поднялся в приемную директора. Но мне нужен был директор и никто другой, и я принял решение: ждать, должен же он когда-нибудь заглянуть и к себе.

Прошло сколько-то времени, и вдруг приемная стала наполняться народом. Это мне показалось хорошим признаком. Я стал всматриваться в лица входивших, по прежде, чем увидел, я по голосу узнал инженера с одного из южных заводов, на котором мне приходилось бывать. Мы тепло поздоровались, и он рассказал, что в Магнитогорске он всего несколько дней, назначен начальником одного из мартеновских цехов.

— Не в вашем ли цехе будут выплавлять броневую сталь? — спросил я его сразу же.

Видимо, мой вопрос его озадачил, и он попытался отшутиться.

— Корреспонденты узнают о событиях прежде, чем они совершаются.

Но шуткой отделаться от меня было нельзя. А когда я рассказал ему о встрече о Бояршиновым и его миссии, он сказал:

— Об этом вам может рассказать, если он найдет это своевременным, директор и никто другой...

Он же и посоветовал мне здесь директора не дожидаться (это безнадежно), а пойти в цех.

— Григорий Иванович скоро там будет,— сказал он мне и добавил: — Вы приехали вовремя.

Я пошел в цех.

Хотя Магнитогорск отстоял от фронта военных действий почти на три тысячи километров, нетрудно было себе представить значение этого не обозначенного ни на одной стратегической карте участка. В мыслях об этом я проходил мимо строя мартеновских печей. Как обычно, одни печи загружались железным ломом, в другие заливали чугун, на третьих шла доводка. Остановился я у печи, у которой хлопотало несколько человек.

Руководивший операцией подозрительно посмотрел на незнакомого человека. Я представился ему. Он сказал:

— Навариваем подину. Переходим на специальную сталь.— И заспешил к печи. Сквозь синее стекло в оправе он стал всматриваться в открытую печь.

А спустя немного времени к печи подошли люди, и среди них Г. И. Носов и новый начальник цеха.

С тех пор, как я повстречался с Г. И. Носовым в мартеновском цехе Кузнецкого комбината, прошло лет семь. И каких лет!

Носов сильно изменился, он пополнел, и это придавало его высокой фигуре значительность. На лицо его легли глубокие морщины, под глазами были «мешки». А ведь ему было 36 лет. Говорил он глуховатым голосом. Сказал коротко, как будто совсем недавно виделись:

— Мы с вами поговорим.

Я остался у печи.

«...23 июля 1941 г.— спустя ровно месяц после начала войны — из 185-*т* мартеновской печи №3 была выпущена первая плавка броневой стали. Сталь варили дуплекс-процессом, для чего печь №3 была переделана на «кислую». Плавку варили сталевар Дмитрий Жуков и мастер Егор Сазонов. Сталь получилась годной, и тут же приступили к устройству «кислого» пода на печи № 15».

Так записано в хронике завода.

О том, что в Магнитогорске сварили первую плавку броневой стали, рассказал мне на следующий день директор Г. И. Носов, предупредив, что *пока* печатать об этом нельзя.

Чтобы наше интервью было не очень затяжным, Г. И. Носов предложил мне «набросать вопросики».

После разговора с П. Е. Бояршиновым мне нетрудно было это сделать. Носов выслушал мои вопросы весьма внимательно и даже настороженно и сказал:

— Вопросы поставлены точно. Мы уже начали варить броневую сталь дуплекс-процессом. Этот процесс очень медленный, и таким образом мы рискуем потерять значительную часть нашей производительности. Слишком большой урон понесем. Есть ли, однако, другой путь?

Он задумался и, мне показалось, заколебался — сказать или не сказать — и все же сказал:

— Мы намерены отказаться от канонизированной технологии производства броневой стали, попытаемся получить такую сталь в большегрузных мартенах прямым путем.

— Против нас,— продолжал он,— вся практика, весь мировой опыт, вся наука. Нарком командировал к нам из Златоуста одного из старейших специалистов по качественным сталям — Петра Егоровича Бояршинова. Это очень знающий человек. Он живой носитель традиций, заложенных основоположником науки о качественных сталях П. П. Аносовым. Бояршинов вчера к нам прибыл самолетом. Я уже имел с ним беседу, и, признаться, предлагаемый им путь нас не увлекает. Когда ему сказали, что мы проводим плавку в 185-*т* печи, он засомневался в качестве металла. Но мы уверены, что плавки получатся хорошие, и вообще нас никогда не сковывают традиции. Мы ищем новые пути.

Меня дернуло сказать, что мы прилетели с Бояршиновым на одном самолете.

Григорий Иванович улыбнулся, сказал:

— А я-то подумал: откуда у журналиста такая эрудиция? Мы предоставим Петру Егоровичу Бояршинову печки в ремонтно-механическом цехе. Однако на этом остановиться не можем и не вправе долго ждать: страна нам этого не простит.— Он помолчал и продолжил: — Наш нарком Иван Федорович Тевосян командировал к нам не одного Петра Егоровича. Сюда прибыло еще «бронебюро», которое уже ряд лет занимается изысканием новых методов выплавки броневой стали. На одном из северных заводов они вели работу под руководством академика М. П. Карпаухова. Хотя на этом заводе броней занимаются давно, практически они

достигли не очень многого, но намеченный ими путь представляется перспективным... Мы не вправе упускать никакой возможности, хотя бы ценой риска... Даже большого риска. Это мы и делаем и будем делать.

Задаю вопрос о прокате броневой стали. Григорий Иванович на меня удивленно смотрит: откуда, мол, такой нашелся? И я как будто читаю его мысли: «Всего-то ты третьи сутки здесь и уже что-то пронюхал. Ох уж эти газетчики!» Но он и вида не подает, что подозревает, что я уже о чем-то таком слыхал. И спокойно отвечает:

— Здания для ЛП строятся, график выдерживают. Будем катать.

На этом закончилось интервью с Носовым.

Следующие дни я проводил в мартеновском цехе, общался со сталеварами, мастерами. В Москву, в редакцию, передал телеграммы о скоростниках, выпускающих качественные стали.

Восьмитонные слитки броневой стали, сваренной в 185-*т* печах, таили великую тайну: годна ли эта сталь, чтобы прокатать из нее толстые листы? Сможет она защитить бойцов, которые спустятся в люки танков, от бронебойных снарядов врага?

Ответить на этот вопрос можно будет только после того, как металл прокатают, после того, как лист пройдет самые строгие испытания на полигоне.

А на чем катать эти восьмитонные слитки?

Комплекс броневого стана строится. Строители делают все от них зависящее, чтобы уложиться в невиданно короткий срок — 60 дней! Но это же и 60 дней войны!

Шел второй месяц войны — горькое время, хотя ход военных операций развертывался вовсе не так, как это было предусмотрено гитлеровским «планом Барбароссы». С первых же дней немецкое командование убедилось, что СССР не Польша, не Франция. Все же продвижение гитлеровской армии было весьма значительным. Под угрозой — Ленинград. Гитлеровские армии приближались к столице.

В этих условиях невозможно ждать, пока для эвакуированного с запада броневого стана построят новое здание, пока этот стан смонтируют, пока на нем наладится работа. И хотя строительство ЛП шло полным ходом, руководству Магнитогорского металлургического комбината предложено

изыскать возможности для размещения броневого стана на имевшихся площадях за счет уплотнения менее важных производств.

Как и где это сделать, должны решить на самом комбинате.

...Уже после войны мне не раз приходилось встречаться с Г. П. Носовым, и он во всех подробностях описывал, как решили эту задачу. Возник ряд проектов, где установить броневой стан. Оказалось, что всюду стан будет мешать нормальному ходу производства.

— В моем кабинете разгорелся горячий спор — на каком варианте остановиться. В разгар дискуссии в кабинете появляется чем-то озабоченный заместитель главного механика комбината Николай Андреевич Рыженко. Он один из наших старых кадровиков, знает каждый уголок завода, каждый стан. Рыженко всегда там, где более всего нужен. Он всегда находит самые неожиданные выходы из труднейших положений.

— Ваше мнение, где можно поставить стан? — спрашиваю я Рыженко.

Он будто собирается с духом и говорит:

— Где бы мы ни поставили его, он будет не на месте. А затем на монтаж стана уйдет слишком много времени, его у нас нет. Так что...

Этого я от Рыженко не ожидал, никак не думал, что он впадет в панику. Мне хотелось его оборвать, даже накричать на него: еще чего не хватало, чтобы наши работники пытались ревизовать указания Москвы, решения ГКО! Но я сдержал накипавшую ярость и правильно сделал.

Рыженко продолжал излагать свои мысли:

— Я уверен, что мы можем гораздо скорее и в больших количествах получить броневой лист.

— Каким образом? — уже не сдерживаясь, почти кричу я.

— Будем катать броневые листы на блюминге.

— Катать броневые листы на блюминге?! Явная несуразица, — выкрикивает начальник блюминга.

И не только начальник блюминга поражен этой идеей, но и все присутствующие здесь. Это что-то совершенно необычное, такое, что никому не могло прийти в голову. Но ни одной идеей нельзя пренебрегать, ни одну нельзя отбрасывать прежде, чем ее всесторонне не осмыслишь, не изучишь, не проверишь. Тем более, если идея исходит

от... Рыженко. Он имел право на внимание. Завод ему многим был обязан, многие сложные механизмы переделаны по его проектам. В этом человеке сочетаются тонкий конструктор и отличный организатор.

— Вы хорошо продумали этот вопрос? — спрашиваю я его.

Рыженко не привык бросать слова на ветер, и он предвидел, какое впечатление произведет его предложение. На совещание он пришел, вооруженный техническими расчетами.

Не спеша Рыженко отвечает:

— Во-первых, габариты блюминга разрешают прокатывать листы необходимого размера. Во-вторых, мощности блюминга вполне достаточны. Остается только вопрос, как кантовать, переворачивать заготовку и затем убирать лист.

У Рыженко для этой цели наготове простые и остроумные приспособления, и он тут же демонстрирует эскизы. Все убедительно.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как на Магнитогорском металлургическом комбинате был пущен блюминг № 3. Работники завода не могли им налюбоваться, такой он был красавец. Блюминг был сделан на Уральском заводе тяжелого машиностроения и даже внешне казался как-то солиднее, мощнее ранее установленного, поставленного германской фирмой «Демаг».

— На демаговском блюминге я бы не стал предлагать катать броню. А на нашем — уральском — это сделать можно. Ничуть не сомневаюсь, что это можно сделать, — подчеркивает Рыженко.

Теперь все взоры обращены на начальника блюминга. Он бросается в бой. Вскакивает и, страшно возбужденный, заявляет:

— Это величайшая нелепость. Блюминг полетит ко всем чертям. Нажимные винты не выдержат. Броневые листы на блюминге — это фантазия, которая плохо кончится. Мощности двигателей не хватит. Немыслимо, в самом деле, подняться в воздух на паровозе!

— Почему же это все-таки немыслимо? — как можно мягче спрашиваю я.

— Да потому, что ничего похожего никогда нигде не делали... Потому что, повторяю, нажимные винты не выдержат. Потому что расчет мощности двигателя показывает, что это невозможно.

Кто же из них прав? Рыженко или начальник блюминга? Путь, предложенный Рыженко, быстро разрешает острейшую проблему. Он позволит ускорить начало производства броневого листа на много недель. Но нельзя с ходу отбросить прочь доводы начальника блюминга. В такое время вывести из строя самый мощный в стране блюминг... Трудно принять решение. «Немыслимо подняться в воздух на паровозе»,— сказал начальник блюминга. Но время-то необыкновенное, и решения нужны очень смелые.

— Не надо горячиться,— уже спокойно говорю я.— Предложение Рыженко мы тщательно изучим. Сколько вам надо для обоснования своих предложений? Суток вам хватит?

— Хватит.

На второй день совещание продолжается. Рыженко во всеоружии расчетов снова доказывает, что его план реален и осуществим. Завод может начать прокатывать броню самое большее через десять дней. У Рыженко уже появились и союзники. Его горячо поддерживают главный калибровщик Бахтинов, научные работники горно-металлургического института; они всю ночь проверяли расчеты мощности приводных моторов блюминга и мощности, требуемой для прокатки броневого листа.

Однако начальник блюминга продолжает стоять на своем. Он пришел вооруженный своими расчетами, а также толстыми томами учебников, руководств.

— Это чистая авантюра, — горячится начальник блюминга. Он бросает Рыженко тяжелое обвинение: — Вы ищете легких успехов...

В этот момент раздается характерный звонок аппарата ВЧ, телефонного аппарата прямой связи между кабинетом наркома и комбинатом. Говорит нарком черной металлургии И. Ф. Тевосян.

— Где вы все-таки решили установить броневой стан? — спрашивает нарком.

Отвечаю:

— У нас возник вариант...

На слове «вариант» нарком меня обрывает:

— Вы, вероятно, не отдаете себе отчета в серьезности момента.

И тогда уж я во все горло кричу:

— Нет, отдаем! Будем катать броню на блюминге!

Теперь уж на другом конце провода замешательство. Нарком так же поражен этой идеей, как накануне был удивлен я сам. Излагаю суть предложения Рыженко, но я еще очень осторожен в оценках, привожу доводы «за» и «против», подробно излагаю возражения начальника блюминга. Но и нарком уже загорелся идеей.

— Без риска, — говорит он, — ничего не делается. От того, как скоро мы дадим броню, зависит весь ход войны. Весь ход! Вы это понимаете?

Кладу трубку. На какое-то время в кабинете воцарилось молчание, как будто ждали приговора.

— Что сказал нарком? — наконец робко спрашивает кто-то из тех, кто пока держался нейтралитета.

— Нарком верит, что мы настоящие, советские инженеры и сумеем решить трудную задачу, когда этого требуют интересы страны. Кроме нас, никто этого сделать не может. Никто.— И, как бы считая вопрос исчерпанным, обращаюсь к Рыженко: — Николай Андреевич! Когда могут быть изготовлены приспособления?

— Их можно сделать за 8—10 дней.

— Итак, 8 дней. Начинайте подготовку. Ответственность на вас и Бахтинове. Действуйте вместе с начальником блюминга.

Начальник блюминга как будто весь съежился, всеми фибрами души он протестует против этого плана. Но приказ есть приказ. А тем временем вновь раздается звонок из Москвы. У аппарата снова нарком.

— Ваш план, — сообщает Иван Федорович, — принят. Если вы организуете прокатку броневого листа на блюминге и сможете выиграть два-три месяца, Родина вам скажет «большое спасибо».

Носов продолжал рассказ:

— Я пожалел о том, что раньше времени сообщил наркому о нашем плане, и сказал об этом Тевосяну. «Зачем вы сообщили об этом в ГКО? Ведь это еще только идея»,— сказал я наркому. «Ничего, ничего,— ответил Тевосян.— Будете только горячее работать».

Дни и ночи проходили в подготовке. Много раз звонил нарком, осведомляясь о ходе дела. Первые испытания провели не с броневой сталью, а с более мягкой. Отлили слиток точно такого же размера и формы, что и броневой

стали. Наступил час испытания. На командном мостике управления блюминга собрались почти все, кто так или иначе причастен был к этому делу.

Рыженко в последний раз проверил механизмы, а за ним неотступно следовал начальник блюминга. И вот команда отдана, кран поднял раскаленную болванку и перенес ее на рольганги. Старший оператор блюминга Спиридонов взялся за рукоятки. Вот уже болванку захватили валки, оператор действует рычагами очень осторожно. Слиток пошел вперед, назад, еще вперед, назад... И вдруг треск. Блюминг стал. Рыженко, начальник блюминга, главный энергетик бросились вниз, в зал, где установлены моторы.

Через несколько минут оттуда сообщили: авария мотора.

Отлегло.

Двадцать восемь часов ремонтировали мотор. За это время было много передумано. Поломка мотора была как бы плохим предзнаменованием. Не отступить ли, ведь рискуем блюмингом? Но нет, отступать было нельзя. И как только мотор был отремонтирован, вся электрическая часть проверена, решили провести следующую пробу...

Все эти подробности я узнал много времени спустя, уже после войны, когда я снова приехал в Магнитогорск. Именно это имел в виду Николай Иванович Коробов, когда он посоветовал мне не мешкая отправиться в Магнитогорск, где назревали, как он сказал, важные события. И хотя я вылетел в тот же день, но к первой пробе опоздал. Да и ни о чем таком я не подозревал. Не знаю, что побудило Г. П. Носова вспомнить о корреспонденте, когда он — на сей раз уже уверенный в успехе — направлялся в цех блюминга, чтобы присутствовать на первой прокатке слитков броневой стали.

Спустя несколько дней после моей встречи с Носовым ночью в филиал центральной гостиницы в Березках, где мне предоставили койку, позвонила секретарь директора и сказала, что Григорий Иванович просит меня немедленно приехать на завод и что за мной послана машина. Когда я подъехал к заводоуправлению, в подъезде стоял Г. П. Носов. Мы поехали на территорию завода.

— Куда мы едем? — спросил я.

— Сейчас узнаете и получите ответ на вопрос, на который я не счел возможным вам ответить раньше.

Надеюсь, на сей раз все пройдет хорошо. И ответ будет таким, какого ждут от нас страна, фронт.

И вот мы на мостике пульта управления блюминга.

Команда. Трансферкара подает к валкам слиток броневой стали. Оператор работает точно, осторожно. Один пропуск через валки — миллиметр обжатия. Второй, третий, двадцатый, тридцатый, сороковой, сорок четвертый, сорок пятый. Последние проходы. Лист убран.

Затем пошел второй слиток, третий. Блюминг выдержал! Винты целы! Мощности хватило! Наша советская техника и советские люди выдержали очень сложный и трудный экзамен.

Мы стоим у броневого листа, прокатанного на блюминге в Магнитогорске.

Произошло это 28 июля 1941 г. Эту победу в тылу смело можно приравнять к выигранному крупному сражению. Вернее сказать, это событие создало предпосылки для достижения победы не в одном сражении. В историю Магнитогорского металлургического комбината была вписана славная страница.

В переданном в Москву интервью с Г. И. Носовым говорилось, что магнитогорские металлурги успешно завершают перевод своего гигантского комбината на производство военной продукции и что магнитогорские металлурги готовы давать Красной Армии все, что ей необходимо. В интервью кратко говорилось об успехах, достигнутых коллективом блюминга № 3, на котором освоена очень нужная армии продукция. Заканчивалось интервью заявлением: «Мы оденем наши танки в мощную броню, сварим такую сталь, которой Красная Армия раздавит фашистские полчища».

Через несколько дней после этого Носов выехал в Челябинск. Там проходил областной партийный актив. В своем выступлении Носов сказал:

— Комбинат готов давать столько броневой стали, сколько смогут переработать наши танковые заводы.

Восьмитонные слитки, прокатанные на блюминге, были получены дуплекс-процессом и выдержали самые строгие испытания. Но магнитогорцы не считали себя вправе на этом остановиться. Дуплекс-процесс, как говорилось выше, неизбежно вел к снижению производительности сталеплавильных цехов. В Магнитогорск прибыл коллектив научных работников, многие годы занимавшийся разра-

боткой новых методов выплавки броневой стали. В результате магнитогорцам удалось найти более производительный метод выплавки броневой стали. Подробности я узнал тоже после войны.

В составе эвакуированного с северного завода в Магнитогорск бронебюро было всего несколько человек. Руководитель Семен Израилевич Сахнин явился прежде всего к главному сталеплавильщику и изложил ему свои планы. Шесть лет они вели эксперименты в лаборатории одного из научно-исследовательских институтов и немалое количество плавок сделали в заводских условиях на северном заводе. Плавки велись в небольших электропечах. Отработанной технологии тогда у них еще не было.

— Если бы нам дали печурку в фасонно-литейном цехе, чтобы продолжить опыты,— говорил С. И. Сахнин.

Главный сталеплавильщик задумался и робко спросил:

— А если попытаться на большой печи?

— Риск большой.

Пошли к директору комбината Г. И. Носову. И он тоже сразу поставил вопрос о выплавке броневой стали в большегрузных, обычных, основных мартеновских печах. Работники бронебюро не были готовы к такому решению. Они снова и снова говорили о небольшой печурке в фасонно-литейном цехе.

Носов спросил:

— Сколько же времени вы экспериментировали?

— Лет шесть,— ответил Сахнин.

— И каков результат?

— У нас накопился богатый материал.

— Для диссертации? — почти зло снова спросил Носов.

— И для диссертации...

Г. И. Носов надолго задумался. Разговор этот его по-настоящему взволновал: вот уже сколько лет люди работают над проблемой, которая только сейчас стала перед ними — магнитогорцами. Но темпы! Если они думают и дальше работать такими темпами, то нам не по пути. Носов продолжал «прощупывать», насколько серьезны эти работники бронебюро. Впечатление складывалось неплохое, но они оторваны от жизни. Немного задумавшись, Носов наконец сказал:

— В фасонно-литейном вам делать нечего. И теперь не время для диссертационных розысков.— Еще подумав, добавил: — А что, если мы вашу диссертацию в практику

двинем? Дадим вам большую печь. Что вы об этом скажете?

— И я говорил тоже. На большие печи переходить надо,— поддерживает главный сталеплавильщик.— Но они риска боятся. Конечно, страшновато: одна плавка на большой печи, почитай, в полмиллиона обходится.

— Плавка — полмиллиона,— подхватывает Носов.— А если мы фронт подведем, танковым заводам не дадим стали? Это как? На деньги перевести это можно? Как вы-то думаете? А сколько человеческих жизней это будет стоить? Да только ли жизней — судьба страны на карту поставлена! А вы о деньгах. Берите печь! Проведите пять плавок. Не выйдет — еще пять плавок... Отвечать вместе будем.

И снова начались эксперименты.

Первая плавка не удалась, и вторая не совсем соответствовала анализу. Третья пошла в брак. И четвертая тоже. Зато пятая, шестая, седьмая, восьмая удались. По химическому анализу броневой металл ничуть не отличался от сваренного в «кислых» печах. В решении проблемы участвовали инженеры комбината Е. И. Левин, К. И. Нейланд, работники бронебюро, кандидаты технических наук С. И. Сахнин и А. А. Безденежных, мастер М. М. Хилько. Плавки вели сталевары Г. Е. Бобров, М. П. Артамонов, Ф. И. Болотский, Т. И. Абраменко, А. С. Позднияков (Алексей Грязнов к тому времени добился отправки на фронт).

Однако пять или даже большее число удачных плавок не могли еще поколебать узаконенный метод выплавки такой стали. И когда стал вопрос о переводе всех печей цеха на специальные стали, начальник цеха заколебался. Он говорил, что удачи проведенных плавок могут оказаться и случайными. И перевод всего огромного цеха на выплавку сложных марок стали может оказаться просто губительным. Словом, он не решался принять новую технологию.

В Магнитогорск, как в металлургическую мекку, тогда прибывали инженеры с южных заводов. Многие из них ждали назначения. Недостатка в квалифицированных, хорошо знающих дело сталеплавильщиках не было. Начальником цеха стал В. А. Смирнов. Позднее на комбинат был откомандирован на должность главного сталеплавильщика Я. А. Шнеerов, до того бывший главным сталепла-

вильщиком наркомата. Он немало сделал, чтобы наладить выплавку броневой стали.

В октябре 1941 г. впервые в мировой практике новый метод выплавки броневой стали на 185-*т* основных мартеновских печах был узаконен. Больше того, такую сталь варили скоростными методами.

— Мы никак не претендовали,— говорил руководитель бронебюро С. И. Сахнин,— на то, чтобы применить наш метод на таких огромных печах. Мы намеревались продолжить прерванные эксперименты. А нам предложили перейти на 185-*т* печи. Верно, нигде в мире, в том числе и в США, не плавят таким способом твердые стали. Это был головокружительный скачок. И мы, конечно, вовсе не были столь уверены, что успех гарантирован. И директор, верно, не сам решился на такое. Надо думать, он получил «добро» от наркома или от кого-то еще свыше. Время было такое, что надо было использовать все. Ведь наши танковые заводы простаивали. Не было броневого листа. А суда, везшие к нам лист из-за океана, гитлеровские пираты топили. Вот мы и оказались на переднем крае войны. Признаюсь, после разговора с Г. И. Носовым у нас раскрылись глаза. Мы поняли тогда, что продолжать работать так, как до войны, нельзя.

В конце 1941 г. за освоение выплавки броневой стали и прокат брони группа магнитогорцев была удостоена высоких правительственных наград. Награждение состоялось вскоре после того, как Красная Армия нанесла гитлеровцам мощный удар под Москвой. Танки, сделанные из магнитогорской брони, приняли участие в подмосковных боях.

Указом Президиума Верховного Совета СССР орденом Ленина были награждены директор Г. И. Носов, заместитель главного механика Н. Д. Рыженко, орденом Трудового Красного Знамени — начальник мартеновского цеха В. А. Смирнов, начальник блюминга Г. В. Савельев, сталевар А. С. Позднияков. Газета, в которой был опубликован этот указ, пришла в воинскую часть, в составе которой воевал сталевар Алексей Грязнов. Взволнованный, он написал открытку Г. И. Носову:

«Сегодня прочитал в «Правде» Указ правительства о награждении магнитогорцев... Привет вам, орденоносцам! Еще больше стали, проката, чугуна, руды! Будьте всегда вожаками масс! Алексей Грязнов».

А в апреле 1942 г. «за смелое решение задачи производства броневой стали и прокатку броневого листа на блюминге» Государственные премии в области науки и техники были присуждены Григорию Ивановичу Носову, Николаю Андреевичу Рыженко, Семену Израилевичу Сахнину и Василию Алексеевичу Смирнову.

Доля качественного металла в общей выплавке Магнитогорского комбината к тому времени достигла 80%.

Использование блюминга для прокатки слитков броневой стали дало возможность обеспечить танковые заводы броней в самый критический момент войны. А между тем комплекс ЛП продолжал строиться.

Мне еще не раз приводилось бывать на этом строительстве, и я занес в свои блокноты новые выписки из памятной книжки начальника объекта «Б».

...*Двадцатый день.* Идут дожди. Мобилизовали весь запас брезентовой одежды. Создали специальную сушку. Рабочие по три-четыре раза в день переодеваются, но работу не оставляют.

Двадцать шестой день. Характерно — с контрагентами у нас самые лучшие отношения. При таких темпах некогда затевать обычные на строительстве кляузные споры.

Тридцать седьмой день. Получили проект фундамента газопровода, длина его 1,5 *км*, надо вынуть 4 тыс. $м^3$ земли, уложить 2,5 тыс. $м^3$ бетона. Срок — 3 дня. Кажется, даже мои прорабы недоуменно переглянулись.

Сороковой день. Приступили к монтажу газопровода.

Сорок четвертый день. На монтаже металлоконструкций работает Петр Титович Расчубко. Редко приходилось мне видеть таких монтажников.

Сорок шестой день. Сверили ход стройки с графиком. Дело идет хорошо.

Шестидесятый день. Подан газ. Сооружения поставили на сушку.

На этом дневник обрывается.

...Горячая прокрутка всего комплекса была произведена 15 октября. Возможности проката броневого листа во много раз возросли. Однако на истории магнитогорской брони еще рано ставить точку. И я счел бы себя неоплат-

ным должником магнитогорцев, если бы хоть кратко не рассказал о том, как развернулись события дальше. Может быть, они были и не столь драматичными, как те, о которых рассказано вначале.

Использование блюминга не по прямому его назначению привело к резкому снижению производительности. Перестройка блюминга с обжима обыкновенных слитков на прокатку брони отнимала полторы, а то и две смены. Это, естественно, обеспокоило руководство завода, и в первую очередь его директора Носова.

— Фронт не простит нам такие потери,— говорил он.

О том, как эта задача решалась, рассказывал бывший в то время механиком блюминга Н. Р. Онуфриенко. По предложению Н. А. Рыженко осуществили иную систему настройки блюминга, и она заняла вместо полутора-двух смен сначала всего лишь четыре с половиной часа, затем время сократили до трех и, наконец, до часа сорока минут. После каждой перестройки директор приезжал в цех, он не мог сдержать радости и восхищения.

Прокат слитков броневой стали осуществлялся нарочито замедленным темпом. Время прокатки одного слитка было установлено в 16 минут. Так требовала инструкция, потому что верхний предел температуры в конце процесса обжатия броневых листов не мог превышать 850°. Заведующий кафедрой Магнитогорского горно-металлургического института М. И. Бояршинов доказал, что предел может быть повышен до 1050°. Время прокатки сократилось почти втрое — с 16 до 6,5 минуты.

При Магнитогорском комитете партии был создан «Комитет помощи ученых фронту». Почти все они были из эвакуированного сюда Днепропетровского металлургического института. Носов пригласил ученых к себе.

— Каждый из вас,— сказал он,— очевидно, увлечен какой-то своей проблемой. Однако практический результат от решения иных, пусть очень важных, научных проблем порой трудно предвидеть. Но теперь война. И все должны перестроиться на решение конкретных, практических, не терпящих отлагательств задач. Вот одна из них. До войны комбинат получал валки для прокатных станов из Донбасса. Там был специализированный завод. А как нам теперь быть? Вы, ученые, можете нам в этом помочь?

Приходите к нам в цехи, считайте наши цехи своими лабораториями и опытными участками.

Проблема производства валков была вскоре решена.

Магнитогорский комбинат в годы войны не только давал военной промышленности необходимые ей виды стали и проката, но и расширял свои мощности. В ноябре 1941 г., когда чуть ли не весь буржуазный мир подсчитывал «последние» дни существования Советского государства, принят был большой план строительства на Урале и в Сибири новых мощностей черной металлургии. В этом плане значились и две доменные печи в Магнитогорске. В декабре 1942 г. была задута 5-я доменная печь, а к концу 1943 г. готова была и 6-я печь. До войны такие печи сооружались не менее двух лет. Шестую печь построили за девять месяцев. В ее строительстве участвовали монтажники, строившие летом 1941 г. комплекс ЛП.

Декабрьским вечером 1943 г. огни магнитогорского цирка, самого большого помещения города, зажглись раньше обычного. Здесь состоялся митинг, посвященный пуску новой печи. На этот торжественный акт собрались строители и металлурги. Были здесь руководители областной партийной организации, управляющий трестом «Магнитострой» В. Э. Дымшиц, академик и заместитель наркома, председатель приемочной комиссии И. П. Бардин, директор комбината Г. И. Носов.

— Пуск каждой доменной печи — большая победа на фронте индустриализации,— сказал И. П. Бардин,— но домны, построенные в военное время,— это не только победа в тылу, но и победа на фронте.

Ход войны в то время уже резко изменился. В этот день Совинформбюро сообщало: «...на Витебском направлении наши войска продолжали успешно развивать наступление и с боями заняли более 200 населенных пунктов».

Подвиг в тылу помогал Советской Армии продвигаться все далее на запад, освобождать захваченные врагом советские территории. Уже близок был день, когда советские войска подойдут к старым государственным границам.

Достижения советского тыла были высоко оценены и нашими союзниками, которые не уставали «прощупывать», насколько Советская власть сильна. Во второй половине 1943 г. в Магнитогорске побывала делегация американ-

ских военных промышленников. Увидев, что на комбинате в крупных масштабах налажено производство крепкой брони и что энтузиазм советских рабочих очень высок, они еще раз убедились, что в свое время недооценили мощь Советского Союза.

Председатель управления по делам военного производства США Дональд М. Нельсон в письме Г. И. Носову писал: «И величина, и производительность «сталекомбината» произвели на меня огромное впечатление. И я лично лишь сожалею, что у нас не хватило времени более подробно осмотреть ваш завод. Во время моего пребывания в России я имел удовольствие поговорить со многими специалистами, особенно сведущими в различных отраслях наших военных усилий, а также увидеть собственными глазами осуществление важных промышленных операций. Я с удовольствием оглядываюсь на это весьма приятное и поучительное путешествие, полное хороших воспоминаний...»

А Магнитогорский комбинат продолжал поиски новых и новых путей усиления вооружения армии. Вот небольшая иллюстрация.

Как-то на имя директора комбината поступило письмо:

«В развитие благого дела, начатого совместно,— создания новых грозных танков — просим помочь нам создать первую серию новых танков. Для этого нам необходимо получить несколько сот тонн брони и отлить пару десятков башен. Григорий Иванович! Зная тебя как решительного человека и друга Кировского завода, убежден, что ты все сделаешь. Это особенно важно в это время. С надеждой жду решения». Подпись: директор Кировского завода.

И приписка: «Григорий Иванович! Очень прошу тебя сделать все, что можешь, и помочь кировцам в изготовлении новых типов боевых машин. Дело исключительно важное». Подпись: секретарь обкома КПСС Натоличев.

Изготовление танковых башен — дело совсем не обычное для металлургического завода. Но и директор Кировского завода, и секретарь обкома возлагали особые надежды на то, что директор Магнитки не станет на формальный путь и не скажет, что... «сие не наше дело».

Так жили и трудились магнитогорцы в годы Великой Отечественной войны, таким был их вклад.

«...Освоена выплавка броневых сталей в основных мартеновских печах взамен выплавки дуплекс-процессом, что сделало возможным за 2,5 года войны увеличить ресурсы броневой стали на 350 тыс. *т*»,— писал председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский в своей книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны».

Это был один из фактов, вынудивших наших врагов признать огромную роль, которую сыграл советский тыл в достижении победы. В книге «История мировой войны», принадлежащей перу немецкого генерала Курта Типпельскирха, говорится, что, по оценке германского генерального штаба, к концу войны превосходство русских в танках равнялось семь к одному.

Эту мощь Гитлер полностью почувствовал в последних решающих боях на Одере и Шпрее. И можно понять сетования органа фашистской армии «Das schwarze Korps», который в 1943 г. писал: «Нам кажется чудом, что из необъятных советских степей встают все новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепит из уральской глины в любом количестве большевистских людей и технику».

Имя этого волшебника — советский патриотизм, горячая любовь к социалистической Родине, самоотверженность народа, организующая и вдохновляющая роль Коммунистической партии, неиссякаемые возможности советского строя.

К. М. Хмелевский

НА ПОРОХОВОМ ЗАВОДЕ

ХМЕЛЕВСКИЙ Кузьма Михайлович. Родился в 1907 г. Член КПСС с 1929 г. Первый секретарь ряда горкомов и обкома КПСС, ответственный работник ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета РСФСР. Ныне персональный пенсионер.

За первые три месяца войны обкому партии пришлось выполнять такой объем работы, на который в обычное время потребовалось бы три года.

20 тыс. коммунистов добровольцами ушли в действующую армию. На руководящие посты председателей колхозов, секретарей первичных парторганизаций, райкомов и горкомов партии было выдвинуто взамен ушедших на фронт мужчин более 8 тыс. женщин. На территории области разместилось более миллиона людей и свыше ста крупных предприятий, эвакуированных из охваченных огнем войны западных районов страны. Поистине героическими усилиями все эти предприятия были пущены на полную мощность и в самые короткие сроки стали давать продукцию для фронта.

Работники обкома и партийных комитетов перешли на военное положение, не уходили домой, спали урывками по 2—3 часа в день, устраиваясь, где придется.

В начале июля, поздно ночью, раздался звонок.

— Говорит Косыгин. Здравствуйте!

— Слушаю вас, Алексей Николаевич.

— Сложилось опасное положение с некоторыми пороховыми заводами. Принято решение пять наиболее крупных из них эвакуировать в вашу область. Примите совместно с Наркоматом боеприпасов меры к их быстрейшему пуску.

— Алексей Николаевич, немедленно приступим к выполнению этого решения ГКО, но для ускоренного строительства и подготовки эксплуатационных кадров необходимы тысячи людей — строителей и специалистов-пороховиков.

— К вам уже выехали 11 строительных батальонов из трудармейцев. По линии трудовых резервов начата мобилизация 5 тыс. юношей и девушек. Остальных надо найти на месте.

Секретари, члены бюро, работники обкома — все, кто имел отношение к данному делу, были собраны, чтобы совместно с присутствовавшим здесь заместителем наркома боеприпасов наметить и обсудить план, как лучше и быстрее выполнить решение Государственного Комитета Обороны. Серьезность задания ГКО вытекала из создавшейся в первый период войны обстановки.

Нельзя сказать, что к началу войны Красная Армия была плохо обеспечена боеприпасами. На первые месяцы войны было достаточно патронов, снарядов, гранат. Мин, пожалуй, было маловато.

Беда заключалась в том, что запасы эти были размещены в непосредственной близости от границы, оказались в зоне военных действий и в значительной мере не смогли быть использованы Красной Армией. В захваченной противником зоне оказались и многие предприятия, производившие боеприпасы. До войны эти заводы производили в месяц более 8 млн. корпусов снарядов, около 3 млн. корпусов мин, 2 млн. корпусов авиабомб, около 8 млн. взрывателей, 5 млн. снарядных гильз, 2,5 млн. ручных гранат, около 8 млн. *кг* пороха и т. д.

Все эти потери надо было восстановить и пополнить уже в самом ходе войны. Задача огромной трудности. Но

самое трудное заключалось в другом. Современные крупные орудия и реактивная боевая техника требовали более мощных видов пороха. Перед Великой Отечественной войной у нас только на двух заводах велись опыты и производились в небольшом количестве нитроглицериновые, или баллиститные, пороха. Но и эти заводы уже в начале войны были эвакуированы. Крупное производство данного вида пороха должно было развернуться на заводе, к постройке которого недавно приступили.

Фашистская Германия обладала большими ресурсами мощных баллиститных порохов. Это давало ей большие преимущества. Выбить из рук врага это преимущество — вот задача, серьезность, срочность и остроту которой невозможно было переоценить.

ЦК ВКП(б) поставил перед нашей областной партийной организацией боевую задачу — в течение июля — октября 1941 г. закончить первую очередь строительства нового порохового завода, на его площадях разместить эвакуированные предприятия, приступить к выпуску артиллерийских, минометных и реактивных зарядов. Наряду с этим необходимо было вести научно-исследовательские работы по созданию более мощных видов боеприпасов.

Уже через несколько дней после звонка А. Н. Косыгина на строительство завода прибыло несколько тысяч добровольцев — женщин, стариков, юношей и девушек в возрасте 14—17 лет. Они сразу же приступили к работе: рытью котлованов под фундаменты промышленных объектов и складских помещений, строительству землянок, жилых бараков и других сооружений. Работали с большим напряжением, от темна до темна, не жалея сил. Конечно, они не могли полностью обеспечить строительные работы по подготовке к приему десятков эшелонов оборудования и многих тысяч людей, эвакуированных с запада. Для этого нужны были сотни тысяч квадратных метров площади. Но и десятая часть этой работы, выполненная ими, явилась, выражаясь военным языком, плацдармом, с которого начинали свое наступление прибывшие строительные батальоны.

Выполнение задания ГКО было сопряжено с большими трудностями. Требовалось немалое количество специалистов высокой квалификации — опытных конструкторов, техников, химиков, механиков. А их у нас не было. Специального оборудования — прессов, вальцмашин, запасных

частей также не хватало. Как же преодолевались эти трудности?

Решением Государственного Комитета Обороны крупные специалисты и ученые-пороховики были мобилизованы. Прибыв к нам, они составили особое конструкторское бюро. Трудились самоотверженно, жили на казарменном положении. Несмотря на исключительные трудности, замечательный коллектив, в составе которого были крупные ученые, инженеры, добился блестящих результатов. Конструкторы в невиданно короткие сроки разработали и внедрили в производство десятки видов мощных боевых зарядов, которые во много раз превосходили хваленые фашистские «ФАУ».

Было создано и другое конструкторское бюро, которое занялось проектированием зданий, конструированием недостающего оборудования и т. д.

Благодаря четким указаниям ЦК партии, исключительной энергии наркома боеприпасов СССР Б. Л. Ванникова, его заместителей М. В. Хруничева, П. Н. Горемыкина и других работников наркомата, по-государственному организованной помощи со стороны наркома вооружений Д. Ф. Устинова на заводах страны изготовлялось все необходимое нам оборудование. Помощь шла отовсюду, ибо все расчеты на быстрое получение баллиститных порохов связывались с тем, что наш завод будет быстро построен и начнет давать продукцию.

Строительные батальоны, состоявшие из людей восемнадцати национальностей, работали отлично. Во главе их подразделений стояли пожилые или имевшие ранения командиры и комиссары. В помощь им обком партии выделил сотню коммунистов для политической работы. От коллектива политических работников требовалось много умения и настойчивости, чтобы создать здоровую трудовую товарищескую атмосферу, сплотить воедино эту многоязычную армию. Забегая вперед, скажу, что по окончании войны мы торжественно проводили домой демобилизованных со строительства узбеков, башкир, татар и других товарищей, многие из которых за свой героический труд были награждены Почетными грамотами, медалями и орденами.

Чем сильнее нависала над Советской страной фашистская угроза, тем самоотверженнее трудились советские люди. Когда оборвался трос и ковш по добыче гравия ока-

зался в бушующей реке, техник Фадеев сел в лодку и, маневрируя меж льдинами, поплыл к месту катастрофы. Сбросив с себя одежду, он несколько раз нырял в ледяную воду, пока не соединил оборванные концы с ковшом.

На обмуровке котлов работал мастер Плаксин. Вместо 120 рабочих у него вначале имелось всего 7 человек. Что делать? Он обратился к старшеклассникам местной средней школы. Набрав 15- и 16-летних девочек, он обучил их искусству обмуровки. Одна из них, Гриценко, в совершенстве овладела методом обмуровки сводов и арок котлов. На многих стройках возникли десятки женских, главным образом молодежных, бригад. Они проявляли удивительную выносливость и трудовую доблесть, работали днем и ночью, при сильных морозах.

Непередаваема по своеобразию была панорама стройки с ночными прожекторами и кострами, освещавшими и обогревавшими тысячи людей, разбросанных на большой территории. Одни роют котлованы, другие укладывают трубы, третьи устанавливают станки, тянут электропровода, такелажники на самодельных санях-волокушах тащат оборудование весом по 20—30 *т*. Еще не закончена крыша, а монтажники уже устанавливают нитраторы, варочные машины, моторы. Все находится в движении.

Какие там были люди! Взять, к примеру, бригадира Крашенникову. До войны она работала каменщиком. Когда началась война, она создала из молодых работниц фронтовую бригаду. Слава о ней далеко перешагнула пределы завода. Когда начался месячник помощи защитникам Сталинграда, бригада Крашенниковой вырабатывала по 3—4 нормы за смену. За трудовой подвиг бригадир была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Начальником всего строительства был крупный военный инженер и талантливый организатор П. С. Кузьмич. Ранее он возглавлял строительство ряда оборонительных сооружений и военных предприятий. Теперь он вместе с главным инженером Дайбо организовал четкую конвейерную систему работы, прокладку кабелей и труб в траншеях и т. д. Все было тщательно продумано, работа шла без простоев, широким фронтом. Почти все строители учились на различных курсах, повышая квалификацию, овладевая передовыми методами труда.

Война сказывалась на снабжении. Продуктов, выдававшихся по карточкам, силошь и рядом недоставало,

особенно рабочим тяжелого физического труда. Поддержанный партийной организацией и всей общественностью, Кузьмич организовал расширение пригородных хозяйств. Зимой 1941/42 г. тысячи рабочих ежедневно в нерабочее время по два-три часа трудились на раскорчевке пней, строительстве теплиц, животноводческих помещений. Для общественного питания было получено немало картофеля и овощей. Больницам и детским учреждениям были увеличены поставки мяса и молока. Почти все рабочие и служащие посадили на индивидуальных огородных участках картофель и овощи.

Партийная организация строительства в первый год войны была сравнительно небольшой, составляла около 5% от общего числа рабочих и служащих. Но она была активна и инициативна. Партком правильно расставил коммунистов, что позволило обеспечить партийное влияние на главных рабочих местах. Коммунисты личным примером увлекали за собой беспартийных. Все рабочие-коммунисты, все бессемейные десятники, прорабы, мастера жили вместе с рабочими в землянках и палатках. Это сплачивало коммунистов и беспартийных и по-своему содействовало созданию широкого беспартийного актива вокруг партийной организации.

Партийный комитет стройки во главе с парторгом ЦК Гудковым стал боевым штабом, центр тяжести работы которого был перенесен на места. Агитколлектив, которым руководил сам Гудков, знакомил рабочих с последними событиями на фронтах, разъяснял решения партии и правительства. Партийные собрания, длившиеся, как правило, недолго, созывались регулярно и проходили активно.

В октябре 1941 г. была построена первая очередь завода и выдана первая партия баллиститных порохов. Но этот первый успех отнюдь не снизил напряжения. Напротив, необходимость резкого увеличения производства нитроглицериновых порохов и создания новых, более мощных видов зарядов ставила перед заводом все новые проблемы огромной трудности. От работы завода зависело положение на фронте, ведь более года он оставался единственным в стране заводом, выпускавшим нитроглицериновые пороха.

На наш завод были назначены уполномоченные ГКО. Один из них — Чуркин, ответственный сотрудник аппарата ЦК ВКП(б). Другой — помощник Генерального прокурора СССР Рагинский. Эти товарищи при помощи местных

партработников провели огромную работу по мобилизации всех возможностей заводского коллектива, по обеспечению выполнения другими предприятиями срочных заказов завода, по продвижению транспортов с материалами, оборудованием, сырьем.

Однажды вышла из строя котельная. Прекратилась подача пара, возникла угроза остановки завода. Родилась идея использовать для выработки технологического пара старые, списанные в лом паровозы. Уполномоченный ГКО Рагинский обратился к железнодорожникам ряда областей и попросил их о помощи. Через 10—12 часов подоспевшие «старики» выручили завод. Он же под свою ответственность досрочно освободил из мест заключения несколько сот осужденных за неопасные преступления. Тяжелым трудом эти люди искупили свою вину. Работали они самоотверженно, и после войны свыше 80% из них были награждены орденами и медалями.

Большую роль на стройке и на заводе играл командный состав. Подобрать его было не так-то легко. Обком партии еще не знал тогда людей эвакуированных предприятий и вынужден был отбирать из них «на скорую руку». Это было рискованно, в спешке могли быть допущены ошибки. К счастью, их было немного. Прибывавшие коммунисты помогали нам в объективной оценке деловых и политических качеств руководящих работников своих предприятий и в отборе из их числа наиболее способных. Особо важное значение завода для обороны было подчеркнуто ЦК ВКП(б) введением в особую номенклатуру директора завода, его заместителей, главного инженера, главного технолога, начальников цехов. Это повысило авторитет и ответственность работников, воодушевило их на смелое творчество.

Директором завода был утвержден ныне покойный Д. Г. Бидинский, член партии с 1919 г., участник гражданской войны. В работе директора возникали такие трудности, для преодоления которых требовались сверхчеловеческая энергия, незаурядный ум, знание в совершенстве техники, организаторские способности и опыт. Руководство Наркомата боеприпасов именно в этом плане охарактеризовало Бидинского, и он полностью оправдал эту характеристику.

Заместителем директора по технике безопасности был назначен В. В. Иванов, главным инженером — Горбачев,

главным технологом — А. Г. Каллистов. Техника безопасности на пороховом заводе имеет первостепенное значение. Малейшее отклонение от строжайших правил режима грозит тяжелыми последствиями. Можно себе представить всю сложность задачи, возложенной на Иванова, если учесть, что тысячи людей, не имевших ни знаний, ни опыта, нужно было буквально в считанные дни обучить обращению с пороховой массой на различных этапах производства. В нормальных условиях на обучение одного человека уходило 6—7 месяцев.

За три дня были подобраны мастера и опытные рабочие, разработаны и размножены учебные программы, подысканы различные помещения, вплоть до землянок, складов, коридоров. Тысячи людей были обучены на таких скоростных курсах и приступили к производству.

А. Г. Каллистова посылали на наиболее тяжелые участки — начальником ответственнейшего цеха, начальником полигона и, наконец, главным технологом завода. Знаток производства, он прямо на рабочем месте учил людей, как вальцевать порох, как его прессовать, что делать, чтобы «попасть в анализ», избежав брака. Не боялся он риска в интересах производства. При этом риск с его стороны не был лихачеством, он всегда был обоснован. Только один раз эксперимент изготовления артиллерийских порохов прошел неудачно. Но этот случай не обескуражил его. Лауреат Ленинской премии А. Г. Каллистов оставил о себе добрую память.

Обстановка потребовала от партийных органов пойти на смелое выдвижение начальниками цехов и мастерами молодых инженеров и техников и даже высококвалифицированных рабочих. Хорошими организаторами показали себя инженеры-коммунисты: Д. Я. Орлов, А. И. Соколов, М. М. Васильев, И. И. Сироткин и др.

Можно только поражаться, как быстро эти люди вошли в курс дела и сколько при этом выявилось подлинных талантов. Вот, например, назначенный начальником цеха Бондарь. У него тогда был весьма скромный производственный стаж. А под начало ему дали несколько тысяч женщин и подростков, в том числе 600 школьников старших классов. Цех был сборочный, он завершал производственный цикл и выдавал готовую продукцию.

Рабочие, впервые увидев это опасное производство, не знали, как к нему приступиться. А работа была ответствен-

нейшая и весьма тяжелая. Представьте себе заряды для 120-*мм* и 82-*мм* минометов. Каждый рабочий за смену должен был по норме произвести не менее 5 тыс. взвешиваний и 10—12 тыс. взвешиваний контрольных. Груз весит 7,2 *г*. Допуск разрешается до 0,1 *г*. Итого за смену по норме 10 тыс. точнейших взвешиваний вручную. Ни один фармацевт в мире не выполнит и половины этой нормы. А на заводе большинство рабочих делало по 10—15 тыс. взвешиваний.

На завязке узлов и упаковке за смену производили по 12—13 тыс. операций. У многих на пальцах вздувались волдыри, сочилась кровь. Бондарь придумал подставки для подростков-малышей, механические сшиватели мешочков и многое другое для облегчения труда. Рабочих этого цеха звали бондарятами. Начальник цеха действительно был для них отцом, заботливым и ласковым.

Оборонные предприятия, и наш завод в том числе, были переведены на военное положение. Командирам производства были присвоены воинские звания. Военизация предусматривала безоговорочное выполнение приказов, дисциплинарную ответственность за их нарушение, введение в случае необходимости казарменного режима. Порядок и дисциплина на заводе были образцовыми. За все время войны явились на работу в нетрезвом состоянии семеро рабочих. Они были наказаны. Один начальник цеха за грубость в отношении директора завода попал на гауптвахту.

В октябре 1941 г., после того как первая очередь завода была введена в строй, ГКО установил заводу программу выпуска 15 видов боевой продукции. До войны у нас не существовало простого и точного метода расчета калорийности и других элементов характеристик нитроглицеринового пороха. Пороховые партии, удовлетворительные по химсоставу, часто оказывались непригодными и подлежали браковке, ибо превышали допустимые нормы давления газов в камере сгорания, особенно для «М-8» и «М-13». Поставки фронту оказались под угрозой. Выручило ОКБ, о котором говорилось выше.

Была срочно разработана специальная таблица дозировок компонентов на различных фазах технологического процесса, внедрено применение калориметра. Это позволило обеспечить серийный выпуск качественных боеприпасов без брака и рекламаций. Метод, разработанный

заводским ОКБ, был перенесен на другие заводы, вступавшие в строй в 1942—1944 гг., и избавил их от трудностей при освоении ракетных баллиститных порохов. В обычное время для решения столь сложного комплекса задач потребовались бы годы. Наши специалисты из ОКБ совместно с практическими работниками завода разрешили их за два месяца.

Бывали моменты, когда у всех опускались руки, усилия казались тщетными, люди, забыв о еде и сне, сутками просиживали над рецептурой, над различными вариантами, пока не отыскивали нужное решение. Приходилось добиваться замены остродефицитных видов сырья менее дефицитными, разрабатывать новые методы варки и новой технологии, помогать освоению его производства на бумажных комбинатах такого полуфабриката, как коллоксилин.

Особенно важно было найти заменитель централита. Производство исходного продукта для коллоксилина было ранее налажено на юге, теперь захваченном фашистами. Централит мы получали из-за границы. Долго бились на заводе, пока сумели выпустить высококачественный коллоксилин. Он был лучше американского, небольшие количества которого к нам поступили по ленд-лизу. Надо сказать, что, когда мы уже пережили все «болезни» освоения нового пороха и наладили его производство, к нам на завод поступил американский баллиститный порох. Он оказался непригодным из-за высокой калорийности (рвало стволы орудий), и мы его использовали только в добавках к нашим порохам.

Одна из идей новой пороховой технологии принадлежала Спорнусу. Но от идеи до ее осуществления путь тернист. Конструкция сложных аппаратов неоднократно переделывалась, технология менялась. Работники ОКБ, инженеры завода Спорнус, Пашков, Каллистов, Кржижановский и др. не раз терпели неудачи. Спорнус получил тяжелые ожоги лица и рук. На помощь заводу пришли другие предприятия не только нашей области. Освоение нового метода производства порохов проходило в трудный период войны, в дни обороны Сталинграда. Оно явилось большой победой. Производительность труда повысилась на 30—40%, почти вдвое возрос выпуск зарядов к реактивным установкам «М-13».

В условиях того времени, при остром недостатке рабочих и производственных площадей, эта новая технология явилась малой технической революцией и настоящим подарком советского тыла нашим славным ракетчикам-фронтовикам. Государственный Комитет Обороны решил наградить орденами всех участников разработки и внедрения новой технологии и разрешить им перевезти на завод свои семьи.

Когда речь идет о цехе нитрации, пороховики произносят это слово торжественно и тихо. Тут святая святых завода, здесь готовится нитроглицериновая смесь, которая затем самотеком идет в варочный цех, перерабатывается в пороховую массу и дальше проходит вальцевание и прессование, после чего наступает конечная фаза изготовления требуемой продукции.

Когда смотришь на кипящую горячую смесь, под большим стеклянным колпаком переливающуюся различными красками, перед глазами развертывается удивительно красивое зрелище. Зрелище красивое, но проходящая сложная химическая реакция требует исключительной бдительности и осторожности. В цехе передвигаются медленно, плавно, ходят в мягких тапочках, говорят шепотом. От удара, от резкого звука может произойти взрыв страшной разрушительной силы.

Начальник цеха Яровой долго проработал здесь, много сил отдал этому опасному производству. Однажды в нитропроводе образовалась течь, и жидкость на морозе превратилась в огромную взрывоопасную сосульку. Грозила катастрофа. Начальник цеха вместе с товарищами, рискуя жизнью, ликвидировал опасность, устранив повреждение. За мужество Яровой, а вместе с ним Кравченко, Алексеев и Святошенко были награждены орденами Трудового Красного Знамени.

Главным героем завода и его решающей силой был рабочий класс. А состоял он у нас на 90% из женщин и подростков. В самом опасном цехе — нитрации — работали в основном женщины. Спокойно и уверенно действовали аппаратчицы — член партии Кучерова и ее напарница Дмитриева. Сокращая время нитрации, промывки и отстоя, они увеличили массу при нитрации, добившись роста производительности аппарата на 10—12%. Когда не стало важного вида сырья и цеху грозила остановка, поступило предложение заменить недостающий компонент одним

парфюмерным изделием. Сначала ничего не получалось, но затем пришла удача. Цех работал без перебоев, а Кучерову наградили медалью и денежной премией.

Самоотверженный патриотический труд был тогда массовым на всех участках. Так было и на участке вальцовки. Вальцевание — тяжелая мужская профессия. Температура пороховой смеси равна 80°. Ее надо голыми руками равномерно заложить в валки и под большим давлением прокатать на горизонтальных вальцах 10—12 раз, затем на вертикальных вальцах разрезать пополам и снова скатать в рулоны весом до 60 *кг*. В первый год войны на заводе не было автомашин, недоставало и лошадей. Тяжелые рулоны приходилось для прессования доставлять на себе на расстояние в триста метров. Не хватало около сотни рабочих-вальцовщиков. И вот их заменили добровольцы-женщины. Уборщица Дуля пошла работать на вальцы. Другая работница, Решетняк, на вертикальных вальцах выполняла одну-две нормы, обогнав многих мужчин. За всю войну она не допустила ни одной вспышки пороха. Это она обучила вальцеванию двенадцать девушек.

Труд вальцовщика и прессовщика можно сравнить с работой сапера при обезвреживании мин, снарядов и бомб. На заводе было несколько случаев тяжелых ожогов. Однажды при вспышке на вальцах рабочие Дуриманов и Маслов не смогли выскочить наружу. Дверь заклинило воздушной волной. Обоих отвезли в больницу в тяжелом состоянии. Десятки рабочих отдали куски своей кожи для пересадки Дуриманову, но спасти товарища не удалось. Маслов же поправился и продолжал работать. Только глубокий шрам на лице напоминает о военных годах.

Замечателен трудовой подвиг семнадцатилетнего вальцовщика Стомина. Парень пришел на завод и сразу же обратил на себя внимание своим трудолюбием, пытливостью, стремлением улучшить работу. Как только его выдвинули вальцовщиком, Стомин внес предложение доставлять порох из варочного цеха в утепленных мешках, а на месте вальцовки подогревать его до нужной температуры. Все его движения были собранными и четкими, на работу выходил за полчаса до смены, тщательно готовил свое рабочее место. Работа у него шла как на конвейере, без перебоев и простоев. За всю войну в смене Стомина не было ни одной вспышки, ни одной травмы, а производительность труда поднялась на 30%. Опыт Стомина был под-

хвачен другими вальцовщиками и поддержан партийной организацией. Красная Армия получила дополнительно миллионы зарядов, а бригада Стомина — сотни писем с благодарностью от фронтовиков.

После вальцевания пороховое полотно переходило в цех прессования. Здесь под давлением в 120 *атм* оно прессовалось в различные формы зарядов. Приходилось поднимать большие рулоны взрывчатки. Малейшее неосторожное движение могло вызвать взрыв. Работники цеха находились в постоянном физическом, нервном и психическом напряжении. А две трети рабочих цеха составляли девушки 16—18 лет. Они пришли либо из колхозов, либо из старших классов общеобразовательных школ. Вот одна такая девушка — Дьяконова. Ей было 16 лет. Роста она небольшого, и для загрузки пороха в изложницы ей сделали специальную подставку. Сотни рулонов, нагретых до 80°, надо было поднять, установить, спрессовать и аккуратно сложить.

В этом цехе широко использовались два вида соревнования: сменное и индивидуальное. Уже к середине 1942 г. весь цех был объявлен гвардейским, а более 90% рабочих — гвардейцами труда. Такое звание получить было нелегко. Его присуждали на совместном заседании партийного и профсоюзного комитетов с широким участием рабочих. Секретарь партбюро цеха работница Юшкова вспоминала, как торжественно вручали удостоверение гвардейцам труда, а коллективу — знамя гвардейского цеха.

— Мы просто плакали от радости, тронутые столь высокой оценкой нашего труда. Эти пожелтевшие от времени документы храним как святую реликвию.

А вот слова одной из лучших прессовщиц — Кисловой:

— Наше соревнование было боевое и считалось на минуты. На всех рабочих местах висели таблицы, и мы знали выработку по часам. Если моя подруга опережает меня, я даже на обед не иду, нагоняю ее. Мы бежали навстречу подносчикам и просто вырывали рулоны, а затем бегом неслись к прессам. За один год я увеличила производительность пресса на 40% за счет лучшей подготовки и сноровки. Слесари сократили профилактический ремонт до 10—15 минут и этим очень нам помогли.

Завершающая стадия производства — сборка и упаковка зарядов. Зарядный цех самый многолюдный. В нем тру-

дилось очень много работниц, преимущественно в возрасте от четырнадцати до двадцати лет. Сборка зарядов — взвешивание, обертка, вязка, упаковка, парафинирование — все операции только вручную. Вряд ли кто тогда знал, что девичьи и детские пальчики за один день работы изготовляли столько зарядов — артиллерийских, минометных, для «катюш» и авиабомб. Опасна, однообразна и утомительна работа. Но сестры Трутневы, Орлова и другие девушки, не вставая со стула, делали 12 тыс. тонких движений пальцами.

— В первые дни, когда нас посадили за стол, ночью я плакала,— рассказывает Аликина.— На пальцах болят волдыри, хочется спать, а нельзя — конвейер! Потом привыкла, окрепла. Как только ночью захочется спать, мы песни поем — лирические, народные, военные. Всю ночь поем, и работа идет легче.

Объем продукции завода вырос к концу 1944 г. в десятки раз по сравнению с 1942 г. К этому времени уже работали на полную мощность другие заводы боеприпасов, построенные на Востоке страны. Но теми работы нашего завода непрерывно нарастал. Самые тяжелые испытания остались позади.

Самым трудным для нас, несомненно, было лето 1942 г., когда завод и парторганизацию обязали в трехмесячный срок увеличить выпуск зарядов для ракетных частей и крупнокалиберной артиллерии в несколько раз против первоначально намеченного.

И. В. Сталин позвонил директору завода Д. Г. Бидинскому и сказал, что от людей завода сейчас в значительной степени зависит судьба большой стратегической операции на фронте. На заводе безвыездно находились первый и второй секретари обкома партии, ответственные работники ЦК ВКП(б) и Наркомата боеприпасов. Был разработан и тщательно обсужден на открытом партийном собрании план и график круглосуточного ведения работ по строительству второй очереди новой технологии. В довоенное время намеченные темпы сочли бы фантастикой. Партийная организация стремилась довести до сознания каждого рабочего исключительную важность задания Родины.

Парторг ЦК ВКП(б) Гусев и парторги цехов Кярт и Бойченко всегда были в самой гуще масс. Рабочий Сергей Ахметвалеев говорил на митинге строителей:

— Если 28 гвардейцев-панфиловцев смогли уничтожить десятки фашистских танков и не пропустить их к Москве, почему же мы, несколько тысяч человек, не можем выполнить задание ЦК партии и нашей Родины? Можем, товарищи, и выполним!

Общий подъем был таков, что ни один рабочий, ни один специалист в течение двух месяцев вообще не уходил с работы. Спали по 4 часа в сутки. Строители еще только заканчивали укладку стен, а монтажники уже устанавливали оборудование. Другие местные заводы, как ни были они перегружены своими плановыми работами, также пришли на помощь нашему заводу. Рабочие одного из них безвозмездно и в сверхурочное время изготовили крупные станины и плиты. Помощь поступала и из других мест. ГКО выделил дополнительно продовольствие, обувь, одежду, большой премиальный фонд. Все многодетные женщины-домохозяйки во главе с женой первого секретаря райкома оставили детей под присмотром более пожилых, ушли на строительство. Учителя, врачи, служащие, жившие поблизости, отрабатывали на стройке ежедневно по 6 часов.

И чудо свершилось: задание ГКО было выполнено не за 3, а за 2,5 месяца. Это был подвиг, и страна оценила его. Свыше 1000 человек были награждены орденами и медалями.

Окончилась война. Заслуги завода, ковавшего оружие победы, героизм и самоотверженность его многотысячного коллектива были достойно отмечены Родиной. Заводу навечно было отдано знамя ЦК ВКП(б). Тысячи людей завода были награждены орденами и медалями. На митинге, где вручались награды, заместитель народного комиссара боеприпасов М. В. Хруничев сказал:

— Мужественные люди вашего порохового завода почти на год приблизили победу над врагом и сохранили жизнь сотням тысяч советских людей.

Это была правда.

С. М. Новицкий-Михалев

НОРИЛЬСКИЕ ПЛАВКИ

НОВИЦКИЙ-МИХАЛЕВ Степан Митрофанович. Родился в 1901 г. Член КПСС с 1919 г. Главный энергетик строительства Норильского горно-металлургического комбината (1939—1956 гг.). Персональный пенсионер.

В один из дней 1942 г. в небо над Норильском поднялся самолет. Он взял курс на Большую землю. Так норильчане называют пространство южнее 69-й параллели. На борту самолета был важный груз — стратегический металл никель. Никель перебрасывался в Сибирь. Там он шел на изготовление броневой стали. Того количества, что захватил один самолет, хватало на 26 танков.

Спустя немного времени с фронта была снята целая эскадрилья бомбардировщиков. Они-то и организовали воздушный мост между Норильском и одной железнодорожной станцией в Сибири.

Мы, строители самого северного в стране горно-металлургического комбината, знали, что без никеля не будет брони, танков. Но, разумеется, знали это и наши враги — фашисты. Во всяком случае их пиратские подлодки,

базировавшиеся в оккупированной Норвегии, не случайно забирались к устью Енисея.

Фронт воспринимался норильчанами как нечто совсем близкое. Мы чувствовали себя арсенальцами. И делали все, чтобы этот арсенал как можно быстрее и как можно больше дал металла на дело обороны. Нужно было в кратчайшие сроки поставить на службу фронту уникальную норильскую кладовую подземных богатств.

К началу войны Норильский район уже не был сплошным «белым пятном» на географической карте. Благодаря самоотверженному труду первопроходцев, и в первую очередь таких, как профессор Николай Николаевич Урванцев, район был достаточно серьезно исследован. В заполярной кладовой было все: полиметаллическая руда, уголь, месторождения флюсов и сырья для строительных материалов. Была и платина. Но только напряженный труд всего коллектива строителей мог быстро обеспечить превращение хранившихся в заполярной тундре богатств в материалы для изготовления грозного оружия.

Прежде всего нужно было победить капризы арктического климата, «победить Арктику». С ее ветрами, пургой, холодом, вечной мерзлотой. Трудовой подвиг, воля коллектива смогли доказать, что победить можно.

Эти трудности, связанные с климатом, были главными для строителей. Во время войны они усугублялись и значительным отрывом от Большой земли, резким ухудшением материально-технического снабжения.

Несколько слов о заполярном климате. Продолжительность зимы — 8—8,5 месяца. В конце сентября начинается пурга. В течение 170 дней она полновластная хозяйка тундры. Долгая полярная ночь. Ну и, конечно, стужа. И все же самый страшный бич — пурга. Она, бывало, полностью парализовывала все. Прекращал работу транспорт. Жизнь в Норильске замирала. До крыш заносило жилые дома. Приходилось по телефону вызывать «скорую» — бригады с лопатами, чтобы пробить проходы к домам. На работу в такие дни ходили группами, держась за специально протянутые канаты. Поход в одиночку мог закончиться трагически. Человек сбивался с пути, блуждал и замерзал иной раз буквально в нескольких метрах от жилья или предприятия, где работал.

В ту пору Норильск был связан с портом Дудинка единственной железнодорожной ниточкой узкоколейки.

Эта единственная коммуникация на пять месяцев в году выходила из строя. Но и в остальное время случались такие заносы, что паровозы и подвижной состав приходилось откапывать.

Снегоборьба — так назывались тогда авралы, в которых участвовало почти все население,— отнимала массу сил, средств, времени. И первое, с чем никак не могли примириться темпы военного времени,— это наша беспомощность перед пургой, этим подлинным стихийным бедствием. Среди норильчан нашлись, однако, люди, чей поиск и упорство помогли несколько облегчить положение. Таким энтузиастом оказался инженер Г. М. Потапов. Поискам эффективных методов снегозащиты он посвятил многие годы упорного труда. Не страшась ни холода, ни пурги, он долгими часами вел свои дневники. Потаповские наблюдения, разработка им теоретических и экспериментальных проблем снегоборьбы принесли свои плоды. Возглавляемая Г. М. Потаповым и Н. Н. Кузнецовым лаборатория создала совершенные конструкции защитных ограждений. Был разработан и порядок установки щитов. Это, повторяю, облегчило положение, хотя, конечно, авралы еще приходилось устраивать.

Как и весь коллектив, в те годы героически трудился отряд дорожников. На этих работах особенно отличалось подразделение, возглавляемое инженером Александром Николаевичем Грамном. Под руководством этого замечательного организатора строилась вся дорожная сеть горно-металлургического комбината. Ни холод, ни вечная мерзлота, ни скудный паек военного времени не смогли заставить дорожников снизить взятые темпы. Их руководитель — вожак пресненской комсомолии 20-х годов — личным примером увлекал дорожников на штурм. Подразделение было в подлинном смысле слова ударным. Его бросали на прорыв, в самые трудные места стройки. Дорожники неизменно справлялись с поставленной задачей.

Подразделение это было на виду у всего коллектива строителей, и, когда однажды оно попало в беду, многотысячный коллектив норильчан пришел на помощь дорожникам. Это случилось во время прокладки последнего участка пути, в нескольких километрах от населенного пункта. Пурга отрезала дорожников. Кончалось продовольствие, люди стали замерзать. Весть об этом бедствии мгновенно разнеслась по стройке. На борьбу за жизнь своих товари-

щей поднялись норильчане. Тысячи строителей пробивались к терпящим бедствие. И дорожники были спасены.

В те военные годы поистине фронтовым был и коллектив строителей комплекса металлургических цехов, возглавляемый коммунистом Вячеславом Владиславовичем Сендеком, членом партии с 1919 г. Сендек проявил себя не только замечательным инженером, но и большим организатором и, что, может быть, всего важнее, способным педагогом. Созданные им курсы производственного обучения помогли в короткие сроки подготовить бетонщиков, каменщиков, плотников, футеровщиков. Правда, частенько приходилось авралить не по специальности, но с этим никто не считался: надо — так надо. В коллективе строителей металлургического комплекса особенно выделялись тогда бригады Бороды, Багнюка, Ваваева, Малого. Все эти люди, как подлинные советские патриоты, работали с опережением графика военного времени. И прораб Сендек, и возглавляемый им коллектив являли собой пример несгибаемости советского человека. Ломался от холода металл, тупился от ударов в неподатливую вечную мерзлоту инструмент — человек все выдерживал. И при этом перекрывал нормы. Но перекрывали нормы строители отнюдь не за счет одной только интенсивности труда.

Немалую помощь им оказывали механизаторы строительства под руководством главного механика строительства Л. Е. Альтмарка.

Трудно было в тогдашних условиях создать сложные механизмы, но многое достигалось за счет так называемой малой механизации и остроумных приспособлений. Новаторская мысль все время билась над решением возникающих новых задач, порой казавшихся неразрешимыми. Такого рода сплав новаторской мысли и трудового энтузиазма родился в ответ на призыв партии «Все для фронта, все для победы над врагом».

Новаторство норильчан органически связано с первым директором комбината, чье имя он сейчас носит,— А. П. Завенягиным. Старый большевик, прославленный строитель Магнитки, Завенягин обладал особым чувством реального, отлично разбирался не только в технике, но и в вопросах организации труда, в человеческой психологии. Он не принадлежал к любителям успехов любой ценой. Для него эффективность самой заманчивой идеи оценивалась возможностью ее внедрения в условиях Край-

него Севера. При этом все экономико-технические выкладки тесно увязывались с человеком труда — главной, решающей силой стройки. Гуманность, заботу о человеке А. П. Завенягин проявлял и при решении вопроса, каким способом разрабатывать Норильское месторождение.

Для многих специалистов организации на «материке», которая проектировала Норильский комбинат, такого вопроса вообще не существовало. Они категорически настаивали на подземном способе разработки. На первый взгляд за этот способ говорило многое: лютые холода, пурга, заносы. На совещании сторонники подземного способа иронически вопрошали: уж не растут ли на Таймыре апельсины, что вы настаиваете на открытом способе?

На этот, казалось бы, убийственный довод Завенягин и горняки Норильска отвечали: условия труда на подземных работах значительно тяжелее открытых. К тому же и подготовка к подземной добыче требовала более длительных сроков.

Еще один довод в пользу открытых работ дала сама природа. Норильская руда в большинстве своем образована вкраплениями сульфидов в каменистые габбро-диабазовые породы. При этом на отдельных участках месторождения были обнаружены сплошные сульфиды в виде жильных руд. Здесь содержание металла в 10 и более раз превышает обычное во вкрапленных рудах. Рудное тело в этих местах всего ближе подходит к поверхности земли. Такими и оказались места, где открыты карьеры «Угольный ручей», «Медвежий ручей», «Гора рудная».

Завенягинский подход к решению технических проблем был характерен для многих коммунистов, возглавлявших строительство.

Мне часто в ту пору приходилось сталкиваться с одним из заместителей начальника по строительству — главным инженером Владимиром Ивановичем Полтавой. Помню такой случай.

Как раз для вскрышных работ предстояло перебросить со строительства ТЭЦ на карьер огромный экскаватор. Эта машина весом в 200 *т* должна была своим ходом пройти по деревянному мосту, переброшенному через водоводы из реки Норилки. Других путей не было. А мост не внушал доверия. С другой стороны, переброска экскаватора в разобранном виде требовала немалого времени. Что делать? Начались консультации. Высказывались опасения,

что мост стареват и может не выдержать. Предложили чуть ли не капитальный ремонт моста. А экскаватор нужен был немедленно. И тогда главный инженер строительства В. И. Полтава выехал на место.

Экскаватор застыл у въезда на мост. Полтава спустился по уклону к водоводам, забрался под мост, замерил балки, опоры, что-то подсчитал и, наконец, дал команду:

— Пошел! Для верности я буду под мостом.

Все участники этой переправы замерли. Взревел мотор, и экскаватор потихоньку тронулся... Через десяток минут, казавшихся вечностью, экскаватор был уже на другой стороне моста. Вскоре его стальные челюсти рвали землю карьера «Гора рудная».

Метод личного примера был характерен для коммунистов Норильска. Самоотверженность, простота, оперативность отличали и такого руководителя, как начальник строительства И. Перфилов. Его можно было встретить на стройке в любое время суток, обратиться с любой просьбой, высказать любую точку зрения, лишь бы она была на пользу дела.

Именно пытливость, поиск нового, понимание того, что только новаторские приемы помогут решить труднейшую задачу досрочного пуска комплекса, определяли успех дела. И тут хочется вспомнить коммуниста Михаила Васильевича Кима. Большую роль сыграл в ускорении строительства и пуска комбината рожденный в годы войны проектный отдел, такие его работники, как А. П. Кушнев, Л. Н. Дампель, Ф. А. Давыдовский, Л. А. Ройтер и др.

Размах стройки и для мирного времени являлся для этих широт неслыханным. А ведь дело происходило во время войны. И именно в эти годы здесь построили никелевый и медеплавильный заводы, аглофабрику, малую обогатительную фабрику, кобальтовый завод, три рудника, аэродром, проложили дороги. И наряду с этим шла разведка руд.

Вокруг Норильска все меньше и меньше оставалось «белых пятен». Зато их было много в таком вопросе, как инженерное мерзлотоведение. Наука тогда еще не дала ответа на вопрос, как строить в условиях Заполярья. А такой ответ был крайне необходим. От него зависели сроки и надежность строительства. Кое-что удалось в этом смысле сделать коллективу энергетиков.

С первыми трудностями строители встретились задолго до войны. Вот какую картину мы увидели, прибыв на стройку.

Строительная площадка «Металлургстроя» была занесена снегом. Котлованы под фундаменты никелевого завода разрабатывались в снежных туннелях вручную, без серьезного применения механизмов. Одновременно велись работы на Малом опытном металлургическом заводе. Его роль в освоении таймырского металла была не такой уж малой. Он заслуживает того, чтобы о нем вспомнить. Он был задуман как экспериментальный. И это был правильный шаг. На этом заводе предстояло решить ряд технических проблем, связанных с особенностями норильских руд. Здесь же предстояло решить вопрос о печах для плавки руды. Где-то нужно было пустить в переработку и разведанные к той поре богатые руды. Словом, все говорило за то, что такой завод нужен, и как можно быстрей. Кстати, на этом же заводе предстояло решить и острейшую проблему подготовки кадров металлургов.

Понимая важность задачи, проектировщики Норильска выдали за шесть месяцев всю документацию. Вскоре было возведено и деревянное здание будущего экспериментального завода. В нем был плавильный цех с одним ватержакетом и конвертором.

Тем временем расширилась сырьевая база. На экспериментальном заводе установили второй ватержакет, увеличили мощность конвертора. Но и на этом не остановились. Малый завод непрерывно реконструировался, расширялся. В результате этого был сооружен завод с законченным металлургическим циклом. В начале войны он был уже далеко не экспериментальным. Первый никель для танковой брони был выдан норильскими металлургами с помощью Малого завода.

Но вернемся к строительной площадке Большого металлургического завода. Бетонирование массивных фундаментов велось в огромных деревянных тепляках, обогреваемых паром и мангалами — жаровнями. Не говоря уже о дороговизне этого способа, он был очень трудоемким и не мог обеспечить нужных темпов строительства и ввода предприятия в строй действующих. Нам, энергетикам, был известен другой, более прогрессивный способ, который и был предложен. Суть этого способа заключалась в том, чтобы бетон и железобетон прогревать электротоком.

Начались эксперименты. Для начала электропрогрев бетона вели в сравнительно небольшом ящике. В течение 15 часов на тридцатиградусном морозе пропускали ток через бетонную смесь. Сняли опалубку и, ко всеобщему удивлению, убедились: бетон как бетон!

Весть об этом «чуде» разнеслась по строительству. Началось испытание «скоростного» бетона: его долбили зубилом, сжимали под прессом. Бетон показал себя с лучшей стороны. Предложение было принято. Начались поиски необходимых для подогрева электротрансформаторов. Часть электрооборудования изготовили на месте, в норильских мастерских электроремонтного цеха (ЭРЦ). Вскоре электропрогрев бетона и железобетонных конструкций получил на стройке все права гражданства. Его стали применять не только зимой, но и летом. В результате процесс «схватывания» бетона сократился с 28 до 2—3 дней.

Электропрогрев потребовал для замера температур в прогреваемом бетоне ртутных термометров. В Норильске их оказалось мало, да и те быстро вышли из строя. Попробовали заменить стекло. Умельцы лаборатории при ТЭЦ изготовили нужное количество электротермометров сопротивления. Они с успехом заменили ртутные — стеклянные. Приходилось изворачиваться и при решении других вопросов. Не хватало, а вернее, просто не было нужного количества электропровода. Научились делать его из утильного кабеля, телефонной проволоки. Где-то раскопали отслужившие свой век трансформаторы. Норильские электрики электроремонтного цеха сумели дать им новую жизнь и приспособить для электропрогрева.

Шла война, а на строительстве Большого металлургического завода стали возводить трубу высотой в 140 *м*. Кирпич для нее в количестве 3 млн. штук был полностью завезен с «материка». На стройку прибыла бригада трубокладов новосибирского «Теплостроя».

Началась кладка. Трубоклады рассчитывали управиться до зимы. Не получилось. Зима, как назло, пришла ранняя, ударили морозы, задула пурга. Кладку вели в брезентовом тепляке — шатре. В один из особо ненастных дней, когда труба достигла стометровой высоты, тепляк сорвало и унесло в тундру. Работы приостановились. Но не для того, чтобы покориться стихии. Об этом никто и не помышлял. Остановиться на стометровой высоте запрещала технология плавки. А ватержакеты ждали. И тут родилась

дерзкая мысль: попробовать электропрогрев кирпичной кладки трубы.

И вот на площадке неподалеку от обжигового цеха комбината начался новый эксперимент. Здесь стали возводить макет трубы. Вместе с группой электромонтеров мы испытывали на этом макете метод электропрогрева.

Через каждые два кирпича закладывали проволоку, подключали ток от специального трансформатора. Спустя несколько часов при наружной температуре в 30° мороза температура кладки достигла 30° тепла. Стройлаборатория проверила необычный способ кладки. И снова результат превзошел все ожидания. Так в немыслимо короткие сроки труба достигла стосорокаметровой высоты.

И еще на многих работах электропрогрев сделал свое дело. Он помог на футеровочных работах воздуходувкам, в электролизных ваннах, где нужно было местное тепло, которого не хватало даже в отапливаемом помещении.

В самый разгар войны не было на стройке алмазов для резки стекла. И снова нашли выход: стекло резали с помощью электричества. На асбестовую плиту накладывалась высокоомная проволока, которая накалялась током от 12-вольтового трансформатора. На раскаленную проволоку помещали стекло тем местом, где требовалось нанести разрез, и по нему проводили тряпкой, смоченной холодной водой. Разрез получался быстро и точных размеров.

Я так подробно остановился на электропрогреве только потому, что эта область мне была ближе всего. Но творческий поиск этим далеко не ограничивался. Вели его и строители. Уже тогда были разработаны принципы возведения зданий на вечной мерзлоте. Накопленный опыт не прошел бесследно. Работы, проводившиеся в этой области, были удостоены Ленинской премии.

Вначале строительство никелевого завода было ориентировано на нетугоплавкие руды. В расчете на них и были запроектированы отражательные печи. Однако уже в ходе строительства выяснилось, что металлургам придется иметь дело с тугоплавкими рудами. Это требовало решительного пересмотра проекта. Отражательная печь должна была уступить место ватержакетной.

Работы отражательной печи основаны на лучеиспускании раскаленной кладки. При высокой тугоплавкости руды в таких печах создалась бы постоянная угроза сохранности свода. А это грозило многими неприятностями,

и в первую очередь могло бы нарушить бесперебойную работу металлургических цехов.

Норильские металлурги и проектировщики доказали на своем Малом заводе целесообразность перестройки технологии. В основу новой технологии был положен метод ватержакетной плавки. Правда, внедрение этого метода не было простым делом, но зато он гарантировал нужные темпы. А в условиях военного времени это решающий фактор. С помощью ватержакетной печи всю войну в Норильске велись скоростные плавки металла для танковой брони.

...Хорошо помню комбинат в годы войны. Перекликаясь со сводками Совинформбюро, листовки-«молнии» сообщали о замечательных делах гвардейцев тыла. Словно в унисон с фронтом гремели взрывы на открытых разработках «Горы рудной» и «Шмидтихе». Бурильщик Семен Шмойлов, подрывники Василий Корбан, Анна Пилипенко вздымали громадные массы породы. Тянули линию передачи, все дальше забираясь в тундру, электрики бригады Решетняка, самоотверженно трудился коллектив цеха высоковольтных сетей и подстанций под руководством коммуниста И. М. Абрамицкого. Каменщик-коммунист Константин Гладилин ставил рекорды на кладке. С исключительной точностью точил-вытачивал детали на токарном станке коммунист Антон Шнек.

Тем временем разведчики недр заканчивали изучение запасов платины. Они оказались такими, что по праву Норильск следовало бы называть не никелевым, а платиновым. За короткие сроки за счет одной только добытой здесь платины удалось окупить все капиталовложения на освоение Норильска.

Таков был вклад гвардейцев 69-й параллели в великое дело победы над врагом.

А. В. Горшков

ВСПОМИНАЯ ГОДЫ ВОЙНЫ

ГОРШКОВ Аким Васильевич. Родился в 1898 г. Член КПСС с 1939 г. Председатель колхоза «Большевик» Гусь-Хрустального района Владимирской области. Депутат Верховного Совета СССР. Дважды Герой Социалистического Труда.

В 1928 г. был создан наш колхоз «Большевик». Нелегким было начало. С сорока рублями капитала, которых хватило только на поездку в Муром, чтобы зарегистрироваться в Колхозцентре, с одной лошаденкой, на отдаленном от села, глухом, безлюдном месте начинали мы, группа коммунаров, бывших красногвардейцев, новую колхозную жизнь. Работы было у нас непочатый край, не говоря уже о трудностях. Предстояло заново строиться, налаживать хозяйство, расчищать лес для построек и пашни. Иногда, греясь у дымной, наспех сложенной печки в худом прокопченном шалаше, некоторые из нас сомневались в своих силах. Но проходили в работе дни, месяцы. Постепенно дело налаживалось. К концу 30-х годов колхоз превратился в довольно крепкое, дружное хозяйство. За отличную работу, за высокие производственные показатели кол-

лектив колхоза дважды удостаивали участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Когда началась война, конечно, трудно было сразу перестроиться — работать за себя и за ушедших на фронт односельчан. Но перестроились, работали, делали все возможное и даже невозможное.

Особенно в ту пору доставалось женщинам. Они заменили ушедших на фронт мужчин. Им пришлось и косить, и пахать, и стога метать, и за рулем трактора сидеть. И нужно им отдать должное: женщины работали самоотверженно, по-геройски.

Шла весна 1942 г. Трудная была пора. Война вплотную подошла ко многим хлебным районам страны. Это вызвало необходимость сверхпланового посева в тыловых районах. Мобилизовав все силы и резервы, колхоз готовился к севу. Трудно было с техникой, с тягловой силой (четыре автомашины и восемнадцать лошадей колхоз отправил на фронт), не хватало рабочих рук. Как и полагается, вели сортировку семян — тоже не такое уж простое дело. Семена проса, например, отбирались по зернышку. Это делалось для того, чтобы на посев оставить один сорт, устранить неравномерность вызревания, снижающую урожайность. Крайне утомительная и трудоемкая операция. За день, например, можно при самой усидчивой работе отобрать всего 150—200 *г*. Колхозница Баранова одна отобрала более 20 *кг* сортовых семян.

Такое отношение к труду было в ту военную пору обычным явлением. Люди работали не покладая рук. Они знали, что работают для фронта, для обороны страны и что труд их приближает победу.

В январе 1943 г. в Иванове состоялось областное совещание по повышению урожайности. В работе этого совещания принял участие Михаил Иванович Калинин. Он выступил с большой речью. М. И. Калинин подробно обрисовал положение на фронтах Великой Отечественной войны, остановился на состоянии сельского хозяйства, выдвинул ряд задач.

— Вам придется забыть, что у вас потребляющая область. Война требует, чтобы ваша область была областью производящей. Самыми плодородными областями в Советском Союзе должны быть ранее неплодородные области — эти слова Калинина запомнились мне особенно хорошо. В частности, на совещании М. И. Калинин настойчиво

рекомендовал переводить тракторы на газогенераторы с применением твердого топлива.

— Обратите на это самое серьезное внимание,— сказал он.

В ту пору перевод тракторов на твердое топливо был вызван острой нехваткой горючего — бензина, керосина. По этой причине техника во многих колхозах часто бездействовала. Возможность применить в качестве топлива местные материалы: древесные чурки, торф — спасала положение, хотя и вызывала ряд существенных трудностей. Нужно было заготавливать большое количество древесных чурок, заниматься торфоразработками. У нас в колхозе эти трудности усугублялись еще и тем, что в механической мастерской вместо 14 человек осталось всего 3. И вот этим-то троим и пришлось в основном взять на себя работу по переводу тракторов на газогенераторы с твердым топливом. Задача была выполнена успешно.

Не могу не вспомнить в этой связи механика И. Ф. Гусева. Энергичный, инициативный человек, он многое сделал для того, чтобы колхоз задолго до посевной или жатвы был готов встретить их во всеоружии. Несмотря на затруднения с запасными частями, с сортовым железом, благодаря Гусеву машины и инвентарь ремонтировались в колхозе всегда вовремя. Сам Гусев работал и за шофера, и за тракториста, и за слесаря по ремонту. Кстати, многие колхозники успешно совмещали профессии. Даже 70-летний конюх Левочкин, например, и то одновременно плотничал, ладил повозки, ремонтировал мелкий инвентарь.

В конце апреля 1943 г. меня неожиданно вызвали в область. Здесь я узнал, что в составе делегации колхозников и рабочих Ивановской области, возглавляемой председателем облисполкома т. Шубиным, поеду в Москву, в Кремль. Делегации предстояло дать отчет «всесоюзному старосте», как колхозы и колхозники, рабочие фабрик и заводов Ивановской области борются за высокий урожай, как они выполняют задачи, поставленные Калининым на областном совещании по поднятию урожайности.

М. И. Калинин принял нашу делегацию в Кремле. Беседа была продолжительной. Она длилась свыше пяти часов. В теплой, дружественной беседе делились мы с Калининым опытом своей работы, докладывали ему о первых шагах в борьбе за высокий урожай этого года. Пришлось выступить и мне. Коротко, почти по-военному, доложил

я о наших колхозных делах, и, разумеется, в первую очередь о подготовке к севу, об организации работ. Конечно, очень хотелось мне рассказать больше и полнее о трудовых буднях колхоза, например о том, как летом 1942 г., в жаркую пору сенокоса, из-за острой нехватки рабочих рук пришлось дать объявление в газету. Кое-кто посматривал тогда косо на такую инициативу. Но она принесла пользу. Люди приходили, устраивались на работу. В результате сено было убрано досрочно. Одним из первых в районе наш колхоз выполнил план поставок сена государству. Хотелось рассказать о закладке парников. Надо ли говорить о том, как необходимы были овощи в ту пору. Так вот, решили мы наладить парниковое хозяйство. Трудностей было немало. Не хватало строительного материала, остро стояла проблема стекол, вручную рыли котлованы. И все же, несмотря на все эти трудности, парниковое хозяйство наладили. Хотелось мне рассказать М. И. Калинину и о том, что заранее, не полагаясь на «штурмовой героизм», готовились мы к очередным сельскохозяйственным работам. В конце своего короткого доклада я рассказал Калинину о том, что в эту весну колхоз высадил 52 тыс. штук рассады овощей в специальных горшочках и что это даст возможность получить свежие овощи на три недели раньше обычного срока. Калинин заметил:

— Это очень хорошо. Надо, чтобы все колхозы следовали вашему примеру.

В заключение нашей встречи в Кремле выступил М. И. Калинин. В памяти остались его слова:

— Колхозники Ивановской области в дни войны работают лучше, чем до войны. Но этого мало. Страна требует, чтобы вы работали еще лучше. Если вы хорошо работаете, вы наносите удар по врагу. Передовые колхозники и колхозы являются самыми лучшими бойцами, и страна этого никогда не забудет.

В шеренге передовых шел и наш колхоз «Большевик».

Вспоминая далекие годы войны, я хотел бы отметить еще и то, что наряду с первейшей нашей обязанностью, основной задачей — обеспечивать Красную Армию продовольствием, а промышленность сырьем — мы держали в поле своего зрения и другие заботы, другие дела. Когда в феврале 1943 г. колхозники и колхозницы колхоза «Пахарь» Ершовского района Саратовской области выступили с замечательной инициативой создания «Фонда здоровья

защитников Родины», этот патриотический почин нашел горячий отклик и у нас в колхозе. Обсудив на собрании обращение саратовцев, мы решили отчислить в «Фонд здоровья защитников Родины» за счет колхоза несколько тысяч литров молока.

А взять реализацию Государственного военного займа в 1942 г. За наилучшие показатели по подписке (100-процентный охват, 217 руб. в среднем на одного колхозника с уплатой всей суммы наличными) постановлением бюро Гусь-Хрустального райкома ВКП(б) и исполкома райсовета депутатов трудящихся нам было вручено переходящее Красное знамя. Или, скажем, другой пример, когда в январе 1944 г. в нашем колхозе были организованы курсы по повышению квалификации председателей колхозов района. Конечно, это всего лишь небольшие штрихи из той большой, трудной, но славной жизни колхоза в военные годы. Думается, что они дадут некоторое представление о том, как трудился колхоз в годы войны.

Сейчас наш колхоз «Большевик», как и в военные годы, идет в шеренге передовых. Он неузнаваемо изменился за это время, вырос. Вместе с ним выросли и люди. И сегодня я уже могу сказать, что нынешние успехи колхоза во многом опираются на опыт тех трудных военных лет.

А. П. Прасолова

ХЛЕБ — ФРОНТУ

ПРАСОЛОВА Анастасия Павловна. Родилась в 1920 г. В 1941—1945 гг.— бригадир первой в Подмосковье женской тракторной бригады. Герой Социалистического Труда. Персональный пенсионер.

Более тридцати лет назад я впервые села за руль трактора. В Высоковской МТС Московской области, куда я пришла молодой девушкой, тракторов было мало, но трактористов все равно не хватало. Наши ветхие «фордзоны» поначалу казались мне какими-то грохочущими исполинами. Девичьи руки с большим трудом привыкали к железным машинам; да и насмешки приходилось слышать довольно часто. Долго я сомневалась в своих силах, в своих возможностях овладеть профессией тракториста. Но однажды меня послали на слет молодых хлеборобов в Москву. Там перед нами выступила Паша Ангелина — одна из первых девушек в нашей стране, ставшая трактористкой. Ее пламенная речь убедила меня в собственных силах. Я твердо решила стать сельским механизатором. Девушкам, таким, как я, становилась послушной техника.

И как же пригодились эти девичьи руки в ту пору, когда в мирном небе нашей Родины разразилась военная гроза, когда из сел и деревень мужчины ушли на фронт, а на полях колхозов и совхозов остались работать только женщины и подростки!

Известие о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну застало меня в пути. Со своими подругами я возвращалась из Москвы в родной город Высоковское. В подмосковном городе Клину, где была конечная остановка нашего поезда, мы услышали какие-то крики. И, только выйдя из вагона, явственно услышали: «Война! Война!»

До города Высоковское от станции — девять километров. Автобусов в то время не было. И мы напрямик, не разбирая дороги, бросились бегом домой. Известие о войне для всех в Высоковском было настолько внезапным и неожиданным, что многие совсем не верили в случившееся. Мы растерянно ходили из дома в дом, пытаясь выяснить какие-нибудь подробности. Но никто толком ничего не знал. Побежали в МТС, а там — митинг. После митинга работники МТС разъехались по деревням проводить собрания колхозников. В те времена машинно-тракторные станции не только обслуживали колхозы техникой, но и проводили большую политическую работу среди крестьян.

Первые дни войны мы работали как обычно. Конечно, с большей нагрузкой и ответственностью, чем в мирное время, но занимались мы обычным для хлеборобов делом: ремонтировали жатки, косилки — в общем, готовились к уборке урожая, который в то лето был отменным.

Но дней через пять после начала войны нас собрал директор МТС и объявил нам, что мы должны готовить всю технику к эвакуации. Не сразу, конечно, а по мере завершения полевых работ.

— Время военное,— говорил директор, обходя вместе с механиком боксы с техникой,— все сейчас переводится на военные рельсы: где строились тракторы, будут строить танки, пушки. Конечно, партия и правительство не оставят сельское хозяйство без техники, но знайте: каждый трактор, работающий без капитального ремонта как можно дольше,— это сэкономленные сотни килограммов металла, из которых на наших заводах будут отлиты новые пушки и снаряды для отражения врага. Помните об этом и берегите технику!

За каждым из нас закрепили по трактору, за техническое состояние которого мы отвечали. Мой трактор был в отличном состоянии, и его собирались отправлять в тыл в первую очередь.

День шел за днем, неделя за неделей. Фашистские армии все ближе подступали к Москве. Работа на подмосковных полях становилась все более напряженной. Все меньше оставалось мужчин в деревнях, все больше труд хлебороба ложился на плечи женщин и подростков.

Линия фронта была совсем рядом, а мы все продолжали обмолачивать скошенный хлеб и сдавать его государству. Во всех деревнях нашего района шла битва за хлеб — за хлеб фронту. Если где и не успевали обмолотить, прятали снопы тщательнейшим образом по дальним овинам и ригам, в лесных сторожках и глубоких подвалах. Прятали не только хлеб. Когда мы эвакуировали последние тракторы и молотилки, у нас еще оставался старенький «форд-зончик», как шутливо называли его. Давно списанный и годный разве только выполнять роль движка для кинопередвижки в мирное время, он стал нашей «боевой» техникой в дни войны: на нем мы до последнего дня продолжали обмолачивать хлеб. Но пришла пора расставания и с ним. Жалко было ломать его. Загнали мы этот трактор в овраг, поснимали все ценные части и тщательно замаскировали. Мы верили, что фашистам долго не бывать у стен Москвы, что вернемся на родную землю очень скоро.

И мы вернулись. В октябре 1941 г. мы ушли, а уже в декабре этого же года вернулись. Всего один месяц фашисты хозяйничали в нашем Высоковском районе, но сжечь и разрушить успели многое. Конечно, они не успели оставить после себя такую страшную картину, как в Белоруссии или на Украине, но все же разрушений было много.

Возвратившись, мы сразу же принялись восстанавливать МТС, ее хозяйственные постройки. Но потом мне нашлось и другое дело. Вместе с Владимиром Корзинкиным, который по состоянию здоровья не мог находиться в армии, стали мы собирать трофеи, осматривать полусгоревшие фашистские танки, огромное количество которых было разбросано по всем полям района. Забирали инструмент, нехватку которого мы так остро ощущали, снимали целые части машин, гусеницы, если находили горючее, то сливали и его. Наш директор Прохор Степанович

Конониров одобрил наши действия и дал нам в помощь еще девчат. Мы столько пособирали запчастей, что к нам за ними из других МТС приезжали. Вспомнили мы с Володей Корзинкиным и про спрятанный трактор — притащили его в боксы, отремонтировали, поставили в одном из сараев и стали обмолачивать спрятанный по осени хлеб. Молотим и радуемся: хотя и с опозданием, а хлеб все-таки государству сдадим. Прослышали про нашу молотилку по всему району и ну гонцов слать:

— Хлеб залежался необмолоченный. Приезжайте, помогите.

Так мы всю зиму и ездили с Корзинкиным по району из деревни в деревню. Тяжело было. Особенно мы мучились из-за нехватки горючего для нашего «агрегата». Руководители МТС помогали нам, как могли, но и у них больших возможностей не было. Лимита на горюче-смазочные материалы нам не отпускали, так как в штате МТС не числилось ни одной машины. Вот мы и искали его сами: то в районе кто-нибудь ведра два нальет, то колхозники соберут из своих запасов керосин — в общем, добывали где могли. Из деревни в деревню, бывало, перебирались так: загоняли наш трактор на специально сделанную платформу на санях, впрягали быков и ехали. Приедем на место — и сразу же за работу, а из ближайших деревень к нам то на быках, а то и просто на санках везли снопы ржи и пшеницы. Сотни пудов хлеба, казалось, уже совсем потерянного, вернули мы в те зимние месяцы стране.

К середине февраля 1942 г. мы успели обмолотить весь оставшийся хлеб. Впереди была весна, посевная, а техники у нас не было. А если бы и была, работать на ней некому. Вызвал нас с Корзинкиным Прохор Степанович Конониров и спрашивает:

— Ну, что будем делать? — подумал немного и сам же отвечает:— Решили мы курсы трактористов организовать. Все вместе и учить будем. Днем — работа, вечером — учеба.

— А кто учиться-то будет? — спрашиваю его я.

— А что, разве у тебя подруг нет? Есть, вот и займись ими. Да и девчат помоложе в деревнях хватает.

Под конец нашего разговора Владимир Корзинкин спросил директора:

— Прохор Степанович, а технику нам пришлют?

— Чего не знаю, того не знаю,— ответил П. С. Конони-

ров и добавил:— Слышал я, что где-то в лесу мальчишки трактор нашли. Хочу просить вас узнать об этом. Если это точно, то нужно организовать поисковые группы: может быть, и в других местах такие клады есть.

На другой день мы уже стояли на лесной поляне, где из снежных сугробов торчали обломки трактора «ХТЗ». Это была удача, хотя трактор был поломан основательно. Перевезли обломки на станцию, а сами по деревням — организовывать с помощью комсомольцев поисковые группы. Эти группы исходили не только наш район, но почти всю область. Бывало, что в МТС привозили почти целехонькие тракторы. С утра и до ночи, а то и по ночам работали мы на сборке тракторов. К посевной у нас оказалось 20 тракторов. Это была уже сила. И все эти тракторы были собраны нашими руками, по сути дела, из металлолома.

К тому времени, когда были собраны тракторы, на курсах подготовили молодых трактористок. Подготовили не очень хорошо, но все-таки они могли водить трактор, а с нашей помощью и проводить ремонт. Из этого первого выпуска была организована бригада, в которую меня назначили бригадиром. Так была создана первая в области женская тракторная бригада из молодых девчат 16—20 лет. Среди них — Рената Рябчикова, Тоня Лескова, Клавдия Новикова.

В первые дни посевных работ весны 1942 г. моя бригада работала не хуже и не лучше других бригад. Сказывалась неопытность моих юных трактористок. Машины часто простаивали из-за незначительных неисправностей, да и со снабжением горюче-смазочными материалами бывали перебои. Неопытность трактористок, бывало, приводила к смешным ситуациям. Однажды Тоне Лесковой достался еще не совсем просохший от паводковых вод участок поля, который она должна была вспахать. Колеса ее трактора увязли по самые оси. Она очень растерялась. К тому же заглох мотор и никак не заводился. Тоня испугалась, что испортила трактор. А я в это время и нагрянула к ней. Увидела она меня и даже побелела вся от испуга.

— Анастасия Павловна,— кричит она,— я трактор сломала. Как я могла в военное время сделать такое — ума не приложу? Да расстрелять меня за это мало. Анастасия Павловна, я жить не буду, не имею права после этого.

Выкрикнула она это все в какой-то истерике и ну бежать через поле прямо в лес. Еле догнала я ее. Подвела Тоню к трактору, вместе осмотрели его — все в порядке. Дернула я за пусковой ремень, трактор и завелся. Тоня смотрела на меня широко открытыми от удивления глазами. Заглушила я мотор, взяла лопату, а Тоню послала в лес за хворостом. Пока ходила она, я откопала колеса. И за какие-то полчаса мы вытащили трактор. Уж как Тоня веселилась, как плясала вокруг трактора от радости!

Постепенно день за днем юные трактористки набирались опыта. В нашей бригаде установилось правило: никто не уходит отдыхать до тех пор, пока все машины бригады не будут готовы к следующему дню. Если было необходимо, оставались около тракторов на ночь и при свете факелов ремонтировали их. Тракторы нашей бригады отличались особой чистотой и ухоженностью, если можно так сказать о тракторах. Ласковые девичьи руки берегли технику. Бережливое отношение к машинам давало свои результаты. Например, в других бригадах подшипники перетягивали через каждые 10 *га* вспашки, а у нас через 100 *га*. Или, например, коленчатый вал мы шлифовали через 1000 и более гектаров вспашки, тогда как в других бригадах через 500. Мы своими руками реставрировали мелкие детали, старались как можно больше экономить горючее.

По всем показателям наша женская бригада стала первой в МТС, а затем и в районе. Мы не только работали на отведенных нашей бригаде полях, но и ездили помогать другим. Сделаем у себя и сейчас же без отдыха едем помогать другим бригадам. А когда развернулось движение «тысячников» — вспахать 1000 *га* мягкой пахоты на каждый 15-сильный трактор при норме в 275 *га*,— наша бригада включилась в соревнование. И мы одни из первых в области достигли этого рубежа. Но ведь необходимо было не только вспахать, но и добиться, чтобы качество пахоты было отличным. Наряду с пахотой бригада вела и другие работы: сеяла, бороновала, вносила удобрения, обрабатывала картофель, капусту, морковь, заготовляла корма. Но главной работой трактористов всегда оставалась пахота.

Рабочий день на полевом стане начинался рано. И начинался всегда с читки последних сводок с фронтов. Мы радовались каждой победе нашей армии и переживали

каждую неудачу. Ежедневно девчата шли на своих тракторах на трудовой подвиг. А когда заходило солнце, на полевом стане отмечались лучшие ударницы. В честь трактористки, вспахавшей больше и лучше, поднимался красный флаг. И сутки, до следующего вечера, этот флаг прославлял победителя социалистического соревнования.

Наш труд не пропал даром. Осенью бригада собрала отличнейший урожай ржи и пшеницы (по 24,7 *ц* с *га*), сотни центнеров картофеля, моркови и других сельскохозяйственных продуктов. Колхоз, обслуживаемый нашей бригадой женщин-трактористок, первым в области рассчитался с государством по сдаче хлеба, овощей, мяса, молока.

Да и вся Высоковская МТС работала очень хорошо. Она была признана лучшей по стране. Коллективу МТС было вручено Красное знамя и денежная премия.

Награды и премии коллектив МТС получал и все последующие военные годы. Получали их за труд хлеборобов и мы — молодые трактористки. Но не за награды мы работали. Мы понимали, что хлеб нужен стране, нужен фронту, нужен для разгрома ненавистного врага.

П. П. Соколов

В БОРЬБЕ ЗА ХЛЕБ

СОКОЛОВ Николай Иванович. Родился в 1911 г. Член КПСС с 1951 г. Заслуженный механизатор сельского хозяйства РСФСР. Персональный пенсионер.

Летом 1941 г. в казахской степи, как и повсюду в стране, зрел богатый урожай. Колхозы Акмолинской области готовились к уборке. Горячая пора стояла в цехах ремонтно-механического завода на станции Акколь, неподалеку от Акмолинска (Целиноград). Завод наш, детище первых пятилеток, являлся ремонтной базой раскинутых в степи машинно-тракторных станций. Располагая солидным по тем временам станочным парком, мы помогали держать в боевой готовности сотни тракторов, автомобилей и сельскохозяйственных машин колхозов и совхозов. Хватало на заводе и умельцев. С началом войны все на заводе изменилось. Опустели цехи. Рабочие ушли на фронт. И мне, технору́ку, оставленному в тылу, несмотря на просьбу отправить на фронт, пришлось в полупустых цехах решать задачи одну другой сложней и неожиданней.

Между тем то лето сулило быть нелегким и в погодном отношении. Еще до войны состоялось решение партийных органов Казахстана, в котором труженики полей призывались быть готовыми провести уборку в максимально сжатые сроки. Чтобы быстрее убрать, не допустить потерь урожая, необходимо подготовить весь парк машин. Мало этого, его надо дополнительно оборудовать приспособлениями для уборки полегшего хлеба, зерноуловителями и др. Дел, как говорится, было невпроворот. И решать их теперь приходилось в условиях войны.

Очень важно было обучить людей нелегкой профессии сельского механизатора. Каждый из нас, опытных мастеров, специалистов, становился и педагогом. Повсеместно создавались краткосрочные курсы механизаторов, ремонтников. В дело с ходу включались мастера и специалисты из числа первых эвакуированных.

Вспоминается призыв, с которым ко всем колхозницам страны обратилась знатная трактористка депутат Верховного Совета СССР Полина Ковардак:

«Колхозницы! На трактор и комбайн! Покажите на полевых работах ту же самоотверженность и ту же непреклонную волю к победе, какую проявляют наши мужья и братья в боях с фашистами. Пусть никакие трудности не страшат вас!»

Отвечая на этот призыв, жены красноармейцев занимали места за штурвалами комбайнов и рычагами тракторов, становились к верстакам, к станкам ремонтного завода и мастерских МТС.

Наперекор всему, всем трудностям во всех колхозах принимались решения сократить на треть, а то и на половину сроки полевых работ. Застрельщиками соревнования явились такие известные в области колхозы, как «Красные горные орлы», «Орнек» и др. Они обязались закончить уборку на десять дней раньше, чем планировали до войны.

Слово тружеников полей не расходилось с делом. В сводках появились первые имена женщин-победительниц соревнования. Заменив ушедших на фронт мужей, колхозницы колхоза «Коскарғай» Газиза Шаймерданова и Бадилла Мутбаева выполняли на комбайнах тройную норму. Не отставала от них окончившая курсы комбайнерок Кешубаева. Я называю лишь тех, кто запомнился. А ведь в первую же военную уборку их были сотни. Учеба трактористок и комбайнерок принесла плоды. Уже в июле по

примеру машинно-тракторной станции «Авангард» начали создаваться женские тракторные отряды. Кстати, первый женский отряд уже к первому августа завоевал переходящее Красное знамя победителей социалистического соревнования. Замечу, что в условия соревнования обязательно включался пункт об экономии горючего. Этот вопрос тогда приобретал исключительное военно-хозяйственное значение. И нашему заводу в связи с этим предстояло решить ряд сложных задач.

В северных районах Акмолинской области степь перемежается с лесом. Всюду, где только была возможность, создавалось производство древесных чурок для двигателей, переведенных на газогенераторное топливо. Завод выполнял ряд работ по ремонту газогенераторного оборудования. Тогда же впервые стали мы готовить специальные приспособления по использованию картерных газов. С помощью таких приспособлений на обработке каждого гектара сберегалось от 2,5 до 5 *кг* жидкого топлива. Как говорится, игра стоила свеч. Готовили мы так называемые пленкораспылители, благодаря которым керосин поступал в цилиндр как бы в газообразном состоянии.

Тогда же было подсчитано, что только в Акмолинской области за период уборки удалось сберечь сотни тонн горючего. Появились трактористки, на счету которых были сотни килограммов сбереженного топлива. Называли тогда ударницу Каргину из МТС «Авангард». Она за десять часов работы на тракторе «СТЗ» сберегала до 24 *кг* горючего. За пять смен, выполняя норму на 170%, сэкономила 80 *кг* горючего Мария Яловая. А Зейнал Жусупова показала еще больший результат: отработав на тракторе «СТЗ» 75 *га*, она сберегла 100 *кг* горючего.

Конечно, эти успехи в значительной степени достигались мастерством трактористок. Они каждую смену, утром и вечером, строго по графику проводили технический уход за машинами, предупреждали поломки. И не только это. Опытные механизаторы, умело маневрируя скоростями, одновременно решали две задачи: обеспечивали высокую производительность при меньших затратах горючего.

Так, например, где состояние хлебов позволяло, передовые трактористки применяли третью скорость. Это повышало производительность на 15—20%, снижался и расход топлива.

Так уж получилось, что, сделав многое для экономии топлива, мы сами на заводе крепко мучились от его нехватки. На какие только ухищрения не приходилось идти! Однажды даже умудрились использовать заброшенный сливной резервуар. В свое время его устроили неподалеку от машинного отделения завода. В резервуар сливали воду из системы охлаждения дизеля. Вместе с водой туда попадала и какая-то часть горючего. С годами в нем накопился значительный его запас. Его-то мы и использовали.

Каждый день преподносил нам предметный урок, запоминавшийся на всю жизнь. Именно тогда с особой силой познал я справедливость выражения «безвыходных положений не бывает».

Если бы пришлось ставить в ряд трудности, которые мы тогда испытывали, на первом месте рядом с горючим оказался бы металл. И прежде всего баббит. Был такой момент, когда из-за отсутствия баббита посевная могла лишиться доброго десятка мощных тракторов. А это тысячи гектаров невспаханных площадей. Где искать баббит? Наш опыт «аварийного резервуара» напоминал, что иногда поиски надо вести чуть ли не у себя под ногами.

Искали повсюду. В одном сарае нашли старые невыплавленные вкладыши подшипников. Там же обнаружили настоящий, можно сказать, клад. Это слиток баббита в несколько десятков килограммов. Правда, он был изрядно перемешан с землей. До сих пор не могу понять, при каких обстоятельствах его довели до такого состояния. Впрочем, радость была так велика, что история находки нас мало занимала. Важнее было найти способ очистки баббита от опасных примесей. Они, понятно, вызывали немалую тревогу.

Над своей находкой мы трудились буквально в поте лица. Расплавили баббит, цедили, вылавливали малейшие комочки. Ведь именно они могли заклинить коленчатый вал двигателя, вывести из строя трактор. И эта нелегкая работа себя оправдала. Ни один трактор, оснащенный этим баббитом, не вышел из строя. По крайней мере, по этой причине.

На нашем заводе не было зуборезного станка. Да и достать его тогда было непросто. Попробовали мы использовать делительную головку для нарезки шестерен на фрезерном станке. И получилось как нельзя лучше. Подлинными новаторами, подхватывавшими и тут же внедряв-

шими интересное новшество, были братья Манько, механик Сливный, механизатор Горбань, слесари Балбеков, Токсанов. Не считаясь со временем, со своими физическими силами — все они были уже немолоды,— эти люди проявили беспримерное упорство при внедрении всяких новшеств.

Чуть ли не сразу после того, как мы научились готовить сложные шестерни, кончился запас поковок для некоторых из них. А для такой детали, как венец шестерни заднего моста трактора, как мы ни бились, ничего придумать не могли. Диаметр ее превышал 30 *см,* и отковать ее не из чего было.

Решение подсказала близость вагонного депо. Там, решили мы, наверняка есть старые негодные диски вагонных буферов. Железнодорожники, которые к тому времени научились использовать металлический лом, выручили нас. Поделились некоторым количеством дисков, из которых мы изготовили венцы.

Накануне посевной 1942 г. завод испытывал острый недостаток в крепежных материалах. Не было железа, из которого нарезались болты и гайки. Что ни делали, куда ни обращались, отовсюду следовал ответ: «У самих нет». Где искать? Казалось, все обшарено. Исследованы все заборы, «взяты на учет» складские решетки, запоры и засовы. Все, что можно перековать, было использовано. И все же выход нашелся в виде... громоотвода. Я не оговорился. Это был километровой длины шестигранник, который тянулся от нашего завода к пруду. Громоотвод этот ставили в мирное время и проявили при этом не очень большую заботу об экономии металла. Заменили мы шестигранник менее дефицитной железной проволокой и принялись готовить крепеж. Так старый громоотвод помог вовремя отремонтировать и послать на поля колонну тракторов.

Есть такая деталь № 211. Это поршневой палец трактора «ХТЗ». Я называю номер детали с такой уверенностью не только потому, что и сегодня имею прямое отношение к механизации сельского хозяйства. В войну все наши помыслы, как говорится, были связаны с этой деталью.

Для того чтобы реставрировать выпедший из строя палец, приходилось применять довольно сложную технологию. Мы изготовляли специальный штамп, на котором в горячем виде «раздували» изношенный палец. Стахановец

Манько снимал изношенную поверхность его до нужного ремонтного размера, затем после обработки в печи его снова шлифовали до заданного размера.

Забегая вперед, расскажу о недавней встрече с молодыми инженерами — механизаторами сельского хозяйства. Я позволил себе упрекнуть тех из них, которые, слишком уповая на централизованные поставки, не воспользовались имевшимися у них возможностями заменить недостающие детали. Тем самым под удар была поставлена судьба урожая. При этом я рассказал о случае с деталью № 211.

В ответ я услыхал вопрос, в котором даже звучал оттенок упрека: «Не меняется ли структура металла?»

— Самым незначительным образом,— ответил я.— Во всяком случае, деталь контролировалась со всей строгостью.

Кстати, все, о чем я рассказал, не было нашей «самодеятельностью». До конца использовать все возможности, из каждой изношенной детали выжать все, на что она еще способна,— таково было требование военного времени. На этот счет имелись и прямые указания.

Дело это было новым. Нигде и никогда нас не учили этому. Научила война. Не только на нашем ремонтно-механическом заводе, но и во многих мастерских МТС реставрационные работы достигли невиданного размаха. За короткий срок научились реставрировать такую деталь трактора, как ступицы диска сцепления. А ведь непростое это дело. Хватало тут всяких работ: ступицу растачивали, к ней точили втулки, сверлили отверстия, нарезали резьбу, стопорили и приваривали ухо диска муфты сцепления.

Кое-что заимствовали мы и в мастерских МТС. Помнится, в одной из них мне понравился остроумный способ реставрации внутреннего барабана фрикциона.

В мастерских новаторы находили способы борьбы с нехваткой металла. В Ельтайской МТС, где не нашлось своего «громоотвода», использовали для крепежа негодные пальцы тракторных гусениц. Электромолот вытягивал из них прутья, из которых и нарезали болты и гайки. В мастерских, как и у нас, при необходимости один станок заменяли другим. Например, одну деталь трактора обрабатывали не на строгальном станке, а на токарном, оснастив его остроумным приспособлением.

Вслед за заводом во многих мастерских был внедрен прогрессивный бригадно-узловой метод ремонта. Тогда же

был введен суточный (о большем мы не смели мечтать) график. Это дисциплинировало коллектив, вносило в дело нужную ритмичность. Насколько это было возможно, старались работать ритмично и мастерские машинно-тракторных станций. Во многих из них научились реставрировать довольно сложные детали: поршни, гильзы блоков, планетарки, крестовины, головки цилиндров, шатуны и многое другое.

Характерно также, что литейки, которые до войны часто бездействовали, теперь работали ежедневно и с полной нагрузкой. Нагрузку получили и самые маленькие колхозные кузницы. Чтобы поставить на службу урожаю все, в том числе и простые машины — сенокосилки и лобогрейки,— во многих колхозных кузницах изготовляли такие части, как пальцы режущих аппаратов. Причем делали их не из стального листа, а из его обрезков.

Все было поставлено на службу обеспечения фронта хлебом: и ремонтный завод, и мастерские, и кузницы в колхозах. Завод стал как бы флагманом этого наступления. Только в исключительных случаях, когда уже действительно все возможности были исчерпаны, мы обращались за помощью в центр. Так, однажды мы вынуждены были просить разрешения отобрать на Куйбышевском подшипниковом заводе из числа бракованных партию нужных подшипников. Получив разрешение, я вместе со своим помощником несколько дней работал на участке бракованных подшипников, отбирая более или менее годные для нас.

Ремонт сельскохозяйственной техники считается делом сезонным. И все же война нарушила эту традицию. Тракторы нужны были и зимой. Тогда, например, стали применять так называемый подзимый сев. Проводимый довольно поздно, «под зиму», он позволял расширить посевы озимых культур, чем, естественно, снижался объем весенних полевых работ. Тракторы, закончившие уборку, должны быть готовы к подзимому севу. Кстати, план его был не маленьким.

Нужны были тракторы и для работ по снегозадержанию на всем озимом клине, в том числе и на подзимых посевах. В общем, тракторам некогда было стоять на приколе.

На «пиковые» периоды колхозы и МТС выделяли нам для работы опытных механизаторов. Ждем мы их как-то из одной МТС, а их все нет. И вдруг получаем телеграмму:

«Нашим людям не в чем ехать: нет валеной обуви». Действительно, морозы в ту зиму достигали 40 и более градусов. Даже в мастерских люди работали в валенках. Что делать? Пришлось организовать сбор валенок, подшить их и отправить ремонтникам.

Война требовала от людей особой выносливости. Но и технику, которую люди обслуживали, приходилось ориентировать на рабочую силу военного времени — женщин, подростков, стариков.

Поясню примером. Шел сев. Накануне прошли дожди. Поле не успело просохнуть. Дисковые сеялки в этих условиях работать не могли. Создалась угроза разрыва между пахотой и севом. Положение мог спасти только ручной сев с последующей заделкой семян боронами.

Бригадир-женщина вызвалась вручную посеять поле.

— Не женское это дело,— заметил один старик.

— А где их взять, мужчин! — резко ответила бригадир. И, не долго думая, она перебросила через плечо полуторапудовый мешок семян и уверенно, как заправский сеятель, зашагала по полю. Ее примеру последовала вся бригада.

Они работали от зари до зари. За ними шли бороны. Посевной план был выполнен.

Я задумался тогда о том, в каком мы, инженеры, долгу перед этими труженицами. Будь у нас более совершенная техника, не пришлось бы людям так тяжело работать. Но уже к уборочной того же года многое в этом смысле удалось сделать для облегчения труда колхозниц.

В ту пору в Казахстане широко применялась жатвенная лобогрейка. При всех своих достоинствах имела она и недостаток: от рабочего-скидальщика она требовала больших физических усилий. Ведь ему приходилось вручную сбрасывать накопившуюся хлебную массу с платформы машины. 14-летним ребятам, женщинам, старикам это было не под силу. Нам, механизаторам, пришлось много поработать. И лобогрейки были оснащены приспособлениями, значительно облегчившими труд скидальщиков. Конструкция этих несложных приспособлений была еще и тем хороша, что не требовала много металла.

Весной 1943 г. колхозники Акмолинской области решили с каждого гектара взять стопудовый урожай. По тем временам немало. Это потребовало замены многих, наиболее выпаханных, земель целиной и залежами. В области,

которая впоследствии и была названа Целиноградской, тогда, в нелегких условиях, труженики колхозов предприняли наступление на целину. Надо отдать должное этой дерзновенной попытке: по существу, это была разведка боем.

Дни и ночи, готовя это наступление, стучали молоты в цехах завода. По ночам не затухали огни в литейках и кузницах МТС. В мае, в дни фронтового декадника, во всех бригадах читали письмо тракторной бригады, возглавляемой знатной трактористкой Пашей Ангелиной. (Эта бригада тогда трудилась в Будепновской МТС Западно-Казахстанской области.)

К началу посевной силами нашего завода и МТС были укомплектованы новые передвижные мастерские. Эта своего рода «скорая помощь» появлялась там, где почему-либо произошла поломка. И вот что характерно. Были случаи, когда женщины успевали сами, до прихода «скорой», устранить поломку. А часто к моменту прибытия передвижки механизаторы безошибочно ставили свой «диагноз». И, чтобы выиграть время, разбирали мотор, снимали неисправную деталь.

Именно наши трактористки в ту пору обратились с призывом к механизаторам страны: «Пусть каждый тракторист берет на себя такие обязательства: сэкономим сотни тонн горючего для нужд славных гвардейцев-танкистов, которые поведут в бой могучие танки, построенные на наши средства,— танки колонны «Акмолинский колхозник»».

Я счастлив, что в какой-то мере могу считать себя сопричастным к трудовому подвигу тружеников полей в те нелегкие военные годы.

П. Е. Панченко

СПАСЕННЫЕ СТАДА

ПАНЧЕНКО Павлина Ефремовна. Родилась в 1909 г. Член КПСС с 1938 г. Депутат Верховного Совета СССР в годы Великой Отечественной войны. Персональный пенсионер.

Война застала меня в Полтавской области. Отсюда я уезжала учиться в Московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, а весной 1941 г. вновь приехала сюда, в один из совхозов Полтавщины, вести научную работу.

22 июня 1941 г. меня срочно вызвали в облисполком. Когда я пришла туда, там уже собрались все члены исполнительного комитета и областного комитета КП(б)У. Быстро распределили всех по совхозам и колхозам, заводам и фабрикам проводить митинги. Мне пришлось в тот день выступать на нескольких. Рабочие и колхозники Полтавской области мобилизовали все свои силы на отпор врагу. В первые же дни войны на фронт ушли тысячи добровольцев из городов и деревень Полтавщины.

А война приближалась с каждым днем все ближе и ближе. Из западных областей к нам на Полтавщину стали прибывать тысячи коров, лошадей, овец, спасенных от фашистских захватчиков. Всю эту огромную массу скота нужно было накормить, напоить, подготовить к перегону в глубь страны. И все необходимо было делать как можно быстрее.

Стада овец и коров, табуны лошадей нескончаемым потоком двигались на восток через всю область. Были случаи, что из Винницкой, Каменец-Подольской, Житомирской областей прибывал скот без проводников, без документов: просто случайные люди собирали разбежавшиеся стада колхозов и гнали прочь от наступающих немецких армий. Приходилось делать опись каждого такого стада, подбирать своих гуртовщиков, табунщиков, снабжая их медикаментами и продовольствием на все время пути до волжских степей.

Случалось и так, что скот прибывал на Полтавщину больной. Однажды из Житомирской области пригнали около тысячи голов крупного рогатого скота. На такое большое стадо — только двое сопровождающих. Как только я увидела измученную длительными переходами скотину, сразу поняла: что-то неблагополучно со стадом. Несмотря на трудность пути и жару, у коров не наблюдалось жажды, отсутствовал аппетит. Конечно, стаду в первую очередь необходим был отдых. Но и после отдыха — такая же картина. Установили карантин. Пока шло время, несколько коров пало. Нужно было срочно делать вскрытие и точно определить болезнь. В случае инфекционного заболевания грозила опасность заражения огромного количества скота. К счастью, болезнь оказалась не очень опасная, хотя и инфекционная,— лептоспироз,— известная еще под названием инфекционной желтухи.

С тех пор мы весь прибывающий скот ставили на профилактический карантин, тщательно сортировали, готовили первоочередность отправки. Большую работу провели по дезинфицированию загонов, водопоев, дорог, по которым прибывал скот из западных областей к нам на Полтавщину.

К сожалению, случаи заболевания скота не были редкими. Сказывались длительные перегоны, часто по бездорожью, большая скученность, пользование общими водопоями.

На прием, лечение и отбраковку скота, прибывавшего к нам, уходила масса времени, а ведь нужно было готовить к эвакуации поголовье коров, овец, лошадей и из нашей Полтавской области. Немецкие армии, неся огромные потери, продолжали наступать, завоевывали все новые и новые районы нашей страны. Исподволь начали разрабатывать маршруты перегонов, оборудовать сборные пункты, заготовлять сухие корма, отбирать людей для очень ответственной работы гуртовщиков.

Я в то время особенно боялась за сохранность овец сакульской породы. Всего несколько тысяч сакульских овец было в нашей стране, и вывели их на Полтавщине. Красивый мех, неприхотливость отличали этих овец от других пород. Именно с ними я и работала на преддипломной практике: вела племенную книгу, через мои руки прошел каждый появившийся на свет ягненок. Я знала до третьего колена «родителей» племенных баранов. И конечно же с первых дней войны я беспокоилась о сохранности этой драгоценной породы овец.

В один из насыщенных работой дней вызвал меня Василий Сергеевич Марков, тогдашний первый секретарь Полтавского обкома КП(б)У, и сказал:

— Ну, Павлина Ефремовна, пора готовить сакульских овец к длительным перегонам.

— Что же,— отвечаю,— готовить так готовить. Сама уже думала об этом, и не только думала, но и готовила помаленьку овец к эвакуации.

А он мне на это и сказал:

— Не думайте, Павлина Ефремовна, что вы будете отвечать только за овец сакульской породы. Вам, как депутату Верховного Совета СССР, как специалисту, партия доверяет все поголовье скота нашей области.

Тут я и растерялась. «Ну,— думаю,— несколько тысяч овец сумею провести, а вот сотни тысяч голов скота Полтавской и многих других западных областей смогу ли?»

Василий Сергеевич увидел, что я от растерянности только глазами моргаю, улыбнулся ободряюще:

— Вам в помощь дадим знающих дело людей. Выберете сами ответственных за каждый маршрут. Будут трудности — а они непременно вам встретятся,— не стесняйтесь, обращайтесь прямо ко мне. И запомните главное: если мы спасем поголовье скота, то это будет не только

мясо и молоко для фронта, но и та база, на которую мы обопремся, когда возвратимся сюда. Фашисты нам ничего не оставят, а поднимать сельское хозяйство, в том числе и животноводство, после победы над врагом придется нам с вами, Павлина Ефремовна. Поймите, ваша работа — это работа не только для сегодняшнего дня, но и для будущего родной Полтавщины, для будущего всего советского народа.

Вот с этими словами я и вышла из здания Полтавского обкома КП(б)У. Хотя и ободрили меня эти слова, но с чего начинать эту неимерную, казалось, работу, я не знала. И начала я с самого, на мой взгляд, простого: достала карты Полтовской, Харьковской и Ростовской областей и вместе с помощниками начала размечать маршруты движения гуртов скота для каждого района области. При этом устанавливалась жесткая очередность для всех районов. Да и карты нам достались отличные: все проселочные дороги, объезды, речные переправы, броды были на них ясно отмечены. На карте все шло хорошо, но как будет на деле, мы еще тогда не знали, хотя и предполагали, что перегон огромных масс скота на тысячи километров в военное время будет очень трудным. Ведь нам предстояло перегнать в колхозы Сталинградской области 40 тыс. голов крупного рогатого скота, 40 тыс. овец и 30 тыс. лошадей; в колхозы Поволжья — 40 тыс. крупного рогатого скота, 35 тыс. овец, 45 тыс. лошадей. Но самая основная масса скота направлялась в Западно-Казахстанскую область: лошадей — 107 тыс., крупного рогатого скота — 152 тыс., овец — 70 тыс.

Для перегона более чем полумиллиона голов скота маршруты намечались так, чтобы на всем их протяжении были необходимые корма. Бригады для заготовки кормов высылались вперед, а чтобы в сухое и засушливое лето обеспечить скот водой, эти же бригады должны были на предполагаемых стоянках вырыть новые колодцы, отремонтировать старые, построить загоны для больного скота.

Вскоре первые стада двинулись на восток. Шли днем и ночью, делая небольшие дневные стоянки, да давали отдых скоту на несколько часов ночью. После пятидневных переходов останавливались на два дня, чтобы подлечить заболевших, дать набраться сил животным для следующего длительного перехода. За эти два дня стоянки люди

должны были заготовить корм для следующего за ними стада. Гуртовщики не жалели сил. Как правило, на таких стоянках всегда находилось несколько стогов сена. На каждой такой стоянке оставался один из гуртовщиков, который охранял корма, ухаживал за заболевшими животными, ремонтировал загоны. Он уходил с прибывшим стадом, а его место занимал другой. Все эти перегоны, стоянки на отдых были организованы согласно правилам перегона скота в мирное время. Скидок на войну у нас не было. Чтобы уберечь скот от гибели, мы должны были соблюдать общие правила, разработанные еще до войны.

Мне, как ответственной за все маршруты, приходилось ездить на полуторке по всем дорогам Полтавщины, наблюдать и контролировать работу всех маршрутов. В те месяцы я не раз пересекала с юга на север и обратно родную Полтавщину и соседние области — тысячи километров исколесила по проселочным дорогам. Случалось всякое. Помню, где-то уже в волжских степях приехала я на стоянку, на которой по плану должны были отдыхать гурты скота после пяти дней пути, а на стоянке пусто. Спротливо стоят стога сена, холодно сверкают большие корыта с водой, а скота нет. Побегали мы туда-сюда — никого. И только к вечеру со всех сторон степи стали пригонять на стоянку скот небольшими партиями. Оказалось, на рассвете залетел (стоянка была за 15 *км* от шоссе, в густо поросшей кустарником балке) фашистский самолет, сбросил несколько бомб, обстрелял из пулеметов и улетел. Хорошо, что еще бомбил вслепую: туман был, и только костер на бугре выдал стоянку. Пострадавших среди гуртовщиков не было, кроме Корнея Ивановича Никитенко, старшего гуртовщика, ему задело осколком руку. Но зато переполох в стаде был ужасный: разбежались коровы по всей степи. После того случая костры на ночевках маскировались с особой тщательностью.

Опасность подстерегала гурты скота на всех маршрутах. Бывало, приходилось срочно менять маршрут, так как на пути следования появлялись вражеские парашютисты. И пока наши бойцы уничтожали их, стада гнали в обход, зачастую и без передышек, и без воды, лишь бы быстрее миновать опасность.

А когда наступили холода, совсем стало плохо. Кормов, которые запасали по всему маршруту, стало не хватать. Сеял мелкий осенний дождик, от которого живот-

ные становились раздражительнее. Дороги превратились в сплошное месиво. А потом наступили морозные дни. И ко всему этому степные ветры, от которых невозможно было нигде укрыться.

Но, несмотря на все трудности пути, к осени в Сталинградскую область, где скот должен был быть оставлен на зимовку, была доставлена большая часть всего поголовья скота Полтавщины. А вскоре туда же прибыли партийные и хозяйственные руководители Полтавской области, и я сдала им все стада по описи. И буквально на другой день меня вызвали в Москву — защищать диплом зоотехника.

До сих пор меня поражает этот факт: трудные военные дни ноября 1941 г., враг у стен Москвы, а занятия в учебных заведениях продолжаются. Не укладывалось это в голове: кругом война, смерть, разрушение, а мы защищаем дипломные проекты.

Сразу же после защиты я стала работать старшим зоотехником в Главном управлении свиносовхозов Наркомата совхозов СССР. А в конце июня 1942 г. меня и других специалистов вызвали в сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б). Дело в том, что в начале лета 1942 г. наши войска освободили город Ростов и значительную часть области и там необходимо было организовать в самый кратчайший срок восстановительные работы. Нас разделили на бригады и послали в Ростов. От нас не скрывали, что трудности предстоящей работы огромны, что нам предстоит начинать работу, по сути дела, на пустом месте.

3 июля 1942 г. я выехала из Москвы. Моим помощником по бригаде ЦК был Евгений Иванович Бугримов. Мы и не знали, что фашистские армии, перегруппировав свои силы, вновь начали наступление, и именно там, на юге.

Из-за сильной бомбежки в Ростов нас сразу не пустили. Но, попав туда, мы, наскоро умывшись в гостинице, в которой нас поселили, сразу отправились в обком ВКП(б). Шли с инструкциями, привезенными из Москвы, но по всему было видно, что они нам не пригодятся. Так оно и случилось. Положение на фронте изменилось: фашистские войска, подтянув резервы, всей мощью обрушились на оборону юга страны. Приходилось вновь оставлять районы, с таким трудом недавно отвоеванные у врага.

На первый план вставала эвакуация всего поголовья скота Ростовской области. И не только области. Дело в том, что в ее восточных районах скопились сотни тысяч коров, лошадей, овец с Украины, Молдавии...

Вторая моя эвакуация начиналась точно так же, как и первая. Все было одинаково: и разработка маршрутов, и организация стоянок для отдыха. Вместе с тем было труднее. Во-первых, не было времени на детальную разработку маршрутов, во-вторых, не хватало опытных гуртовщиков, в-третьих, половина скота была истощена длительными переходами, недоставало кормов и т. д. В то лето скот постигла беда и другого рода — ящур. Бескормица, общие водопои, большая скученность — все благоприятствовало возникновению болезни. Надо отдать должное нашим ветеринарным врачам: в невероятно трудных условиях, при острой нехватке медикаментов они сделали всевозможное, чтобы вспышка ящура была быстро погашена.

Ко всем этим трудностям следует прибавить главную опасность — близость фронта, частые налеты фашистской авиации. Но как ни было тяжело, гурты овец, стада коров, табуны лошадей день и ночь шли на восток, и уже к исходу лета большая часть скота скопилась у переправ через Волгу.

Страшное это было место — переправа через Волгу. Особенно мне запомнилась одна из них — Черный Яр. Фашистские самолеты висели над ней день и ночь. Кроме бомб они набросали мин прямо в Волгу. А вода в реке покрыта тонкой пленкой нефти, мазута, бензина; небольшая вспышка огня — и вся река запылает.

От непрестанных бомбежек на переправе гибло много скота, поэтому по нашей просьбе военное командование поставило у Черного Яра зенитную батарею. Фашисты присмирели — стали бомбить реже, да и с большей высоты, что снижало эффективность бомбежки.

К сентябрю 1942 г. весь скот был переправлен через Волгу в колхозы и совхозы Приуралья, Казахстана и Западной Сибири. Я собиралась ехать в Сталинград докладывать представителю ЦК ВКП(б) о выполнении задания, но заболела. Видимо, организм не выдержал перегрузок последних месяцев, и я свалилась в горячке. Самолетом меня отправили в Москву.

Очнулась я в палате столичного госпиталя. За ширмой, отделяющей столик медицинской сестры от больничных коек, гудели мужские голоса. Из обрывков фраз я поняла, что какой-то женщине необходимо срочно делать трепанацию черепа. Потом... опять беспамятство. И только позднее я узнала, что трепанацию черепа собирались делать мне, но не сделали.

Спустя месяц я уже могла ходить, а через полтора приступила к работе в отделе кадров Главного управления свиносовхозов Наркомсовхозов СССР.

Впереди были годы изгнания фашистских захватчиков с нашей земли, годы восстановления народного хозяйства, годы, по существу, создания заново сельского хозяйства в освобожденных районах.

Наша работа по спасению миллионов голов скота западных районов страны была необходима для победы над врагом, для послевоенного восстановления нашего сельского хозяйства.

П. В. Парамонов

ГРОЗНЫЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ ГОДЫ МОСБАССА

ПАРАМОНОВ Иван Васильевич. Родился в 1893 г. Член КПСС с 1917 г. Герой Социалистического Труда. Управляющий трестами: «Черембасстрест», «Ураласбест», «Востокруда», «Челябуголь», «Карагандашахтстрой», «Мосшахтстрой», «Мосграждануглежилстрой». Персональный пенсионер.

В апреле 1940 г. я был вызван в Москву, в Наркомуголь. Нарком В. В. Вахрушев подробно интересовался моей биографией, и особенно работой в угольной промышленности и тем, как проходила моя командировка в 1930 г. в Канаду и в США.

— Назначаю тебя управляющим трестом «Сталиногорскшахтстрой»,— сказал нарком.— Завтра получишь приказ и поезжай прямо в Мосбасс принимать дела.

Небывало быстрое и широкое развитие добычи угля и громадное шахтное строительство в Подмосковном угольном бассейне началось после постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 5 апреля 1939 г.

Я сомневался, сумею ли справиться с порученным делом. Трест был в тяжелом финансовом положении. За плечами, правда, был большой опыт работы в ряде других

угольных трестов, и я решил испробовать свои силы на новом месте.

С помощью большого коллектива работников треста и стройуправлений удалось успешно закончить в 1940 г. план по строительству шахт, покрыть убытки, ликвидировать сверхнормативные остатки материалов и оборудования и подготовиться к еще большим по масштабу строительным работам в 1941 г.

– Война началась неожиданно и ошеломила вероломством врага. В полдень 22 июня 1941 г. мы с тревогой услышали многократное предупреждение по радио: «Слушайте важное правительственное сообщение!»

В стране объявлена мобилизация запасного состава в ряды армии. Все шахтеры и шахтостроители, не имевшие брони, были призваны в армию. Дислоцированная в Мосбассе 172-я стрелковая дивизия была укомплектована по штатам военного времени шахтерами и химиками Сталиногорска, Богородицка и других районов и отправлена на фронт.

Все мы считали, что война будет ожесточенной и потребует больших жертв. Первые неудачи считали временными, верили в разгром и уничтожение германского фашизма. И эта вера не покидала нас в самые тяжелые дни, когда враг дошел до Волги.

Работа треста стала перестраиваться по-военному. Свыше 2500 рабочих, служащих и инженерно-технических работников треста были сразу же призваны в ряды Красной Армии, многие ушли добровольцами на фронт. Ввели круглосуточное дежурство руководителей треста и шахт. Произвели перестановку людей для замены ушедших на фронт.

С каждым днем фронт приближался к Подмосковью. Сильной бомбежке многократно подвергались Тула, Болоховка, Сталиногорск и Узловая. Шахтостроители частично были переключены на строительство оборонных сооружений в Туле, Узловой и бомбоубежищ в Москве.

В сентябре под ударами наступающих гитлеровских полчищ оказался Донбасс. В начале октября нарком В. В. Вахрушев по телефону предложил мне продумать вопрос об использовании оставшихся шахтостроителей и путях резкого увеличения добычи угля в Мосбассе и прибыть немедленно в Москву.

По пути, в Туле, зашел к первому секретарю Тульского обкома партии В. Г. Жаворонкову. Проинформировал его о задании наркома, хотел узнать его мнение.

— Скажи Вахрушеву, чтобы он срочно решал вопрос об эвакуации Мосбасса. Оборонные заводы уже эвакуируются. После занятия Орла противник быстро двигается к Скуратову, идут бои под Калугой.

По приезде в Москву направляюсь прямо к В. В. Вахрушеву. У него сидел его заместитель Е. Т. Абакумов.

— Ну, какие предложения привез для увеличения добычи угля? — встретил вопросом нарком.

Я передал разговор с Жаворонковым. Вахрушев и Абакумов были крайне удивлены и встревожены моим сообщением и тут же выехали в Кремль.

Примерно через два часа они вернулись, и Вахрушев предложил вместе с Абакумовым подготовить директивы по эвакуации Мосбасса и выполнению спецзаданий по выводу шахт из строя. Директива предписывала ничего не оставлять фашистам в случае захвата врагом Подмосковного бассейна. Она была подписана наркомом и на другой день утверждена Государственным Комитетом Обороны. По этой директиве мы были обязаны выполнять спецзадания по указаниям ближайшего фронтового военного командования. В первую очередь эвакуировались наиболее ценные материалы, кабельная продукция, цветные металлы, электрооборудование, компрессоры и другое наиболее важное оборудование в адрес «Кузбассшахтстроя». Туда же эвакуировались рабочие и инженерно-технические работники.

Эвакуация из Сталиногорского (Новомосковского), Узловского, Донского, Кимовского и Скопинского районов прошла успешно. Из Черепетского района ничего не успели вывезти, а спецзадание выполнено было буквально под носом у гитлеровцев.

С приближением фронта фашистская авиация начала безуспешно бомбить Черепетские шахты и особенно строившийся железнодорожный мост через реку Черепеть. Начальник УНШ (управление нового шахтного строительства) Г. А. Агеев сначала организовал на всех четырех строившихся шахтах истребительные батальоны, а затем создал сводный отряд народного ополчения с единым штабом. Черепетский райком партии поручил руководство отрядом Агееву. Он организовал боевую и политическую

подготовку вошедших в состав отряда коммунистов, комсомольцев и добровольцев-беспартийных, обеспечил его вооружением, добился высокой дисциплинированности бойцов и командиров и боеспособности отряда. Когда гитлеровцы подошли к Черепети, отряд Агеева выступил на помощь войскам 50-й армии. В первом же бою отряд проявил высокую стойкость и мужество. В сражениях при отходе к Туле им было уничтожено до 700 гитлеровских солдат и офицеров, десять танков, много автомашин.

Нелегко досталась победа защитникам Тулы. Многие из них пали смертью храбрых. 30 октября был убит и комиссар Тульского рабочего полка Григорий Антонович Агеев. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В боях за Тулу отдали жизнь и многие шахтеры и шахтостроители Мосбасса.

Богородицкий район был занят фашистскими войсками внезапно. С шахты № 73 Богородицкой едва успели выбраться на автомашинах начальник строительства с небольшой группой рабочих, а вслед за ними стали прибывать наши рабочие-шахтостроители, вырвавшиеся из оккупированного Богородицка. От них мы узнали, что фашистские бандиты схватили десятки шахтеров и после зверских издевательств расстреляли. Погибли прославленный проходчик Рублев, председатель шахтного комитета Смирнов и его сын-комсомолец, работавший на шахте.

Прибывшие рабочие рассказали с возмущением, что Мосэнерго продолжает снабжать электроэнергией весь занятый гитлеровцами Богородицко-Товарковский район. Вызываю к телефону начальника 10-го района управления сетями и подстанциями Мосэнерго Н. К. Бохуленкова и говорю:

— Как вы допускаете снабжение электроэнергией фашистов, занявших Богородицко-Товарковский район?

— Мне никто об этом официально не сообщил, без разрешения Москвы выключить этот район не могу.

— Но я-то лицо официальное, управляющий трестом, которого вы знаете, и требую немедленно отключить оккупированный немцами район.

— Нет, я должен формально получить сообщение от своих работников,— ответил он.

О таком возмутительном ответе Бохуленкова я немедленно рассказал секретарю горкома партии Голубенкову, но и он ничего не мог сделать с этим бюрократом. И только

после обращения Голубенкова в Мосэнерго Богородицкая линия электропередачи была выключена.

После захвата гитлеровцами Богородицко-Товарковского района военное командование предложило выполнить спецзадание в Узловском районе.

Невыносимо тяжело было выводить из строя шахты, на строительство которых было затрачено столько сил, труда и материальных ценностей. То, что совсем недавно строили, нужно было своими руками разрушать. Но к этой суровой необходимости нас вынудила война.

Свыше двух недель шли упорные бои наших войск с гитлеровцами в районе станций Полунино и Дедилово, находившихся между Богородицком и Узловой. Смородинские шахты № 23 и 24, построенные и сданные в эксплуатацию в 1940 г., и строящиеся две шахты не раз находились под ружейно-пулеметным и минометным обстрелом.

В это время мы впервые узнали о применении «катюш» в боевых действиях в районе Тулы, об их большой разрушительной силе и о панике, вызванной ими среди гитлеровских вояк. Эти сведения вселили в нас громадную радость и гордость за новое чудесное оружие. Появилась надежда, что наступление гитлеровцев на Москву будет остановлено.

20 ноября немецкие танки прорвались в районе Дедилово и двинулись в обход Узловой и Сталиногорска к станции Маклец, где снова завязались бои. 21 ноября около 13—15 часов дня военное командование сообщило тресту о готовящемся оставлении Сталиногорска и Донского района и предложило выполнить спецзадание ГКО на строящихся шахтах. В это время я находился на шахте № 30 Донской, которая заканчивалась строительством и готовилась к сдаче в эксплуатацию. Аммонит (взрывчатка) был заложен еще в конце октября и не был просушен, вопреки моим указаниям.

Даю распоряжение к взрыву шахтных стволов. Уходим в безопасное укрытие и ждем взрывов. Проходит 5, 10, 15, 20 минут, а взрыва нет. Настроение ужасное. Не выполнить спецзадание, да еще при личном присутствии управляющего трестом,— ведь это военное преступление!

Идем к вентиляционному стволу и обсуждаем, что нужно сделать для безусловного выполнения спецзадания. Вдруг за 15—20 шагов до вентиляционного ствола раздался взрыв. Бросились бежать в укрытие. Снова взрыв, еще

более сильный, на главном стволе. На нас обрушилось огромное количество обломков взорванного бетона. Одной глыбой ударило в ногу. Я упал.

«Вот и смерть пришла!»,— решил я, опасаясь, что другие летящие обломки добьют меня.

Но поток обломков прекратился. Пытаюсь встать. Острая, жгучая боль в ноге. Падаю со стоном. Подбегают товарищи, несут в машину и отправляют в больницу, превращенную в то время в военный госпиталь. Открытый перелом обеих костей левой голени. При осмотре ранения ногу перегнули в месте перелома, как сломанную палку.

Началась «одиссея» на восток. Сначала ехали на автомашинах, затем со станции Сасово в санитарном поезде меня доставили в военный госпиталь в Сызрани. У меня обнаружили газовую гангрену. Началось лечение. Трудно, невыносимо трудно было лежать почти неподвижно на спине целых четыре месяца. Да еще в такое время, когда надо быть в строю.

После снятия гипсовой повязки главный хирург госпиталя А. П. Вилямовский с заметным удивлением сказал:

— Смотрите, нога-то срослась! Продержись высокая температура еще один день, и мы бы у вас отрезали ногу. Лучше плохая нога, но своя.

Но еще долго гноилась рана на месте перелома. Меня выписали из госпиталя в августе 1942 г. на амбулаторное лечение с гноившейся раной, с диагнозом «трофическая язва и хронический остеомиелит».

— Такие болезни годами не излечиваются,— заявил врач.

Значит, мне нужно работать и лечиться. Необходимость долечивать ногу и делать частые перевязки лишала возможности снова перейти в трест на строительство. Наркомуголь назначил меня заместителем начальника Главшахтстроя. И только в конце 1943 г. меня снова направили в Сталиногорск — управляющим тем же трестом, переименованным в «Мосшахтстрой».

За короткий срок своего хозяйничанья в Мосбассе, исчисляемого одним днем в Скопино, 21 днем в Сталиногорске и Донском, 23 днями в Узловой и 47 днями в Щекино, гитлеровские захватчики зверски уничтожили много тысяч советских людей, ограбили население, нанесли огромный материальный ущерб.

После занятия гитлеровцами Сталиногорска начались аресты и казни. На площади перед Дворцом культуры химиков гитлеровские палачи повесили замечательного рабочего, секретаря партийной организации кирпичного завода нашего треста «Сталиногорскшахтстрой» Александра Хробищева и рабочего Брейкина. Их трупы висели 21 день — все время пребывания гитлеровцев в городе. Снимать их было запрещено под угрозой смертной казни.

В Скопино немцы пробыли только один день и за это время уничтожили 26 шахтеров.

В Щекино гитлеровцы расстреляли 29 шахтеров. В шахтерском поселке Болоховка 30 человек были согнаны в магазин, раздеты донага, облиты керосином и сожжены. Фашистские изверги убивали шахтеров, чинили издевательства и надругательства над колхозниками и колхозницами оккупированных районов.

Значительная часть шахтерских поселков была сожжена. Наиболее пострадал от фашистских поджигателей шахтерский город Богородицк. Перед отступлением под ударами наших войск фашисты выгнали население города на мороз и предали огню почти все жилые дома, школы и больницы. Из 866 зданий полностью было сожжено 534.

Оккупанты желали завладеть подмосковным углем. Прибывшие в обозе немецкой армии германские капиталисты создали акционерное общество по эксплуатации Мосбасса. Это общество, не без помощи нескольких предателей, пыталось организовать добычу угля, для чего гитлеровцы провели принудительную мобилизацию рабочих и техперсонала, не успевших эвакуироваться.

Наступление Красной Армии заставило незваных акционеров и их приспешников вскоре бежать из Мосбасса.

После изгнания гитлеровцев ни одна из 69 действовавших до войны шахт не могла давать добычу угля без проведения восстановительных работ. Из 153 стволов эксплуатационных шахт и 56 новостроящихся были разрушены крепления и армировка в 110 стволах. Из 418 *км* штреков 55 были полностью разрушены, из них 27 *км* требовали новой нарезки и 28 *км* — восстановительных работ.

Наиболее сложным делом было восстановление стволов вместе с подъемами и откачка воды. Шахты были затоплены водой, большей частью вместе с оборудованием. Это

чрезмерно усложняло дело. В ходе восстановления шахт рабочие и инженерно-технические работники проявили большую находчивость, исключительную самоотверженность и героизм, не уступавший фронтовому.

На шахте № 2 Узловской слесарь Ященко вместе с другими рабочими спустились в затопленную шахту. Пробираясь по заваленным, с обрушенным креплением штрекам, стоя несколько часов по грудь в воде, они отыскивали нужные машины и доставляли их на поверхность.

На шахте № 26 Урванковской электромеханик Леонов, инженер Покровский, слесари Харитонов и Соболев, работая, как водолазы, в затопленном водой рудничном дворе, достали насосы, моторы и другое оборудование из ледяной воды, быстро ремонтировали и пускали их в действие.

При восстановлении копра главного ствола шахты № 2 Узловской монтажники бригады Живоглазова работали на высоте 20 *м* при сильном ветре и жестоком морозе и ни на час не прекращали работу. Захватывало дыхание. Замерзали пальцы. Работа была закончена на два дня раньше установленного срока. На восстановлении подъемных копров особо сильно разрушенных донских шахт № 12 и № 13, отличилась бригада монтажников Железняка.

Особенно большие трудности приходилось преодолевать при восстановлении заплывушенных капитальных горных выработок, рудничных дворов, главных и вентиляционных штреков. За время восстановления шахт было откачано около 4 млн. $м^3$ воды, которой хватило бы на образование большого озера площадью в 100 *га* и глубиной 4 *м*.

Инженерно-технический персонал и рабочие проявляли большую изобретательность и инициативу при решении технических проблем. Сложные технологические схемы перепроектировались с расчетом на имеющееся оборудование и материалы.

Остроумно было решено использование временных проходческих копров для восстановления главных подъемов путем наращивания их снизу на пять метров имеющимися металлическими буровыми трубами. Бетон заменялся кирпичом. Из старых стальных решетаков качающихся конвейеров кузнецы делали шахтерские угольные лопаты, из рельсов — топоры и многое другое.

Разрушенные подъемные машины собирались из сохранившихся деталей двух или трех однородных машин,

а иногда остроумно комбинировались детали разнотипных машин. Особенно отличился на комбинировании деталей разнотипных горных машин конструктор треста «Мосшахтострой» Камко.

Люди никогда не были так находчивы и изобретательны, как в это время, и, как никогда раньше, они брали на себя ответственность самостоятельного решения сложнейших вопросов.

Ко времени изгнания немецких войск из Мосбасса в стране создалось исключительно тяжелое положение со снабжением топливом. Уголь получали только железные дороги и в крайне ограниченных количествах электростанции и оборонная промышленность. Жилые дома не отапливались, и отопительная система не действовала. Партия и правительство особое внимание обратили на самое срочное восстановление добычи подмосковного угля.

Постановлением Совнаркома СССР от 29 декабря 1941 г. перед Мосбассом были поставлены три главнейшие задачи:

1. В кратчайший срок восстановить действовавшие шахты.

2. В самый короткий срок организовать добычу угля для обеспечения топливом военных и оборонных нужд страны и довести добычу угля до довоенных размеров.

3. Восстановить строительство новых шахт и организовать скорейший ввод в эксплуатацию. За счет новых шахт и освоения проектных мощностей шахт, введенных в действие перед войной, обеспечить значительное повышение угледобычи против довоенного уровня.

Для выполнения этих огромных и ответственных заданий начальником комбината «Москвоуголь» был назначен энергичный и инициативный работник — заместитель наркома Д. Г. Оника, с временным подчинением ему шахтостроительного и жилстроительных трестов и монтажных организаций Наркомугля.

Восстановительные работы производились в исключительно тяжелых условиях. Не хватало рабочих. Из-за недостатка транспорта рабочие часто вручную, на сколоченных санках подвозили материалы и оборудование, а также относили и отвозили разбираемые разрушенные части шахтных сооружений. Электроэнергия подводилась не раньше чем через 10—15 дней после начала работ, не было инструментов, недоставало материалов.

Восстановительные работы на 51 шахте, которые имели наименьшие повреждения, осуществлялись по приказу Наркомугля эксплуатационными трестами комбината «Москвоуголь». По 16 наиболее крупным и разрушенным шахтам и с наибольшими притоками воды восстановление было возложено на шахтостроительный трест. Но фактически по поручению замнаркома Д. Г. Оники шахтостроители восстановили 18 шахт общей проектной мощностью в 6300 тыс. *т* в год, или 21 тыс. *т* в сутки.

Темпы восстановительных работ нарастали изо дня в день, из месяца в месяц благодаря напряженному героическому труду шахтеров, шахтостроителей, монтажников и инженерно-технического персонала.

Восстановительные работы успешно велись в значительной степени благодаря большим запасам цемента, леса, сортового железа, труб, камня, песка и гравия, которые заготовил трест «Сталиногорскшахтстрой» к летнему строительному сезону 1941 г. Кроме того, имелись запасы на строящихся шахтах и материально-технических базах. Около 700 *т* бензина было сохранено на Богородицкой базе, в тылу врага, благодаря самоотверженности советских людей.

При восстановлении Мосбасса большую организационно-политическую помощь оказали Московский областной и Московский городской комитеты ВКП(б), Тульский обком партии. Они направили опытных партийных работников парторгами на шахты и руководителями райкомов и горкомов партии, прислали свыше 5000 слесарей и монтажников, организовали большую шефскую материальную помощь станками, инструментами, спецодеждой. Московские заводы организовали изготовление горных машин, оборудования и запасных частей, ранее, до войны, получавшихся с заводов Донбасса и Украины.

Все это резко двинуло вперед восстановление шахт и добычу угля, которая достигла в сентябре 1942 г. 35 006 *т* в сутки против 34 752 *т* довоенных.

За успешную работу по восстановлению Подмосковного угольного бассейна Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля были награждены орденами и медалями 343 наиболее отличившихся рабочих и инженерно-технических работников.

В Мосбасс, как я уже говорил, я возвратился в конце 1943 г. В январе 1943 г. все районы восточной части бас-

сейна, начиная от Узловского и кончая Скопинским, были переданы в Московскую область. После разукрупнения были образованы два комбината — «Тулауголь» и «Москвоуголь» — и соответственно два шахтостроительных треста — «Мосшахтстрой» и «Тулашахтстрой».

На мою долю выпало руководство восстановлением вторых очередей крупных шахт и строительством новых шахт. Первые очереди крупных шахт считались восстановленными на половинную проектную мощность и уже давно добывали уголь. Работы по достройке велись на одиннадцати шахтах, считавшихся восстановленными. Параллельная работа на одной площадке шахтостроителей по достройке и угольщиков по добыче угля была делом очень сложным. Они часто мешали друг другу, причем страдали главным образом строители.

Трест «Мосшахтстрой» к концу 1943 г. оказался крайне ослабленным и со свернутым фронтом горных работ. На достройке восстановленных шахт выполнялись только строительные работы.

Строительство горных сооружений велось только на трех новых шахтах: № 32 Ширино-Сокольнической, № 16-бис Сталиногорской и № 1 Гранковской. Числящиеся формально в строительстве, ранее начатые пять шахт находились на консервации, и на них не были осуществлены подготовительные работы: не подведена электроэнергия, не сооружены железнодорожные ветки и не возведено ни одного временного сооружения, без чего нельзя ничего строить.

Трест в это время крайне нуждался в кадрах рабочих и техническом персонале. Трест располагал 5047 работниками против 12 500 перед войной и 11 000 в конце 1942 г., во время широко развернутых восстановительных работ. Замнаркома Д. Г. Оника по окончании восстановительных работ оставлял коллективы шахтостроителей на добыче угля. В частности, большие коллективы шахтостроителей были оставлены на Сталиногорских шахтах во главе с опытными инженерами-шахтостроителями Алексеевым и Авдеенко, на Болоховских шахтах — во главе с Воробьевым, а также на Дубовских и других шахтах. Даже такие выдающиеся проходчики-скоростники, как Тарута, братья Осиповы, Симаков и др., прославившиеся до войны рекордными прохождениями штреков на строительстве шахт — до 200—220 погонных метров в месяц,— были оставлены

на добыче угля. Большое число шахтостроителей, как рабочих, так и инженерно-технических работников, приходили в «Мосшахтстрой» с просьбой помочь им возвратиться на шахтное строительство. Но, несмотря на мои ходатайства и их личные обращения, руководство комбината «Москвоуголь» не разрешало переводить их на строительство.

Жилой фонд треста «Сталиногорскшахтстрой» был в большей своей части растерян, остался за шахтостроителями, работавшими на добыче угля. Оставшиеся в «Мосшахтстрое» рабочие находились в невыносимо тяжелых жилищных условиях, из них 946 человек жили в полуземлянках и утепленных палатках, 556 — в соседних деревнях, а дома для строителей, начатые нами до войны, стояли незакопченными и не достраивались. Нужно было срочно строить жилье.

Весьма острой была нужда в белье, одежде, обуви, а также в мыле.

Ко всему этому нужно добавить буквально нелепое положение, когда в одном тресте и даже в одном стройуправлении был большой разрыв в оплате рабочих горных цехов, оплачиваемых по тарифным ставкам угольщиков, и строителей, труд которых оценивался по ставкам и единым расценкам для строителей. Так, средняя суточная зарплата в 1944 г. по горным цехам составляла 24 руб. 26 коп., а по строительным цехам — 12 руб. 20 коп. Многие разнорабочие жаловались, что им не хватает заработка на выкуп продовольственного пайка, и они вынуждены обращаться за помощью к родственникам в деревню. Такой большой разрыв в заработках побуждал рабочих строительных и транспортных цехов настойчиво требовать перевода на подземные горные работы. В трест ко мне приходили рабочие главным образом с просьбами о переводе на работы в шахты или о предоставлении жилплощади.

Вести строительство более или менее успешно в военных условиях можно было только в расчете на свои подсобные предприятия, обеспеченные местными стройматериалами, стройдеталями, и собственную ремонтную базу для строительных машин и автотранспорта. Но у треста и до войны эта база была слабой. Большой кирпичный завод, разрушенный во время оккупации, был восстановлен лишь частично. Лучшие станки и проходческое оборудование

были эвакуированы. Ветхие тесовые сараи, в которых размещалась ремонтно-прокатная база и ДОК (деревообрабатывающий комбинат) пришли почти в полную негодность. Снабжение бутовым камнем, гравием, щебенкой и известью зависело от случайных поставщиков.

Проходческое оборудование и строймеханизмы, которые не были эвакуированы, использовались при восстановлении шахт в качестве постоянного оборудования, в результате чего оснащать новые строящиеся шахты, особенно вновь заложенные, было нечем. Так, из-за отсутствия насосов с электромоторами на длительное время задержалось прохождение стволов на шахте № 1 Гранковской, многократно затапливались водой горные выработки на шахте № 32 Ширино-Сокольнической, задерживалась откачка воды на шахте № 15-бис Сталиногорской. Вновь заложенные шахты не были обеспечены подъемными лебедками, насосами, компрессорами, трансформаторами, электромоторами и другим оборудованием.

Если до войны трест имел около 800 грузовых автомашин, 19 экскаваторов и 42 спецмашины (автокраны, передвижные компрессоры и передвижные электростанции), то к концу 1943 г. осталось 88 грузовых автомашин, 2 экскаватора и 2 автокрана.

Таким образом, 1944 год стал для треста годом восстановления и расширения собственной базы строительных материалов и жилья. Но в первую очередь Наркомуголь и МК ВКП(б) требовали от нас, чтобы мы скорее строили и сдавали шахты. И не только требовали, но жестко контролировали.

Условия для окончания восстановительных работ и особенно строительства новых шахт в огне войны были неимоверно трудными. Запасы материалов были исчерпаны во время восстановления шахт. Но и в тех крайне тяжелых условиях страна находила, хотя и незначительные, материальные ресурсы для восстановления и строительства Мосбасса. Насколько были малы выделяемые и отгружаемые количества материалов, видно из следующего: вместо минимально необходимых 300 вагонов леса в месяц отгружалось не более 80—100 вагонов. Цемента вместо 30 вагонов выделялось 8—10. Бензина вместо 100—120 *т* в месяц отгружалось не более 20—30 *т*. Пришлось нам самим заняться производством горючего из угля. На опытной установке по переработке богхедов, добывавшихся в неболь-

ших количествах на шахте № 30 Донской, сначала получали в месяц от 1,5 до 5 *т* бензина и от 5 до 12 *т* керосина, а затем, срочно расширив эту установку, мы стали вырабатывать до 10—15 *т* в месяц бензина и до 20—40 *т* керосина. Керосин смешивали с получаемым заводским бензином и таким путем увеличивали ресурсы горючего для автомашин почти в три раза.

И вот при таких крайне сложных и тяжелых условиях нам удалось закончить восстановление вторых очередей на трех шахтах на годовую мощность в 600 тыс. *т* и построить две новые шахты мощностью 500 тыс. *т*, а всего мощность сданных в 1944 г. шахт составила 1100 тыс. *т*. На семи шахтах сделали вторые подъемы, которые также увеличивали мощность шахт, но это проектами не учитывалось. Кроме того, мы начали создавать и расширять собственную базу. Так, был восстановлен полностью кирпичный завод, выпуск кирпича увеличился вдвое, а шлакоблоков — втрое. Развернули жилищное строительство для шахтостроителей. Число работников в тресте увеличилось к концу 1944 г. на 1562 человека.

В середине 1944 г. состоялся мой отчет о работе треста «Моспахтстрой» на заседании бюро МК ВКП(б). На бюро были вызваны нарком путей сообщения и Вахрушев. Вместо наркома явился его заместитель. Секретарь МК А. С. Щербаков строго заметил:

— Мы вызывали наркома путей сообщения, почему его здесь нет? Вызовите, чтобы сейчас же явился.

Через 15 минут явился нарком.

По постановлению бюро МК ВКП(б) тресту была оказана большая помощь со стороны Наркомугля. НКПС развернул наконец работы по прокладке к шахтам железнодорожных веток, а через горкомы партии Московской области была организована шефская материальная помощь. Благодаря шефству мы получили станки, электромоторы, трансформаторы, инструменты и другое крайне нужное оборудование, ткани, белье и обувь для рабочих. Но перед трестом были поставлены большие задачи: закончить в жесткие сроки вторые очереди шахт, на семи шахтах вторые подъемы и обеспечить окончание и сдачу новой мощной шахты № 32 Ширино-Сокольнической. Выполнение этого постановления было для меня как бы экзаменом на право работать руководителем треста в Московской области.

Все работы выполнялись более или менее удовлетворительно, но на шахте № 32 мы встретились с огромными трудностями, связанными с окончанием главного ствола. Ствол проходился субподрядчиком — трестом «Шахтспецстрой». Работа у них не клеилась по разным причинам, и все обещания начальника Сталиногорской конторы «Шахтспецстроя» не выполнялись. С другими работами мы справлялись вовремя. Несмотря на большие технические трудности, особенно с вентиляцией при работе с одним стволом, начальник строительства шахты М. М. Хрущевский и начальник горного цеха И. А. Перелыгин сумели нарезать лавы и выполнить все горные работы. «Шахтспецстрой» явно вел дело на срыв окончания работы в срок, отставал минимум на три месяца от графика строительства. Работники угольного отдела МК ВКП(б) уже считали, что мы не справимся с окончанием строительства шахты в срок. Комбинат «Москвоуголь» и трест «Красноармейскуголь» знали, что шахта сухая, имеет мощный пласт чистого угля без прослоек, может давать много угля, и с нетерпением ждали ее сдачи. Комбинат успешно справлялся с планом и готовил рапорт на имя ЦК партии и Государственного Комитета Обороны.

Мы, работники треста и строек, не раз собирались и обсуждали, что́ нужно сделать для ускорения окончания главного ствола. Выход был только один: нужно проходить одновременно ствол из шахты навстречу кессонной проходке, производимой с поверхности. Но эта работа была сопряжена с большим риском: под давлением сжатого воздуха под кессоном обводненные плывунные пески верхнего горизонта, лежащего над тульскими известняками, могли прорваться. Кроме того, была и опасность отклонений по вертикали нижней части ствола, проходимой снизу, от верхней. Через главный ствол идет не только выдача угля из шахты, но и спуск и подъем людей. Точность подъемного устройства приближается к точности часового механизма.

Сделав сопряжение рудничного двора с главным стволом, мы проверили состояние надугольных песков. Они оказались необводненными. Это убедило нас в возможности пройти ствол встречным забоем до тульских известняков. И мы пошли на огромный риск, который, к счастью, вполне оправдал себя. Шахту закончили и сдали в установленный срок. Не подвели нас и маркшейдеры шахты

и треста: отклонения по вертикали были совершенно незначительные. Экзамен перед МК ВКП(б) был выдержан. Комбинат «Москвоуголь» и трест «Мосшахтстрой» подписали рапорт Государственному Комитету Обороны и секретарю МК ВКП(б) А. С. Щербакову о полном выполнении заданий правительства. В ответ была получена поздравительная телеграмма председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина следующего содержания:

«Сталиногорск. Комбинат Москвоуголь тт. Опика, Резникову, трест Мосшахтстрой т. Парамонову, МК ВКП(б) т. Черноусову.

Поздравляю коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих комбината Москвоуголь и треста Мосшахтстрой, в короткие сроки полностью восстановивших разрушенные немецко-фашистскими захватчиками шахты Московского угольного комбината, с увеличением добычи угля в сравнении с довоенным периодом более чем в два раза и вводом в эксплуатацию в трудных условиях военного времени 11 шахт мощностью 9 500 *т* в сутки...» [1]

Я поставил перед товарищами по работе — начальниками строительства шахт, горных цехов, перед бригадирами проходчиков вопрос о возрождении скоростных методов прохождения штреков. В первую очередь такая задача была выдвинута перед начальником горного цеха шахты № 32 Ширино-Сокольнической И. А. Перелыгиным.

Послевоенная экономика требовала все больше угля. Был уже 1948 г. Успешно закончив сдачу пусковых шахт, я в августе уехал в санаторий в Цхалтубо, где проходил курс лечения. 29 августа совершенно неожиданно получил телеграмму от министра А. Н. Задемидко. Он поздравлял меня с присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда.

Через день пришли газеты, в которых был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1948 г. о присвоении большой группе отличившихся работников угольной и шахтостроительной промышленности звания Героя Социалистического Труда и награждении орденами и медалями.

---

[1] «Правда», 10 января 1945 г.

Г. М. Зельберг

МАЙКОП — УХТА

ЗЕЛЬБЕРГ Григорий Моисеевич. Родился в 1903 г. Член КПСС с 1930 г. Главный механик строительства Ухтинского газопровода, монтажа буровых, строительства сажевых заводов (1941—1945 гг.). Ныне персональный пенсионер.

Великое переселение индустрии в период Великой Отечественной войны шло преимущественно с запада на восток. Автору этих строк пришлось быть свидетелем перебазировки одного из уникальных предприятий — Майкопских сажевых заводов в необычном направлении: с Кавказа на Крайний Север. Возрождение традиционно «южного» предприятия в Заполярье — еще одна героическая страница, вписанная советскими людьми в историю Великой Отечественной войны.

Канальная сажа — продукция, называемая так буднично и мирно,— может стоять по своему значению в одном ряду с металлом. Во всяком случае, в начале войны она причиняла нам достаточно хлопот.

Черный порошок — продукт неполного сгорания или термического разложения углеродистых веществ — имеет

исключительно широкое применение в народном хозяйстве. Гигантских размеров достигло его применение в связи с ростом производства автомобильных шин. 80% всего производства сажи потребляет резиновая промышленность. Являясь необходимым компонентом всех резиновых смесей, сажа придает изделиям высокомеханическую прочность, эластичность. Без сажи нет не только шин, но и всевозможных резинотехнических изделий, виды которых исчисляются тысячами. Многие из них, например, применяются в электротехнической промышленности. Из сажи приготовляют электроды, коллекторные щетки, сухие и наливные элементы и многое другое. Даже производство солдатских кирзовых сапог не может обойтись без сажи. Сырьем для производства этого исключительно универсального продукта служат газообразные, жидкие и твердые углероды. Из естественного газа получают важнейший вид сажи — канальную.

Ясно поэтому, почему фашистские стервятники обрушили бомбовые удары на Майкопские заводы канальной сажи. Из-за этих налетов отечественная шинная и резинотехническая промышленность лишилась источника снабжения сырьем. Спасти положение могла только сажа, добычу которой еще предстояло организовать в нескольких тысячах километров от Майкопа, в Ухтинском районе Коми АССР. Сюда и было эвакуировано то, что осталось после бомбежек от Майкопских сажевых заводов.

Несколько слов об этом исключительно богатом нефтью месте. Первые упоминания об ухтинской нефти относятся еще к XVI в. Но в течение веков нефтяные и газовые богатства Ухты не разрабатывались. Мешали этому неблагоприятные условия Севера — суровый климат, бездорожье, болота, неизученность района. Впервые по-настоящему по инициативе В. И. Ленина Ухтой заинтересовались в начале 20-х годов. В 1929 г. на реке Ухте развернулись геологоразведочные работы. В 1930 г. было открыто месторождение легкой, а затем и тяжелой нефти. В 1935 г. здесь забил первый в СССР мощный газовый фонтан. Вскоре был проложен автомобильный тракт Ухта — Усть-Вымь. В 1939 г. началась эксплуатация первой в нашей стране нефтешахты. С началом войны, естественно, все планы развития Ухтинского района были пересмотрены. Ряд строек законсервирован. Все наличные силы брошены в глубь тайги — на строительство и освоение недавно от-

крытого газового месторождения. Там предстояло пустить первый в СССР газовый промысел и заводы канальной сажи. А для этого в таежной глухомани, в условиях бездорожья и болотистой местности, нужно было проложить кольцевой газопровод протяженностью в десятки километров. К нему подключались газовые скважины. От кольца предстояло протянуть магистральный газопровод к сажевым заводам. Титульный список, как говорят строители, немаленький. Он сделал бы честь не одной, а нескольким стройкам, и каждая считала бы себя крупной.

Все задания формулировались коротко и впрямь напоминали боевой приказ. Времени для рассуждений и раскачки не было. Между тем проблем, и организационных, и технических,— хоть отбавляй. И это понятно. Ведь ни проектировщики, ни мы, строители, не имели опыта подобного строительства. Газопровод в данных широтах сооружался впервые. В послевоенные годы линии газопроводов протянулись на тысячи километров. Печать, радио, кино, телевидение сделали строительство газопровода таким же популярным, как и стройки крупных электростанций. И прокладку газопровода теперь представляют себе не иначе, как с помощью гигантских машин, агрегатов, которые играючи управляются с трубами метрового диаметра. Роторные экскаваторы роют траншеи, а агрегат, шагая за ними в затылок, кладет трубы...

О подобной технике строители газопровода во время войны не смели и мечтать. Максимум, на что они могли рассчитывать,— ручные лебедки. Правда, у нас было несколько тракторов. Всякие подъемные приспособления пришлось создавать самим.

Придет время, и в этих местах появятся машины, о которых мы говорили. Отсюда на тысячу с лишним километров уйдет газопровод «Сияние Севера». Здесь без демонтажа будут передвигаться вышки. Все это будет... Тогда все выглядело по-другому. Первыми в непроходимую тайгу пробивались лесорубы. Они рубили просеку. Из поваленных деревьев делали настил, единственно возможную дорогу — лежневку. Все работы велись с помощью обычной пилы и топора. Ни электро-, ни бензиномоторных пил у нас не было. Да и, насколько известно, промышленность их в ту пору еще не выпускала.

Мы тянули наземный газопровод — единственно возможный скоростной способ прокладки. Через каждые два-

три метра выкладывали опорные бревна. На них крепили трубы газопровода. Пользовались ручными лебедками, самодельными талями и, конечно, «дубинушкой». Каждый метр газопровода брали с боя. Особенно тяжело приходилось отрядам, пробивавшим трассу. В обычных условиях такие работы целесообразней вести зимой, когда мороз скует непроходимые болота. Война потребовала иных сроков. И поэтому работы велись прямо в болоте. Люди трудились по колено в воде.

По мере того как газопровод удалялся от населенных пунктов, возрастали транспортные трудности. Долгие часы уходили на то, чтобы добраться до места работы.

Если пробивка трассы в заболоченной местности представляла немалую трудность, что же можно сказать о всем комплексе работ, в которых земляные работы занимали далеко не последнее место!

Стройка испытывала неслыханные трудности с материально-техническим снабжением. Не хватало металла, арматуры, цемента, пиломатериалов, гвоздей, деталей и узлов. Изготовить их можно было только в стационарных условиях. Но механический завод находился далеко. К тому же и он был до предела загружен срочными заказами. Решено было здесь, как говорят, под руками, соорудить нечто вроде механического цеха. Но как построить цех при полном отсутствии кирпича, цемента, гвоздей? Был, правда, лес. Ведь стройка-то велась в непроходимой северной тайге. И вот это «лесное» положение стройки новаторы сумели использовать.

Основным строительным материалом для сооружения явилась древесина: ведь она была под руками. И те же новаторы предложили: строить по способу, который условно назвали саманно-древесным. На деле это означало следующее. Березовые жерди, густо обмазанные глиной, образовывали каркас стен, который скреплялся древесной вязкой. Получалось довольно крепкое сооружение. Фундаментом для оборудования служили деревянные сваи. Так за две недели в глухой тайге вырос цех, начался монтаж оборудования.

Нужно сказать, что сажевое производство довольно сложное. С помощью форсунок или горелок в аппаратах при недостатке воздуха происходит термическое разложение газа. Образовавшаяся сажа осаждается на движущихся металлических поверхностях и удаляется специальны-

ми приспособлениями, а неосевшая улавливается фильтрами. Затем сажа сепарируется.

Непросто выглядит и оборудование сажевого завода. Впрочем, слово «выглядит» тут явно не подходит. Мы так и не видели его. Ведь на Ухту оно пришло в изуродованном бомбежками виде, а горелок, без которых нет сажевого производства, и вовсе не было. Восстановить часть оборудования — каркасы, сепараторы — помог наш механический цех. Что же касается горелок, то тут поначалу положение было безвыходным.

Вспоминается в связи с этим каламбур, который ходил среди неунывающих новаторов: «Горим без горелок». И верно. Горелка могла свести на нет все наши усилия.

Дело в том, что каждый сажевый завод — это десятки тысяч горелок. Ухтинский комбинат — это многие предприятия. Горелки же изготовлялись в Минске из белорусского туфа, на который, понятно, рассчитывать не приходилось, ибо Белоруссия была оккупирована фашистами. Чем заменить туф, обладающий необходимой пористостью, устойчивостью к высоким температурам? Поиск такого материала начали инженеры Н. Палкин и И. Гершенштейн. Им ценой поистине исключительного упорства и подлинного изобретательского озарения удалось создать ухтинскую горелку. Из местных глин они подобрали такую смесь, которая выдерживала высокие температуры. Когда это подтвердили лабораторные испытания, нужно было решить еще одну нелегкую задачу: сделать материал пористым. И тут выход из положения подсказал опять-таки лес, вернее, отходы производства — древесные опилки. Их сделали одним из компонентов смеси. Во время обжига в печах опилки выгорали, и смесь становилась пористой.

Затем сказал свое слово еще один новатор, токарь-виртуоз А. Тарандаш. Он изготовил образец сконструированного коммунистом Классе пресса для формовки горелок. Начались испытания. После их успешного окончания развернулось производство ухтинской горелки. С помощью того же механического цеха изготовили необходимое количество прессов, механических мешалок. К сожалению, не всем троим создателям ухтинской горелки удалось дожить до счастливых дней мирного труда. Во время испытаний нового типа сажи И. А. Гершенштейн погиб.

Работа сажевых заводов, да и самого газопровода немыслима без контрольно-измерительных приборов. В свое время Майкопские заводы были оснащены этими приборами вполне достаточно. Но фашистские бомбы превратили их в утиль. Стараниями новаторов тем не менее удалось создать полноценную службу контроля, хотя в распоряжении ее не было ни одного прибора с заводским клеймом. Все приборы собирались на месте. Самым скрупулезным образом изучались вывезенные из-под бомбежки приборы, и все, что еще мало-мальски могло служить делу, шло в реставрацию. Ювелирная тонкость работы, упорство таких мастеров, как, например, Ш. А. Зак, делали невероятные вещи: тончайшие приборы оживали. На поверку оказалось, что они могут не только контролировать технологический процесс, но и способствовать созданию оптимальных условий производства.

Серьезной проблемой при тогдашнем уровне техники была переброска буровых. Если сама прокладка газопровода летом велась на лежневке, то переброску буровых летом нельзя осуществить. Вот почему, как только заморозки сковывали топь, начиналась переброска буровых. С этой целью были сооружены специальные сани. С началом лета попасть к буровым для их монтажа можно было только пешим путем. Попытка использовать лошадей в отдельных случаях кончалась неудачей. Поэтому запасы продовольствия монтажники и буровики носили на себе и таким образом добирались до своих вышек.

Так уже повелось, что люди на Севере, ждущие по восемь месяцев короткого лета, не очень радуются ему. Ведь оно к тому, бездорожью добавляет еще и мошку, комаров. Но и в это лето, и в наступившую быстро зиму как-то никто об этих вещах не думал, никто ни на что не жаловался. Вся воля людей была направлена к одной цели: выполнить задание партии и правительства. Важную роль сыграли здесь коммунисты. Не могу не вспомнить добрым словом одного из руководителей строительства старого коммуниста С. П. Вершинина. Это был не только опытный гидротехник, но и умелый организатор, замечательный пропагандист, чуткий человек. В «пиковые» моменты на стройке, а они случались почти каждый день, Вершинин, как и подобает коммунисту, личным примером увлекал людей. Это же можно сказать и о других руководителях стройки — Л. Л. Наумове, П. В. Носакове. И люди, не

считаясь ни с чем, штурмовали, авралили, с боями отвоевывали каждый метр непроходимой тайги, буреломов, топей.

Место, о котором идет речь, отстоит по прямой на север от Котласа на сотни километров. Заморозки начинаются в августе. В октябре уже свирепствуют морозы. Строители же взяли обязательство: 7 ноября 1941 г. дать первый газ первой очереди газовых заводов. И они сдержали слово.

Началась работа газопровода и заводов. Началась нелегко. Впрочем, другого никто и не ждал. Север с первых шагов работы газопровода сказал свое слово. По мере того как крепчали морозы, учащались аварии. А в декабре столбик термометра упал до минус 52°. Часто возникала угроза утечки газа. Дело в том, что вода, увлекаемая газом из скважины, собиралась в нижних точках трубопровода и замерзала. Образовывались ледяные пробки. И даже позднее, когда на подвесном газопроводе были установлены компенсирующие устройства, резкие перепады температур выводили эти устройства из строя. Они не успевали реагировать на резкие температурные скачки. В результате газопровод рвался по сварному шву и обвязке технологических установок на скважинах.

В новогоднюю ночь морозы преподнесли нам «особый подарок»: вышла из строя одна из самых крупнодебитных скважин. Это грозило полной остановкой сажевых заводов. Чтобы предотвратить беду, в тайгу вышла бригада аварийщиков. Возглавлял ее автор этих строк. Задание — любыми способами предотвратить остановку заводов. Нашу исключительно дефицитную продукцию ждали шинники Ярославля и другие предприятия, работавшие на оборону. Этим все сказано.

Двое суток продолжалось единоборство. При этом исключительное мастерство и находчивость проявил газосварщик Н. Калашников. И до этого случая мы любовались его работой. Говорят, шов мастера — его марка. Швы Калашникова нигде и никогда не роняли его доброго имени — будь то сварка стыков газопровода или сложной конфигурации технологической аппаратуры. И здесь ни один шов, рвавшийся в результате аварии, не был калашниковским. Впрочем, в тот момент об этом не думалось. Нужно было в кратчайший срок предотвратить угрозу остановки сажевых заводов. А для этого, помимо всего

прочего, аварийной бригаде, и в первую очередь Калашникову, надо было обладать и немалым запасом мужества. И у него его хватило. Ведь работа велась, как говорят газовики, на грани взрыва.

Возникла казавшаяся непреодолимой трудность. Нужно было удалить газ из аппаратуры. Только тогда можно вести сварку. Для этого нужно было в тайгу доставить мощный компрессор. Ни времени, ни средств для этого нет. Пришлось избрать другой, правда опасный, путь: несколько снизить давление и приступить к сварке. Конечно, такое нарушение правил техники безопасности мыслимо только в особых условиях, продиктованных войной. И на это пришлось пойти.

Но вот обнаружились места разрыва шва. Калашников мастерски сдул пламенем старый шов и начал варить. Минуты казались вечностью. В одном месте что-то хлопнуло. У сварщика не дрогнул на лице ни один мускул... На исходе второго дня авария газопровода была ликвидирована. Но она была не последней в эту первую военную зиму. И тем не менее сажевые заводы работали бесперебойно.

В дальнейшем полная бесперебойность работы газопровода стала возможной благодаря исследованиям инженера А. В. Булгакова. Этот талантливый организатор и руководитель строительства первого в нашей стране нефтепровода Баку — Батуми внес свой вклад и в создание первого подвесного газопровода с самокомпенсацией на Севере. За разработку и осуществление впервые в мировой практике такого газопровода на Ухте руководство комбината и газопромысла было удостоено Государственной премии.

А Ухта, отвечая на призывы Родины, продолжала набирать темпы. Все дальше в тайгу уходили разведчики. За ними шли буровики, монтажники, строители, дорожники. Летом 1943 г. в невиданно короткие сроки была смонтирована буровая № 1 в Войвоже. Вскоре разведчики открыли и другое газовое и нефтяное месторождение — Нибельское. Там же было разведано месторождение рудного асфальтита, организована его добыча. Предприятия электропромышленности начали получать сырье для производства изоляционных лаков.

Ни на один час энтузиасты Ухты не довольствовались достигнутым. Творческое волнение было характерно для

всего коллектива строителей Ухты, работавшего по-фронтовому.

Среди множества больших и малых разработок, изобретений, усовершенствований, которые даже невозможно перечислить, хочу назвать два. После упорных поисков на опытной полузаводской установке инженер Богословский получил новый тип газовой сажи — термический, дающий более высокий процент выхода продукции. В те же военные годы инженер Белоконь разработал технологию изготовления сажи, необходимой для окраски кузовов автомобилей...

За свой труд в Великую Отечественную войну нефтяники и газовики Ухты удостоены правительственных наград. Но самой высокой наградой для каждого из нас является сознание своей сопричастности к борьбе народа за свободу и независимость нашей социалистической Родины, за окончательную победу над врагом.

А. П. Жаринов

СКВОЗЬ ОГОНЬ

ЖАРИНОВ Александр Иванович. Родился в 1914 г. Член КПСС с 1939 г. Во время войны машинист паровоза депо Москва-Сортировочная. Сейчас дежурный по депо.

Первый вражеский самолет я увидел над составом, который вел к Москве. Это было вскоре после начала июльских бомбежек. Не скажу, что испугался; страх пересилили тревога и любопытство: как это все происходит? А внутри похолодело, но это уже от прерывистых, похожих на длинные стоны паровозных гудков, хотя я же эти гудки и давал, предупреждая людей в эшелоне о налете вражеских самолетов.

Самолет тяжело пронесся вдоль теплушек от хвоста к паровозу. Над нами был «юнкерс». Так светло и солнечно было в этот летний полдень, а он летел так низко, что видны были не только большие черные кресты, но и заклепки на широко распластанных дюралевых крыльях.

В грохоте мчащегося поезда мы не услышали ни рева налетавшего на нас бомбардировщика, ни воя посыпав-

шихся с него бомб. Они рванули одна за другой меньше чем в полусотне метров от полотна. Тугие взрывные волны раз за разом ударили в уши.

Я решил не останавливать состав. Фашист промазал, разозлен этим, станет нервничать, и, пока будет разворачиваться, мы, сколько сможем, приблизимся к мощной противовоздушной обороне, опоясывающей Москву.

«Юнкерс» почему-то за нами не погнался — улетел восвояси. Добравшись до Москвы, я доложил начальнику депо Каткову о бомбежке, и Василий Романович сказал, что в этом первом своем боевом испытании я действовал правильно: «тащил» вражеских летчиков под огонь зениток. Ведь даже в начальный период войны «юнкерсы» опасались долго задерживаться в наших тылах над объектами бомбежек. Пилоты не чувствовали себя уверенно в московском небе. Они волновались и потому старались поскорей разгрузиться от бомб и убраться прочь. Штурмовать эшелоны отваживались в основном легкие скоростные «мессершмитты».

В своем депо Москва-Сортировочная мы вшестером — паровозная и поездная бригады — кинулись выяснять последствия бомбежки. Локомотив был целехонек, в эшелоне никого из бойцов и командиров не задело, лишь кое-где осколки побили стены вагонов. Бойцы на платформе уже перекидывались шутками и бегали за кипятком.

После первой встречи с «юнкерсом» я сделал вывод: если заставишь себя быть твердым, уверенным, то даже из труднейшей передряги можешь выйти целым и невредимым. Значит, главное — выдержка, собранность, умение не растеряться при любых обстоятельствах.

Служба наша на железнодорожном транспорте хоть и привычная и любимая, но нелегкая и передышки не выносит, а в войну и вовсе тяжелой и опасной стала.

На паровозе практику кочегаром у меня проходила Лида Захарова, студентка. Она как-то сказала:

— На транспорте мокрицам делать нечего, сюда орлов подбирать надобно.

Правильные были слова!

— Вот ты и понюхал пороху, побывал под бомбежками, скажи, что, по-твоему, можно сделать для обеспечения максимальной безопасности воинских эшелонов и наливных составов? — спросил Василий Романович, когда я пришел к нему доложить о происшедшем с эшелоном.

— Зенитные пулеметы на платформы надо поставить и к каждому поезду прицеплять,— бухнул я.

— Ну, это не от нас зависит,— усмехнулся начальник депо.— Ты, Александр Иванович, реальное предлагай, что в наших собственных возможностях.

Так появились у нас на паровозах скромные мешочки с деревянными пробками — в аварийных случаях заделывать пулевые и осколочные пробоины в паровозе, в цистернах. А вскоре будки на локомотивах обшили бронированным листом, проделав в них, как на бронепаровозах, смотровые щели. И безопаснее стало, и мы, машинист и помощник, увереннее себя почувствовали. При налетах стали отгораживаться от вражеских пуль и осколков железными дверями.

Между собой мы, паровозная бригада: я, мой бессменный помощник Федя Нечушкин и кочегар Коля Хрисанов, а позднее Леша Панфилов — договорились, что при бомбежках не будем покидать паровоз. Из общежития во время отдыха постановили не бегать в щели: спали при бомбежках, силы для поездок берегли. Начальник депо узнал, что по нашему «почину» все, кто был на казарменном положении, перестали в щелях укрываться, и отругал нас, но не сильно, больше для порядка.

Ездили мы на великолепных отечественных паровозах серии «СО» — «Серго Орджоникидзе». Могучий то был локомотив, безотказный и неприхотливый. Если у танкистов любимой машиной стала «тридцатьчетверка», у летчиков — «Як» или «Ил», то для нас, машинистов, таковой оказался «СО». Котел у него мощный, парообразование хорошее, на любом топливе (даже тощем подмосковном буром угле) и при половинном давлении в 5—6 *атм* тянул. Да что там на угле — на сырых дровах тащит, бывало, наш богатырь. Конечно, он любил уход и ласку и хорошее знание его «характера» — механизмов, а в этом мы ему никогда не отказывали. Себя не жалели, а свой «СО 18-91» обхаживали как доброго, надежного друга.

Плечо, обслуживаемое нашим депо, было в те дни: Сортировочная — Куровская — Воскресенск — Рыбное — 182 *км*, 4—5 часов ходу — в зависимости от состава, который ведешь. На этой линии — хоть едешь в снегопад, в туман, хоть сквозь дождливую ночь — узнаешь знакомые тебе деревни, балки, колодцы, кусты, не говоря уже о станциях и разъездах, семафорах и светофорах.

Трудная подошла пора: езда в условиях затемнения, все учащающиеся бомбежки, да и тяговое плечо значительно увеличилось. Теперь уже приходилось брать воинские и наливные эшелоны в Рязани, Ряжске и доставлять их за Москву: по Октябрьской дороге — к Калинину, по Белорусской — к Смоленску. Но чем дальше, тем пробег поездов на север и запад становился короче. Возили к Вязьме, Дмитрову, Волоколамску, а потом уж вовсе к близким, пригородным станциям — Нахабино, Перхушково, Жаворонки, Снегири, Подлипки. А на восток все дальше увозили раненых и эвакуировавшиеся предприятия. Среди них — московские заводы, большие, знаменитые, гордость пятилеток, и малые, не всем известные, но для будущей победы очень необходимые.

Когда потянулись в октябре эти заводы в эвакуацию, поезда шли «трамвайным порядком» — в хвост друг другу. На одном блок-участке по два эшелона. Тащишься, как улитка, а впереди, метрах в двух-трех от твоего локомотива, мерцают огни последнего вагона впереди идущего поезда. По трое суток, голодные, вымотанные, изнервничавшиеся, двигались до Рыбного. Зато обратно, к фронту, неслись без остановок, по «зеленой улице».

А враг готовил нам новые испытания. Как-то поздним вечером прихожу в депо, скоро мне в рейс отправляться, и мы с дежурным Иваном Антоновичем Дворниковым опасливо поглядываем на запад. Гитлеровцы наладились в такие ночи налетать: тучами небо застлано, мгла крутая, их самолетам легко к объектам подбираться незамеченными.

Не знали мы, что на картах вражеских летчиков уже крестами помечены и Сортировочная, и наше депо: «юнкерсы» или «хейнкели» должны их уничтожить — сжечь, взорвать. А в этом родном моем депо «Великий почин» родился. Здесь мы, рабочие парни, комсомольцы, учились жить интересами всей страны, приноравливали свой шаг к стремительному бегу наших пятилеток. Мне за десять без малого лет труда в депо каждый уголок знаком и близок. Сколько я дорожек сюда от дома проторил!

Все ближе стучали тяжелые зенитные орудия, с лязгом падали уже неподалеку осколки от их снарядов. Белые прожекторные полосы метались среди туч над самой станцией, а нарастающий вой моторов фашистских самолетов эхом отдавался в гулкой пустоте путевого двора.

Из туч выпала и поплыла вниз, разливая далеко вокруг неживой слепящий огонь, осветительная бомба на крошечном игрушечном парашютике.

— Сейчас фашист махнет фугаску,— почему-то шепотом сказал я Дворникову.— Ложись, Антоныч!

Но мы не легли и ждали удара стоя. А на станцию, на депо с гулом, переходившим в свист, стали падать десятки зажигательных бомб. Едва коснувшись земли, они вспыхивали ослепительным бенгальским огнем. Прямо на глазах загорались пропитанные мазутом шпалы на путях. Из смотровых канав, где помощники и кочегары всегда смазывали локомотивы, с треском и искрами выбивалось пламя. Казалось, сама промасленная почва тлеет и вот-вот вспыхнет огнем. К счастью, фашист не бросил вслед зажигалкам фугасок — видно, посчитал, что и так все уничтожит гигантский костер.

Мы с Иваном Антоновичем без уговора метнулись разом к загодя приготовленным и расставленным повсюду мешкам с песком. Они были сейчас единственным средством борьбы с фосфорным огнем «зажигалок». На наше счастье, первые попавшие нам в руки мешки оказались с сухим песком, и самые опасные бомбы мы сравнительно быстро присыпали им и затушили. «Зажигалки» фыркали, точно живые существа, отбрасывали песок, но мы хватали новые мешки и сыпали его на этих маленьких злобных зверюшек, пока они не умолкали, придушенные нами.

Мы метались от уже мертвых, безвредных бомб к живым, злобно пыхающим огнем. Сколько прошло времени — минуты или часы,— мы не ведали. Все темнее становилось на станции и на деповском дворе; это значило, что и там, и здесь у нас «зажигалки» побеждены и фашисты не дождутся, чтобы Москва-Сортировочная погибла в огне пожара. Только в наших канавах еще билось пламя и с треском, в венце белых искр рвалось наверх.

Мы подтащили сюда побольше мешков и принялись ссыпать песок в канаву, на огонь. Но мы еще плохо сознавали, как сырой песок (а в канаве была вода) опасен для нас: из друга он становился врагом, бомба яростно отбрасывала его. На какой-то момент Иван Антонович неосторожно наклонился над канавой, и сноп фосфористых искр плеснул ему в лицо. К счастью, не попало в глаза. Я сбил огонь с его затлевшей одежды, вытер ему лицо, на котором уже набухали волдыри ожогов.

— Беги в санчасть, Антоныч, я сам управлюсь.

— Не-ет, сначала потушим!..

Потом мы побрели к деповской «курилке», в изнеможении уселись прямо на землю под стеной. Молча затягивались цигарками, пряча огонь, и не было сил подняться. Вокруг нас собрались люди, прибежала медсестра и принялась чем-то мазать Антонычевы ожоги, а он только устало и виновато моргал. Через великую силу я заставил себя встать и потащился к своему локомотиву. Ведь он ждал меня, чтобы ехать в очередной рейс.

Очень скоро в торжественной обстановке начальник депо вручил нам с Дворниковым значки «Почетный железнодорожник». Мы удостоились их «за самоотверженность и мужество, проявленные при тушении пожара, возникшего в результате налета на станцию Сортировочная фашистской авиации, и спасение от огня здания депо».

Водил я эшелоны, а одна мысль все время сверлила: «Москва в опасности!» От одной сводки Совинформбюро до другой время мерили. В городе я давно не бывал — после поездки поспишь несколько часов и опять в рейс,— только от ребят деповских слышишь, и внутри все обрывается: на улице Кирова, на Горького в витринах мешки с песком, на Зубовской и Смоленской баррикады, ежи... Когда по Окружной перегоняем эшелоны, жадно смотрю в окно, выискиваю новые свидетельства нашей растущей силы. Вот ополченцы шагают; здесь юные пареньки и немолодые мужчины профессорского вида. Артиллерия на конной тяге, повозки какие-то. На Минском и Рязанском шоссе противотанковые рвы от горизонта до горизонта размахнулись, тысячи людей роют оборонительные рубежи. Гостеприимная, трудолюбивая Москва преображалась на глазах в суровую, грозную столицу воюющей страны, в крепость, которую не взять врагу.

Надо сжать зубы, подтянуть пояс, собрать в кулак нервы и работать, работать, работать. Придет и на нашу улицу праздник!

В то памятное утро вместо привычной, необходимой как воздух сводки в шесть ноль-пять после звона курантов и «Интернационала» вдруг раздалась песня:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!..

Всегда, когда я слушал «Священную войну», волновался едва не до слез, а тут ударило в самое сердце. «Никогда еще, наверное, так трудно и худо не было, как сегодня...»

Пришел в депо. Все хмурые, злые, клянут Гитлера последними словами, но растерянности никакой, наоборот, с ожесточением все работаем. Вот, дескать, тебе, Гитлерюга проклятый, наш рабочий, железнодорожный ответ!

Отвезли в Рыбное санитарную летучку, теперь, думаю, немного отдохнем, поедим, паровоз углем и водой дозаправим — и домой, в Москву. Только так прикинул, вижу, бежит к нашему «СО» дежурный по станции.

— Давай, друг, паровоз на поворотный круг и становись без промедления под воинский поезд. Начальство распорядилось: пускаем его на правах курьерского. Понял? Без единой задержки пойдешь, на проход. Ну, давай!

Я отвечаю:

— Все понял, доставлю в лучшем виде. Только ты раньше скажи, друг, какая сегодня была сводка?

А дежурный без всякой видимой причины сорвался, крикнул:

— Твоя сводка — вот она, состав особого назначения. Получит его Рокоссовский — будет хорошая сводка. А теперь давай двигай!

— Эх ты,— говорю,— думаешь, тебе одному муторно? — Только и сказал, а он точно очнулся:

— Прости, друг, что не сдержался. Сводка-то в самом деле хреновая. Прости да поезжай...

Эшелон состоял сплошь из теплушек — легкий, значит. Огорчилась вся наша бригада: нам бы что потяжелее фронту везти — танки, снаряды для «катюш», артиллерию. А тут сплошь пехота... Но пригляделись мы и видим: пехота, но особого рода. Истребовцы во всех вагонах. И со своими длинными ружьями, повехонькими, вороненными, похожими на старинные русские пищали. Одеты бойцы и командиры отлично: стеганое под шинелями обмундирование, валенки. Амуниция — тоже залюбуешься; у всех автоматы, много ручных пулеметов, на поясах гранаты большие, противотанковые. Кожаные ремни на командирах скрипят. А люди в эшелоне хоть и молодые, но явно уже воевавшие, это сразу видно. Мимо железнодорожника, ко-

торый полгода для фронта работает, такие важные приметы незамеченными не пройдут. Обстрелянные вояки едут, пороха понюхавшие, надежные. И после тяжелого дня легче, веселее на душе стало.

Подошел военный комендант, поздоровался. Мы уже немного друг друга знали. Немолодой, серьезный, обстоятельный человек, наверняка из запасных, наш брат, транспортник. Сказал:

— Повезешь, товарищ механик, истребительные противотанковые батальоны. Их на фронте ждут не дождутся. Конечно, их бы по воздуху перебросить, но такой возможности сейчас нет. Эшелон твой идет на правах курьерского, это ты знаешь. От себя могу добавить,— сказал, понизив голос и оглянувшись,— что приказ самого Верховного Главнокомандующего насчет этих батальонов имеется. Они прорыв должны закрыть — понял? А посему в данный момент на тебя, можно сказать, вся страна с надеждой смотрит. Езжай и помни, что я тебе сказал. Ну, давай подержимся на прощанье! — и протянул руку.

Быстрыми шагами приблизилась к паровозу группа командиров в белых, схваченных портупеями полушубках. Один, видимо начальник эшелона, старший среди них, спросил нетерпеливо:

— Ну что, товарищи железнодорожники, где ваша знаменитая «зеленая улица»? Нам надо торопиться. Фашист ждать не станет.

Он был одного возраста со мной, лицо твердое, волевое, движения уверенные, голос привыкший к командам. Командир был под стать своим бойцам. Такие люди с рубежа не уйдут, хоть сто танков на них бросит враг. И тут отчего-то горько мне стало. Я-то чем хуже этого парня? И я мог бы вот так вести в бой те батальоны или из окопа сам, своими руками уничтожать ползущие к нашей столице фашистские танки... Но то была у меня минутная слабость, и я тут же одернул себя: а наша работа — мед? Мы разве на курорте? Да нас на паровозах убивают пулями и бомбами, в огне хотят сжечь на наших же станциях, не мы ли сутками без сна, на холоде, не шибко сытые, не бог весть как ухоженные, в ночь-полночь, в дождь и снег выкладываемся для фронта, для победы! А твое место, Александр Жарнов, у реверса.

Тронулись. Пошли, набирая скорость. Когда выскочили за светофор, совсем стемнело. Мы все трое, занятые делом,

озабоченно молчали, только ноябрьский ветер, врываясь в будку, метался по ней и подвывал в вышине остервенев-шим от голода волком. Коля Хрисанов почти без отдыха подавал с тендера уголь, Федя Нечушкин шуровал в топке, а я прихлопывал то и дело дверки. Давление, хотя уголь достался плохонький, едва не одна пыль, держалось нормальное. В целях светомаскировки на светофорах укре-пили козырьки, и цветные огоньки еле пробивались сквозь узкие щели, поэтому приходилось напрягать зрение, что-бы поймать нужный сигнал. Хвостовой фонарь тоже не-легко было разглядеть, долго вглядывался, все ли там нор-мально и не сигналит ли поездная бригада.

Если топка закрыта, в будке полумрак. Маленькие пальчиковые лампы едва освещают манометр, водомерное стекло, показатель давления в тормозах. Гремит паровоз, надрывается ветер, и мы с Федором через минуту-другую методично перекликаемся со своих мест. Помощник мой подает голос первый:

— Зеленый!

И я откликаюсь в ответ:

— Зеленый!

Ни огонька во всем когда-то веселом, залитом светом Подмосковье. Убегают назад леса и станции, не отставая, гонится за паровозом тревожная луна. Едешь, всматри-ваешься в ночь, перекликаешься с помощником, но за всем этим ты, как музыкант, обязан слышать все звуки, несу-щиеся от локомотива, особенно от его ходовой части.

И вдруг еле слышный посторонний звук уловило ухо. Я высунулся в окно, вгляделся в колеса. И на самом деле: ведущее колесо плеснуло снопом искр, точно к наждач-ному кругу приложили для заточки сверло или резец. Ис-кры высветили полный круг и угасли. Теперь ни чужого звука, ни непонятных искр в мире не существовало. Я ждал — этого требовал мой опыт машиниста. И через несколько долгих секунд все повторилось, и, точно дразня меня, снова пропало. Тут мне стало страшно. А когда ма-шинист чего-то пугается, он первым делом — даже без-отчетно — хватается за рукоять тормозного крана.

Конечно, что-то случилось. Но серьезное ли, опасное для паровоза, что может привести к аварии, или просто случайный камень, кусок железа, возможно даже какой-то лесной зверь нечаянно угодил под колеса? Что же все-таки произошло?

Вел бы я поезд в мирное время или даже другой, не этот сверхважный эшелон — остановился бы не раздумывая: зачем рисковать? Но в этот час где-то под Волоколамском или у Наро-Фоминска немецкие танкисты уже прогревают на морозе моторы своих танков, которые поутру ринутся в очередную атаку. И пока я тут буду бегать вокруг локомотива и искать неисправность, серые танки в черных крестах наползут на наши окопы, в которые не успеют сесть те славные ребята — бронебойщики... И я крикнул:

— Факел! Давай факел!

Федя Нечушкин не понял, зачем тот мне понадобился, но послушно нагнулся к ведерку с мазутом, в котором находился намотанный на отрезок толстой проволоки пучок пакли. Я сунул его в топку и с этим факелом протиснулся в дверь, которая со стороны левого крыла, где сидел мой помощник, выводила на площадку, огибающую паровой котел. Встревоженный моими действиями, Федя Нечушкин все же дисциплинированно пересел на мое место, а Коля Хрисанов, тоже ничего не понимавший, стал к левому крылу.

Стараясь как можно меньше демаскировать своим факелом паровоз, я двинулся по узкой площадке на правую ее сторону. Остановился против ведущего колеса и, держась рукой за край площадки, упершись ногой в раму, в неудобной позе склонился, посвечивая себе факелом, над тем злополучным колесом. Теперь оно вращалось нормально, не издавая посторонних звуков и без всякого искрения. Выходит, я напрасно беспокоился, но, к счастью, не остановил паровоз для осмотра.

Мы неслись под уклон со все увеличивающейся скоростью, и я мимолетно подумал, что Федя — молодец, он отлично умеет использовать живую силу поезда и, когда станет машинистом, у него уголь попусту не будет вылетать «черным медведем» в трубу.

Довольный тем, что в локомотиве все в порядке и нетеэровцев мы доставим без задержки, я распрямился и, загораживая факел от ветра, а заодно от чужих глаз, шагнул с ребра рамы на площадку.

В следующую секунду я понял, что горю. На мне было старое, удобное для работы, но до предела замаслившееся за годы службы ватное полупальто. Скорее всего я прикоснулся к нему своим факелом, а уж ветер раздул пламя. И оно быстрыми красными змейками побежало по груди,

мимо карманов, к пояснице. Одни места начали тлеть, а наиболее промасленные загорелись сразу и очень интенсивно. И тут не очень кстати я вспомнил, что со мной случалось нечто подобное, когда летом во дворе депо от «зажигалок» задымилась промазученная почва и вспыхнули живым огнем разбухшие от смазочных масел шпалы...

Я растерялся. Вернее, не решился сорвать с себя полыхающее пальто и швырнуть его прочь, под откос. Подумал — демаскирую этим состав и вообще дорогу: сгорит-то оно не скоро, будет тлеть, а фашистские самолеты шастают над дорогой беспрестанно, отличный я им подкину ориентир для бомбометания... Потом уж я сообразил, что, пожалуй, все-таки надо было мою одежду сбрасывать — все же это было наименьшее зло. Потому что рисковать локомотивом, составом, оставляя на нем полыхающий огонь, я не имел права. А пока я понадеялся, что огонь не шибко разгорится, справлюсь с ним.

Принял решение: пусть горит пальто, а мне надо поскорее добраться до будки и там быстренько потушат пламя водой из шланга. Прогоревший факел полетел прочь, под насыпь. И я рванулся на площадке к двери, что у левого крыла паровоза. И тут же понял: мне не дойти. Казалось, что я иду по пояс, потом по грудь в огне. Страшно стало почему-то лишь за руки: если они обгорят, как же смогу вести локомотив? До того, что при этом сам сгорю, я в мыслях не дошел, потому что всего сильнее был во мне страх не выполнить правительственное задание.

Отбиваясь от огня одной рукой, а другой держась за поручень, я наконец одолел нескончаемые метры. У дверей меня ждал застывший в ужасе Федор. Я закричал ему:

— Назад, в будку!

Никто пока не мог мне помочь. Жгло бока, поясницу, и я с трудом сдерживался, чтобы не закричать от боли. Вот я у самой двери, с разбегу втиснулся в будку:

— Федя, шланг и воду на меня — быстро!

Вода, поступающая из тендера в котел, достигает температуры в семьдесят градусов. Это почти кипяток, который ошпарит мне руки, лицо, но иного выхода нет.

— Шланг, шланг — скорей!

Нет уже сил терпеть. Федя лихорадочно возится с рукавом, Коля нервно переминается на моем месте, смотрит в окно и нет-нет взглянет на меня — как я воюю с огнем.

Все же молодцы мои ребята: ведь из-за всего, что сейчас у нас тут стряслось, локомотив не брошен неуправляемым. И это самое важное. Петеэровцев мы довезем вовремя!

Вода тугой струей ударяет в меня, отбрасывает, прижимает к стенке, я захлебываюсь в этом горячем потоке, но огонь с шипением гибнет, и я с невыразимым облегчением срываю с себя мокрое, прожженное во многих местах злополучное пальто. Руки целы, глаза смотрят, но боль все сильнее. Рубашка, белье прогорели, и под пальцами я чувствую волдыри, огромные, с куриное яйцо каждый.

Федя протягивает мне свой ватник, Коля уже успел свернуть цигарку. Я снова среди своих, в маленьком крепком коллективе, и, что бы ни случилось, приказ будет выполнен. А меня колотит уже дрожь, словно вытащенного из проруби.

— Подходим к Луховицам, Александр Иванович,— говорит Коля.— Останавливаемся?

— Пусти меня,— говорю я и становлюсь к своему месту.

Входной светофор пропускает нас, вдалеке, на выходном, тоже зеленый, на перроне стоит дежурный по станции, и в руках у него фонарь горит разрешающе... Ну чем мне здесь помогут, боль, что ли, сделают меньше, ожоги вылечат? Еще чего доброго ослабею, потеряю сознание, как без меня доведут эшелон?..

И мы на скорости проскакиваем станцию.

— Что же ты это делаешь, Сан Ваныч? — кричит с левого крыла Федя.— Тебе ж медицинская помощь нужна!

— Идем на проход, раз «зеленая улица»,— отвечаю я.— Постараюсь до Москвы дотерпеть.

...Прямо с поезда меня отправили в больницу с ожогами второй степени, которые мне лечили почти два месяца. Но наш литерный поезд прибыл к месту назначения не то что вовремя — даже с некоторым опережением.

Очутившись в непривычном — белом, тихом, больничном — мире, окруженный заботами медиков и товарищей по работе, я быстро пошел на поправку еще и потому, что стали радостными, победными сводки Советского Информбюро.

Мы наконец наступали — под Ростовом-на-Дону, Москвой, Ленинградом. И хотя я лежал, спеленутый бинтами, как новорожденный, в палате для тяжелых, я знал,

что в грозном и могучем порыве всей страны на запад, на врага, есть и мой, пусть малый, вклад, частица моего труда.

Настал долгожданный день, когда я снова повел на фронт эшелоны. В первом из них ехали подразделения сибирской дивизии. Эшелон был готов к встрече с воздушным врагом: на головной платформе стояла, задрав ствол, скорострельная зенитка, а в хвосте словно принюхивались к бледному зимнему небу тупорылые «максимы» пулеметной «счетверенки». Подтянутые, бодрые, отлично экипированные и вооруженные сибиряки на традиционный вопрос об их настроении заулыбались, отвечали чуть не хором:

— Наступаем, брат, бьем фашиста,— значит, настроение хорошее!

Еще дымятся под откосом разбомбленные отступающим врагом вагоны, еще горят подожженные им станции, а части наших железнодорожных войск уже энергично и самоотверженно трудятся на линии — ровняют насыпь, кладут на новые шпалы новые рельсы, сооружают временные мосты.

Через один такой мост на линии Калинин — Вышний Волочек провели мы свой поезд. Стояли сильные морозы, вода в реке наверняка промерзла до дна, и с русской смекалкой и смелостью железнодорожный путь проложили прямо по льду. Совсем неподалеку от взорванного оккупантами красавца моста вморожены в лед шпалы, к ним прибиты костылями рельсы, и медленно, осторожно эшелон тянется по этому непривычному полотну.

Возили мы теперь все чаще технику: танки, артиллерийские орудия, автомобили, «катюши», которые и под брезентом выглядели грозно со своими вздыбленными «рельсами». Это была мощь, и оттого радость, самая сильная, какая только могла быть в эту суровую, кровавую пору, переполняла сердце. Хотелось работать без устали. Сколько надо везти — три эшелона? Пожалуйста! Сколько суток нужно не спать — трое? Готовы! Для родной Красной Армии, для победы себя не пожалеем!

А мне вскоре горько не повезло. На станции Воскресенская стал править кувалдой клин сцепления тендера с паровозом, и металлический осколок ударил меня по глазу. Было железо, как ерш, все в заусенцах, и больно стало совсем нестерпимо. И все эта военная спешка випо-

вата: хотелось поскорей отремонтироваться и тащить эшелон на фронт. Схватился за глаз — чувствую: мокро на ладони. Так и вел дальше локомотив — зажав глаз рукой. Прибыли к месту назначения, и здесь я разрешил Федору перевязать мне лицо индивидуальным пакетом. Когда ехали назад, уже помощник стоял на правом крыле, а я на его месте маялся, хоть и старался вида не подавать. А на станции Сортировочная меня так скрутило, что прямо в глазную больницу свезли.

После всяких осмотров и консилиумов предложили мне врачи подписать бумажку, что я-де, такой-то, не возражаю против удаления поврежденного левого глаза, иначе может стать худо второму, здоровому... Делать нечего — слепым оставаться не хочется — расписался я.

Рискнули врачи совершить надо мной какой-то смелый и опасный эксперимент. И глаз спасли. Видеть им я стал хуже, но глаз все же был сохранен. И — что было не менее важно — мне разрешили водить поезда.

Вернулся я на паровоз.

Вызывает меня как-то внезапно Василий Романович Катков:

— Завтра, Саша, одевайся получше, в Кремль поедем. Нет, не шучу. Награды будут нам вручать.

Поехали. Нас три машиниста, группа слесарей, начальник депо и секретарь парткома. Вручил мне М. И. Калинин орден Ленина, поздравил. Постарался я не очень ему руку жать, как просил его секретарь. Посмотрел я внимательно на Михаила Ивановича: такой же он, как и все мы,— худой, усталый, невыспавшийся, но бодрый. А вскоре, после Сталинграда, когда война на запад повернула, силы и бодрости в нас прибавилось, но усталость — та еще не ушла. Уж больно тяжело досталась всему народу первая, самая тяжкая, половина войны. А теперь мы твердо знали: военное счастье нам уже до победы не изменит.

Мы — это те, кто на железных дорогах водил эшелоны сквозь вражеский огонь. Кто в огненных цехах на Урале сталь варил для «тридцатьчетверок», кто хлеб растил, кто нефть добывал, снаряды точил, в студеных морях рыбу ловил. Кто ребятишек в холодных классах учил. Это был настоящий трудовой фронт, неотделимый от фронта на передовой лицом к лицу с врагом. Мы его держали, тот фронт, все четыре незабываемых военных года.

П. М. Хоменко

ЗОЛОТЫЕ РЕЙСЫ

ХОМЕНКО Иван Михайлович. Родился в 1914 г. Член КПСС с 1947 г. Водитель I класса. Проработал на Колыме 32 года. Пенсионер.

Просмотрев мои документы, военком строго сказал:

— Немедленно назад, на Колыму. Работа в «Дальстрое» считается фронтовой. Таков приказ наркома обороны. Выполняйте.

В тот же день я двинулся в обратный путь, на восток. Всю дорогу до Владивостока с завистью поглядывал я на встречные, идущие с фронтовиками поезда. Клял свою врожденную невезучесть. Вспоминалось детство, упреки матери, крестьянки с Одесщины: «Все люди как люди, а у тебя все наоборот». Вещие слова. Как же, не унимался я в своем пустом купе, здоровый парень, только бы врагов бить, а ты с каждой минутой удаляешься в глубокий тыл...

И вот я снова на пароходе «Феликс Дзержинский». Десять дней назад он увозил меня из Магадана. А теперь я впервые усомнился, тыл ли Колыма. Близость нашей

морской трассы к Японии, тогдашнему союзнику гитлеровской Германии, давала себя знать. Не успели мы выйти из Владивостока, как с нами поравнялись военные японские корабли. Шли, все время держа нас под прицелом своих орудий. И пермский военком переставал казаться безнадежным формалистом. Но все-таки я грыз себя. Началась война, а меня гонят буквально против всеобщего течения. Иван Хоменко всегда был с народом. Об этом говорила моя не ахти какая, но все же биография.

Восемнадцатилетним пареньком по комсомольской путевке приехал на стройку первой пятилетки — московский «Шарикоподшипник». Тут меня, землекопа, послали учиться на водителя автомашины. Научили. Стал работать водителем. Сперва второго, а года через два и первого класса. На курсах я услышал про Колыму, край невероятно далекий, сказочно богатый, только еще начинающий осваиваться советскими людьми. Как же не побывать там, не поработать!

И вот 10 июня 1938 г. пароходом «Феликс Дзержинский» в Магадан прибыла наша группа водителей. В порту нас встретил начальник колымского строительства «Дальстроя». В коротком приветствии он сказал, что от нас, молодых водителей, Колыма ждет многого.

Возил я все. Технику, продовольствие, людей. Привыкал к необычным условиям Севера. На сотни километров протянулась колымская трасса, а за ее пределами на тысячи верст — бездорожье, горы, тайга, тундра, реки, ручьи и болота. Не успели мы оглядеться, как кончилось короткое колымское лето, грянули морозы и началась настоящая проверка характеров. Морозы в первую же зиму выжили из Колымы тех, у кого хребет оказался слабоват для этого края. Зато для тех, кто остался, край становился все более близким, интересным.

Незаметно входила в душу, привыкшую к жаркому солнцу Юга, к мягкости Подмосковья, суровая Колыма с задумчивыми, бескопечными грядами сопок.

Быстро пролетели три года, сплошь занятые освоением новых трасс, тяжелыми многонедельными рейсами в те самые зимы, о которых колымчане шутили:

«Колыма ты, Колыма,
Чудная планета.
12 месяцев — зима,
Остальное — лето».

Возможно, годы эти промчались потому, что и сам я не сидел на месте, всегда бывал в дороге.

Для себя я твердо решил: безвыходных положений не бывает даже на колымской трассе. Частенько повторял, несколько перефразировав, слова песенки: «Выбирайся, мол, сама».

Подошел к концу мой договорный срок. Тогда, в 1941 г., я явился в Магадан не для того, чтобы уволиться, а по вызову отдела кадров «Дальстроя». Меня, как орденоносца, по путевке «Дальстроя» направляли на учебу в Промакадемию в Москву. Вручили документы и билет на пароход, который отходил из Магадана 22 июня 1941 г.

Пароход уже готовился к отплытию, когда мы услыхали о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. И на Колыме люди встретили войну с готовностью грудью защитить любимую Родину, с твердой верой в победу.

Было 6 часов вечера, когда в городском парке культуры открылся митинг. Тут же началась запись добровольцев на фронт. Записался и я. Однако мне приказано было ехать по назначению в Промакадемию. Выезд на Большую землю, хотя бы и с такой путевкой, казался мне шагом к фронту. Вот, думал я, по пути в Москву, да и в самой Москве добьюсь от военных комиссаров отправки на фронт. С такими мыслями я и отплыл. В Перми, где жила моя сестра, я сделал остановку, чтобы с ней попрощаться. Там же обратился со своей просьбой к военкому... Но расчеты мои не оправдались: приказано было вернуться на Колыму.

И снова Магадан. Прошли считанные дни, как я покинул столицу Колымы, а ее уже не узнать. Город как-то посуровел. На улицах заметно поубавилось прохожих. Перемены объяснялись просто. Многие успели уехать на фронт, выехали члены их семей. Когда я вернулся, наш пароход ждала большая группа записавшихся на фронт. Не успели мы, пассажиры парохода, выгрузиться, как всех нас пригласили в городской театр. На сцену вышел тогдашний начальник «Дальстроя» И. Ф. Никишов и сказал:

— Всем отправиться по месту работы. Каждый должен быть там, куда его поставила Родина. Помните: и золото, и олово — это мощные удары по врагу. Это те же снаряды.

Так и стало все на свои места. Больше не думалось о своей поездке в западном направлении, о военкоме. Чего

горевать. Тут, в конце концов, тот же фронт. Сказано же: «Прекратить дезертирство с Колымы на фронт!» Не могу же я, опытный шофер, изучивший собственным горбом колымские дороги, подвести в такой момент.

Вспоминаю мой первый «военный» рейс. Нужно было доставить в Берелех, пункт, отстоящий от Магадана на сотни километров, экскаватор в разобранном виде.

Невзирая на все трудности военного времени, Родина делала все, порой отрывая от фронта, чтобы посылать сюда самое необходимое. Мы, водители, обязаны были в кратчайший срок, преодолевая все преграды, доставлять грузы по назначению. Это нигде не записывалось, но подразумевалось: отныне мы возим, по существу, боеприпасы.

Итак, экскаватор в разборе. Мне досталась почти 18-тонная машина со стрелой.

Есть одно известное среди водителей правило: все равны перед грузом. Нет сынков и пасынков. Получай груз по грузоподъемности машины. Если же примерно все машины одинаковы, а груз разный, негабаритный и неудобный, тогда жребий. Но случалось, доставался груз, что называется, на пределе, тогда шипи, диспетчер, расписку. Чем помогла бы эта расписка на перевале, где машина забуксовала, или при какой-нибудь аварии — неизвестно. И все же лучше иметь оправдательный документ в кармане. Может, и спасет он от любителей сваливать с себя ответственность. А такие иногда попадались.

Ничего этого теперь не было. Водители сами участвовали в погрузке. О жеребьевке, расписках и прочих вещах даже не помышляли. До этого ли было! Каждый старался взять груз побольше. Лишь бы не рассыпалась машина. И когда я сказал, что мне достался груз, то это надо понимать так: я доказал, что он лучше всего подходит для моего переоборудованного «ЯАЗ»-площадки. Машина как раз и замышлялась для перевозки таких крупногабаритных, тяжелых грузов: экскаваторов, тракторов, даже паровозов, правда узкоколейных. Словом, для нашей колымской тяжелой артиллерии.

Грузились в Магаданском порту круглосуточно. Менялись грузчики, а мы, водители, оставались на месте круглые сутки. Прикорнешь где-нибудь на часок — и опять на «линию огня».

Погрузка тяжеловесов без портальных кранов (их в ту пору еще не было в порту) — дело не простое. Сгружались

такие грузы корабельными лебедками. А вот грузились на машины с помощью целого набора талей, лебедок, домкратов, а больше вручную.

Мой переоборудованный «ЯАЗ» мог взять 13—14 *т*. Для большей устойчивости поставили дополнительный мост, названный острословами «протезом». Он и в самом деле напоминал протез, потому что не имел передачи. Как и всякий протез, его не сравнишь со здоровым органом. Пока все идет хорошо, он вроде на месте. А вот случилось что-нибудь, например засел в яму, канаву,— и протез только мешает. Но об этом разговор впереди. Во всяком случае, те, кто ставил «протез», исходили из лучших побуждений.

Итак — грузимся. Выложили так называемые колодцы, этакие схожие со срубами клети. На них буквально по сантиметру надвигается тяжелая кабина экскаватора и наползает на площадку моего «ЯАЗа». Тут только гляди, чтобы не перекосило, не упускай из виду и давление в баллонах. С опаской посматривают грузчики на все это сооружение. Чего тут только нет! А кабина тем временем, как шутят грузчики, хоть пищит, а лезет. И шутка вроде помогает. Не так трещит от напряжения голова, отходит вызванная бессонницей усталость. Но все кажется, что застыла, как заколдованная, кабина. Начинаешь нервничать, а от этого еще медленней идет дело.

Нервничают и мои коллеги — два водителя, которым достались другие узлы экскаватора. Они уже погрузились и могли бы трогаться, но ждут меня, своего бригадира. У меня и опыта побольше, и дороги колымские я знаю лучше.

Рейс — далекий. Начинал работать новый прииск по добыче «первого» и «второго» металла (так называлось золото и олово). Я хорошо знаю, как нужны там наши грузы. И, может быть, поэтому никакой темп не кажется мне достаточным. Все, думается, тянем. Хотя, как сказал кто-то, еще месяц назад эти темпы погрузки считались бы вполне стахановскими. Теперь они не устраивали.

Тронулись. И вот я снова вижу эти долины, окруженные уходящими на край света мягкими волнами сопок. По борту журчит речушка с каменистыми берегами. Сколько их, безымянных, прорезает суровую колымскую землю! Не ведала, не знала такая безымянка, сколько ей будет вдруг

оказано чести из-за запасов благородного металла, которые найдены неподалеку разведчиками-геологами. Год-два назад добрались сюда первые приискатели. Свой несложный скарб они провезли, пока хватало дороги, на грузовиках, а потом по воде баркасами, затем по тундре их тащили олени. На последних, самых тяжелых километрах выручала собственная спина. Груз этот — палатка, пилы, топоры, ломы, колеса для тачек, бочка керосина, мука, сухари, консервы. Для начала хватит.

Пока первые приискатели добирались, пока расчищали площадку, ставили жилье — палатки, кончилось залетное колымское лето. Грянули морозы. Термометр стал показывать минус 50° и ниже. Как челюскинцы, обкладывали палатки снежной стеной, из пустых железных бочек сооружали печи.

Но приближалось время добычи золота. Поднялись на сопки, нарубили тощих стволов лиственниц. Складывали костры и жгли их на местах будущих забоев. Под кострами промерзшая земля оттаивала. Это позволяло снимать верхний слой пустой породы, так называемые «торфа», обнажая золотоносную породу — «пески».

С первыми теплыми днями начинался промывочный сезон. Тут нельзя терять ни минуты. На Колыме, как редко где на земле, выражение «время — золото» можно понимать буквально. Промывка не ждет. А много ли наработаешь вручную!

На каждом таком вновь открытом приске ждали нашу могучую технику. Она шла на смену тяжелому, малопроизводительному труду с кайлом, ломом, лопатой, тачкой. К таким приискам и держала путь наша бригада.

В ушах в это утро звучала нерадостная сводка Совинформбюро. Красная Армия, нанося врагу большие потери, вынуждена была оставлять города. Бои шли уже неподалеку от моей родной Одесщины. От этого горестного сознания тверже сжимала рука руль, острее впивался глаз в капризную дорогу.

Наверное, езда моя не внушала уверенности пассажиру в кабине. Может быть, скорость при таком грузе и в самом деле была рискованной. Честно говоря, я этого не чувствовал. Мысли были далеко, и я еще не выработал в себе необходимого спокойствия. Это и почувствовал севший в Магадане ко мне в кабину попутчик. Он, как говорится, запросил пардону:

— Знаешь, Хоменко, я лучше перейду на одну из других машин. У тебя больно раскачивает, как на море. Нервы не выдерживают.

Что верно, то верно. Эта высокая кабина экскаватора устроила и впрямь невероятную качку. Того и гляди перевернет машину.

Я, понятно, не стал уговаривать попутчика остаться, но скорость снизил. На развилке своим коллегам уступил место, пропустил вперед. Вскоре они скрылись за поворотом дороги. Так на средней скорости я и двинулся. Вскоре встретились мои старые знакомые — мосты, прозванные водителями чертовыми. Их много, на живую нитку переброшенных через речушки. Когда прокладывалась трасса, никто особенно вдаль не заглядывал. Грузовички были в общем нетяжелые. И мосты служили честно. Но вот появились грузовики потяжелее, и мосты затрещали. Их стали переоборудовать, а тут — война. Теперь каждый такой мост ставил передо мной вопрос: выдержит ли? Со своими товарищами я условился, что на каждом «благополучном» мосту они оставят знак. Но ведь их машины легче...

Вот дорога пошла лесом, и новая преграда стала на моем пути. Дорога петляла под многочисленными арками склонившихся, нависших деревьев. Чтобы какая-нибудь такая арка не зажала высокую кабину со стрелой, деревья иной раз приходилось рубить. Так я стал в этом рейсе еще и лесорубом.

Первый военный рейс длился месяц.

Второй такой рейс имел свои трудности. Правда, на сей раз не было негабаритного груза. Был компактный узел экскаватора. Но время настало дождливое, и многие речушки преобразились. Стали до того полноводными, что скрыли под водой и мосты. Приходилось простаивать перед иным мостом в ожидании спада воды и сутки, и двое...

Вернулся из этого рейса в Магадан, а уже в воздухе замелькали белые мухи. А там нагрянула первая военная зима. Все реже раздавались в Магаданской бухте простуженные голоса пароходов. Стало дефицитом горючее. Те пароходы, что приходили, возили грузы поважней, хотя, кажется, что́ может быть важней горючего!

Над Колымой нависла угроза, какой еще не бывало. Автомобильный транспорт, как говорили на Колыме,— это все. Без него нет ни золота, ни хлеба, ни тепла, ни самой жизни.

Но не таковы большевики, чтобы пасовать перед трудностями. Началась невиданная битва за быстрый перевод колымского автопарка — а это тысячи машин — на газогенераторы.

Отрезанная от внешнего мира, Колыма целиком за счет внутренних ресурсов должна была проделать работу невиданных масштабов. Предстояло изготовить такую номенклатуру изделий, которая оказала бы честь крупному промышленному центру на Большой земле. Вот далеко не полный список изделий: тысячи обработанных головок моторов, топливников, бункеров, фильтров, всевозможных аккумуляторов, электромоторов для вентиляторов...

Мощность имевшихся в ту пору на Колыме авторемонтного завода и нескольких мастерских была явно недостаточной. Не хватало и металла. Был объявлен всеобщий поиск резервов. И вот уже сварщики принялись превращать в лист опустевшие баки и цистерны. На базе вулканизационного цеха при автобазах пустили производство регенерации смазочных материалов и резины.

Благодаря мужеству, новаторству колымчан здесь был создан ряд производств, о которых раньше и не мечтали. Подлинным подвигом явилось создание в ту пору стекольного завода. Я частенько заезжал туда к знакомому механику Михайлычу. От одного рейса к другому видел, как набирал силу этот завод. Диву даешься, как умудрились люди выпускать такой широкий ассортимент стекла. Здесь делали листовое стекло для парникового хозяйства Колымы. А надо знать, что такое свежие овощи в условиях Крайнего Севера. Их могли дать только парники. Завод наладил ремонт электроламп. Мы, водители, с помощью этого стеклозавода получили автофары: белые и, помня о соседстве с Японией, сине-голубые — для работы в условиях затемнения.

Итак, в невероятно короткие сроки колымские умельцы переоборудовали бóльшую часть автопарка. Машины оснастили газогенераторами. Забегая вперед, скажу, что после окончания войны колымская конструкция генераторов получила высшую оценку на ВДНХ. Остались, однако, печальные отметины той поры — вырубки вместо густых некогда лесов вдоль трассы. Но не наше военное поколение колымчан в долгу перед северными лесами. Война тому виной.

Я продолжал работать на своем тяжеловозе. Этим машинам, как бы в компенсацию за их большегрузность, выкраивался «паек» горючего. Уж и не знаю, из каких НЗ его брали, но только в рейс мне разрешали брать трех-четырехкратный его запас.

Еще до войны на приске «Чай-Урья» использовали экскаватор для разработки золотоносных песков. Мне и моим товарищам-тяжеловозам приходилось иметь дело почти исключительно с этими агрегатами. Вот и сейчас предстояло везти узел экскаватора в один из самых отдаленных районов Колымы, где-то по соседству с Якутией.

Шел я по автозимнику до Аркагалы. Здесь кончалось то, что хоть отдаленно можно было считать дорогой. Дальше на многие сотни километров пролегла неизведанная тайга и тундра. Шел по прокайленному грунту и льду рек. Это и есть трасса автозимника.

Экспедиция наша состояла из трех тяжеловозов. На всякий «пожарный случай» нам была придана машина «техничка». Руководил экспедицией инженер А. Герштейн, которого еще тогда величали ветераном Колымы. «Техничка» «держала» нас на спусках с перевалов, тянула на подъемы. Такое подспорье было далеко не лишним. Тяжеловозы при всей своей кажущейся солидности имели немало слабых мест. Одно из них — тормоза. Они были не вполне надежны, эти механические, а не гидравлические тормоза. Тоже и двигатель. Он хоть и стосильный, а крутой, да еще и обледеневший подъем самостоятельно не брал. И вообще мы, колымские водители, считали, что стосильным этот двигатель оставался на наших дорогах только один день.

Как брались эти подъемы? Об этом стоит рассказать. Бывало, разгонишь машину, но, не дойдя буквально нескольких метров до гребня, она забуксует и, набирая скорость,идет назад. И так целыми днями и ночами. Не всегда поблизости оказывалась и «техничка». Так на каком-нибудь перевале и воюешь несколько суток.

В тот раз до Индигирки шел месяц. Жил в кабине, которую оборудовал железной печуркой. И именно тогда у меня полетел, по-видимому, не выдержав мороза, редуктор. Пришлось пропустить впереди себя товарищей, а самому ждать две недели среди белого безмолвия.

Пишу эти строки и думаю о том, поймут ли нынешние колымские водители, сменившие нас, стариков, мое тог-

дашнее состояние. Ныне тоже случаются у водителей аварии. Но теперь — другое дело. Водителю обязательно, причем быстро, помогут. Сообщат в ближайший пункт и выпилют трактор, бульдозер, автокран, наконец, вертолет. В ту пору ничего этого не было. Приходилось рассчитывать исключительно на свои силы. Конечно, в ту пору любой водитель пришел бы на помощь. Но можно ли допустить, чтобы из-за тебя еще одна машина выбилась из железного графика военного времени. Я же и без того заморозил две машины: свою и экскаватор, узел которого вез. Конечно, с попутной машиной я мог бы вернуться на автобазу. А что станет с моим грузом и машиной? Да и «техничка» ушла с двумя машинами вперед. Я решил ждать редуктор, настрого наказав с одним водителем не беспокоить слесарей, которых и на базе не хватало. Сам решил разобрать машину, приготовиться к смене редуктора.

Прошли годы, но я до сих пор не могу не удивляться тому, как удалось тогда одному проделать работу целой бригады в самых немыслимых условиях. Не думаю, чтобы мой опыт кому-нибудь пригодился, поэтому опускаю подробности. Скажу только, что помог мне грандиозный «ташкент» (так называли колымчане большие, жаркие костры). В лучах этого «ташкента» я мог даже без рукавиц орудовать гаечным ключом, отвертками.

Но бывало, что и костер не помогал. Выдастся ветреный день, и тут, как у нас говорили, закуривай. Вздремнешь в кабине и тут же вскакиваешь. Все чудится шум машины, которая везет редуктор. Убедившись, что никого нет, уже не возвращаешься в кабину. Работаешь, хоть пальцы не гнутся, прикипают к стылому металлу.

Редуктор привезли через две недели.

— Ну и задал ты жару,— сказал мне водитель, доставивший редуктор.— Перерыли всю базу, все склады, даже в металлоломе копались. Нигде ничего. Случайно кто-то вспомнил об одном списанном тяжеловозе твоей марки. Там, по счастью, оказался нестарый редуктор. Получай. Да ты все подготовил!

Этот водитель помог мне поставить редуктор, и я двинулся в путь.

Так в этом рейсе я пробыл месяц. Говорили, что мне повезло.

Я уже не помню всех своих поездок в те годы. Порой кажется, что это был один нескончаемый рейс.

...Где-то, на каком-то дорожном пункте, бригадир на замасленной бумажке набросал эскиз трассы. Нас — две машины. Везем технику. Зима в полном разгаре, морозов не выдерживает даже металл. Еще во время погрузки лопнула рама. Пришлось заварить. В дороге сдавала резина. В сильный мороз она теряла свое важное свойство — сцепляемость. А дорога — либо крутой обледеневший подъем, либо зеркальная гладь замерзшей реки. На подъемах прихватишь машину тормозами, а сам кайлишь до земли. Работаешь и впрямь до седьмого пота. В одном пиджачке, а от тебя пар валит. Так метр за метром подъема. Следует добавить, что дорога шла по узенькой полоске, круто обрывавшейся в низину. Видимо, у дорожников, прокладывавших трассу, не было другого выбора. Разные на этом месте приходили на память водителям аналогии: и мертвая петля, и цирковые номера, вроде баланса на проволоке. Но об этом здесь не хотелось задумываться. Лучше по ту сторону перевала, в конце пути. А тут знай бери подъем.

И все же этот подъем я взял. А в десятке километров меня ждал другой. Я говорю «ждал», потому что эта дорога была новой, ее только пробили. И здесь все повторилось. Снова разгон, и снова на самом невыгодном месте машина забуксовала и попятилась назад.

Еще довоенный опыт научил меня: как только машина забуксует, мгновенно включай заднюю скорость, а сам становись на ступеньку и одной рукой управляй. Без этого разобьешься. В этом смысле несколько напоминаешь сапера, имеющего дело с минами: как и они, водители в такой ситуации ошибаются только один раз.

Это не просто — манипулировать тяжеловозом, вырвавшимся из подчинения, когда по одну сторону скала, а по другую на расстоянии одного метра обрыв к реке. К тому же внизу, совсем недалеко, ползет другой тяжеловоз, с которым надо суметь с разбегу не «поцеловаться».

Но и этот перевал, быть может с двадцатой попытки, удалось взять. Здесь я глянул вниз и замер. Такого крутого спуска я еще не видел на колымских дорогах. Как спуститься? Решил дождаться водителя, что внизу. Вышел с киркой на дорогу, сбил обледенения, подсыпал песку. Все это помогло его машине взять подъем.

Во время перекура я спросил водителя, что он думает насчет такого спуска. «Может, сцепимся, у тебя груз полегче, ты вторым пойдешь, будешь подтормаживать, а я на пониженной скорости...»

Водитель не торопился с ответом; видимо, мое предложение ему не очень было по душе. Нехотя полез за веревками (троса в ту пору не хватало), стали привязываться. С кирками прошли наиболее опасные места спуска, посыпали песком, условились о скоростях.

На гребне в мою кабину сел попутчик — бригадир дорожной бригады. Он чуть не стал причиной моей гибели.

Начали спускаться. Замечаю, что машина с каждым метром увеличивает скорость. В чем же дело? Ведь я включил первую скорость, прихватил тормозами... Пока я так раздумывал, она, как обезумевшая, разогналась и без оглядки помчалась вниз. В этот момент мой пассажир почему-то схватился за руль, пытаясь что-то сделать. Мне не оставалось ничего другого, как не очень вежливым приемом привести его в чувство. Включил скорость, нажал на тормоза так, что визг раздался на всю округу, и так усмирил свой тяжеловоз. Спустился и тут только заметил, что машина моего напарника стоит с оборванными веревками наверху, упершись мотором в скалу.

Но вот спустился и он. Спрашиваю его:

— Что же ты, друг, оборвал постромки, разве так поступают товарищи?

Последовал странный ответ:

— Ты же все равно летел в пропасть, зачем же и мне за тобой? Вот я и крутанул в сторону.

В дальнейшем, когда формировались экспедиции из нескольких тяжеловозов, я старался с ним не напарничать. Он как-то спросил:

— Почему?

Я сказал:

— Не со всяким можно ходить в разведку.

Должен сказать, что не только за всю войну, но и за 32 года работы на Колыме это был у меня единственный случай. Вероятно, потому он и запомнился. Нормой поведения были самопожертвование, взаимовыручка, настоящее товарищество.

Типичными водителями военного времени были такие, как Иван Самохвалов. Как и мне, ему было отказано в отправке на фронт.

— Твое место здесь,— сказал ему военком. И добавил: — Будет не легче, чем на фронте. Это я тебе обещаю.

Все, что я рассказал о своих рейсах, он мог бы рассказать и о своих. Но порой ему выпадали рейсы похлеще. Ведь он водил пятитонный газген. А, как уже сказано, эта машина уступала моей в мощности.

На своей машине Самохвалов возил из угольной Аркагалы топливо на Кулинскую электростанцию. Путь в сотни километров пролегал по притоку Колымы Куле. Дорога ледяная, петляет между берегами реки. Самохвалов вел машину осторожно. Когда ведешь газочурочную машину, ты должен быть весь зрение и слух. Слушай внимательно, чтобы по рокоту мотора определить, не погасла ли чурка. Тогда ее часами не раскочегаришь. От этого двойного напряжения водитель быстрее устает. Устал и Самохвалов, вторые сутки не выпускавший руля.

Колымскую зиму обычно представляют себе лютой, арктической: мороз под 60°, стужа если и отпускает, то для того, чтобы уступить место пурге. Он не прост, колымский климат. Как мы говаривали между собой, вдруг возьмет да и перепутает всю географию. Так случилось и на сей раз. Мороз жал под —50°. Самохвалов ощущал его в своей неотапливаемой кабине. Вроде бы нет оснований для беспокойства: значит, лед крепок. Но вот с некоторых пор он заметил, как густой туман стал окутывать близкие сопки, у подножия которых петляла Кула. Вот туман сел и скрыл очертания берегов реки. Водитель включил фары. Они осветили дорогу только на несколько метров впереди. Казалось, что берега где-то совсем рядом. Напряжение увеличилось. Известно: если мозг сосредоточится на одном, он непременно упустит другое. Так случилось и с Самохваловым. Он не заметил, что туман ползет откуда-то снизу, чуть ли не из-под колес. И вот уже сквозь ровный гул мотора стали доноситься звуки, холодящие душу. Он ведет машину по воде. Из-под ее колес летят брызги. На лету они превращаются в ледышки, пулеметными очередями барабанящие в стекла кабины. Самохвалов остановил машину, открыл дверцу, и ужас охватил его. Машина стояла в какой-то жиже. Он попал в наледь. Так называют здесь воду, которую из-подо льда выжимает сильный мороз. В самые лютые колымские морозы — 50° и ниже — из-под насквозь промерзшей земли или из-под покрывшего реку льда выбиваются струи воды и, дымясь мороз-

ным паром, заливают трассу и с трудом проложенный зимник.

Появление наледи именно в самые сильные морозы объясняется промерзанием насквозь тех подземных или подледных русел, по которым текут потоки воды. Встречая на своем пути неожиданное препятствие, водяной поток вырывается наружу, образуя наледь. Горе попавшему в это ледяное половодье! Сперва промочит насквозь, а затем проморозит насмерть. Одно спасение — вперед. Водитель включил мотор, но колеса, успев обледенеть, забуксовали. Машину начала засасывать густевшая на глазах жижа. Вот уже в последний раз чихнул и остановился мотор. Вода просочилась в кабину. Конец? Он ясно представил себе, как останавливается электростанция, гаснет свет, люди даже не смогут слушать по радио сводок Информбюро.

Дорогу Самохвалов знал. Прикинул, что тут не так уж далеко. Ему даже казалось, что он слышит доносящийся откуда-то из-за сопок стук движка.

И Самохвалов зашагал, утопая по пояс в ледяной жиже. Он шел, грудью прокладывая себе дорогу. Шел, несмотря на кажущуюся близость цели, очень долго. Одежду его и валенки сковало льдом. Не раз покидали его силы и дорога безудержно манила к себе, словно теплая постель. Хотелось броситься в нее и спать, спать, а дальше будь что будет. Нечеловеческим напряжением воли он сбрасывал с себя мертвящее оцепенение и продолжал шагать. Где-то на грани сознания ему почудились огоньки. Он рванулся на берег. Протер глаза и явственно различил огни.

Он уперся в какую-то дверь, переступил порог и, теряя сознание, шепнул:

— Там на реке... машина...

В «самохваловские» переплеты попадал не один водитель. Особенно часто в военные зимы. Да оно и понятно. Прокладывались новые трассы, поведение рек не успевали изучить, да и зимы бывали какими-то особенно капризными. Не зря наледи, это зло колымских дорог-зимников, мы, водители, называли гитлеровскими союзниками.

Попадал в наледь и я. Только мое положение отличалось от самохваловского тем, что мне и податься было некуда. От человеческого жилья в обе стороны многие десятки километров. Идти некуда, да и бросить машину нельзя. Скует льдом, ее потом никакими силами не вы-

рвешь. Для меня единственный выход — самому вырывать ее из ледового плена. Но как?

В отличие от Самохвалова я провалился в наледь не на Куле, а на Индигирке. Конечно, после войны даже там, на Крайнем Севере, появилась крепкая дорожная служба, дороги проверялись, опасные места огораживались, хотя это тоже не всегда гарантирует безопасность. Тогда, кроме случайной встречи или попутной машины, рассчитывать было не на кого. Индигирка буквально была краем света. И вот на этой-то безлюдной реке пришлось «загорать» в наледи. Проезжавшие стороной друзья предлагали помощь, но чем они могли быть полезны? Я только просил у них на всякий случай запасную канистру горючего и немного хлеба. Мне не отказывали, и я продолжал выкарабкиваться. Как? Забегая вперед скажу, что через некоторое время этот способ местная газета назовет «хоменковским». А сводился он к следующему.

Вот стоит моя машина в наледи. На поверхности ее образовалась ледяная корка, в которую прочно вмерзли колеса автомашины. Надо высвобождаться из ледяного плена. Беру в руки лом, начинаю обкалывать лед. Сначала по неопытности бил ломом без расчета. Вот, кажется, совсем почти высвободил колесо из ледового плена. Еще удар — и колесо будет на свободе. Не тут-то было! Очередной удар — и из-под лома брызгает вода, она мгновенно заливает вырубленную вокруг колеса лунку. Теперь жди, когда она снова промерзнет, и начинай сначала.

Постепенно наловчился регулировать силу ударов. Бил так, чтоб и лед откалывался, и вода не пробивалась наружу.

Тогда я не очень разбирался в разных ученых словах. И вот когда мне много лет спустя попалось слово «оптимальный» и кто-то пояснил его значение, меня осенило: ведь именно тогда, в наледи Индигирки, я выработал «оптимальный» удар ломом...

Но вот колеса больше чем наполовину освободились от ледяных оков. Я завел мотор и включил заднюю скорость. Остатки льда потихоньку начали отваливаться. С помощью проезжавших мимо машин выкатил машину на лед. Так мне удалось освободиться от льда с наибольшей экономией сил. Правда, на это ушел почти месяц, и, как уже однажды было, мне говорили, что я все-таки везучий. Другие так легко не отделывались.

Добрался до приска. Тут мне не сразу дали прийти в себя. Оказывается, меня ждали мало сказать с нетерпением — с жадностью. Целой бригаде приисковиков я снился по ночам. Не столько я, сколько моя... махорка. Да, те самые пятьдесят граммов табаку, которыми по особому приказу награждался водитель, преодолевший тяготы дороги и доставивший в порядке груз. В те годы махорка была настоящей премией. О ней даже не скажешь, что она на вес золота. Приисковики имели дело с золотом, его было, как говорят, навалом, а табака у них не было. Из рук в руки пошли цигарки, радость была неописуемой.

— Как же ты выглядишь, добрый человече,— говорили мне. Дело в том, что лица моего, покрытого копотью, не было видно. Сверкали одни глаза и зубы. Долго пришлось мне отмываться, бриться и стричься, прежде чем в зеркале я увидел нечто на себя похожее.

...Где-то собирались пустить узкоколейную дорогу. Мне достался для перевозки паровоз. Снова на крутом подъеме я буксовал. Снова пытался брать с разгона. Выручила меня попутная полуторка, водитель которой предложил взять мой тяжеловес на буксир. Поначалу я подумал, что он шутит. «Слон и моська» — вертелось у меня на языке. Чтобы не обидеть парня, я согласился. Недолго думая, он объехал меня и привязал к крюку неизвестно где добытый трос. Рванули как по команде и с ходу взяли перевал.

— Ура,— закричал этот веселый парень, когда мы взяли подъем,— пятеро на перевале!

— Почему пятеро? — спросил я.

— Нас двое, тяжеловоз, полуторка и паровоз.

Он уехал, довольный своей шуткой. Так я и не узнал его имени, я даже не успел сообразить, как же полуторка смогла с такой легкостью вынести тяжеловоз на такую кручу. Очевидно, с ее помощью и прибавилось ровно столько силы, сколько не хватало моему мотору.

Я доставил паровоз на место. Будущий его машинист участвовал в разгрузке. Полушутя-полусерьезно он сказал мне:

— Вот разведу пары, первый свисток — в честь тебя.

— Это зачем? Ты лучше погуди в честь того водителя, что своей полуторкой вытащил меня на перевале.

Я уехал отсюда только через двое суток. Нужно было кое-что подтянуть в моторе, сменить камеры. Когда я уже был по другую сторону сопки, до меня донесся гудок

паровоза. Но он почему-то показался мне каким-то печальным.

По дороге узнал я горькую весть о смерти моего друга Аркадия Зубокрицкого, погибшего неподалеку. Он водил сверхтяжелый американский «даймонд», плохо приспособленный к колымским дорогам. На перевале «даймонд» забуксовал и, не подчиняясь тормозам, понесся на встречную машину. Чтобы предотвратить столкновение, Аркадий круто повернул, машина опрокинулась и вспыхнула. Водитель выскочил, но тут же бросился в кабину: там оставалась женщина-пассажир. В это мгновение взорвался запасной бак, водитель успел спасти женщину, а сам кинулся тушить машину, забыв о своей насквозь пропитанной горючим одежде. Он умер тут же, на перевале...

В те годы часто звучала в исполнении джаза Леонида Утесова песенка об экипаже военных летчиков, которые умудрялись летать «на честном слове и одном крыле». У нас, колымских водителей той поры, песенка эта пользовалась большой популярностью. Вероятно, потому, что у каждого из нас были свои полеты «на честном слове».

Кто поверит, например, что можно на тяжелой грузовой автомашине проехать несколько сот километров с поломанным коленчатым валом мотора? А ведь был со мной такой случай. Застучал в пути мотор моего тяжеловоза. Этот стук в моторе, когда за окном кабины жесточайший мороз, прямо скажу, не ласкает слуха. Определить точно причину стука я не смог. Менял скорости, менял обороты — стучит! Но вот на каком-то режиме стук как будто стал поменьше. Что делать? «Припухать» посреди трассы под завывание пурги? Ждать оказии, чтобы привезли новый мотор? Пробую мотор. Стучит, но то ли ухо мое перестало тонко слышать, то ли потише действительно стал стук мотора... Двигаюсь потихоньку и, преодолев 350 *км*, добираюсь до базы. Здесь вскрывают мотор, и — о ужас! — коленчатый вал сломан. Таков был полет «на одном крыле»... Начальник мой для порядка влепил мне выговор. Потом, разобравшись, отменил. Но премии все-таки лишил. Хоть время было военное и груз важный, все-таки, вероятно, он был прав: для всякого риска есть предел.

А вот особо запомнившийся рейс. С далеких рудников возвращался в Магадан. Уже совсем близко до дома — две сотни километров. Только преодолеть один перевал — а там поселки: Карамкен, Палатка, Стекольный, 47-й кило-

метр, 23-й и дом, семья, тепло, ванная — все, чего не видел, почитай, три месяца трудного рейса. Как вдруг, по-колымски нежданно и свирепо, надвинулась пурга, да такая, что и по здешним местам редкая. Ни тракторы, ни отряды дорожников не могли пробить снежные завалы. Дорога закрыта. Диспетчер поселка Атка, что на 208-м километре, не отмечает путевку. Уже очередь машин выстроилась в ожидании, пока откроется дорога. Неужели сидеть здесь, ждать у моря погоды?

Решаю пробиваться самостоятельно. Двигаюсь вперед, подхожу к заснеженному перевалу, присоединяюсь к дорожникам, вместе с ними орудую лопатой, медленно продвигаемся вперед. Все-таки побеждаем пургу! Пока очищается один километр дороги, я продвигаюсь вперед, а пурга снова заваливает снегом только что пройденный участок, и для тех, кто ждет открытия дороги, она все еще закрыта. А я опять за дорожниками, опять лопатой расчищаю дорогу и, не дожидаясь, пока пурга снова занесет расчищенный участок, пробиваюсь вперед. И всего-то три километра самых трудных, а пробивались мы двое суток. Однако пробились на чистое место. Повел я машину к Магадану, пришел на базу, а там ахают — как это да откуда ты? Дорога закрыта наглухо, а ты по воздуху, что ли? Или чувствовал, какой нынче день у нас? Глянь, что на улицах Магадана творится!

Измученный, закопченный, промороженный, я вышел из кабины и глянул на улицы Магадана. Суровые, обветренные мои земляки — колымчане толпятся, совсем по-южному обнимаются, целуются, пляшут по колено в снегу.

Люди ликовали. Вместе со всей страной переживали счастье Победы.

Было 9 мая 1945 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Б. Н. Черноусов.
ПОДВИГ МОСКВЫ 9

П. Ф. Тарапичев.
РУБЕЖИ КРАСНОПРОЛЕТАРЦЕВ 19

А. А. Громов.
ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ «ГПЗ-1» 35

А. А. Лезина.
СНАРЯДЫ ИЛЬИЧЕВЦЕВ 45

Ф. А. Прцежкнюк.
НА ЗАВОДЕ «ДИНАМО» 60

Л. С. Ганичев.
ЧУДО НА НЕВЕ 73

Г. Д. Гогиберидзе.
ЭШЕЛОНЫ ИДУТ НА ВОСТОК 97

М. А. Водолагин.
СТАЛИНГРАДСКИЙ АРСЕНАЛ 112

Б. Л. Ванников.
ВЫИГРАННЫЕ СРАЖЕНИЯ 143

Н. Э. Носовский.
БОГ ВОЙНЫ 162

М. З. Олевский.
СТО ТЫСЯЧ ПУШЕК ОДНОГО ЗАВОДА 184

В. С. Борушко.
УРАЛЬСКАЯ «КАТЮША» 209

М. Л. Галлай.
ОГОНЬ НА СЕБЯ 219

П. И. Смеляков.
В ПРИФРОНТОВОМ ПОДМОСКОВЬЕ 233

В. С. Емельянов.
ТАМ, ГДЕ ИЗГОТОВЛЯЛИСЬ ТАНКИ 248

Е. Э. Рубинчик.
СОРМОВСКИЕ «Т-34» 261

П. С. Пешкин.
СТАЛЬ БРОНЕВАЯ, МАГНИТОГОРСКАЯ 292

К. М. Хмелевский.
НА ПОРОХОВОМ ЗАВОДЕ 319

С. М. Новицкий-Михалев.
НОРИЛЬСКИЕ ПЛАВКИ 334

А. В. Гориков.
ВСПОМИНАЯ ГОДЫ ВОЙНЫ 344

А. П. Прасолова.
ХЛЕБ — ФРОНТУ 349

П. П. Соколов.
В БОРЬБЕ ЗА ХЛЕБ 356

П. Е. Панченко.
СПАСЕННЫЕ СТАДА 365

П. В. Парамонов.
ГРОЗНЫЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ ГОДЫ МОСБАССА 373

Г. М. Зельберг.
МАЙКОП — УХТА 389

А. П. Жарнов.
СКВОЗЬ ОГОНЬ 398

П. М. Хоменко.
ЗОЛОТЫЕ РЕЙСЫ 412

КУЗНИЦА ПОБЕДЫ

Подвиг тыла
в годы Великой
Отечественной
войны

Очерки
и воспоминания

Заведующий редакцией
В. Т. ПИСКУНОВ

Редактор
М. А. РАБИНОВИЧ

Младший редактор
С. Е. БАСИНА

Художник
Б. Н. ЮДКИН

Художественный редактор
С. И. СЕРГЕЕВ

Технический редактор
Ю. А. МУХИН

Сдано в набор 25 января 1974 г.
Подписано в печать 6 июня 1974 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 23,94. Учетно-изд. л. 24,56. Тираж 85 тыс. экз.
А00157. Заказ № 3212. Цена 1 р. 05 к.

Политиздат.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

5171

КУЗНИЦА ПОБЕДЫ

ПОДВИГ ТЫЛА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ